

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2015 Том 21

№ 6

Ноябрь – Декабрь

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2015 Volume 21

№ 6

November – December

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literature Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Майоров А.А.**
Древние вятичи и их особое место
среди восточнославянских племен IX–XI вв.
- 13 **Буслаева О.С.**
Участие общественности в развитии женского среднего
образования в России в конце XIX – начале XX вв.
(на примере Владимирской губернии)
- 16 **Турьгин А.А.**
Эволюция внешнеполитических взглядов пангерманцев
во время Второго марокканского кризиса
- 20 **Сулоев И.Н.**
Социально-политический облик активного крестьян-
ства в 1905 – первой половине 1906 гг.
(на материалах Костромской и Ярославской губерний)
- 24 **Волков Д.А.**
Взаимоотношения студенчества и местных органов
власти Верхнего Поволжья в годы Гражданской войны
- 29 **Кочешков Г.Н.**
Развитие аграрного движения в России: проблемы вза-
имоотношений частных земельных собственников
с крестьянством (март–октябрь 1917 г.)
- 33 **Скипина И.В., Чекрыгина Е.А.**
Документы 1930-х гг. о спецпереселенцах на Обском
севере в фондах Государственного архива
Тюменской области
- 37 **Абовян Е.Н.**
Активизация партизанского движения на территории
Брянского региона в период
с мая 1942 г. по февраль 1943 г.
- 43 **Никитин Д.И.**
Сокращение минерально-сырьевой базы
Челябинской области в 1960-х гг. как фактор
сдерживания социально-экономического развития
- 46 **Сазонов Д.И.**
Брежневские гонения на Церковь
(по материалам Центральной России)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 51 **Шишкова И.А.**
Роль детского чтения в нравоучительной повести
Чарльза и Мэри Лэм «Школа миссис Лестер»
- 56 **Муратова Я.Ю.**
«Гяур» Байрона:
место поэмы в «восточном цикле»
- 61 **Тихомиров В.В.**
Жанровое своеобразие комедии А.Н. Островского
«Горячее сердце» в рецепции литературной
и театральной критики и литературоведения
- 65 **Хохлова М.П.**
О роли литературных реминисценций и аллюзий
в повести И.С. Тургенева «Первая любовь»
- 70 **Андреева В.Г.**
«Шаг за шагом» И.В. Омулевского –
роман о «новых людях» в литературном процессе
второй половины XIX века
- 73 **Федотова А.А.**
Евангельские аллюзии
в историко-публицистических очерках Н.С. Лескова
- 77 **Копцов А.Н.**
Поэтика северного текста русской литературы
в рассказах А.С. Серафимовича 1889–1890 годов
- 82 **Егоров М.Ю.**
Неизвестная драматургия третьей волны эмиграции:
комедия Ю.В. Кроткова «Наполеон и Акула»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **A.A. Mayorov**
Ancient Vyatichi and their special place among East Slavic
tribes in 9th–11th centuries
- 13 **O.S. Buslayeva**
Participation of public in development of women's
secondary education in Russia in the late 19th–early 20th
centuries (on the materials of Vladimir Province)
- 16 **A.A. Turygin**
Evolution of views of foreign policy at Pan-Germans
in the Second Moroccan crisis
- 20 **I.N. Suloyev**
Socio-political identity of the active of the peasantry in
1905 – the first half of 1906 (on materials of Kostroma
and Yaroslavl provinces)
- 24 **D.A. Volkov**
Relationship of students and local authorities
of Upper Volga area in the years of Civil war
- 29 **G.N. Kocheshkov**
Russia's agrarian movement development:
issues of relations of private land-users with peasantry
(March–October 1917)
- 33 **I.V. Skipina, E.A. Chekrygina**
1930s documents about special transmigrators in the
Northern Ob region from the Tyumen Region
State Archive Funds
- 37 **E.N. Abovyan**
Activisation of the guerrilla movement against the Axis
in the territory of Bryansk lands during
the period from May, 1942 to February, 1943
- 43 **D.I. Nikitin**
Exhaustion of the mineral resources base in Chelyabinsk
Region in the 1960s as a factor of restraint
of the socio-economic development
- 46 **D.I. Sazonov**
Governmental activities towards the Church considered
to be persecutions, in Leonid Brezhnev's time
(in terms of Central Russia)

SCIENCE OF LITERATURE

- 51 **I.A. Shishkova**
The role of children's reading in the morale tale
“Mrs. Leicester's School” by Charles and Mary Lamb
- 56 **Ya.Yu. Muratova**
“The Giaour” by Lord Byron:
the role of the poem in the “Oriental Tales”
- 61 **V.V. Tikhomirov**
Genre peculiarities of Alexander Ostrovsky's comedy
“An Ardent Heart” in the reception of literary and theatre
criticism and science of literature
- 65 **M.P. Khokhlova**
On the literary reminiscences' and allusions' role in the
story “First Love” by Ivan Turgenev
- 70 **V.G. Andreyeva**
“Step by Step” by Innokentiy Omulevskiy – a novel of “the
new people” in the literary process of the second half of the
19th century
- 73 **A.A. Fedotova**
Gospel allusions in Nikolai Leskov's historical
and publicistic feature articles
- 77 **A.N. Koptsov**
Poetics of northern text of the Russian literature in
Alexander Serafimovich's 1889–1890 short stories
- 82 **M.Yu. Yegorov**
Russian third-wave émigré dramatic art less studied:
Yuri Krotkov's comedy “Napoleon and the Shark”

- 86 Крюков А.А.**
Проблема соотношения автора и героя
в прозе Юрия Фельзена
(на примере рассказа «Неравенство»)
- 90 Ханов Б.А.**
Функционирование советского дискурса
в романе М. Елизарова «Мультики»
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 95 Ермакова Е.Н.**
Окказиональность как проявление инновационных
процессов в сфере слово- и фразообразования
современного русского языка
- 100 Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.**
К вопросу о специфике авторских областных словарей
(обновлённый проект создания «Словаря
народно-разговорного языка Е.В. Честнякова»)
- 104 Неганова Г.Д.**
Ландшафтная лексика в пространстве культурного
ландшафта: сложные слова с начальным компонентом
пол-/полу-
- 107 Смирнова М.А.**
Описательный глагольно-именной оборот
как средство выражения оценки в эпистолярных
текстах конца XIX – первой половины XX вв.
- 111 Ивкова Е.Ю.**
Особенности композиционного развёртывания много-
компонентных сложноподчинённых предложений
в речи персонажа художественного текста (на материа-
ле романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)
- 115 Крапивкина О.А.**
Языковая интерференция
как источник ошибок в научно-техническом переводе
- 119 Шерстнёва Е.С.**
Нейтрализация маркированной лексики
в контексте современных тенденций
в литературной норме английского языка
- 123 Маник С.А.**
Идеологические аспекты оценочной семантики
(на материале употребления слов «to annex»
и «annexation» в английских медиатекстах)
- 128 Смерчинская А.А.**
Обусловленность конструктивной семантики
высказываний диалогического дискурса
имплицитными теориями общения
- 132 Аверина А.В.**
Сочетаемость модальной частицы *ja* с модальными
словами и оценочными наречиями в немецком языке
- 137 Акулова М.Е.**
Лингвистические особенности реализации тактики
«акцентирования внимания на особо значимой
для автора информации» (на примере речи носителей
мультиэтнотелекта Kiezdeutsch)
- 141 Маслеников С.В.**
Функции ремарок в исторической хронике
А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец
и Василий Шуйский»
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 144 Иванова О.С., Чалых И.С.**
Правовой мониторинг в современной России:
подходы к интерпретации
и перспективные направления реализации
- 149 Лукоянов Д.Н.**
Стабильность как юридическое свойство
Конституции Российской Федерации
- 153 Крючков Р.А.**
Правовое управление рисками:
понятие и сущность явления

- 86 A.A. Kryukov**
The problem of the correlation between the author and the
character in the prose by Yuriy Fel'tsen
(on the material of the short story "Inequality")
- 90 B.A. Khanov**
Functioning of the Soviet discourse in Mikhail Yelizarov's
novel "Cartoons"
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 95 E.N. Ermakova**
Occasionality as a manifestation of innovative processes
in the field of word- and phrase-formation in the modern
Russian language
- 100 N.S. Gantsovskaya, E.G. Veselova**
On the issue of peculiarities of author's regional
dictionaries (renewed project of creating Jefim
Čestnjakov's folk colloquial language dictionary)
- 104 G.D. Neganova**
Landscape lexis in the space of a cultural landscape:
compound words with the first
component *пол-/полу-* (half)
- 107 M.A. Smirnova**
Verb-and-nominal phrases as a means of evaluation
expression in the late 19th — the first half
of the 20th centuries
- 111 E.Yu. Ivkova**
Peculiarities of composition of the multicomponent com-
plex sentences in the speech of one of the characters
of a literary text (a case study of the epic novel
«War and Peace» by Leo Tolstoy)
- 115 O.A. Krapivkina**
Linguistic interference as a source of errors in scientific
and technical translation
- 119 E.S. Sherstnyova**
Neutralisation of stylistically coloured words
under modern trends within literary norm
of the English language
- 123 S.A. Manik**
Ideological aspect of evaluative semantics
(a case study of use of words "annex" and "annexation"
in English mediatexts)
- 128 A.A. Smerchinskaya**
Conditionality of constructive semantics
of expressing dialogical discourse
by implicate communication theories
- 132 A.V. Averina**
Compatibility of the modal particle «ja» with modal words
and evaluative adverbs in German
- 137 M.E. Akulova**
Linguistic features of the realisation of the tactics of
"accentuating especially important information for the
author" (using the speech of Kiezdeutsch representatives
as an example)
- 141 S.V. Maslennikov**
Functions of stage directions
in the historical chronicle by Alexander Ostrovsky
«False Dmitriy and Vasili Shuysky»
- JURAL SCIENCES**
- 144 O.S. Ivanova, I.S. Chalykh**
Legal monitoring in modern Russia:
approaches to the interpretation
and implementation of the perspective directions
- 149 D.N. Lukoyanov**
Stability as a legal property
of the Constitution of the Russian Federation
- 153 R.A. Kryuchkov**
Legal risk-management:
the concept and essence of the phenomenon

156 Артюшина О.Н.

Активность населения как фактор, влияющий на исполнение законодательства о местном самоуправлении

159 Бытко С.Ю.

Безопасность дорожного движения:
эффективность уголовно-правовой охраны

163 Лукоянов Я.Н.

Правовое регулирование принципов организации и деятельности Следственного комитета Российской Федерации

166 Хижняк Д.С.

Роль криминальной ситуации в выявлении характера транснациональной следственной ситуации (на материале стратегических документов Великобритании и США)

169 Гафурова А.Х.

К вопросу о дарении предметов роскоши, как изменчивой составляющей этапов развития общества. Особенности получения подарков государственными служащими

173 Елкина В.В.

Консультативные (совещательные) органы при территориальных органах Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору

178 Рец Н.И.

Совершенствование правовых норм и практики возбуждения дел об административных правонарушениях в таможенных органах

182 Бочкарев В.В.

Постановка осужденных на профилактический учет как один из перспективных направлений деятельности мест лишения свободы

186 Галиуллина С.Д., Нуриев Б.Д.

Мединское соглашение (622 г.) как один из важнейших нормативных документов мусульманского права

191 Пужаев В.В.

Эклектизм концепции правообразования
К.А. Хвалынского

197 SUMMARY

**212 СПИСОК МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА» В 2015 ГОДУ**

221 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

156 O.N. Artyushina

Population activity as a factor which affects the implementation of the legislation on local government

159 S.Yu. Bytko

Road safety:
the effectiveness of criminal law protection

163 Ya.N. Lukoyanov

Legal regulation of the principles of organisation and activity of the Investigative Committee of the Russian Federation

166 D.S. Hizhnyak

The role of the crime situation in the identification of the nature of transnational investigative situation (with the example of strategic documents of the United Kingdom and the United States)

169 A.Kh. Gafurova

On the issue of giving luxury goods as gift as a variable constituent of society development stages. Peculiarities of civil servants' acknowledging gifts

173 V.V. Yolkina

Advisory (consultative) bodies at the territorial bodies of the Russian Federal service for veterinary and phytosanitary surveillance

178 N.I. Retz

Improvement of legal norms and practices for initiation of the proceedings on affairs about administrative offences in the customs bodies

182 V.V. Bochkaryov

Setting the convicted on the register as one of the promising directions of prison

186 S.D. Galiullina, B.D. Nuriyev

The Treaty of Medina (622 AD) as one of the most important normative documents of the Muslim right

191 V.V. Puzhayev

Eclecticism of the conception of law-making
by Klavdiy Khvalynskiy

197 SUMMARY

**212 THE LIST OF MATERIALS
PUBLISHED IN THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”
IN 2015**

221 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ДРЕВНИЕ ВЯТИЧИ И ИХ ОСОБОЕ МЕСТО СРЕДИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН IX–XI ВВ.

Среди восточнославянских племен в эпоху Древнерусского государства наиболее заметные отличия от своих соседей сохраняли вятичи. Вятичи создали племенной союз и в IX–XI вв. упорно сопротивлялись попыткам киевских князей подчинить их себе.

Вятичи населяли верхнеокский регион и контролировали пересечение важных торговых путей, связывавших Европу и страны Востока. В VII–VIII вв. данная система коммуникаций приобрела новое содержание: из региональной она преобразовалась в общеевропейскую, а затем – в трансконтинентальную.

Выгодное географическое положение земли вятичей обеспечило наличие материальной базы для создания вятичского племенного союза, ставшего частью хазарской военной системы контроля транспортных транзитных потоков.

Во второй половине X в. киевские князья предприняли ряд попыток подчинить себе вятичей и поставить под свой контроль проходившие через их земли торговые пути. В 981–982 гг. Владимир Святославич совершил два военных похода на вятичей, оказавших ему упорное сопротивление. Враждебное отношение к центральной власти единой Древней Руси вятичи сохраняли на протяжении всего времени ее существования. Владимир Мономах в своем «Поучении» называл переход через земли вятичей опасным военным мероприятием.

Можно утверждать, что период самостоятельного существования отдельного вятичского племенного княжения продолжался до конца XI в., то есть до начала периода раздробленности прежней Киевской державы. Этот факт свидетельствует о том, что вятичи в X–XI вв. не входили в полной мере в состав Древнерусского государства, сохраняя, как минимум, высокую степень автономии, сопоставимую с независимостью.

Ключевые слова: восточные славяне, вятичи, верховской (верхнеокский) регион, политическая история.

Часть восточноевропейской равнины, на которой в IX в. возникло Древнерусское государство, была заселена восточнославянскими племенами, имевшими заметные отличия в своем политическом, социальном и экономическом развитии. Традиционный термин «племя» в отношении восточных славян рубежа I–II тысячелетий н.э. не вполне точно отражает масштаб и величину этнической группы. Более корректным представляется использование понятия надплеменного объединения (славинии).

Между племенами весьма часто складывались союзнические отношения, во многом объяснявшие их последующее объединение в составе единого государства. По всей видимости, оказавшись в пределах единого государства, славянские племена не утратили своей самобытности. Более того, некоторые из них долго и упорно сопротивлялись интеграции. Одной из таких этнических групп было восточнославянское племенное объединение вятичей.

Русская историческая наука XVIII–XIX вв. относительно мало внимания уделяла истории возникновения и бытования древнеславянского племени вятичей. Некоторый интерес вызывали вопросы происхождения вятичей, определения их племенных границ, описания усадеб, к которым вятичи имели отношение.

Первым из отечественных исследователей четко обозначил границы территорий, контролируемых вятичами Н.П. Барсов. Он ограничил земли вятичей водоразделом рек Ока и Десна на западе, рекой Сосной и верховьями Дона на юго-

востоке, а также притоком Оки – рекой Осетр на востоке. Южной границей он определил окский приток реку Зуша. Такие ориентиры земель вятичей впоследствии были приняты академиками А.А. Шахматовым и М.К. Любавским, внесшими свои собственные географические коррективы: они иначе провели южные границы рассматриваемых земель – по среднему Днепру и междуречью Оки и Сейма соответственно. В советское время к вятичской проблематике обращались академики Б.Д. Греков и Б.А. Рыбаков; последний описывал Вятичское племенное княжение как вполне сформировавшееся и имевшее все признаки ранней государственности.

Из ученых археологов больше других для изучения вятичских земель сделал А.В. Арциховский, введший в научный оборот обширную информацию о свидетельствах материальной культуры данного племени. В 1960-е – 1980-е гг. на рассматриваемой территории работала Верхнеокская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Т.Н. Никольской, монография которой [9] стала важным рубежом в изучении истории Верховской историко-географической провинции.

До нашего времени дошло весьма небольшое количество письменных источников, упоминающих вятичей. Наиболее полная характеристика их обычаев и образа жизни приведена в «Повести временных лет». Приведем весь интересующий нас текст, помещенный в Лаврентьевской летописи: «И Вятичи и Северы один обычай имяху живяху в лесе якоже всякий зверь. Ядуще все нечисто

[и] срамословье в них пред отци и пред снохами. [И] браци не бываху в них, и игрища меж селы, схожахуся на игрища на плясанье и на вся бесовская игрища, и тут умыкаху жены себе. С неюже кто съвещашеся, имяху же по две и по три жены. [И] аще кто умряше, творяху трызно над ним. И по семь творяху кладу велику и возложашуть и накладу мертвеца сожжашу. И посемь собравше кости, вложашу в судину малу, и поставяху на столпе на путех еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая Кривичи, [и] прочии погани, не введуще закона Божия, но творяще сами себе закон» [12, с. 13–14].

Летописное свидетельство послужило причиной негативных оценок жизни вятичского народа, данных рядом историков в прошлом. Большинство исследователей до начала XX в. в своих суждениях опирались на приведенный выше отрывок летописи для характеристики вятичей как племени весьма неразвитого.

Изменения в языке и забвение вопроса о безусловной пристрастности летописца в отношении язычников сыграли в этом немаловажную роль. Монах-летописец в первую очередь был христианином, чьей обязанностью была борьба с «погаными» (язычниками), а уж потом хроникером. Абсолютно все действия язычников, губящих «бесовскими игрищами» свои души, были, по мнению такого монаха, глубоко ошибочны, неверны и преступны. Даже убийство и насилие было менее тяжким грехом, чем следование языческим обычаям. Православие еще не окончательно укоренилось на Руси, его сторонники вели борьбу с противниками нового религиозного культа, придерживавшимися прежнего языческого мировоззрения. Актуальной и насущной целью деятельности христианской церкви на Руси было полное искоренение всех элементов и особенностей жизни и быта, которые могли бы напоминать о языческих обрядах и традициях.

Современный анализ «Повести временных лет» демонстрирует, что вятичи и радимичи для летописца были, вследствие своей непринадлежности к христианству, «иными», явно не принадлежащими к сообществу «своих». Примерно как половцы – знакомые, но «другие» [8, с. 7]. В то же время необходимо подчеркнуть, что ту грань, где эти народности начинали бы относиться к «чужим», враждебным и подлежащим уничтожению, летописец в своей работе не перешел, хотя и приблизился вплотную.

В летописном тексте присутствует ряд несоответствий. Вызывает сомнение утверждение о том, что северы живут в лесу, как звери. Наличие в северской земле городов-крепостей давно подтверждено, а потому причисление к лесовикам северов, обитателей степи и лесостепи, сразу же снижает степень достоверности сообщения.

Анализ сообщения показывает, что вятичи вели типичный для славян-язычников образ жизни, не слишком выделяясь своими обычаями из числа

других славянских этносов. Информация об обычаях вятичей и северян может быть датирована временем между 988 г., когда Владимир «нача ставити города по Десне, и по Оустрьи. по Трубешеву и по Суле, и по Стугне» [13, с. 106] на традиционно северских землях и периодом соперничества князей Ярослава и Мстислава Владимировичей, когда северское ополчение помогло последнему одержать победу в битве при Листвене в 1024 г., поскольку в более позднее время северы утратили субъектность и вряд ли могли открыто следовать языческим обычаям.

Главное отличие вятичей от их ближайших соседей состояло в максимально долгом сохранении независимого положения от воли киевских князей. Важным условием для понимания вятичской истории является анализ транспортно-логистических особенностей территории их расселения. Основным фактором, повлиявшим на формирование вятичского племенного княжения, было, по всей видимости, прохождение по их земле нескольких важных трансконтинентальных торговых путей, связывавших Европу и Азию.

Исследователи выделяют два основных хазарско-европейских торговых маршрута. Первый – трансконтинентальный волжско-балтийский – связывал центральную и западную Азию с северной Европой и был одним из важнейших источников серебра для европейских стран. На его сторонах размещались две важнейшие военно-торговые группировки Восточной Европы – варяжская и хазарская. Центральная часть контролировалась булгарами. Хазарский каганат, державший под контролем рынки мехов в бассейне Верхней Волги, также сумел установить контроль над активизировавшимися на рубеже VIII и IX вв. перевозками арабского серебра в Восточную и Северную Европу. Такой контроль со стороны Хазарского каганата осуществлялся потому, что в его владениях оказались основные речные торговые пути. Судя по находкам кладов куфических монет, главной магистралью был Дон, путь с которого далее вел к Оке. Жившие в верховьях Оки и подвластные хазарам вятичи уже в IX в. аккумулировали значительную часть серебра за «услуги по транзиту» [11, с. 59–60].

Второй маршрут шел по Дону, через земли алан и донских славян, затем переходил на Верхнюю Оку в землю вятичей при посредстве волока. С Верхней Оки путь продолжался через земли северян по Сейму и Десне, а затем выходил в Верхнее Поднепровье к радимичам. Сопоставление гидрографических особенностей окско-донского междуречья с результатами археологических изысканий позволяет достаточно надежно определить маршруты по рекам Дон и Упа. Далее торговые маршруты продолжались на запад и север. Часть их уходила на запад, в верховья реки Оки, с последующим выходом на реку Десну. Другое ответвле-

ние пути шло на север, к устью реки Москвы. Оба направления маркируются более чем двадцатью обнаруженными кладами IX в. [3, с. 67].

Таким образом, вятичский племенной союз имел прочную материальную базу для своего существования, которой являлось наличие оживленных торговых маршрутов. Через землю вятичей проходило несколько важных торговых путей. Вятичи использовали выгоды своего географического положения и употребляли разные способы эксплуатации торгового потока: самостоятельную торговлю, охрану, обслуживание или грабеж торговцев. Вятичи, по всей видимости, занимались преимущественно охраной, что не исключало и ситуативное применение других упомянутых ранее способов.

Территория расселения вятичей была местом транзита товаров на пути с берегов Балтийского моря на Волгу. В VII–VIII вв. балтийская система коммуникаций приобрела новое содержание: из региональной она преобразовалась в общеевропейскую, а затем – в трансконтинентальную. Резкий рост значения Балтики был обусловлен радикальными переменами, происходившими в Средиземноморье, где арабские завоеватели перекрыли традиционные пути, связывавшие его с Востоком [7, с. 51].

Значительную долю товаров, перемещавшихся по торговым путям Восточной Европы, составляли славянские меха, мед и воск, хазарские скот и рыба. В то же время основу товарооборота составляло движение восточного монетного серебра на запад, прежде осуществлявшееся через Средиземноморье. Прочие товары представляли собой лишь дополнительную возможность заработать, своеобразный «приработок».

Наиболее богатым на информативные находки вятичским центром докиевской поры является Супрутское городище, расположенное на правом притоке Оки реке Упе. Результаты раскопок характеризуют существовавший там город как региональный торгово-ремесленный и военный центр. Совершенно нетипичный набор найденных украшений в сочетании с давностью и древностью датировок позволяет утверждать, что это городище стало местом зарождения многих вятичских племенных материальных традиций. Речь, в первую очередь, идет о височных кольцах, самые ранние образцы которых, причем характерные для разных восточнославянских народностей, были найдены именно там.

Находки показывают, что Супрутское городище было важнейшим торговым центром, где осуществлялась торговля не только с местными славянами, но и с купцами, специально пребывавшими сюда издалека. Особый интерес вызывают находки предметов конской сбруи, вооружения и деталей поясов, подтверждающие наличие хорошо вооруженной конной дружины, в состав которой входила большая часть мужчин [2, с. 156–157].

Такие черты необычны для славянского поселения того периода, когда славяне были известны как, в первую очередь, пешие воины в отличие от конных степняков и передвигавшихся на ладьях викингов. Имеющаяся информация позволяет охарактеризовать Супрутское городище как своеобразное служилое поселение, само существование которого позволяет считать утверждение о вятичской службе по охране донско-окского торгового пути весьма обоснованным.

Первое событие непосредственно вятичской истории, упомянутое в летописях, относится к походу князя Олега на Византийскую империю и датируется 907 г. В том году киевский князь Олег организовал совместный поход 14 племен на Константинополь. В числе участников похода среди прочих (варягов, словен, чуди, кривичей, мери, северян и др.) упоминаются и вятичи. Часть войска отправилась по реке, часть – по суше на конях [12, с. 29]. По нашему мнению, вятичи могли входить в конную часть объединенного войска. Как известно, летописи не содержат описания конной части похода. Тем не менее, очевидно, первичное взаимодействие с Киевской Русью у вятичей прошло успешно, несмотря на сохранявшиеся в тот период тесные связи с Хазарским каганатом.

Следующим достоверным эпизодом вятичской истории следует считать разгром Супрутского городища и вятичских селищ в его окрестностях в результате набега варяжского войска. Об этом говорит огромное количество наконечников стрел, имеющих явно северное происхождение, следы нескольких штурмов и финального пожара, многочисленные и не до конца ограбленные останки защитников крепости, женщин и детей [2, с. 162–164]. Найденные монеты определяют время пожара периодом не ранее первого десятилетия X в.

Вероятнее всего, разгром был осуществлен восточной норманно-русской группировкой, которая была нацелена на волжско-каспийский торговый маршрут. Восточные источники постоянно упоминают набеги «русов», по своим обычаям абсолютно похожих на хорошо известных «варягов». По всей видимости, они относились к «некиевской» норманской группировке, базировавшейся на севере Восточно-Европейской равнины и пытавшейся контролировать волжский торговый путь. Называя группировку «русов» норманнской, автор не делает акцент на этнической принадлежности ее членов, а отмечает следование норманско-варяжской традиции торгово-грабительских походов.

В 912 г. либо в 913 г. русы совершили грандиозный набег на прикаспийские города. По договоренности с властями Хазарского каганата русы были пропущены по Волге на Каспий и обратно за половину добычи. Но на обратном пути жители Хазарии попытались силой отобрать у русов всю добычу. Каган через посланников предупредил русов

об угрозе, но, тем не менее, они понесли большие потери [6, с. 116–117].

Разумно предположить, что разгром Супрута был осуществлен в качестве ответных мер участников каспийского похода. Их основной целью были не традиционный грабеж и угон населения в рабство, а стремление отомстить хотя бы союзникам своих обидчиков. Разгром был полный, населенный пункт был разрушен и сожжен дотла. Характер поселений последующего периода резко отличается от описанного ранее. Новые населенные пункты становятся похожими на типичные славянские поселения и четко определяются как относящиеся к роменской археологической культуре.

Несмотря на позитивный характер прежних взаимоотношений вятичей с «русью» киевско-новгородской, ход исторического развития вел к столкновению их интересов. В 964 г. князь Святослав совершил свой первый поход на вятичей, который, по всей видимости, закончился неудачно. Летописное сообщение о «разбирательстве» с вятичами четко соседствует с его знаменитым выражением «Иду на вы», так что предположение о том, что «на вы» означает «на вятичей», приобретает весомое летописное подтверждение: «Посылаше къ странамъ глаголя: хочу на вы идти. И идет на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи, и рече Вятичам: кому дань даете? Они же реша козаром по щелягу, и от рала даем» [12, с. 65]. Основным побудительным мотивом для активности киевских князей была, несомненно, попытка овладеть значимыми и доходными торговыми путями, проходившими по руслам рек. В 966 г. Святослав вновь двинулся на вятичей. Летопись свидетельствует: «Вятичи победил Святослав и дань на них возложил» [12, с. 65].

Деятельность Святослава повлекла за собой гибель многочисленных поселений родственных вятичам донских славян. Отдаленные последствия походов оказались для Киева негативны: через территорию разгромленного Святославом Хазарского каганата на славянские земли хлынул поток разных кочевых народов, первыми из которых стали печенеги. С падением каганата также значительно сократился мощный поток восточного серебра, ради контроля за которым и были начаты военные действия.

Политику покорения неподконтрольных киевским князьям торговых путей и славянских народностей продолжил Владимир Святославович. Два похода Владимира в 981 г. и в 982 г. против вятичей показали крайнюю степень заинтересованности киевлян в овладении окским торговым путем и высокую степень вятичского упорства в нежелании подчиняться киевской власти. Как указывает Ипатьевская летопись, в 981 г. Владимир «вятичи победил и возложил на них дань от плуга яко же отец его имал». На следующий год, по свидетельству летописи, Владимир вновь пошел на вятичей и вновь одержал победу [13, с. 69].

Вятичи оказали упорное сопротивление, что подтверждается скорым проведением повторного похода. Можно полагать, что до тех пор, пока шедший через земли вятичей торговый маршрут работал, наложенная на них хазарами дань была посильной. Доходы от контроля торговых путей позволяли вятичам и уплачивать дань, и сохранять прибыльность своего предприятия. После разрушения торгового маршрута Святославом и его потомками величина обязательных платежей стала невыгодной и могла быть сочтена вятичами чрезмерной.

Результаты киевских походов середины и конца X в., целью которых было приведение к покорности киевским князьям вятичей и восточных северов, также ударили и по донским славянам. Анализ информационного массива, имеющегося в распоряжении исследователей, позволяет считать бассейн Верхнего Дона частью единого вятичско-донского культурно-этнического пространства. Значительная часть донского славянского населения после этих походов осталась на месте, смешавшись с переселенцами, направленными в эти места киевлянами. Часть же, по имеющимся данным, снялась с обжитого места и переселилась. Ряд признаков указывает на их последующее размещение в бассейне Средней Оки и даже тогдашней Волжской Булгарии [1, с. 125–126].

Одним из реальных фактов вятичской истории можно считать прием в конце X в. множества беженцев и переселенцев из разгромленного русскими князьями восточно-северского региона. Примерно в 400 км к северу от их прежней родины была сформирована общность потомков северских беженцев, сохранивших свои обычаи и привычки [1, с. 305–306]. Представляется вполне возможным, что удивительно высокая для тех времен плотность населения отдельных вятичских территорий была вызвана размещением на них северских беженцев с территории Посеймья, разгромленного киевскими князьями. Об этом говорят многочисленные находки предметов материальной культуры, более характерных для Посеймья, обнаруженные во время археологических исследований.

Следующее заметное упоминание вятичей связано с Владимиром Мономахом. В своем «Поучении» он упоминает, что ходил к Ростову «сквозь вятичи», подчеркивая, что не побоялся пойти былинной прямоезжей дорогой, опасной для князей и их дружин [12, с. 247]. Такое летописное свидетельство показывает отношение киевской власти к вятичам. Становится очевидным, что поход через их земли даже в конце XI в. представлял собой серьезное военное мероприятие. Можно предположить, что вятичские земли находились под собственным управлением и прямо не подчинялись киевскому «сюзерену».

Применительно к концу XI в. летописи отмечают сохранение стремления киевских князей сило-

выми методами подчинить себе территорию вятичей. Летописец подтверждает в 1092–1093 гг. два военных похода «в Вятичи» [12, с. 248]. По всей видимости, он имел в виду борьбу великого князя с отдельной вятичской управленческой структурой, не связанной с киевским княжеским руководством. Документы свидетельствуют, что в первом из упомянутых походов был ранен или убит вятичский князь или военного вождь Ходота, а во главе вятичских вооруженных сил стал его сын-наследник.

В случае гибели вождя обычного племенного ополчения, его место должен был занять лучший вятичский воин либо полководец, не очень по возрасту и умениям от прежнего полевого командира отличавшийся. Место же было занято сыном Ходоты, что указывает на наследование места и должности, что означает наличие, как минимум, наследственной вятичской аристократии, а как максимум – не связанной с Рюриковичами княжеской династии.

У вятичей, если следовать тексту сообщения, имелся отдельный, независимый от Киева столичный город Корьдно. Текст умалчивает, был ли взят киевлянами вятичский столичный город Корьдно либо дело ограничилось военной демонстрацией из-за нехватки сил. Представляется вероятным, что взятие столицы противника должно было получить отражение в летописи.

Таким образом, опираясь на процитированные летописные сообщения, можно утверждать, что период самостоятельного существования отдельного вятичского племенного княжения продолжался, как минимум, до конца XI в., то есть до фактического начала периода раздробленности прежней Киевской державы. Этот факт приводит к выводу о том, что вятичи в X–XI вв. не были окончательно включены в состав Древнерусского государства и продолжали отстаивать вою самостоятельность, косвенным подтверждением чего является летописное невключение вятичей в число славянских племен Руси [12, с. 3].

Библиографический список

1. Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 168 с.
2. Григорьев Г.А. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. – 207 с.

3. Григорьев Г.А. Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. – М., 2011. – С. 67–71.

4. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. – Курск: Учитель, 2005. – 352 с.

5. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. – СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1869. – 214 с.

6. Коновалова И.Г. Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М.: 1999. – С. 111–120.

7. Мельникова Е.А. Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. – М.: Индрик, 2010. – С. 43–57.

8. Николаева И.В. Семантика «своих» и «чужих» в Повести временных лет: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2003. – 22 с.

9. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1981. – 296 с.

10. Новосельцев А.П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 399–403.

11. Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. – М.: Индрик, 2010. – С. 58–65.

12. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Лаврентьевская летопись. – Л.: АН СССР, 1926. – 540 с.

13. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 574 с.

14. Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. – Орел: Изд-во Орловской государственной телерадиокомпания, 1993. – 252 с.

15. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. – М.: Наука, 1982. – 599 с.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (на примере Владимирской губернии)

В статье рассматривается роль меценатов в процессе становления и развития женских гимназий Владимирской губернии в конце XIX – начале XX вв. Деятельность частных лиц и объединявших их общественных организаций выступала в этот период в качестве определяющего фактора формирования средних образовательных учреждений края. Просвещение стало важной функцией передовой общественности, представители которой действовали через различные благотворительные структуры, в том числе – общества помощи учащимся. Данная статья позволяет оценить роль представителей прогрессивной российской общественности и государства в процессе возникновения и развития учреждений женского среднего образования на территории Владимирской губернии в конце XIX – начале XX в.

Материальное обеспечение гимназий являлось задачей не только благотворительных обществ, но также и попечительных советов женских гимназий, состоявших из богатых горожан и крупных чиновников. Члены этих органов, действовавших при каждом среднем учебном заведении для женщин, занимались не только привлечением материальной помощи, но и вносили собственные средства на развитие гимназий, учреждали и распределяли стипендии среди учащихся, рассматривали вопросы об освобождении последних от платы за обучение, чем значительно способствовали подъему среднего женского образования в крае.

Ключевые слова: женские гимназии, гражданское общество, частная инициатива, меценатство, благотворительность, общества вспомоществования, попечительные советы.

Меценатство и благотворительность были характерными чертами российской действительности на рубеже XIX и XX столетий. Они получили широкое распространение в таких сферах как общественное призрение, здравоохранение, культура, образование. Это в полной мере относилось к средним общеобразовательным учебным заведениям. При этом следует отметить, что мужские гимназии и реальные училища финансировались в основном государством, а учреждения среднего женского образования с момента своего возникновения почти всецело были предоставлены частной инициативе. Благотворительность в рамках христианского вероучения являлась важной добродетелью в представлении общества. Участие в благотворительных и меценатских акциях было своего рода правилом хорошего тона в среде состоятельных людей. Для определения роли частной инициативы в становлении и развитии женского гимназического образования в России в конце XIX – начале XX вв. необходимо иметь четкое представление о том, какие именно институты осуществляли его финансовую поддержку, и сопоставить ее с вкладом государства в развитие женских средних учебных заведений.

В качестве предмета данного исследования выступают общеобразовательные учреждения для девушек, действовавшие на территории Владимирской губернии в конце XIX – начале XX вв. В свою очередь, объектом изучения являются различные виды материальной и организационной поддержки женских гимназий передовой общественностью.

При написании статьи автор использовала материалы государственных архивов Владимирской

и Ивановской областей, отчеты общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии и другие делопроизводственные источники. Они позволили изучить участие субъектов гражданского общества в становлении и развитии женского среднего образования. Однако при этом стоит заметить, что смысл понятия «гражданское общество» в конце XIX – начале XX вв. не совпадал с тем, который мы вкладываем в него в настоящее время, ведь в рассматриваемый нами период в России формировались лишь отдельные элементы гражданского общества.

Первоначально все женские гимназии в России подразделялись на подчинявшиеся Министерству народного просвещения (МНП) и находившиеся в ведении канцелярии императрицы Марии – последние именовались мариинскими. Однако 30 мая 1858 г. по новому «Положению о женских училищах» ведомства МНП женское образование подлежало реформированию: учебные заведения для девушек «должны были содержаться преимущественно на средства общественности, благотворительных организаций и частных лиц» [9, с. 131], получая дотации от государства только в исключительных случаях. Размеры этих сумм, как правило, были невелики; например, из отчета общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии мы узнаем, что в 1908 г. сумма, полученная ею от МНП, составила 33 р. [8, с. 6]. В рассматриваемый период времени размер дотаций от государства стабильно сохранялся на довольно низком уровне с небольшими отклонениями. Несмотря на это, с момента возникновения женского гимназического образования

и на протяжении всей его истории, число женских учебных заведений неуклонно возрастало и даже обогнало по этому показателю мужские образовательные учреждения. В 1914 г. на 319 реальных училищ и 508 мужских гимназий приходилась 991 женская, среди них 44% составляли частные средние учебные заведения [6, с. 8].

Женское среднее образование развивалось преимущественно за счет средств городских и земских бюджетов, а также посредством частной инициативы. Роль общественности в поддержке женского образования неуклонно возрастала с 60-х гг. XIX в. Одновременно государство пыталось усилить свое влияние в образовательной сфере, постепенно уходившей из-под его опеки и превращавшейся «в важнейшую функцию общества» [5, с. 7].

Поддержкой женского среднего образования занимались состоятельные граждане города, оказывавшие материальную и организационную поддержку либо частным порядком, либо через благотворительные организации, действовавшие во многих городах Владимирской губернии в конце XIX – начале XX вв. Примером такой организации может служить общество вспомоществования беднейшим ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии, возникшее в 1883 г. Члены общества делились на три категории: самой малочисленной группой были почетные члены за заслуги, внесшие весьма солидные пожертвования в пользу гимназии, их было не более 10 человек; остальные полторы сотни являлись почетными и действительными членами [7, с. 3]. Возглавляли данное общество исключительно крупные промышленники Иваново-Вознесенска. На заседаниях правления решались в основном вопросы материального характера: распределение пособий бедным ученицам, выделение средств на покупку для них одежды и обуви, на обеспечение их питанием, расходы на приобретение учебников для раздачи малоимущим, внесение платы за дополнительные занятия по отдельным предметам для отстающих, обсуждался и «жилищный» вопрос об ученическом общежитии.

В сметах о приходе и расходе средств общества за год особой строкой значился фонд на устройство квартир для воспитанниц. Размеры его постоянно возрастали и к 1907 г. достигли 6079 рублей [7, с. 11]. Из отчета о деятельности гимназии в Иваново-Вознесенске за 1902 г., составленного почетной попечительницей М.А. Гарелиной, мы узнаем об учреждении специального общежития для учащихся на средства данного фонда [4, Д. 107, Л. 1]. В первое полугодие 1902 г. в нем проживало 16 воспитанниц, 14 из которых были платными, а двое – бесплатными. Оплата зависела от количества дней, проведенных в общежитии; за полный месяц воспитанницы платили 15 р. [4, Д. 107, Л. 5]. Некоторым учащимся отказывали в просьбах о поселении сюда, так как на всех желающих мест не хватало.

Общества вспомоществования занимались не только жилищным вопросом, но также отдыхом и оздоровлением учащихся. В марте 1912 г. была организована летняя колония в усадьбе М.С. Удина в деревне Клинцево для небогатых и слабых здоровьем девушек [1, с. 26]. Большинство этих учениц питались дома довольно скудно, страдали от различных заболеваний, чему способствовала неблагоприятная экологическая среда крупного фабричного города. Отдых в колонии, напоминавшей современный летний лагерь, с правильным режимом дня и калорийным рационом питания (регулярным употреблением мясных и молочных продуктов), пошел на пользу воспитанницам, поэтому опыт был повторен в 1913 и 1914 гг.

Аналогичные общества вспомоществования существовали в других городах. В частности, во Владимире действовала организация под названием «Детская помощь». Она оказывала содействие образовательным учреждениям всех уровней и профилей, в том числе женским гимназиям. Основным направлением помощи было обеспечение воспитанников одеждой и обувью, в рамках которого к праздникам Рождества и Пасхи проходила бесплатная раздача ситца на платья, а также обуви учащимся из наиболее нуждавшихся семей.

Вторым направлением деятельности общества было определение иногородних девочек на жительство в частные семьи. При этом все расходы по их содержанию общество брало на себя, а за каждой из таких учениц для надзора был закреплен член «Детской помощи» [2].

В провинциальном Иваново-Вознесенске, как и в губернском Владимире, немаловажной составляющей общественного содействия женскому среднему образованию было оказание бесплатной репетиторской помощи отстающим учащимся. То, что подобная помощь была необходима многим, членам общества вспомоществования стало ясно из бесед с педагогами учебных заведений Иваново-Вознесенска. В частности, когда одну из преподавательниц женской гимназии спросили, скольким воспитанницам требуется дополнительная репетиторская помощь, она ответила, что в ней нуждаются более чем сто учениц [1, с. 3].

Помимо обществ вспомоществования при гимназиях существовали попечительные советы, ведавшие материальным обеспечением этих учебных заведений. Это были особые органы, представлявшие собой «посредствующее звено между обществом и правительством» [10, с. 20]. В сферу их деятельности входил сбор средств на нужды гимназий, поступающих от городского самоуправления, земств и частных лиц. Чаще всего в состав попечительных советов входили богатые граждане города и крупные чиновники. Экономическая ситуация в России в исследуемый период в целом характеризовалась динамичным ростом промышлен-

ности и торговли, поэтому многие состоятельные горожане могли позволить себе тратить значительные суммы на благотворительность.

Попечительные советы добивались немалых успехов в привлечении материальных средств со стороны. В Иваново-Вознесенске уже в первые годы существования гимназии удавалось получать на ее содержание 1700 р. в год от городского общества и 1000 р. от Шуйского уездного земства [10, с. 20].

Члены попечительных советов вносили на развитие гимназий значительные по размерам собственные средства. В частности, в Иваново-Вознесенске действовала около двух лет для оказания помощи бедным ученицам гимназии особая благотворительная касса, финансируемая из средств членов попечительного совета.

Одним из важнейших направлений деятельности попечительных советов было учреждение и распределение стипендий среди учащихся гимназии. Их имели право получать беднейшие ученицы гимназии, а также девушки из многодетных семей, оставшихся без кормильца. При этом стипендиатки должны были отличаться «примерным поведением и хорошими успехами» [3, Д. 34, Л. 2].

Как правило, эти стипендии распределялись два раза в году, а пользоваться ими учащиеся могли «во все продолжение учения» [3, Д. 34, Л. 2]. Размер стипендиальных выплат варьировался, но обычно не превышал 1000 рублей. Разумеется, в стипендии превращались только проценты с капиталов. Последние, в свою очередь, оставались неприкосновенными и хранились в местных отделениях казначейства в ценных бумагах.

Попечительные советы выбирали наиболее достойных стипендиатов, причем преимущество отдавалось дочерям местных жителей. Из журнала попечительного совета Владимирской земской женской гимназии видно, что его члены регулярно рассматривали вопросы об освобождении учащихся от платы за обучение. Под это правило попадали не только дети из беднейших семей, но и дочери преподавателей гимназии. 11 мая 1873 г. попечительный совет утвердил для таких учениц особое «право пользования бесплатным обучением в гимназии» [3, Д. 22, Л. 4]. Таким образом, женское среднее образование с момента своего возникновения было предоставлено частной инициативе. Роль последней в его поддержке начала неуклонно возрастать с 60-х гг. XIX в. С этого времени оно постепенно уходило из-под контроля государства, превращаясь в одно из ведущих направлений деятельности представителей прогрессивной российской общественности. Это были состоятельные горожане, оказывавшие средним учебным заведениям как материальную, так и организационную поддержку. Как правило, они действовали через особые благотворительные организации, целью которых было оказание помощи

учебным заведениям различного уровня и профиля. К таковым относилось общество вспомоществования беднейшим ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии, а также «Детская помощь», действовавшая в губернском Владимире. Помимо материального обеспечения учебного процесса, в задачи этих обществ входило решение жилищного вопроса, организация репетиторской помощи, а также отдыха и оздоровления учащихся, обеспечение их одеждой и обувью.

Большую роль в развитии женского среднего образования во Владимирской губернии играли попечительные советы, действовавшие при каждой гимназии. Не только привлечение материальных средств, но и пожертвование собственных сбережений на нужды гимназии членами советов, освобождение малообеспеченных воспитанниц от платы за обучение, а также разработка проектов стипендий в значительной степени способствовали развитию женского среднего образования на исследуемой территории на рубеже позапрошлого и прошлого веков.

Библиографический список

1. Балдин К.Е. Общества вспомоществования недостаточным учащимся средних общеобразовательных школ и провинциальная общественность на рубеже XIX–XX вв. (на материалах города Иваново-Вознесенска) // На пути к гражданскому обществу. – 2013. – № 3–4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.es.rae.ru/government/77-240 (дата обращения 23.09.2015).
2. Владимирец. – 1907. – № 209.
3. Государственный архив Владимирской области. – Ф. 459. – Оп. 1.
4. Государственный архив Ивановской области. – Ф. 35. – Оп. 1.
5. Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. – М.: Дрофа, 2010. – 288 с.
6. Лейкина-Свирская В.Г. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М.: Мысль, 1981. – 368 с.
7. Отчет правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии за XXV-й год. – Иваново-Вознесенск: Типо-литография С. и Е. Соколовых, 1908.
8. Отчет правления общества вспомоществования бедным ученицам Иваново-Вознесенской женской гимназии за XXVI-й год. – Иваново-Вознесенск: Типо-литография С. и Е. Соколовых, 1908.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. – М.: Педагогика, 1976.
10. Речь, произнесенная Председателем Попечительного совета Иваново-Вознесенской женской гимназии М.И. Невядомским на торжественном акте 12 января 1888 г. – Иваново-Вознесенск, 1889.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ПАНГЕРМАНЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО МАРОККАНСКОГО КРИЗИСА

В статье речь идет о внешнеполитических взглядах пангерманцев и их лидера Генриха Класа в период Второго марокканского кризиса (1911 г.), сотрудничестве с правительством кайзеровской Германии и формировании тех расхождений, которые повлияли на внутреннюю структуру самой организации. Автор статьи затрагивает вопросы специфики международных отношений, проблем колониальной политики ведущих стран, сопровождавших решение территориального спора между Германией и Францией в Марокко.

В ходе Второго марокканского кризиса внешнеполитические взгляды и суждения пангерманцев подверглись эволюции в сторону большей радикальной, националистической риторики. После осознания расхождений с правительством в вопросе приобретения для Германии новых колоний и методов превращения империи в ведущую колониальную державу, руководство Пангерманского союза во главе с Класом начинает последовательную критику внешнеполитических планов правительства Бетман-Гольвега. Внешний стимул придал импульс дальнейшему сплочению пангерманцев вокруг фигуры их лидера, ознаменовав начало реформы Пангерманского союза.

Марокканский (Агадирский) кризис показал, как легко ситуация может выйти из под контроля правительственных чиновников и перерасти в открытый военный конфликт. Осторожность чиновников министерства иностранных дел Германии во главе с Кидерлен-Вехтером способствовала недопущению войны, но привела к формированию внутри страны решительно настроенной оппозиции, состоящей преимущественно из пангерманцев.

Ключевые слова: Пангерманский союз, Марокканский (Агадирский) кризис, канцлер, колониальная политика, колониальные интересы, международные отношения, военный конфликт.

Второй марокканский кризис (1911) возник в связи с обострением франко-германских противоречий по поводу колониальных владений в Северо-Западной Африке [2–4; 9; 13; 16; 17; 21; 23]. После оккупации французскими войсками охваченного восстанием города Феса, территория Марокко оказалась под контролем Франции. Фактическое присутствие французской армии на территории Марокко делало вопрос о признании страны французской колонией вопросом времени. Германия, потерпевшая дипломатическое поражение в Танжерском кризисе (1905–06), намеревалась взять реванш и осуществить проникновение в Марокко, где у нее имелись собственные экономические интересы. Немецкая компания «Братья Маннесманы», активно поддерживаемая пангерманцами, убедила имперское правительство в необходимости создания гавани и укрепленного порта на атлантическом побережье Марокко – в бухте Агадира.

Замысел немецкой дипломатии состоял в том, чтобы с помощью стремительной военной диверсии спровоцировать конфликт и запугать французов, которые под давлением должны были признать немецкие колониальные интересы в Северо-Западной Африке. Статс-секретарь иностранных дел Германии Альфред фон Кидерлен-Вехтер полагал, что «оккупация Феса подготовила бы поглощение Марокко Францией. Мы ничего не достигли бы протестами и потерпели бы благодаря этому тяжкое моральное поражение. Поэтому нам следовало бы обеспечить себе для предстоящих переговоров такой объект, который склонил бы французов к компенсациям. Если французы водворятся в Фесе из «опасения» за своих соотечественников, то и мы

вправе охранять наших соотечественников, которым угрожает опасность. У нас имеются крупные немецкие фирмы в Могадоре и Агадире. Немецкие корабли могли бы отправиться в эти гавани для охраны этих фирм. Они могли бы совершенно спокойно оставаться там для предотвращения предварительного проникновения других держав в эти важнейшие гавани южного Марокко... Обладая таким залогом, мы могли бы спокойно следить за дальнейшим ходом событий в Марокко и ждать, не предложит ли нам Франция подходящих компенсаций в своих колониях, в обмен за что мы покинем обе эти гавани» [3, с. 203; 14, S. 436]. Говоря о немецких негоциантах, статс-секретарь имел в виду компанию «Братья Маннесманы», гамбургскую фирму по добыче меди «Warburg & Co» и фирму «Weiß & Mauer» в Могадоре [7, S. 105].

Германский император, лично встав на защиту немецких интересов, направил в Агадир канонерскую лодку «Пантера» [5, с. 42–43], весьма обеспокоив европейских дипломатов. По словам Уинстона Черчилля, занимавшего тогда пост министра внутренних дел в кабинете Герберта Генри Асквита, «прыжок Пантеры» был настолько стремительным, что фактически произошел за спиной у немецких дипломатов в Париже. Посол Германии в Париже Вильгельм фон Шён уже обратился за разъяснениями оккупации Феса и получил предложение компенсировать колониальное присутствие Германии в Марокко французской территорией в Конго [10, p. 39].

Немецкий адмирал Альфред Тирпиц, будучи уверен в неготовности германского флота к началу военных действий, и, оставаясь в недоумении от стремительного «прыжка Пантеры»,

в своих «Воспоминаниях» обвинил правительство и лично статс-секретаря иностранных дел в непродуктивности и ошибочности подобной внешнеполитической тактики, полагая, что Германия «не имела никакого желания затевать войну» [6, с. 192], а отправка «Пантеры» кайзером произошла исключительно по инициативе «недальновидного» министра: «Об отправке «Пантеры» я узнал частным образом в момент моего отъезда на летние каникулы. Если тот факт, что я, как статс-секретарь по морским делам, ничего не знал о столь важной для мировой политики отправке корабля, был уже сам по себе признаком известной дезорганизации государственного руководства» [6, с. 193].

Предотвращению открытой войны и началу длительных и упорных переговоров Германии и Франции, сопровождавшихся взаимными угрозами, во много содействовала позиция Англии. Канцлер Казначейства в правительстве Асквита Дэвид Ллойд Джордж заявил, что в случае если Германия продолжит угрожать Франции, провоцируя военное столкновение, Англия займет сторону последней [10, р. 43–44]. Вмешательство Англии, отправившей свой флот к берегам Марокко, предотвратило открытый конфликт, вынудив Германию начать переговоры с Францией, окончившиеся заключением Фесского договора (1912). По договору Германия признавала французский протекторат над Марокко, взамен получив часть территории французского Конго.

Пока фактически спровоцированный Германией Агадирский кризис в течение нескольких месяцев держал в напряжении Европу, пангерманцы развернули в прессе целую кампанию. Эта кампания развивалась неоднозначно: если её внешний, императивный окрас остался фактически без изменений – удовлетворение колониальных амбиций Германии в Африке, то политические задачи пангерманцев внутри страны, как и сама тактика политической борьбы, подверглись существенным изменениям. От сотрудничества с правительством в решении агадирской проблемы пангерманцы перешли к резкой конфронтации.

Первоначальный замысел Кидерлен-Вехтера по защите германских колониальных интересов в Марокко вызвал одобрение у пангерманцев, не подозревавших, что за ним стоит не прямое военное вторжение, а интересы экономической прибыли. После своего назначения статс-секретарем Кидерлен-Вехтер лично встречался с лидером Пангерманского союза Генрихом Классом, так как нуждался в поддержке и одобрении собственной программы общественным мнением, на которое пангерманцы оказывали существенное влияние [14, S. 424]. По мнению С. Фёрстера, «вовлечение Пангерманского союза в политику Кидерлена было лишь средством достижения поставленной им цели, частью его макевиалистской игры в пропаганду» [15, S. 210]. При-

мерно такого же мнения придерживается Т. Майер, предположивший, что сотрудничество с Пангерманским союзом позволило статс-секретарю на время сдерживать его неконтролируемую активность, направив энергию пангерманцев в нужное правительству русло [19, S. 141].

Кроме того, статс-секретарь лично благоволил представителю берлинского филиала Союза Эрнсту графу цу Ревентлову, пожертвовав его организации 2500 марок [12, S. 179ff.; 22, S. 277]. Поддержку статс-секретаря получил также авторитетный пангерманский писатель Пауль Самасса, занимавшийся координацией действий пангерманцев между Берлином и Веной [14, S. 424].

Класс остался доволен встречей с Кидерлен-Вехтером, убедившись в том, что нашелся «наконец-то тот самый человек, который взялся за политику так, как того ожидал Пангерманский союз» [8, S. 29]. Более того, Класс заверил Кидерлен-Вехтера в поддержке, согласившись с тем, что «общественное мнение следует принять во внимание» [22, S. 112]. Пангерманцы охотно приняли меморандум статс-секретаря от 3 мая 1911 года, в котором тот доказывал кайзеру и канцлеру необходимость «защиты немецких интересов» до тех пор, «пока французы склонятся к компенсации». По мнению статс-секретаря «это придаст нашей политике в Марокко новые основания», а также благоприятно отразится «внутриполитической ситуации в Германии» ведь «чем дольше будет затягиваться решение марокканского вопроса, тем ощутимее будут преимущества» [7, S. 105].

В конечном итоге обе стороны остались довольны друг другом: Класс получил поддержку влиятельного чиновника, а «Кидерлен установил контакт, который должен был стать полезен ему в будущем» [14, S. 424].

В декабре 1911 г. объявлены новые выборы в рейхстаг, которые должны были состояться в самом начале 1912 г. Внешнеполитический риск, который связывался с возможным, нежелательным для Германии поведением Англии в марокканском конфликте (Речь Ллойд Джорджа о поддержке Франции в случае военного конфликта, произнесенная 21 июля 1911 г.), ставил успех правительства в прямую зависимость от его исхода. Ситуация осложнялась наметившимся сближением «прогрессистов» (Прогрессивная народная партия) с социал-демократами, выступавшими за недопущение открытого военного конфликта, а также намерения канцлера Бетман-Гольвега провести избирательную и парламентскую реформу, которые, по его мнению, никак не могли быть реализованы в условиях войны [1]. В этих условиях официально курс был взят на мирное урегулирование территориального спора.

Пангерманцы, посчитав себя обманутыми, развернули кампанию с критикой правительства. Для

своих публичных заявлений они находили самые разные мотивы: от интересов экономической прибыли до геополитической необходимости и национальных интересов. «Если Германскую империю заботит ситуация в Марокко, которая порождает беспокойство за будущее нашего народа, – писал Класс, – то нужно заниматься ею не ради престижа страны, как это делают во Франции, а исходя из необходимости расширения национальных торговых интересов... Призыв к активным действиям в этом направлении мы связываем с решением «сверху», которое лишило немцев, численность которых в Германии продолжает увеличиваться, новой территории для заселения» [11, S. 21]. Критика Класса, звучащая в адрес правительства, имела своей целью создание общественного мнения вокруг Марокканского кризиса: «Наша земля существует для народа, и если наш земельный голод не будет удовлетворен, мы возьмем в руки меч... Тот, кто сегодня поможет нам подготовить и облагородить Марокко для его заселения немцами, обеспечит дальнейшее сохранение мира, предотвратив угрозу войны с Германией» [11, S. 21].

8–11 сентября 1911 г. в Дюссельдорфе состоялся съезд Пангерманского союза, на котором было принято решение осудить решение правительства пойти на сделку с Францией.

31 октября 1911 г. состоялась вторая встреча Класса и Кидерлен-Вехтера с наметившимся отчуждением [14, S. 424]. В отличие от канцлера, позиция статс-секретаря все еще оставалась близка Классу, так как состояла в принуждении Франции передать под управление Германии территорию Конго в обмен на Западное Марокко. Однако лидер пангерманцев усматривал в этом торге удар по международному престижу Германии, и, более того, фактическое признание своего собственного поражения. На ближайшем съезде пангерманцев Класс как лидер Союза должен был объяснить, что интерпретировал Кидерлен-Вехтера исходя из своих собственных ожиданий, а не из реальных обстоятельств, что само по себе создавало неловкое положение и наносило урон его политическому реноме. Публичный выпад Класса в сторону статс-секретаря, полный разочарования и раздражения, обрел форму вызова: «необходимость в новых землях для заселения немцами вовсе не связана с тропической колонией, – такой земли у нас предостаточно, – и, поэтому, мы сознательно отклоняем территорию тропического Конго; одна или чуть больше гаваней, находящихся там, совершенно не соответствует нашей цели [14, S. 21].

Благодаря опыту и политическому мастерству Класс нашел оригинальный выход в сложившейся затруднительной ситуации: вместо личных объяснений он поставил в упрек коллегам их намерение сохранить Пангерманский союз как «независимую и надпартийную» организацию, оказавшуюся при

таком стечении обстоятельств в политической изоляции. Выход из кризиса был возможен только через превращение Союза в политическую партию, обладавшую реальными механизмами воздействия на правительство, на чем он неоднократно настаивал в течение последних трех лет [18, S. 145].

Таким образом, Марокканский кризис при всей его внешнеполитической направленности сыграл важную роль в истории Пангерманского союза. В-первых, пангерманцы поняли, что их восторженные националистические и колониальные призывы в защиту немецких интересов не всегда совпадают с мнением чиновников, часто упираются их утилитарные и прагматические намерения; во-вторых, в правительстве и обществе нет четкого представления о том, как превратить Германию в ведущую мировую державу; в-третьих, пангерманцы и дальше останутся в политической изоляции, если не примут участие в политической борьбе наравне с другими партиями, чему во многом будет способствовать внутренняя реформа Союза в направлении укрепления вертикали власти.

Библиографический список

1. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне / пер. с нем. В.Н. Дьякова. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 120 с.
2. Дербицкая К.Ю. Марокканский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013. – 28 с.
3. История дипломатии: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). Т. 2 / сост.: И.И. Минц, В.М. Хвостов; под ред.: В.П. Потемкина. – М., Л.: Госполитиздат, 1945. – 424 с.
4. Павлов Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. – М.: Международные отношения, 2012. – 800 с.
5. Паркс О. Линкоры Британской империи. Часть VIII. Эпоха дредноутов. – СПб.: ООО «Галерея-Принт», 2008. – 122 с.
6. Турпиц А. фон. Воспоминания. – М.: Вече, 2014. – 455 с.
7. Aufzeichnung des Staatssekretärs des Auswärtigen Amtes von Kiederlen. – Berlin, den 3. Mai 1911. – S. 101–108 (№10549). In: Die Große Politik der europäischen. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius, A. M. Bartholdy, F. Thimme. – Bd. 29 (Die zweite Marokkokrise 1911). – Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. – 105 S.
8. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. – Leipzig; Berlin, 1920. – 129 S.
9. Canis K. Der Weg in den Abgrund. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. Kap. VI. Doppelte Offensive. Die zweite Marokkokrise 1911. – S. 403–430.

10. *Churchill W.* The World Crisis, 1911–1918. – Toronto, 1923. – 344 p.
11. *Claß H.* West-Marokko deutsch! – München: J.F. Lehmann, 1911. – 121 S.
12. *Class H.* Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. – Leipzig, 1932. – 279 S.
13. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. – Düsseldorf, 1969. – 890 S.
14. *Forsbach R.* Alfred von Kiderlen-Wächter (1852–1912). Ein Diplomatenleben im Kaiserreich. 2 Teilbände. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. – 436 S.
15. *Förster S.* Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression 1890–1913. – Stuttgart, 1985. – 210 S.
16. *Hartung F.* Die Marokkokrise d. Jahres 1911. – Berlin: Deutsche Verl.-Ges. f. Politik u. Gesch., 1927. – 70 S.
17. *Hildebrand K.* Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945. – Stuttgart, 1995. – 1062 S.
18. *Leicht J.* Heinrich Claß (1868–1953) / Die politische Biographie eines Alldeutschen. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. – 464 S.
19. *Meyer Th.* “Endlich eine Tat, eine befreiende Tat...”: Alfred von Kiderlen-Wächters “Panthersprung nach Agadir” unter dem Druck der öffentlichen Meinung. – Husum: Matthiesen Verlag, 1996. – 341 S.
20. *Mommsen W.J.* Der Topos vom unvermeidlichen Krieg, in: Jost Dülffer / Karl Holl (Hrsg.), Bereit zum Krieg. – Göttingen, 1986. – S. 194–224.
21. *Oncken E.* “Panthersprung nach Agadir”. Die deutsche Politik während der Zweiten Marokkokrise 1911. – Düsseldorf, 1981. – 233 S.
22. *Peters M.* Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908–1914). Ein Beitrag zur Geschichte des völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. – Frankfurt a. M., 1996. – 377 S.
23. *Ullrich V.* Die nervöse Großmacht. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs. 1871–1918. – Frankfurt a. M., 2007. – 752 S.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК АКТИВНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1905 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1906 ГГ. (на материалах Костромской и Ярославской губерний)

Под воздействием агитации политических партий и земской интеллигенции из общей массы сельских обывателей выделяется политически активная часть сельского населения. В отечественной историографии историки уделяли внимание изучению крестьянского движения в целом. На региональном уровне исследователи рассматривали деятельность депутатов Государственной думы первого созыва от Костромской губернии. В статье на основе материалов центральных и местных архивов, а также периодической печати исследуется политически активная часть крестьянства в 1905 – первой половине 1906 гг. Данная прослойка сельского населения принимала участие в работе Учредительного и Делегатского съездов Всероссийского Крестьянского союза, а также представляла интересы жителей уездов в первой Государственной думе. Данная прослойка крестьян понимала свои социально-экономические интересы и стремилась их отстаивать легальным путём. Это были преимущественно крестьяне, которые имели опыт общественной работы, были близки к земству. Под влиянием земской народнической и леволиберальной интеллигенции данная часть сельского населения в общественно-политической борьбе в 1905 – первой половине 1906 г. занимает левые и близкие к кадетской партии позиции.

Ключевые слова: крестьянство, земская интеллигенция, революция, Государственная дума, депутаты.

«Кровавое воскресенье» подняло на революционную борьбу все сословия империи, в том числе и самое многочисленное – крестьянство. Под воздействием агитации политических партий и земской интеллигенции из общей массы сельских обывателей выделяется политически активная часть сельского населения. В ходе революции отдельные представители крестьянства стали организовывать в уездах губерний профессиональные организации, представлять интересы односельчан на съездах различных уровней, избираться депутатами в Государственные думы.

В отечественной историографии историки уделяли внимание изучению крестьянского движения в целом [1; 22]. Отдельные публикации были посвящены депутатам Государственной думы первого и второго созыва [3; 4]. На региональном уровне исследователи рассматривали деятельность депутатов Государственной думы первого созыва от Костромской губернии [5, с. 33–43]. При этом работы носили биографический, либо справочный характер. В стороне от изучения оставалась судьба представителей крестьян, являвшихся делегатами съездов Всероссийского Крестьянского союза (ВКС), возглавлявших профессиональные крестьянские организации.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть и охарактеризовать ту часть крестьян, которая принимала активное участие в общественно-политическом движении в 1905 – первой половине 1906 гг. Именно в этот период, в связи с нарастанием революционного движения и объявлением «октябрьского манифеста», возникают общественно-политические организации и проходят выборы в первый русский парламент.

С началом революции в стране начинается профессиональная самоорганизация сельского населения. В мае 1905 г. в Московской губернии

образуется Всероссийский Крестьянский союз. С 31 июля по 1 августа 1905 г. в Москве проходил Учредительный съезд ВКС, в котором принимали участие представители Костромской и Ярославской губерний. От Костромской губернии в работе съезда участвовал крестьянин д. Ильиной Валовской волости Макарьевского уезда Никифор Дерунов и житель д. Федяево Мордвиновской волости Юрьевоцкого уезда Ефим Челепегин [9, Л. 6]. Интересно посмотреть, что это были за личности до избрания на съезд ВКС.

Ещё до созыва Учредительного съезда ВКС, делегаты-костромичи Никифор Васильев вместе с братом Григорием Фёдоровым Деруновым приняли участие в защите социально-экономических интересов своих односельчан и вели антиправительственную агитацию среди них. Под их влиянием крестьяне Валовской волости Макарьевского уезда начали самовольно рубить лес и запахивать земли у арендаторов [9, Л. 60б.]. Как следствие, между крестьянами и арендаторами возник конфликт, который жители волости стремились решить мирным путём. 21 ноября 1904 г., на волостном сходе крестьяне выбирают «доверенных для ведения лесорубных дел» Никифора и Григория Дерунова. На необходимые расходы сход выделил им 1000 рублей [10, Л. 43]. Таким образом, Никифор Дерунов активно представлял интересы крестьян и пользовался у них авторитетом и доверием. В марте 1905 г. Деруновы пригласили из Москвы адвоката, помощника присяжного поверенного Московской судебной палаты Ивана Антоновича Васильевского, который начал вести переговоры с арендаторами земли [10, Л. 43]. Таким образом, крестьяне, братья Деруновы предпринимают реальную попытку защиты экономических прав через суд.

Другой делегат съезда ВКС – Е.А. Челепегин, житель д. Федяево Мордвиновской волости Юрье-

вецкого уезда, был торговцем мелочных товаров [12, с. 57]. 12 декабря 1905 г. братья Деруновы были арестованы полицией. После их ареста волнения в волости прекратились, так как основная масса крестьянства была идейно и политически инертна. Прекращение порубок и покосов после арестов братьев Деруновых свидетельствует о том, что крестьянская среда не смогла рекрутировать новых вожаков.

На Учредительном съезде ВКС выступал ещё представитель Костромской губернии, который заявил: «У меня есть 30 десятин купленной земли. Я, как демократ, уступаю её безвозмездно в общее пользование» [25, с. 33].

С 6 по 10 ноября 1905 г. прошёл Делегатский съезд ВКС в Москве. От Буйского уезда в деятельности съезда принимал участие бывший рабочий Путиловского завода, крестьянин И.А. Лобов [26, с. 88], впоследствии арестованный [14].

Наряду с учреждением Всероссийского крестьянского союза в столицах, в уездах губернии сельские жители начинают самоорганизовываться. В ноябре 1905 г. в Пошехонском уезде Ярославской губернии образуется «Союз крестьян» (СК). Председателем организации был избран крестьянин д. Михинки М.Ф. Рябков (имел маслобойный завод) [24, с. 174]. Рябков считался «человеком либеральным, довольно умным, с организационными способностями, хорошо знающий население» в округе и подход к нему, «известный большинству» [24, с. 172] крестьян. Под влиянием интеллигенции крестьяне начинают профессиональную самоорганизацию в своих деревнях и сёлах.

Выдвигаются активные крестьяне и в ходе выборов в I Государственную думу, в которую прошло два представителя от крестьянства Костромской (И.В. Замыслов, П.Д. Горохов) и один от Ярославской губернии (А.М. Костров).

Самым молодым стал депутат И.В. Замыслов, которому было 32 года, П.Д. Горохову – 49 и А.М. Кострову – 50 лет. Таким образом, значительная часть сельских избирателей доверяла отстаивать свои интересы крестьянам, обладавшим жизненным опытом. Становление их личности шло после отмены крепостного права, в эпоху формирования новых общественных отношений. Все депутаты имели определённое образование. А.М. Костров – низшее [3, с. 95], П.Д. Горохов проходил обучение дома [3, с. 36]. Отсутствие хорошего образования компенсировалось богатым жизненным опытом. Хорошие знания имел И.В. Замыслов, закончивший земское училище [4, с. 213]. Современники отмечали, что будущий депутат был со знательным и начитанным человеком [18, с. 134]. Таким образом, большинство народных избранников обладали жизненным, практическим опытом.

Все народные избранники в 1905 – мае 1906 г. занимали определённые должности в земском

и волостном правлении. Так, П.Д. Горохов был волостным старшиной и членом уездной земской управы [2, с. 193]. И.В. Замыслов занимал должность председателя совета ссудо-сберегательного товарищества, являлся кандидатом в волостные старшины, был церковным старостой [4, с. 213]. Весной 1906 г., на волне выборов в первую Думу, он быстро приобретает поддержку, не только у односельчан, но и у всей округи [19]. П.Д. Горохов и И.В. Замыслов, сотрудничая с земством, приобретали опыт управленческой деятельности. С другой стороны, крестьяне соприкасаются с леволыберальной интеллигенцией, которая влияет на их политические взгляды.

Ярославский депутат крестьянин А.М. Костров 11 лет служил волостным старшиной, два года – членом уездной земской управы, заведовал ростовским сельскохозяйственным складом [3, с. 95]. Костров также работал в земстве, которое в отличие от Костромского, было весьма умеренным, что, в свою очередь, влияло на политическое мировосприятие депутата.

Отношение народных избранников к революционным потрясениям проявилось в предвыборный период. Так, 4 декабря 1905 г. П.Д. Горохов на общем сходе крестьян Кондауровской волости Юрьевоцкого уезда был избран «ходоком к Царю» просить «прирезки земли» [15]. П.Д. Горохов пользовался уважением и авторитетом у односельчан и являлся «горячим защитником крестьянских интересов, твердо отстаивал их от посягательств всевозможных деревенских кулаков – мироедов. Всегда находился в оппозиции к сельским и волостным властям» [18, с. 132]. В феврале 1906 г. за распространение предвыборной кадетской литературы он был арестован и посажен в тюрьму [17, с. 19]. Но, это только усилило доверие к нему со стороны сельского общества.

И.В. Замыслов в конце 1905 г. вступает в конституционно-демократическую партию (КДП) [4, с. 213]. В д. Прудовка Варнавинского уезда семья Замыслова пользовалась симпатиями и уважением сельского общества «за честность и доброту» [13]. Во время предвыборной кампании возник конфликт между И.В. Замысловым и монархически настроенным духовенством Благовещенской волости Варнавинского уезда [3, с. 36]. В этот период И.В. Замыслов ведёт активную общественную работу, что делает его популярным среди жителей уезда. Следовательно, прогрессивные взгляды сделали И.В. Замыслова популярным среди крестьян.

Ярославский депутат – крестьянин А.М. Костров – после окончания выборов в первую Думу в апреле 1906 г. получил от члена Государственной Думы А.Ф. Аладына приглашение прибыть в Петербург для объединения [11, Л. 91] в Трудовую группу. Однако, несмотря на своё происхождение, Костров в Трудовую группу не вошёл.

В мае–июне 1906 г. происходит дальнейшее политическое самоопределение крестьянских депутатов. В Трудовую группу вошёл беспартийный П.Д. Горохов [23, с. 18]. Мотивом вступления становится сословно-профессиональная принадлежность депутатов-крестьян. К трудовикам присоединился кадет – крестьянин И.В. Замыслов [23, с. 62]. Следовательно, Трудовая группа становится социально-профессиональным объединением. В то же время депутат от Ярославской губернии крестьянин А.М. Костров вошёл в состав Конституционно-демократической фракции [4, с. 307], не присоединившись к Трудовой группе.

Политические взгляды крестьян-депутатов проявились во время работы в Думе. Сельским депутатам пришлось действовать в новых, непривычных для них условиях. Один из журналистов, характеризую политическую атмосферу внутри Думы, писал: «Палата гремела. Охваченная энтузиазмом... Это крик измученной России» [28, с. 13]. В парламенте шли непрерывные дебаты, дискуссии, в которых пришлось принимать участие крестьянским избранникам.

Выступал с думской трибуны ярославский депутат-крестьянин А.М. Костров. Он подписал семь заявлений о запросах Думы, а также законопроект Думы «о гражданском равенстве» [8, с. 67]. Всё это характеризует определённым образом его политические взгляды. Принимал участие депутат и в обсуждении аграрного вопроса. 2 июля 1906 г. Костров с трибуны Думы заявил: крестьяне требуют отчуждения частновладельческих земель [7, с. 941]. Всё это подтверждает тактическую линию и лозунги кадетов.

Костромской депутат крестьянин И.В. Замыслов подписал 15 заявлений, в том числе кадетский вариант аграрного вопроса (8 мая 1906 г.) [8, с. 57]. Следовательно, И.В. Замыслов соглашался с предложением кадетов о решении земельного вопроса. Несмотря на вступление в Трудовую группу, депутат не подписал проект о земле «104-х», представленный на обсуждение трудовиками 23 мая 1906 г. [7, с. 163]. Следовательно, Трудовая группа не в полной мере отражала и его политические взгляды. Вместе с тем И.В. Замыслов подписал заявление 151 члена Государственной думы «о гражданском равенстве» [8, с. 57], что подтверждает близость его внутренних убеждений к либеральной программе. Следовательно, большинство депутатов-крестьян от изучаемых губерний вели активную общественную работу в Думе. Это отражает их стремление к самореализации в решении проблемы малоземелья путём реформирования аграрных отношений. В тоже время П.Д. Горохов ведёт свою деятельность в Трудовой группе.

Наряду с законодательной деятельностью в Думе, И.В. Замыслов вёл работу с избирателями. 7 июня 1906 г. в Петербурге, на квартире народ-

ного избранника, прошла встреча с земляками-отходниками [21]. А в середине июня 1906 г. депутат посетил Костромскую губернию и провёл семь собраний [20]. В губернии И.В. Замыслов выступал с речами перед крестьянами, объясняя им позицию партии кадетов в решении аграрного вопроса. Это расширяло возможность пропаганды кадетской программы среди сельского населения. Вместе с устными выступлениями депутат отчитывался перед избирателями в письменном виде, присылая информацию о своей деятельности. Так, 1 июля 1906 г. Замыслов направил на имя уренского старшины краткий отчёт о работе в Государственной думе и просил его прочесть крестьянам на волостных сходах [16]. В свою очередь власти препятствовали распространению информации о деятельности парламента. Так, старшина с. Урень одноимённой волости Варнавинского уезда под давлением земского начальника не смог огласить на сходе присланный И.В. Замысловым отчёт [16]. Таким образом, депутат И.В. Замыслов проявил широкую публичную активность, как в Государственной думе, так и среди сельских избирателей, обнаруживая стремление к изменению существующего положения в деревне.

Костромской депутат П.Д. Горохов не участвовал в работе думских комиссий и не выступал с думской трибуны [4, с. 145]. Он подписал 12 заявлений на запросы Думы, а именно: убийство стражниками 3-х крестьян в с. Китов Нижегородской губернии, о содержании заключённых казаках в Лохвицкой и Переяславской тюрьмах и др. [8, с. 46]. Всё это свидетельствует о формировании гражданского самосознания, протесте против произвола властей.

После роспуска Думы депутаты – кадеты от Костромской губернии Н.А. Огородников, П.А. Сафронов, З.Г. Френкель, И.В. Замыслов (а также социалист А.И. Смирнов), от Ярославской губернии – К.Ф. Некрасов, Д.А. Скульский, В.Е. Строганов, Д.И. Шаховской подписали «Народу от народных представителей» [27, Л. 3], за что в последствии были приговорены к трёхмесячному тюремному заключению.

Таким образом, в 1905 – первой половине 1906 гг. в условиях революционных потрясений и выборов в первый русский парламент выделяется политически активная часть сельского населения. Данная прослойка крестьян понимала свои социально-экономические интересы и стремилась их отстаивать легальным путём. Это были преимущественно крестьяне, которые имели опыт общественной работы, были близки к земству. Под влиянием земской народнической и леволиберальной интеллигенции данная часть сельского населения в общественно-политической борьбе в 1905 – первой половине 1906 г. занимает левые и близкие к кадетской партии позиции.

Библиографический список

1. Белов А.М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в период Первой русской революции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 1997. – 192 с.
2. Большая энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова. – СПб.: Просвещение, 1909. – Т. 21. – 792 с.
3. Государственная дума первого созыва: портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. – М.: Возрождение, 1906. – 112 с.
4. Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг. Энциклопедия / под ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССЭН, 2006. – 735 с.
5. Государственная дума Российской империи: депутаты от Костромской губернии // Губернский дом. – 2007. – № 1–2. – С. 32–43.
6. Государственная дума. 1906–1917 гг. Стенографические отчёты. – М.: Правовая культура, 1995. – Т. 1. – 112 с.
7. Государственная дума. Стенографические отчёты. Сессия первая. – СПб.: Государственная типография, 1906. – Т. II. – 866 с.
8. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 316 с.
9. Государственный архив Костромской области. – Ф. 133. – Оп. 31. – Д. 145.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102.ООПД. – Оп. 233. – Д. 2550. – Т. 61.
11. Государственный архив Ярославской области. – Ф. 73. – Оп. 9. – Д. 281.
12. Колесниченко Д.А. Всероссийский Крестьянский союз в 1905–1907 гг. – М.: Институт Российской истории РАН, 2006. – 310 с.
13. Костромич. – 1907. – 6 января.
14. Костромской голос. – 1906. – 4 февраля.
15. Костромской голос. – 1906. – 14 февраля.
16. Костромской край. – 1906. – 1 июля.
17. Памятная книжка 1-й Государственной думы. – СПб.: М.М. Бениславский, 1906. – Вып. 1. – 52 с.
18. Первая российская Государственная дума. Литературно-художественное издание. – СПб.: Типография Т-ва Печатного и Издательского дела «Труд», 1906. – 126 с.
19. Поволжский вестник. – 1906. – 10 ноября.
20. Речь (Государственная дума). – 1906. – 28 июня.
21. Речь (Государственная дума). – 1906. – 7 (21) июня.
22. Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1989. – 264 с.
23. Состав Трудовой группы в I и II Государственной думе. Сводная таблица членов фракции / авт.-сост. Д.А. Колесниченко. – М.: Институт Истории СССР, 1988. – 124 с.
24. Успенский В.А. Крестьянское движение 1905–1906 гг. в Ярославской губернии // Ярославль в первой русской революции. Сборник материалов. – Ярославль: изд-во газет «Северный рабочий» и «Ярославская деревня», 1925. – С. 157–202.
25. Учредительный съезд Всероссийского Крестьянского союза 31 июля – 1 августа 1905. Протокол. – М.: Главный комитет ВКС, 1905. – 40 с.
26. Флеров В.Н. Хроника села Контево. – Кострома: Линия График Кострома, 2008. – 304 с.
27. Центр документации новейшей истории Ярославской области. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 23.
28. Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. – СПб.: Баум, 1906. – 167 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе широкого круга источников, статистического материала и исследовательской литературы рассмотрены проблемы взаимоотношения партийно-советских органов власти верхневолжского региона и местного студенчества. Показано, что в этот период эти взаимоотношения развивались сложно и противоречиво. К положительным моментам можно отнести то, что в верхневолжском регионе образовалась сеть высших учебных заведений, причем в Костроме, Иваново-Вознесенске и Владимире до революции вузов вообще не было. Однако первоначальная эйфория сменилась разочарованием. Многие декреты, постановления и решения были поспешными, у местных партийно-советских органов не было механизма их реализации. Из-за неподготовленности рабоче-крестьянского студенчества происходил резкий количественный спад учащихся, которому способствовала экономическая разруха и финансовая неразбериха времен Гражданской войны. Вмешательство партийно-советских органов в дела высшей школы Верхнего Поволжья, которое носило как идеологический, так и организационный характер, также не способствовало стабильному развитию вузов этого региона.

Ключевые слова: Гражданская, война, партийно-советские органы, вузы Верхнего Поволжья, студенчество, РКП (б).

После Октября 1917 г. и начала Гражданской войны перед руководством РКП (б) встал насущная задача «в наиболее короткий срок дать специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих» [32, с. 337] путем открытия широкого доступа этих слоев населения к высшему образованию. Основной упор при этом делался на классовый признак, хотя даже среди профессуры было не так много людей, желающих сохранить социальную элитарность вузов. Значительное их число предпочитало, чтобы прием в вузы определялся способностями, а не социальным происхождением. По этому поводу прошла даже дискуссия между Н.И. Бухариным и И.П. Павловым. Павлов был не согласен с Бухариным по вопросу целесообразности выдерживания классово подхода при приеме в вузы. Бухарин, возражая Павлову, говорил: «И если на первых порах не будем иметь достаточно полноценных студентов, то эти недостатки будут полностью компенсированы одним несомненным преимуществом. Новое студенчество всеми своими корнями связано с жизнью, с практикой, с деятельным участием в общественном строительстве» [2, с. 14]. Реформа высшей школы, начавшаяся сразу после Октябрьской революции, как раз преследовала эти цели. До революции в губерниях Верхнего Поволжья, за исключением Ярославля, не было высших учебных заведений. После революции новая власть в центре и на местах посчитала это пережитком прошлого, стремлением бывших властей не допустить рабочих и крестьян к системе высшего образования. И началось экспериментаторство, которое проявилось в постоянном открытии, закрытии и преобразовании вузов, в новых подходах к оценке знаний и т.п.

Декретом Совета Народных Комиссаров от 2 августа 1918 г. право поступления в вузы было

предоставлено всем желающим лицам обоего пола, достигшим 16-ти летнего возраста. «На первое место, безусловно, – говорилось в декрете, – должны быть приняты пролетарии и беднейшие крестьяне, которым будет предоставлена в широком размере стипендия» [37, с. 57]. В местной советской и партийной прессе развернулась широкая агитация, в результате которой в число студентов записалось немало рабочих [34, с. 84].

Осенью 1918 г. был принят еще ряд юридических актов, которые, по мнению правительства, должны были демократизировать высшую школу. Декретами СНК от 1 октября и 10 ноября 1918 г. упразднялись ученые степени, отменялось иерархическое деление преподавательского состава, отменялись все официальные экзамены.

На 1 января 1919 г. в губерниях Верхнего Поволжья насчитывалось 8 вузов, но их распределение было неравномерным. Если в Костроме образовалось 4 высших учебных заведения, то во Владимире Практический институт народного образования возник только в конце Гражданской войны.

Местные исполкомы сразу устанавливали финансовый контроль за деятельностью вузов, против чего возмущались профессора, ссылаясь на автономию высшей школы. Так, в частности поступил в 1918 г. Ярославский исполком.

Стремление местных властей к открытию у себя высших учебных заведений поддерживалось скопившейся в провинции учащейся молодежью и профессорско-преподавательским составом. Первые оказались там из-за того, что начиная с 1916 г., иногородним студентам столичных вузов фактически запрещалось продолжать обучение. А многие профессора и преподаватели стремились уехать из центральных городов из-за дороговизны и продовольственного кризиса. Однако, несмотря на все трудности, многие местные партийно-советские

органы выступали активными поборниками именно университетского образования, потому что это было престижным. «Если в одной губернии есть университет, – вспоминал позднее А.В. Луначарский, – то другая губерния говорит: чем мы хуже, и у нас есть университет, а есть ли для этого оборудование и средства, об этом не спрашивают» [33, с. 24]. Так возникли Костромской и Ярославский университеты. Причем их открытие было приурочено к определенной дате – годовщине Октябрьской революции [16, Л. 210]. Правда, материальная и интеллектуальная база Ярославского университета была солидней, т.к. он был преобразован из Демидовского юридического лица. Еще после февральской революции через существующую тогда Комиссию по реформе высшей школы был проведен проект реорганизации лица в университет, который получил одобрение Временного правительства, но не был опубликован и вследствие этого не имел практического осуществления. Весной 1918 г. эта работа возобновилась. Но тут Совету лица пришлось преодолеть одно совершенно неожиданное для него препятствие. В Комитете просвещения был поднят вопрос об учреждении университета в Костроме и, в связи с этим, возникло предложение о присоединении к этому новому университету Демидовского лица [38, с. 338]. Но Совету лица, подключившему партийные и советские губернские органы, удалось убедить Москву в необходимости открытия университета, который (как и Костромской университет) был законодательно оформлен декретом СНК от 21 января 1919 г. Ярославский университет образовался из 3-х факультетов: 1) общественно-экономического с экономическим, юридическим и кооперативным отделениями, 2) общественно-исторического и 3) агрономического или сельскохозяйственного [22, Л. 31].

Костромской университет вначале состоял из двух факультетов: гуманитарного и естественного. Позже, в связи с заявлениями слушателей, выразивших получить подготовку к практической деятельности среди масс, университет приступил к организации педагогического факультета, рассчитанного на подготовку работников школ 2-й ступени [10, Л. 5].

Кроме университетов возникали и специализированные технические вузы. Специальным декретом СНК от 10 августа 1918 г. был образован Иваново-Вознесенский политехнический институт. «В целях удовлетворения рабочих масс на образование, говорилось в параграфе 1 этого декрета, – ввиду особой потребности в высшем техническом образовании для рабочих текстильной промышленности, учреждается в Иваново-Вознесенске политехнический институт, находящийся в ведении наркомата просвещения» [15, Л. 5]. ИВПИ возник на базе Рижского политехнического института, который был переведен в Иваново-Вознесенск по хо-

датайству тогдашнего председателя Иваново-Вознесенского губисполкома М.В. Фрунзе. На третьем экстренном заседании коллегии финансового отдела Наркомата просвещения 2 августа 1918 г. была утверждена смета в размере 5415628 руб. на организацию ИВПИ [14, Л. 89]. Кроме того, все промышленные предприятия города были обложены налогом в размере 10 руб. на каждого работающего. В местном отделении Госбанка был открыт текущий счет, на который губисполком в специальном обращении к населению губернии просил всех, кому дороги интересы края, внести свою лепту в организацию Иваново-Вознесенского политехнического института [1, с. 84.] В составе ИВПИ в начале было шесть факультетов: 1) химический, 2) инженерно-механический, 3) инженерно-строительный, 4) инженерно-текстильный, 5) сельскохозяйственный, 6) социально-экономический. Будучи идейным преемником РПИ, получив от него первые основные кадры профессоров и преподавателей, учебные и научные традиции, ИВПИ оказался в значительной степени и материальным наследником Рижского политехнического института. В Иваново-Вознесенск была переведена большая библиотека последнего, необычайно богатая для провинциального вуза и составлявшая красу и гордость местного края [28, с. 227].

Открытие широкого доступа в высшую школу на основании декрета от 2 августа 1918 г. естественно отразилось на количественном росте учащихся. Буквально за полтора месяца, с 15 ноября 1918 г. по 1 января 1919 г., число студентов в вузах Верхнего Поволжья возросло в 4–5 раз. Этот процесс вначале активно поддерживался центральными и местными партийно-советскими органами. Они понимали, что образование – это фактор, способствующий легитимности советского правительства, поскольку новая система образования призвана была служить большевистским целям и идеалам. А так как вся политика РКП (б) была проникнута классовым характером, то и вузах основной упор делался на рабочих и крестьян и их детей. В Ярославском педагогическом институте в 1919 г. в первую очередь принимались кандидаты из пролетарских организаций и комитета бедноты [21, с. 60]. «Студенчество необходимо вербовать из трудовых масс населения и, прежде всего, из пролетариата», – требовал отдел высших учебных заведений от Костромского университета. Однако контингент студентов этого вуза объединял, как сообщалось в годовом отчете за 1918–1919 гг. Костромского университета, самые разнообразные элементы, начиная от студентов старых университетов, прошедших через прежнюю среднюю школу, и кончая представителями пролетариата, за плечами которых была только старая начальная школа и подготовившиеся к дальнейшей научной работе самостоятельно [10, Л. 17]. И ради предоставления

трудящимся, прежде всего, фабрично-заводским рабочим возможности обучаться, лекции и практические занятия в Костромском университете предполагалось проводить в вечернее время [39]. Сложность, правда, состояла в усвоении таким студенчеством учебных программ высшей школы. Насколько каждый подготовлен к занятиям на академическом отделении предоставлялось судить самому студенту: никакого образовательного ценза или аттестата для поступления на это отделение не требовалось. Не было ограничений для перехода с одного факультета на другой. Конечно, многие рабочие и крестьяне не имели нужной подготовки и не представляли всей сложности обучения. После того как они «раскусили», что представляет собой академическое отделение, поток слушателей резко спал. Вот что писал в Костромскую газету «Красный мир» ректор Костромского университета профессор Ф.А. Меньков: «В первый академический год в студенты записалась вся Кострома, все ходили слушать, но никто не занимался. Во второй год волна схлынула, слушателей было мало, и они тоже мало занимались. И только к третьему году положение нормализовалось» [31]. В ИВПИ, лица, зачисленные в студенты в 1918–1919 гг., прослушав 2–3 лекции, в большинстве прекратили дальнейшие занятия. Так на 1 января 1920 г. в ИВПИ обучалось уже 1078 студентов, на 1 января 1921 г. только 658 человек. [27, с. 5] А на прядильно-ткацком факультете к концу 1919 г. состояло всего три слушателя [8, с. 72]. Правда, такой огромный количественный отток студентов объяснялся не только их неподготовленностью, но и трудными материальными условиями (низкой стипендией, скудным пайком, высокими ценами и т.п.). Дефицитом было не только продовольствие, но и учебные пособия, а огромные военные расходы оттеснили далеко назад ассигнование на образование. Кроме того, учащиеся подвергались трудовой повинности. Они обязаны были одновременно с учебой где-нибудь служить. Так, студенты ИВПИ являлись служащими губернского отдела народного образования, Иваново-Вознесенского казначейства, губотдела здравоохранения, губсоюзпотребительских обществ и т.п. [7, Л. 155–164]. С началом Гражданской войны на студентов распространилась воинская повинность. В ноябре 1919 г. РВСР объявил мобилизацию студентов в особые студенческие батальоны, с категорическим указанием, что ни один из студентов не может быть оставлен в гражданских и даже военных тыловых учреждениях [11, Л. 60]. Ко всему этому не везде в Гражданскую войну местные власти с достаточным вниманием относились к нуждам высшей школы. Например, администрация Ярославского университета жаловалась в Москву по поводу того, что здание Ярославского университета всякий раз «привлекало к себе внимание, как только в городе возникала

необходимость в приискании какого-либо помещения для какого-либо учреждения» [13, Л. 22].

Дальнейшая такая подготовка могла привести к катастрофе всей системы высшего образования. И это осознали центральные власти. В годовом отчете ИВПИ за 1920 г. говорилось, что если бы правительство в начале текущего учебного года не улучшило бы материальный быт студентов и не освободило бы их от воинской повинности и службы в гражданских учреждениях, то в стенах этого института общее число студентов измерялось бы, вероятно, десятками [26, с. 6].

Помимо того, новые студенты не смогли сразу прижиться в новых для них условиях высшей школы, с другой стороны и старое студенчество в большинстве своем негативно восприняло происходящие события. Они совершенно не желали сотрудничать с новой властью. Причем партийно-советские органы пытались воздействовать на нее как методами убеждения, так и принуждения. Во Владимирской газете «Призыв» было напечатано обращение к студентам, в котором говорилось, что они должны понять необходимость трудиться [35]. Там, где увещевания не помогали, следовали угрозы. «Общественная обстановка изменилась и высшая школа должна приспособиться или умереть мерзкой смертью», – призывал «Рабочий край» в июле 1919 г. [36].

Необходимо сказать, что первое время, пока новая власть в центре и на местах была недостаточно крепка, она не сильно вмешивалась в дела высшей школы. ВУЗы обладали еще некоторой автономией, а внутри вузов сильно было студенческое самоуправление, которое основывалось на Постановлении Наркомпроса от 18 ноября 1918 г.: «О заведовании студенческими делами и об участии студентов в управлении высшими учебными заведениями». Этим Постановлением заведование студенческими делами каждого вуза возлагалось на органы студенческого самоуправления – общее собрание учащихся всего учебного заведения и советы студенческих старост. Так, отдел высших учебных заведений Наркомпроса уведомил Совет старост Костромского университета, что разработан проект реформы управления высших учебных заведений, в котором предусматривается участие в органах управления студенческих организаций [23, Л. 6]. Советам старост предоставлялась большая возможность влиять на весь уклад жизни вуза. Они были призваны организовывать представительство студентов и отстаивать их интересы в Советах вузов и собраниях факультетов. Совет распоряжался фондом социального обеспечения студентов, выделяемых Наркомпросом. В сущности, ему доверялась организация быта и всей экономической жизни студенчества [40, с. 166]. Однако в этих студенческих старостах преобладали так называемые «буржуазные интеллигенты».

В то же время большинство профессорско-преподавательского состава было или аполитично, или оппозиционно настроено по отношению к большевикам. А самих коммунистов к началу 1919 г. в вузах страны было всего 150, т.е. менее одного на вуз [29]. Поэтому в июле 1919 г. вышло Постановление коллегии Наркомата по просвещению, упраздняющее старостаты и передающее регулирование деятельности высшей школы, а также представительство в различные органы управления «студенческим группам РКП (б) и других партий, стоящих за советскую власть» [6, Л. 143]. На самом деле, все эти функции перешли только ячейкам РКП (б) вузов. Например, на собрании ячейки РКП (б) Костромского университета было решено: 1) просить губком о назначении политкома в Костромском университете, который имел бы силу на всех факультетах и являлся бы политическим и административно-хозяйственным органом; 2) в целях более продуктивной работы среди студенчества, просить губком о прикреплении всех студентов к ячейке университета [12, Л. 1]. И по мере того как количество студентов коммунистов увеличивалось (за год к октябрю 1920 г. их число увеличилось в 10 раз [41, с.10], роль комячеек в вузах возрастала. Из года в год увеличивалось и влияние губкомов Верхнего Поволжья на деятельность высших учебных заведений. Через них проходили все распоряжения по высшей школе из центра. Губкомы занимались подбором будущих студентов преимущественно из рабочих и крестьян и желательно коммунистов. Они оказывали всякое давление на профессуру и старое студенчество и, как могли, помогали студентам пролетарского происхождения. Губкомы принимали самое непосредственное участие и в преобразовании вузов. Так, Костромской губком много сделал, чтобы в 1921 г. Костромской институт народного образования был реорганизован в пединститут, в результате чего возрос статус последнего [20, Л. 4–10].

Стремясь идти в ногу с требованиями военного коммунизма, вписаться в выдвинутую Троцким концепцию милитаризации труда, Наркомпрос с 1920 г. осуществляет политику милитаризации высшего образования. В ней делается упор на профессионально-техническое обучение. Проводится ускоренный выпуск студентов высших технических учебных заведений. В частности, такой выпуск состоялся в Иваново-Вознесенском политехническом институте и на агрономическом факультете Ярославского университета [17, Л. 32]. 13 августа 1920 г. был принят декрет Совнаркома о студентах ВТУЗ, по которому они должны были отбывать учебную повинность, и не могли работать где-то на стороне [9, Л. 31]. Выполнение учебной повинности являлось тем же, что выполнение трудовой повинности, и от нее зависело получение стипендии и пайков, распределением которых за-

нимались специальные комиссии по социальному обеспечению и трудовой повинности студентов. Подобные комиссии создавались почти во всех вузах. Так, например, в комиссию при Ярославском университете входило три человека: один назначался Наркоматом просвещения, второй был представителем от местного отделения народного образования, третий представлял студенчество высшей школы [19, Л. 10]. И если студенты технических вузов еще могли надеяться на материальную поддержку, то студенты других вузов из-за экономической и финансовой разрухи Гражданской войны часто вообще ничего не получали. Особенно страдали учащиеся педагогических вузов и факультетов. Так, студенты Ярославского института народного образования на общем собрании требовали приравнять их в отношении пайка к другим студентам вузов [25, Л. 34]. Согласно положению об институтах как высших педагогических учебных заведениях, число стипендий должно было доведено до 200. Размер стипендии должен был составлять для Ярославского района 475 руб., а в реальности институт получал 100 стипендий по 20 руб. каждая. «Отсутствие материальной государственной поддержки вынуждало студентов бросать педагогическую подготовку и искать средства существования на стороне», – говорилось на общем собрании Ярославского ИНО. Причем администрация этого вуза считала, что студенты, подрабатывающие в других учреждениях, не должны получать стипендию [24, Л. 10]. Часть учащихся педагогического факультета Костромского университета находилась в очень частых периодических отпусках за продовольствием [18, Л. 5–7]. Студентам Владимирского ИНО стипендии хватало лишь на одну меру картофеля [4, Л. 15].

Однако, несмотря на все эти трудности, вузы Верхнего Поволжья продолжали готовить специалистов различных профессий, первый выпуск которых в большинстве высших учебных заведений состоялся уже после Гражданской войны. Причем выбор той или иной профессии определялся как политическими, так и экономическими обстоятельствами. Так, в первые годы деятельности ИВПИ на социально-экономическом и агрономическом факультетах слушателей было больше, чем на других факультетах. А меньше всего людей училось на текстильном факультете [30, с. 8–10]. Такая тенденция объяснялась сильно обостренным революцией интересом к экономическим и общественным вопросам. Кроме того, студенты надеялись решить проблемы существования при избрании агрономической «кормящей» профессии, а найти применение своему труду на стоящих текстильных фабриках у них практически не было никакой возможности.

Таким образом, процесс взаимоотношения большевистской власти и студенчества Верхнего Поволжья осуществлялся противоречиво и не-

однозначно. К положительным моментам можно отнести то, что в этом регионе образовалась сеть высших учебных заведений, причем в Костроме, Иваново-Вознесенске и Владимире до революции вузов вообще не было. Эти учебные заведения готовили так необходимых народному хозяйству Верхнего Поволжья специалистов. По неполным данным в высших учебных заведениях Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний на 1 января 1919 г. обучалось 5613 студентов [3, с. 216].

Однако первоначальная эйфория сменилась разочарованием. Многие декреты, постановления и решения были поспешными, у местных партийно-советских органов не было механизма их реализации. Например, четыре вуза в Костроме были непосильным бременем для ее бюджета. Кроме того, большинство рабочих и крестьян оказались неподготовленными к учебе в высшей школе и сразу ее бросали. Произошел резкий количественный спад учащихся, которому способствовала экономическая разруха и финансовая неразбериха времен Гражданской войны. Моментом, негативного влиявшим на качество преподавания, было стремление партийных органов идеологически воздействовать на высшую школу как через ячейки РКП (б) при вузах, так и через программы по общественным наукам, на которые отводилось большое количество часов. К концу Гражданской войны вузы, подобно всей стране, переживали кризис. Необходимость новой экономической политики и для высшей школы стала очевидной.

Библиографический список

1. *Брасновский И.Я.* Иваново-Вознесенский политехнический институт // Вестник высшей школы. – 1966. – № 1.
2. *Бухарин Н.И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем // Коммунистический интернационал. – 1924. – № 1–2.
3. *Волков Д.А.* Формирование интеллигенции из рабочих и крестьян в 1917–1925 гг.: противоречивый опыт и уроки (по материалам государственных, партийных и общественных организаций Верхнего Поволжья): дис. ... кан. ист. наук. – Кострома, 1993.
4. ГАВО (Государственный архив Владимирской области). – Ф. 1062. – Оп. 1. – Д. 6.
5. ГАИО (Государственный архив Ивановской области). – Ф. 1094. – Оп. 2. – Д. 165.
6. ГАИО. – Ф. 1092. – Оп. 2. – Д. 17.
7. ГАИО. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 77.
8. ГАИО. – Ф. 765. – Оп. 1. – Д. 597.
9. ГАИО. – Ф. 1094. – Оп. 2. – Д. 165.
10. ГАКО (Государственный архив Костромской области). – Ф.р-33. – Оп. 1. – Д. 128.
11. ГАНИКО (Государственный архив новейшей истории Костромской области). – Ф.1. – Оп. 1. – Д. 754.
12. ГАНИКО. – Ф.1. – Оп. 1. – Д. 668.
13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 1565. – Оп. 3. – Д. 24.
14. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 18. – Д. 43.
15. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 18. – Д. 66.
16. ГАРФ. – Ф. 1563. – Оп. 3. – Д. 24.
17. ГАРФ. – Ф. 1565. – Оп. 3. – Д. 29.
18. ГАРФ. – Ф. 1565. – Оп. 6. – Д. 94.
19. ГАРФ. – Ф. 1565. – Оп. 6. – Д. 95.
20. ГАРФ. – Ф. 1565. – Оп. 6. – Д. 95.
21. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 18. – Д. 48.
22. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 16. – Д. 151.
23. ГАРФ. – Ф. 2306. – Оп. 18. – Д. 215.
24. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). – Ф. 1190. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 24. – Д. 9.
25. ГАЯО. – Ф. 1190. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 34.
26. Деятельность Иваново-Вознесенского политехнического института. – Иваново-Вознесенск, 1923. – 58 с.
27. Деятельность Иваново-Вознесенского политехнического института. – Иваново-Вознесенск, 1924. – 66 с.
28. *Заславский И.В.* Иваново-Вознесенский политехнический институт // Иваново-Вознесенская губерния. Т. 1. – Иваново-Вознесенск, 1924. – 227 с.
29. Известия ВЦИК. – 1920. – 6 нояб.
30. Известия ИВПИ. – 1923. – Юбилейный выпуск.
31. Красный мир. – 1921. – 1 сент.
32. *Ленин В.И.* Наказ по вопросам хозяйственной работы // Полн. собр. соч. Т. 44. – М.: Политиздат, 1970. – 446 с.
33. *Луначарский А.В.* Доклад на II сессии ВЦИК // Народное просвещение. – 1921. – № 9–10.
34. Первый год советской работы по народному образованию в г. Костроме. – Кострома, 1921.
35. Призыв. – 1920. – 22 авг.
36. Рабочий край. – 1919. – 18 июля.
37. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. – Вып. 1. – М., б.г.
38. Сборник Ярославского государственного университета. 1918–1919. Вып. 1. – Ярославль, 1920.
39. Советская газета. – 1918. – 1 сент.
40. *Чомбарисов Ш.Х.* Формирование студенческой университетской системы. – Уфа, 1973. – 255 с.
41. *Чуткерешвили Е.В.* Развитие высшего образования в СССР. – М.: Высшая школа, 1961. – 278 с.

УДК 94(470)"1917"

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

kocheshg@mail.ru

РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧАСТНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ С КРЕСТЬЯНСТВОМ (март–октябрь 1917 г.)

В статье анализируются проблемы взаимоотношений крестьянства с частными земельными собственниками в постфевральский период. На основе многочисленных документов и материалов показана динамика роста аграрных движений весной–летом 1917 года. Март–апрель 1917 года были временем доверия русского крестьянства к Временному правительству, временем надежд и ожиданий, связанных со скорейшей реализацией земельного вопроса. Однако к лету 1917 года волна поддержки правительства спала, и всенародный энтузиазм сменился разочарованием. Начинаются аграрные волнения, сопровождавшиеся погромами и захватами помещичьих имений. Первоначально основной формой борьбы частных землевладельцев с противоправными действиями крестьян являлась подача жалоб в органы власти. Временное правительство поручало губернским комиссарам принять соответствующие меры с целью пресечения захватных действий крестьян. В статье отмечается, что далеко не всегда местные органы власти могли выполнить поручения из центра. Статистика аграрных движений показывает, что весной 1917 года преобладали насильственные, захватные методы борьбы крестьян с помещиками. Объектом внимания сельчан были не только земли помещиков, но и земли хуторян и отрубников. Давление на мелких земельных собственников было столь сильным, что многие из них вынуждены были возвращать земли общинникам. В летний период рост крестьянского движения усилился, противостояние ожесточилось, о чем свидетельствуют требования землевладельцев защитить их собственность военным путем. Фактически деревня оказалась на грани гражданской войны.

Ключевые слова: частные земельные собственники, земельные комитеты, Временное правительство, погромы, крестьянское движение, хуторяне, отрубники, жалобы.

Февральская революция породила взлет надежд русского крестьянства на скорое решение аграрного вопроса. В адрес Временного правительства поступали сотни телеграмм с мест, в которых сельчане выражали поддержку новой власти, обуславливая ее защитой коренных интересов крестьянства. Так, собрание сельских жителей Подольского уезда Московской губернии приняли резолюцию следующего содержания: «Поддерживать Временное правительство, доколе действия его не будут расходиться с интересами трудового крестьянства и рабочего класса... Признать, что коренное разрешение земельного вопроса должно совершиться в Учредительном собрании... Ввиду необходимости обеспечения армии, рабочих и граждан продуктами, увеличить посевную площадь, для чего нужно использовать все необработанные земли помещиков и другие земли, отнюдь не действуя захватным путем, а действуя в этих случаях организованно и с разрешения волостных и уездных комитетов» [2]. Крестьяне с. Сосновка, Моршанского уезда Тамбовской губернии приняли аналогичную резолюцию: «Выражая полное доверие Временному правительству, мы будем всеми силами оказывать ему поддержку и содействие, пока правительство свято и неуклонно выполняет взятое на себя обязательство» [7].

Чувства, проявленные в этих резолюциях, являлись характерными для отношения крестьян к правительству: крестьяне предлагали исполнительной власти свою поддержку, но с серьезными оговорками.

В скором времени вера в правительство улетучилась. Волна поддержки Временного правительства спала, и всенародный энтузиазм сменился разочарованием. Ожидания крестьян, связанные с удовлетворением земельных интересов немедленно, оказались иллюзорными. Разочарование накапливалось шаг за шагом. Нетерпеливая воля деревенского населения стала проявляться в виде захватов пахотных земель и прочих действиях крестьян в отношении частных владений. Беспорядки и погромы вызывались иногда желанием крестьян свести старые счеты с помещиками, иногда потребностью в семенах, но, главным образом, «возможностью получить желаемое сравнительно легко и безопасно, так как владельцы имений и их управляющие почти не оказывали сопротивления» [3]. Однако весной 1917 года крестьянское движение, несмотря на отдельные случаи правонарушений, не имело массового организованного характера. Имелись сведения, что самоуправные действия крестьян были особенно сильны в тех районах, где владельцами имений были лица, носившие немецкие фамилии (Вульф, Фогель, Шмидт, Шумахер, Бухмейер и др.). На станции Инза (Симбирская губерния) был убит толпой арестованный милиционерами крупный землевладелец, самосуд объяснялся слухами об измене Гельшарта [11, с. 4]. В Мологском уезде Ярославской губернии местными крестьянами было сожжено имение Фогеля [11, с. 5].

Поток жалоб частных владельцев на действия «подстрекателей» нарастал с каждым днем. Жа-

лобы поступали в канцелярию министра – председателя Временного правительства. Получив их, чиновники рассылали на места циркуляры за подписью главы правительства, требуя прекратить беспредел. Однако местные органы власти оказались неспособными исполнить указания центра.

Если проанализировать формы борьбы крестьян с землевладельцами за весенний период, то выясняется следующая картина. Наиболее частыми были случаи захвата имений – 112; далее следует такая форма как насильственное снятие с работ наемной рабочей силы и военнопленных – 69; захват местных угодий – 37; завладение инвентарем – 7; принудительная аренда – 3 [6]. По подсчетам П.Я. Быковского, одного из лидеров партии эсеров, с марта по июль 1917 г. произошло 1777 случаев аграрных волнений, среди которых превалировал захват угодий – более 50% и захват живого и мертвого инвентаря – около 10% [8]. Цифры показательны, они свидетельствуют о том, что в весенне-летние месяцы преобладали насильственные методы борьбы крестьян с частными собственниками. Анализ документов, источников убеждают в том, что не всегда выступления крестьян проходили под руководством волостных и других общественных организаций. Трудно назвать «организованным» спонтанный поход группы крестьян в количестве двух-пяти человек с целью захвата или разгрома помещичьего имения.

Нельзя сказать, что Временное правительство ничего не делало для того, чтобы защитить частных земельных собственников от крестьянского гнева. Одно за другим принимались постановления и предписания губернским комиссарам с требованием обеспечить нормальные условия землевладельцев в полевых работах. В телеграмме от 3 апреля министерство внутренних дел отмечает: «Озабочиваясь своевременным засеваем полей, что весьма важно для обеспечения продовольствия армии и населения, Временное правительство и Совет рабочих, солдатских депутатов обратились к гражданам с соответствующим воззванием. Отмечая чрезвычайную важность сего воззвания, прошу принять меры обеспечения на местах благоприятных условий сельским рабочим, недопущению снятия служащих, пленных, рабочих, ограждению имущества, инвентаря, свободы каждого владельца распоряжаться своею землею» [11, с. 404].

13 апреля министр – председатель Г.Е. Львов – рассылает телеграммы губернским комиссарам, в которых наряду с требованием не допускать самоуправства, насилия и грабежа соседствует просьба самым широким образом «немедленно организовать оповещение населения о недопустимости лишения кого-либо свободы помимо распоряжений судебной власти». Опираясь на авторитет всех организованных местных сил твердо и решительно отстаивать свободу и демократию в России, не принимать ка-

ких-либо самовольных решений, могущих «погубить необходимое единение для укрепления нового государственного строя» [11, с. 405–406].

23 апреля за подписью князя Г.Е. Львова и министра земледелия А.И. Шингарева было опубликовано воззвание, призывавшее население «спокойно ждать нового земельного устройства» и предупреждавшее, что «самовольные действия, направленные к немедленному переустройству на местах земельных отношений, грозят всеобщей разрухой» [17].

Действия волостных комитетов обостряют социальную борьбу в деревне, вызывая резкие протесты земельных собственников. В начале мая 1917 г. группа землевладельцев Симбирской, Самарской, Саратовской, Нижегородской, Тверской и др. губерний опубликовала в газете «Речь» коллективную жалобу по поводу действий волостных комитетов, «послушных открытой пропаганде об уничтожении всеми мерами частного землевладения в губерниях» [15]. Откликаясь на заявления частных землевладельцев, товарищ министра внутренних дел князь Урусов направил самарскому, николаевскому и ставропольскому уездным комиссарам предписания, в которых говорилось, что постановления многих волостных исполнительных комитетов нарушают права частных владельцев и устанавливают свои правила пользования земель, что является нарушением прерогатив Временного правительства. Комиссарам предписывалось принять самые решительные меры к прекращению «земельного произвола» комитетов, не допускать исполнения их постановлений, а виновных «привлекать к судебной ответственности» [13, с. 69].

30 мая Временное правительство издало особую инструкцию об охране посевов, в которой оговаривались как условия передачи пустующих земель продовольственным комитетам, так и права местных комитетов в осуществлении контроля и наблюдения за хозяйствами владельцев. В случае причиненного материального ущерба хозяйствам частных владельцев инструкция рекомендовала создание специальной комиссии для определения размеров причиненных убытков. Особо проводилась мысль о том, что постановление Временного правительства об использовании продовольственными комитетами пустующих земель вызвано «временным расстройством производства и распределения продуктов сельского хозяйства», носит временный характер и не призвано решать вопросы земельного устройства [5].

Объектом внимания волостных земельных комитетов были не только земли помещиков, но и земли хуторян и отрубников. «Мелкий хуторянин, средний землевладелец, крупный помещик одинаково испытывают тяжелые, иногда непоправимые удары волостных комитетов... Все землевладельцы, как крупные, так и мелкие, в большинстве случаев по-

давлены», — отмечалось в обзоре о положении страны, составленном отделом сношений с провинцией Временного комитета Государственной думы [10]. В процентном отношении насильственные действия крестьян в отношении домохозяев были не столь велики в общем количестве правонарушений, однако социальные и экономические последствия были несоизмеримы: хуторяне, напуганные агрессивностью общинников, нередко вынуждены были возвращаться обратно в общину. Вместе с нарастанием аграрного движения начался процесс разрушения того, что строилось за предшествующее десятилетие — процесс ликвидации участкового землевладения. Этот процесс носил регрессивный характер, он уничтожал первые ростки фермерского хозяйства на территории Европейской России.

Обычный способ защиты земельной собственности хуторянами — посылка жалоб в вышестоящие организации. Крестьяне-отрубники села Кожемяки на Перемышльского уезда Калужской губернии жаловались министру земледелия В.М. Черкову, что общинники «имеют ревностное желание оставить нас без хлеба и посева из мести, что мы пожелали выделить свою землю в отрубные участки». Податели прошения, как явствует из документа, с целью устранения споров предлагали общинникам добровольно выделить 11 десятин для снятия в их пользу из посеянной отрубниками ржи, но общинники отказались. В результате давления крестьянского схода, отрубники заявили, что в дальнейшем они не будут более пользоваться индивидуальными земельными участками, а возвратятся в общину, лишь бы земля не пустовала [18, с. 369–370].

В некоторых случаях владельцы отрубов и хуторов отказывались подчиняться незаконным решениям и не желали отдавать свои земли, в которые были вложены и труд, и деньги, в общее распределение. Иногда вставали на защиту частных земельных собственников и волостные исполнительные комитеты. В Скопинском уезде Рязанской губернии Вотворинский земельный комитет по жалобе отрубников отменил постановление сельского общества об отобрании у них купленных земельных участков. Такое же решение было принято по деревне Липягово. Волостной комитет обязал общинников возвратить отобранные у земельных владельцев участки «ввиду нарушения законов». Аналогичным было постановление земельного комитета Ново-Троицкой волости, Новгородской губернии [9].

Частенько беднота вырубала лес на хуторах и отрубках, захватывала луга и забирала скошенное сено, препятствовала выпасу скота хуторян на общественных выгонах.

В мае движение крестьян усилилось, увеличилось число захватов имений. Проведение повсеместно губернских и уездных съездов Советов крестьянских депутатов резко активизировало борьбу крестьян за землю. На форумах принимались ре-

золюции, идущие в разрез с идеями Временного правительства. Крестьянские съезды подтвердили факт быстрой радикализации масс под влиянием многих факторов: и агитации социалистических партий, призывавших крестьян брать землю, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, и слишком неспешный (по мнению крестьян) ход разработки аграрной реформы, и ухудшающееся экономическое положение России, и продолжение войны и прочие факторы. Съезды уже решили для себя, что делать с частновладельческими землями. В Казанской губернии съезд крестьян 13 мая принял резолюцию: «Впредь до решения земельного вопроса в Учредительном собрании все пахотные земли, луга помещиков, казенные, удельные, монастырские и кабинетные земли передать в распоряжение волостных комитетов... Весь инвентарь, скот и хозяйство помещиков по описи переходит волостным комитетам» [16, с. 157]. Самарский губернский крестьянский съезд (20 мая) проходил по тому же сценарию. Выступление эсера Игаева большинство делегатов восприняло крайне негативно: его предложение подождать с решением земельного вопроса до созыва Учредительного собрания, чтобы не подтолкнуть солдат к дезертирству, вызвало ропот собрания. Большинство ораторов высказывали общие идеи: землю надо брать сейчас до созыва Учредительного собрания; брать необходимо все земли — и у помещиков, и у отрубников, оставляя им только то, что они сами смогут обработать; землю брать бесплатно. Крайне негативно восприняли присутствующие циркуляр Временного правительства на имя губернского комиссара о недопустимости самовольных захватов частновладельческой земли и о привлечении виновных к ответственности. Делегат съезда Климушкин в резкой форме отреагировал на данный документ: «Правительство ищет нашего доверия, а вместо того, чтобы углублять революцию, пренебрегает постановлениями местных комитетов. Предлагаю послать телеграмму на места, с предложением не подчиняться циркуляру. Временному правительству предложить отменить свое распоряжение... Исполнение его необязательно» [12].

Временное правительство оказалось в сложном положении: на местах инициатива явно опережала законотворческую деятельность центральных органов государственной власти. Решения такого рода подталкивали крестьян к анархическим действиям, грозили уничтожить имения частных владельцев. Правительство потребовало от губернских комиссаров довести до сведения крестьянских организаций о незаконности подобных постановлений. Кое-где с огромным трудом удавалось достичь компромисса с исполкомами крестьянских Советов [4, Л. 141]. Однако этот мир был временным и крайне хрупким. Популизм, заигрывание с массами привели к тому, что Временное прави-

тельство оказалось неспособным сдержать этот мощный призыв крестьян к немедленным захватам частновладельческих земель.

Крайне негативную роль в нагнетании напряженности во взаимоотношениях между частными земельными собственниками и крестьянами играли солдаты-фронтовики, начавшие прибывать в деревню уже весной 1917 г. Это были демобилизованные и раненые воины, приезжающие домой в отпуск и дезертиры, число которых увеличивалось в связи с разложением армии. Солдаты становились застрельщиками в борьбе бедноты против помещиков и хуторян. В фондах канцелярии Временного правительства хранятся документы, свидетельствующие о руководстве крестьянами со стороны солдат [4. Л. 2, 6, 60б., 18 и др.]. Бывший крестьянин П.С. Ободзинский из села Болотина Плужанского района, Волынской губернии рассказывает: «...солдаты, возвращаясь к себе домой, остановились отдохнуть... Первым долгом ворвались во дворец князя, ища его самого, но князь через потайной ход начал спасаться бегом. Бегство кончилось неудачей. Солдаты быстро рассыпались по городу и нашли его. Догнали князя около моста, где сразу взяли его на штыки... Солдаты и крестьяне, не теряя времени, начали грабить его имение. Пожились немного бедняки, напоследок уже зажгли палату князя. Горит буржуазское имение» [11, с. 28–29].

Частные землевладельцы весьма бурно реагировали на насильственные действия со стороны солдат. От жалоб и просьб они переходят к требованиям защиты закона всеми средствами, в том числе и с использованием военной силы. Правительство оказалось в не простом положении. Оно понимало, что не следует применять силу против свободного гражданина России. С другой стороны, правительство видело, что стихийные крестьянские выступления грозили потерей всего того, что было добыто в ходе Февральской революции и создавали массу проблем в разрешении земельного вопроса законным путем. Ратуя за демократические методы правления, Временное правительство, используя военную силу для подавления бунтов, фактически отказывается от своих собственных принципов.

14 марта, по требованию Симбирского губернского комиссара, в Буинский уезд было направлено 200 солдат [14, с. 431]. Во второй половине марта войска посылались в Порховский, Валдайский, Новгородский и Ардатовский уезды [1, с. 197].

В начале апреля поступил правительственный ответ на запрос генерального штаба о том, при каких условиях командиры подразделений могут послать войска на подавление аграрных беспорядков. В ответе было сказано, что ответственность за нарушение законов в сельской местности несут губернские комиссары и общественные комитеты. Комиссарам предоставлялось право непосредственно обращаться за помощью к военным вла-

стям, если они считали, что это необходимо для поддержания порядка и нормальной жизни в сельских районах [11, с. 407].

Летом и осенью 1917 г. количество посылов воинских частей резко увеличилось в связи с усилением аграрных смут и прямых захватов земель частных собственников. Трещина между крестьянством и помещиками увеличивается, доверие к Временному правительству падает как со стороны владельцев латифундий, недовольных нерешительными и непоследовательными шагами правительства, так и со стороны крестьянства, стремящегося как можно скорее и проще решить аграрный вопрос в свою пользу. Страна оказалась в состоянии хаоса и на рубеже гражданской войны.

Библиографический список

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т.1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 658 с.
2. Голос Крестьянского союза. – 1917. – 25 апреля.
3. ГА РФ (Государственный архив РФ). – Ф. 4100. – Оп. 3. – Д. 30. – Л. 20б.
4. ГА РФ. – Ф. 1778. – Оп. 1. – Д. 302. – Л. 2, 6, 6 об., 18 и др.
5. ГА РФ. – Ф. 1788. – Оп. 2. – Д. 38.
6. ГА РФ. – Ф. 1791. – Оп. 6. – Д. 489.
7. Земля и воля. – 1917. – 29 апреля.
8. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 27 августа.
9. Красный архив. – Т. 1 (14). – М.; Л., 1926. – С. 206.
10. Красный архив. Т. 2 (15). – М.; Л., 1926. – С. 46.
11. Крестьянское движение в 1917 году / подг. к печати К.Г. Котельников и В.П. Меллер; предисл. Я.А. Яковлева. – М.: Госполитиздат, 1927. – 442 с.
12. Наш голос. – Самара. – 1917. – 2 июня.
13. *Осипова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Наука, 1974. – 350 с.
14. Революционное движение в России после свержения самодержавия / под ред. Л.С. Гапоненко (отв. ред.). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 857 с.
15. Речь. – 1917. – 3 мая.
16. *Соболев П.Н.* Привлечение беднейшего крестьянства на сторону социалистической революции // Борьба большевистской партии для создания политической армии социалистической революции. – М.: Политиздат, 1957. – 375 с.
17. *Шестаков А.В.* Крестьянские организации и I Всероссийский Съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. Т. 5 (64). – М.; Л., 1927. – С. 63–64.
18. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Док. и материалы. Ч. 3. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 702 с.

УДК 94(470)"1920/1939"

Скипина Ирина Васильевна

доктор исторических наук, профессор
Тюменский государственный университет
i.skipina@mail.ru

Чекрыгина Елена Анатольевна

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет
chekriginiae@mail.ru

ДОКУМЕНТЫ 1930-Х ГГ. О СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАХ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Переселение крестьян в начале 30-х годов XX в., проводимое в рамках сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, имело целью развитие промышленности, сельскохозяйственного и кустарного производства на окраинах страны. Большая часть раскулаченных крестьян была направлена на Обский север. Основным предприятием, занимавшимся приемом контингента, организацией труда и быта, вопросами жизнеобеспечения спецпереселенцев, являлся Обьрыбтрест.

В статье проанализирован комплекс документов из фондов Государственного архива Тюменской области, содержащий секретные постановления, указания, директивы центральных и местных властей о реализации мероприятий по водворению спецпереселенцев, данные о результатах обследований спецпоселков, переписку между отделами ГПУ и предприятиями. Данные материалы позволяют расширить источниковую базу изучения истории переселения крестьян из Центральных районов страны на Обской север.

Ключевые слова: документ, коллективизация, кулак, Обьрыбтрест, переселение, повседневная жизнь, спецпереселенцы, спецпоселок.

В современной литературе вопрос о партийно-государственной политике советского правительства, проводимой в рамках сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, получил новое освещение. Положение изменилось под влиянием рассекречивания значительной части документов и вовлечения их в научный оборот. Важную роль в изучении истории репрессированных крестьян, ставших по неволе переселенцами, сыграли труды В.Н. Земскова, С.А. Красильникова, Н.А. Ивницкого. Ученые на значительном и разнообразном источниковом материале показали, как советские преобразования изменили социальные и экономические отношения в стране, а переход к плановой экономике в конце 1920-х гг. потребовал новых способов государственного регулирования, быстрого увеличения объемов производства в сфере промышленности и сельского хозяйства, включения удаленных районов страны в плановую экономику. Авторы подчеркнули, что крестьян, не довольных реформами, решили переселять в отдаленные районы страны [11; 12; 13; 15].

Исследователи уже не раз отмечали, что тюменский (тобольский) север считался властями одним из самых «перспективных регионов» в реализации переселенческой политики [10; 14]. Руководством и ранее предпринимались попытки добровольного продвижения населения на Крайний Север, но они не получили отклика, пришлось проводить насильственную переброску трудовых ресурсов в удаленные районы страны, при этом в числе переселяемых оказалось в основном недовольное коллективизацией крестьянство. Политика переселения активизировалась в период сплошной коллективизации в рамках реализации постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. «О ме-

роприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и диктовалась желанием отстранить основных производителей хлеба от решения крестьянских проблем [16]. Руководство страны во главе с И. Сталиным объясняло перемещение деревенских семей на север, с одной стороны, как не желавших перестроиться на советские рельсы, а с другой, как способных работать на трудных участках, таких как лесоразработки, рыбный промысел, звероводство, строительство, охота, сбор дикоросов. Переселение должно было способствовать развитию промышленности, сельскохозяйственного и кустарного производства на окраинах страны.

В фондах Государственного архива Тюменской области сохранился комплекс секретных постановлений, указаний, директив центральных и местных властей о реализации мероприятий по водворению спецпереселенцев, которые содержат важнейшие данные о роли местных советов, общественных организаций, предприятий в реализации решений властей на Обском Севере [3, Л. 1–3, 4, 19]. Под данной территорией понимаются границы современного Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов.

Наплыв населения поставил серьезные проблемы перед местными управленцами и организациями. Ни у властей, ни у предприятий не хватало ни сил, ни средств для устройства труда и быта людей, что отчетливо просматривается в делопроизводственной документации местных советов, их исполкомов и предприятий. Управляющий Уралгосрыбтрестом Новиков отмечал, что к 10 февраля 1931 г. задания по расселению крестьян оказались невыполненными, оставались не расселенными в дома более 80% переселенцев, условия их проживания были тяжелыми [6, Л. 12]. Жилье возво-

дилось «на скорую руку», в одной комнате размещали по несколько семей, а частую людей селили и в бараках. Так, по данным санитарного врача (фамилия в документе не указана), в общежитиях Затона в двух бараках в декабре 1931 года разместили 156 человек, в помещениях было холодно и тесно, а наличие паразитов создавало угрозы вспышки эпидемии [5, Л. 253]. Не доставало бань, предметов санитарии, других вещей первой необходимости, да и постоянная работа находилась не для всех.

СНК СССР 1 июля 1931 г. принял постановление «Об устройстве спецпереселенцев», в котором административное управление, хозяйственное устройство и использование этой категории населения были поручены ОГПУ. Отдел данного управления, занимавшийся спецпереселением на Обской Север, находился в Свердловске. Отделения данного управления располагались непосредственно на местах, именно их сотрудники и заключали договоры с предприятиями, на которых требовался труд переселенцев. Крестьян перебрасывали к местам работы на основе соглашений между отделами по спецпереселенцам ОГПУ в регионах и предприятиях. Самым крупным предприятием, с которым был заключен договор по размещению спецпереселенцев, являлся Обьрыбтрест, имевший отделения в удаленных местах на Ямале. Коллекция документов Обьрыбтреста, хранящаяся в Государственном архиве Тюменской области (ГБУТО ГАТО), является одной из самых полных по истории повседневной жизни переселенцев, организации их труда и быта. Особый интерес в этом отношении представляют следующие фонды ГБУТО ГАТО: Ф. Р-721. – Организационный комитет Обско-Иртышской области, включающий 98 дел, и Ф. Р-1785. – Омский государственный рыбопромышленный трест Наркомата рыбной промышленности СССР, содержащий 3999 дел. Материалы делопроизводства и, прежде всего, отчетно-учетная документация треста, свидетельствует: на 6 декабря 1931 г. количество переселенцев, закрепленных только за Обьрыбтрестом, насчитывало 3996 семей, общим числом 15 тыс. человек. Трудовоспособное население составило 4043 мужчины и 2294 женщины [5, Л. 228]. Основная часть работников была занята на ловле и обработке рыбы, в строительстве, остальные занимались огородничеством и кустарными промыслами. Спецпоселки контролировались органами ОГПУ, переселенцы содержали комендатуру поселков, делали отчисления в фонд местной администрации, самостоятельно покупали снаряжение для работы [5, Д. 53, 95, 97]. Особенно тяжело приходилось старикам и детям. Нетрудовоспособное население, прибывшее с главами семейств, снабжалось по меньшим нормам. В соответствии с секретным письмом из Уралоблторга за № 12259, датированным августом

1930 г., переселенцы должны получать 6,5 кг муки в месяц, и только взрослое население, занятое работами по освоению колонизационного фонда, может получать муки по 10,8 кг в месяц. Сахар отпускается по 180 грамм в месяц, а для детей по 360 грамм. Для спецпереселенцев, занятых на ловле, нормы снабжения устанавливались немного выше. Кроме этого, товары для спецконтингента отпускались на 15% дороже, чем для других покупателей. За прогулы работников лишали продпайки или перемещали на самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, часть переселенцев вообще оставались без работы [4, Л. 1, 2, 3].

О масштабах переселенческих мероприятий ярко свидетельствуют статистические данные. В докладной записке Уральского облздравотдела в Наркомздрав говорилось, что в Уральской области в спецпоселках, находящихся в 69 районах, расселили 540818 человек, а это 130067 семей, приезжих разместили на территории 3-х округов – Коми-Пермяцкого, Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого. В Западную Сибирь переселили 66208 семей общей численностью 283890 человек. Всего в сентябре 1932 г. в Уральской области по данным ОГПУ в спецпоселках числилась 31851 семья, а общее число спецпереселенцев в них достигло 134421 человека. В 1931–1932 гг. по данным ОГПУ в Остяко-Вогульский округ направили 47876 переселенцев, из них 23728 человек в рыбную промышленность, 24148 человек в систему интегралкооперации, остальные члены работали на лесозаготовках, строительстве, звероводстве [5, Л. 10]. Это были «крепкие крестьяне» Поволжья, Урала, южных районов Тюменского края и других территорий.

В соответствии с договорами ОГПУ предоставляли предприятиям работников для выполнения плановых заданий партии и правительства, а местные власти и предприятия, принимавшие людей, организовывали их расселение и трудовую деятельность. Материалы делопроизводства организаций, принимающих переселенцев, свидетельствует о том, что именно они, при содействии местных властей, несли основную ответственность по обустройству поселков, открытию медсанчастей, школ, детсадов, яслей, изб-читален, создавали условия для работы комендатуры поселков и расселяли тружеников вблизи места работы, но изолированно от местных жителей. Документы свидетельствуют: обеспечить уровень жизни, установленный в договорах, не удавалось. Переписка между отделами ОГПУ и организациями, принимавшими людей, говорит о том, что переселенцев доставляли в северные поселки в большинстве случаев на баржах, по прибытию на места выяснялось, что условий для проживания и для работы создано не было, но людей продолжали направлять. Корреспонденция содержит многочисленные взаимные претензии отделов ОГПУ и предприятий друг другу, в ней го-

ворится о трудностях выполнения договоров обеими сторонами. О проблемах в реализации принятых обязательств свидетельствует и внутренняя переписка организаций, руководству приходилось постоянно напоминать подчиненным о необходимости выполнения планов переселения при любых обстоятельствах [5, Л. 95, 97].

Сохранились материалы обследований спецпоселков, проводимые уполномоченными отделов по спецпереселенцам ОГПУ. В результате обследования строительства в Обдорском, Березовском, Сургутском и Самаровском районах к октябрю 1931 г., выявлено, что общий план жилищного строительства для спецпереселенцев выполнен всего на 53%, причем готовые и уже заселенные дома требуют от 15 до 20% доделок: ремонта крыш, печей, сеней, рам [5 Л. 138].

Переселенцам, не занятым трудом на предприятиях, находили применение в сельском хозяйстве. Приезжим принадлежит заслуга земледельческого освоения северных территорий. Отчетно-учетная документация местных советов свидетельствует, что размеры посевных площадей постоянно наращивали: в Остяко-Вогульском округе посевные площади в 1929 г. равнялись 400 га, в 1932 г. они увеличились до 3176 га, а в 1933 г. достигли 5423 га. При этом земли, обработанные спецпереселенцами, составили 2845 га [2, Л. 78–78 об.].

Важным резервом трудоустройства членов семей переселенцев в ОГПУ считали сельское хозяйство, им предоставляли участки пахотной земли под зерновые и огородные культуры в размере не менее 2-х га на одну семью, 40% земли отводилось под сенокос [4, Л. 71]. С большим трудом работники Обьрыбтреста в 1933 г. освоили под различные сельхозкультуры 614 га земли, при этом посадки картофеля составили 167 га. В 1934 г. посадки картофеля удалось увеличить до 337 га, посевы зерновых довести до 309 га. На остальных освоенных площадях крестьяне высаживали морковь, редис, петрушку, лук, устраивали парники для овощей, кроме того, они заготавливали рыбу, собирали дикоросы, занимались охотой и кустарными промыслами. Особенно напряженным на Севере было положение с молочными продуктами. В Остяко-Вогульском округе в 1932 г. на пять семей в среднем приходилась одна корова [9, Л. 1–5].

В марте 1932 г. Отдел по спецпереселенцам ОГПУ из Тобольска сообщал Обьрыбтресту о том, что договор, заключенный между отделом и трестом, не соблюдался и в отношении разграничения места жительства переселенцев и вольнонаемных работников, кроме того, вольнонаемные лучше обеспечивались продовольствием. Из ОГПУ предупреждали, что Обьрыбтресту разрешат дальнейшее размещение переселенцев только в том случае, если они будут соблюдать условия договора, включая строительство для работников отдельных по-

селков и обеспечения нормальных жилищно-бытовых условий для людей. В разъяснениях ОГПУ говорилось, что трудовые права переселенцев не могут ущемляться, они должны работать на тех же условиях, что и вольнонаемные труженики. Однако, как свидетельствуют документы, на практике оплата труда спецпереселенцев была на 20–25% ниже заработка вольнонаемного работника [5, Л. 23, 127]. Это положение изменилось в августе 1931 г., тогда с целью увеличения производительности труда, отчисления от заработной платы установили в размере 15% [5, Л. 23, 127, 233; 2, Л. 120]. Кроме того, спецпереселенцы обязаны были делать отчисления на содержание администрации, контролирующей спецпереселения в расчете 2% от заработанной ими суммы [5, Л. 53].

С целью оптимизации работы и усиления контроля с 1 февраля 1933 г. ввели обязательную ежемесячную отчетность об объеме работ, выполненной спецпереселенцами. Не позднее 20 числа каждого месяца в полномочные представительства ОГПУ на местах, организации должны были предоставлять итоговые сведения о выполненной работе с подписями руководителя предприятия и коменданта поселка, где проживал контингент. В свою очередь все подразделения обязывались не позднее 10 числа каждого месяца представлять данные об итогах деятельности руководству. Ежемесячная отчетность оформлялась в форме таблиц. В них включались следующие данные: наименование организации, число работающих переселенцев, с указанием мужчин, женщин, подростков 14–16 лет, сведения о количестве бригад, об объемах выполненных работ, числе отработанных дней, об участии переселенцев в соцсоревновании и ударничестве, средней зарплате, дневной норме, уровне квалификации работающих. Отчеты предприятий свидетельствовали о низкой производительности труда спецпереселенцев, нехватке оборудования для работы на строительстве, орудий для рыбной ловли и охоты, кустарных промыслов, квалифицированных рабочих [7, Л. 31–32].

Для административного обслуживания поселков создавались комендатуры, в обязанности которых входило документирование всех сторон жизни переселенцев, поддержание трудовой дисциплины и порядка в самих поселках. Учетно-отчетные материалы комендантов спецпоселков являются одними из самых информативных документов о сложных отношениях, складывающихся между работниками и администрацией, так как в компетенцию комендантов входил: учет контингента спецпоселков, наблюдение за своевременным снабжением, рассмотрение жалоб на администрацию предприятий [17]. Ими анализировались возможности рационализации и повышения производительности труда, развертывания соцсоревнования, ударничества, осуществлялся контроль

выпуска и содержание поселковых газет, они курировали культурно-массовую работу [5, Л. 240].

Спецпереселенцы со временем стали составлять значительную часть от общего числа жителей территории. По данным «Обзора территориально-экономического, политического, хозяйственного состояния Остяко-Вогульского округа за период 1931–1933 г.», без учета переселенцев население округа составляло 75–79 тыс. человек. [1, Л. 7]. Например, в одном из самых больших районов Остяко-Вогульского округа – Шурышкарском – на 1 января 1932 г. проживали 7640 человек, из них 1445 переселенцев. Спецконтингент расселили в удалении от места жительства коренных жителей: в районе построили два приближенных к месту работы спецпоселка, рассчитанные на 289 семей. Постепенно люди обустроивались, налаживали быт, строили школы и больницы [19, с. 50]. В итоге эти места становились центрами общественной жизни территории.

В докладной записке Управляющего Обьрыбтрестом Н.А. Угланова, представленной 31 мая 1934 г. Уполномоченному ГУЛАГа по Обскому Северу, говорилось, что в системе Обьрыбтреста числилось 17 тыс. человек, составляющих 4086 семей. Людей расселили в 29 поселках. В Ямальском округе разместили 6 тыс., в Остяко-Вогульском округе 11 тыс. человек. Трудоспособные их них составляли только 7 тыс. человек. Остальные являлись членами их семей, причем значительную часть составляли старики и дети [9, Л. 2].

Обьрыбтресту удалось трудоустроить только 39% работников, остальные 69% трудоспособного населения оказались не задействованы на работах. Среднемесячная зарплата во всех трудпоселках в 1933 г. составляла 32 рубля 25 копеек в месяц на человека [9, Л. 4]. Так как ловля рыбы была сезонной, случалось, что в отдельные месяцы зарплата не превышала 3–4 рублей, что не давало возможности рабочим выкупить даже паек [9, Л. 1]. Люди часто болели, особенно были распространены цинга и туберкулез.

С 1934 г. наметилось снижение численности спецпереселенцев. 27 мая 1934 г. было принято постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков», а 25 января 1935 г. все бывшие кулаки были восстановлены в избирательных правах, но уехать на родину многие из них по разным причинам не смогли. Данный вопрос решался властями в индивидуальном порядке. Получали разрешение на переезд в основном дети переселенцев в связи с учебой, вступлением в брак, а также по причине нетрудоспособности, остальные оставались в поселках навсегда. Многим, потерявшим связи с родственниками, было уже некуда ехать. 22 октября 1938 г. вышло постановление СНК СССР о выдаче паспортов детям спецпереселенцев при достиже-

нии 16 летнего возраста, что давало им возможность покинуть суровые места.

Под влиянием переселений значительно изменялся облик северных территорий. Материалы демографической статистики свидетельствуют о том, что доля русского населения значительно выросла. По данным переписи 1939 г., в составе Остяко-Вогульского округа из 93274 человек русские составляли 67616 человек или 72,49%, татары – 2227 тыс. человек, украинцы – 1111, прочие – 1017 человек. Остальное население составляли коренные жители территории: коми, ханты, манси, ненцы [18, Л. 178].

Произошли заметные перемены в хозяйственной и культурной жизни населения. Трудолюбивые крестьяне-переселенцы сумели наладить свой труд и быт, внесли значительный вклад в налаживание социально-экономических связей с коренным населением, что способствовало взаимному обогащению культур: традиционной крестьянской и кочевой культурой народов севера. Коренные жители под воздействием традиционного деревенского уклада, оказавшегося во многом более производительным, чем уклад местного населения, старались познать и принять его не только рациональную, но внутреннюю, не совсем понятную им деревенскую сущность. Переселенцы, в свою очередь, перенимали опыт коренного населения в сфере рыболовства, охоты, сбора дикоросов, и это обыденное живое взаимодействие разных культур на уровне простых людей оказалось взаимно полезно, придавая определенный динамизм развитию территории.

Библиографический список

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГБУТО ГАСПИТО). – П–107. – Оп. 1. – Д. 209.
2. Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). – Ф. Р–721. – Оп. 1. – Д. 209.
3. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 3.
4. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 19.
5. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 33.
6. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 45.
7. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 69.
8. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 96.
9. ГБУТО ГАТО. – Ф. Р–1785. – Оп. 5. – Д. 96 а.
10. Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929–1940): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тобольск, 1999. – 28 с.
11. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // СОЦИС. – 1991. – № 5. – С. 3–17.
12. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.
13. Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
14. Мошкин В.В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский север (1930–1933): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тобольск, 2000. – 23 с.

15. Политбюро и крестьянство: высылка, поселение. 1930–1940 гг. в 2-х т / отв. ред. Н.Н. Покровский. – М.: РОССПЭН, 2005. – Кн. 1, 2.

16. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.defree.ru/publications/p01/p40.htm#0723> (дата обращения: 04.10.2015).

17. Скипина И.В. Документирование трудовых

отношений спецпереселенцев в 1930-е годы // Документ в контексте универсальных практик. – Тюмень: ТюмГУ, 2007. – С. 51–59.

18. Фарносова В.В. Коллективизация в жизни коми Мужевского сельсовета (ЯНАО) в 30–50-е гг. XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2007. – № 7. – С. 171–182.

19. Ямало-Ненецкий национальный округ: Экономико-географическая характеристика. – М.: Наука, 1965. – 272 с.

УДК 94(470)“1942/1943”

Абовян Елена Николаевна

кандидат исторических наук

Брянский государственный технический университет

mjordan@yandex.ru

АКТИВИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД С МАЯ 1942 Г. ПО ФЕВРАЛЬ 1943 Г.

В статье описывается третий этап борьбы партизан с оккупантами на территории Брянщины, который ограничивается периодом с мая 1942 по февраль 1943 гг. Данный этап партизанской борьбы характеризуется централизацией управления партизанским движением, организацией серьезной помощи партизанам с «большой земли», организацией «рельсовой» войны на железных дорогах, превращением партизанского движения в массовое сопротивление населения оккупационному режиму. Такое развитие событий заставило германские власти резко усилить использование вооруженного коллаборационизма для борьбы с партизанами и организовать зачистку от населения территорий, окружающих лесные партизанские массивы. Это, в свою очередь, вызвало широкое протестное движение населения и развитие массового партизанского движения. Возникли целые партизанские территории, свободные от противника. Коллаборационистских сил оказалось явно недостаточно. Это заставило германское командование организовать целый ряд крупных боевых операций по уничтожению партизан с участием кадровых немецких войск и усилить террор против населения, сочувствующего и помогающего партизанам. Борьба шла с переменным успехом. Победа на фронте Красной армии резко усиливала сопротивление внутри региона, поражение на фронте вело к снижению сопротивления. Когда судьба мира решалась под Сталинградом, столкновение партизан с силами коллаборационистов, германских войск и их союзников достигло в декабре 1942 г. – феврале 1943 г. своего апогея. С огромным трудом и большими потерями партизаны устояли.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, партизанский отряд, подполье, диверсии, сопротивление, оккупация.

Третий этап партизанской борьбы на территории Брянского региона определен временными границами с мая 1942 по февраль 1943 гг., временем завершения Сталинградской битвы, изменившей характер не только всей войны, но и поведения населения и оккупационных войск на территории региона. С весны германские власти резко усиливали роль в регионе коллаборационистских сил, бросив их против партизан, которые вели борьбу по разрушению коммуникаций противника и, таким образом, препятствовали переброске его войск с севера на юг.

Советское командование в ответ на это усилило помощь партизанам и ускорило процесс централизации руководством партизанского движения и координации действий. 29 мая 1942 г. приказом объединенного штаба были созданы районные штабы партизанских отрядов. На них возлагалось руководство отрядами и работа по созданию новых, проведение политико-массовой работы среди населения для вовлечения его в борьбу, ведение печатной пропаганды. По данным А.П. Горшкова, в подчинение штаба

объединенных партизанских отрядов было включено 48 крупных партизанских отрядов численностью 9776 человек и 88 групп самообороны, общей численностью 7449 человек [3, Ф. 451, Оп. 1, Д. 166].

По решению Государственного Комитета обороны от 30 мая 1942 г., в июне при Ставке Верховного Главнокомандования был образован Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) (7 марта 1943 г. Постановлением Государственного Комитета обороны Центральный штаб партизанского движения расформирован, а затем через два месяца был восстановлен и действовал до конца Великой Отечественной войны – Е.А.), руководителем которого был назначен первый секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко. 1 июля 1942 г. в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 16 июня 1942 г. сформирован Брянский штаб партизанского движения (БШПД) при Военном Совете Брянского фронта. Начальником штаба был назначен первый секретарь Орловского обкома ВКП(б) А.П. Матвеев, заместителем – майор А.П. Горшков [17, с. 145].

Согласно данным архива ФСБ по Брянской области, летом 1942 г. было сформировано 72 партизанских отряда, а к началу октября добавилось еще 27. К лету 1942 г. численный и боевой состав партизанских сил на Брянщине вырос до 23570 человек. В их числе было 4628 коммунистов [1, Д. 95, Л. 1–12]. Партизанские отряды юго-западной группы Орловской области в период с октября 1941 по 15 мая 1942 г. выросли с 900 человек до 8000 человек партизан и бойцов самообороны [1, Д. 227, Л. 9].

Продолжалась деятельность подпольщиков, которые сообщали в центр важные сведения о противнике. В мае 1942 г. по ориентирам, переданным А.А. Черненко, советская авиация нанесла бомбовый удар по железнодорожной станции Брянск II. Было разбито 3 эшелона с войсками и техникой. На станции Брянск II была разрушена железная дорога в 47 местах, поврежден вокзал, разбито 500 вагонов с техникой и боеприпасами, разрушен распределительный пункт, 2 склада с боеприпасами. Железнодорожный узел не работал 2 дня.

Брянский штаб партизанского движения сообщал Военному совету Брянского фронта в июле 1942 г.: «В таких военных пунктах, как Брянск, Орджоникидзград, Дятьково, Навля, Трубчевск и ряде других выявлены места нахождения важных военных объектов..., за июль со стороны Рославля на Брянск прошло более 160 эшелонов с войсками, техникой и боеприпасами. От Гомеля на Брянск в течение 19–26.07.1942 г. прошло до сорока четырех воинских эшелонов» [16].

Обстановка для партизан становилась тревожнее. Усилились бомбардировки освобожденных партизанами территорий, вокруг них стали накапливаться крупные силы карателей. Конец весны – начало лета 1942 г. стали для партизан Брянщины временем тяжелых испытаний. Крупные силы противника наносили удары по основным местам их сосредоточения, пытались блокировать и разгромить партизанские отряды поодиночке. В мае войскам карателей удалось вытеснить партизан из ряда селений Суземского, Севского, Брасовского районов. Многие селения были сожжены, а жители подвергались пыткам и массовым расстрелам. Другие отряды карателей овладели поселком Бытошь и несколькими селами на севере Дятьковского района. Однако в конце мая силами Бытошского, Жуковского отрядов и бригады Г.И. Орлова поселок был вновь освобожден. Тогда же Рогнединским отрядом вместе с прибывшим из-за линии фронта отрядом майора А.Н. Галюги была взята под контроль значительная часть селений Рогнединского района.

5 июня 1942 г. вблизи поселка Гуры состоялась первая партийная конференция партизанского края. В этот же день началась первая крупная операция против брянских партизан (кодовое название «Птичье пенье» – *Vogelsang*), которая была проведена с 5 по 30 июня 1942 г. в районе Болва-

Десна-Ветьма севернее Брянска [4, РХ 26–707/15, Л. 25]. В ней участвовали один танковый полк и два стрелковых полка 339-й пехотной дивизии. Целью операции было восстановление контакта с частями 4-й танковой армии и уничтожение партизан в районе Дятьково. Согласно данным, приведенным И. Грибковым, партизаны потеряли 1193 человек убитыми, 1400 ранеными, 498 было захвачено в плен. Кроме того, 2249 мужчин гражданского населения в возрасте от 16 до 50 лет были арестованы, а еще 12531 жителей было выселено из района под предлогом эвакуации (потери оккупантов составили: 58 убитых, 130 раненых и 1 пропавший без вести [7, с. 95], что представляется явно заниженным).

В начале июня немцы большими силами обрушились на Дятьковский партизанский район. Партизанские отряды были вынуждены уходить в леса. Попытки их «прочесывать» обернулись для оккупантов значительными потерями. Тогда они приступили к планомерному уничтожению материальной базы партизанского движения. Заняв селения, немцы сжигали все постройки, уничтожали имущество жителей, взрывали погреба, землянки, колодцы, угоняли скот, а самих жителей частью истребляли, частью угоняли на оборонительные работы, разминирование минных полей, увозили в Германию.

Некоторые из находившихся в Дятьковском партизанском крае отрядов были вынуждены перемещаться в другие районы. Так, отряд «Славный» под командованием А.П. Шестакова, прибывший из-за линии фронта в конце февраля и сформированный в основном из известных спортсменов-москвичей, ушел за Десну и обосновался близ хутора Козелкина на юго-западе Жуковского района.

Партизаны в это трудное для них и всей страны время, когда войска Вермахта рвались к Волге и на Кавказ, получали ощутимую помощь «большой земли» для усиления «рельсовой войны». Летом они получили достаточное количество подрывной техники, прошли выучку диверсионному делу. Противником на охрану мостов были выставлены гарнизоны, участки основных железнодорожных магистралей, особенно в лесных или прилегающих к ним участках, были взяты под усиленную охрану. Лес на 150–200 метров от дорог был вырублен. Вдоль железных дорог на особо важных участках возводили провололочные заграждения, устанавливали доты и дзоты, усиливали патрульную службу. Для этого активно использовалось население под руководством и охраной коллаборационистских сил.

В период летних боев под Сталинградом особое значение для оккупантов приобрела железная дорога Брянск – Льгов. По ней ежедневно проходило до 30–40 эшелонов с войсками и техникой. Диверсионные группы партизан непрерывно пытались вывести ее из строя, но немецкие и коллаборационистские части сумели отбить все атаки и быстро

устранить повреждения. По данным И. Грибова, с мая по сентябрь 1942 г. партизаны произвели на железной дороге Гомель – Брянск 15 крушений воинских эшелонов, разрушили 9 км. железнодорожного пути. На магистрали Брянск – Орел диверсионные группы совершили 13 крушений, разбили 7 паровозов, 285 вагонов с живой силой и техникой противника. По сведениям штаба Брянского фронта на 1 октября за месяц партизаны выводили из строя в среднем 8–10 паровозов и 150–200 вагонов, что составляло 2–3% имевшегося на этом направлении подвижного парка немецких войск [7, с. 86]. С сентября по декабрь партизаны пустили под откос 226 воинских эшелонов, тогда как за весь предшествующий период уничтожили только 85 составов [2, Ф. 69, Оп. 1, Д. 110, Л. 27].

Поддерживать движение немцам удавалось за счет увеличения охранных войск. В июле 1942 г. для контроля над железной дорогой Рославль – Брянск была переброшена 707-я пехотная дивизия (727-й, 747-й пехотные полки, легкая артиллерийская группа и саперная рота) [2, Д. 71, Л. 91; Д. 129, Л. 14]. В декабре для охраны железнодорожных линий Брянск–Орел, Брянск–Гомель привлекли дополнительные части: тыловой корпус № 532 в составе пехотного «русского» полка «Десна», 313-го, 304-го, 703-го, 862-го батальонов «русской» полиции, «истребительного» батальона, «добровольческого» отряда Фишера, велосипедного батальона. Командовал корпусом генерал-лейтенант Бернхард. Сюда же была направлена 102-я венгерская дивизия сил безопасности. Союзники Германии и «русские добровольцы» тоже сыграли свою роль в решающей битве – роль врагов России.

В ночь на 5 октября Дмитровский отряд под командованием М.В. Миленина разрушил 6 км полотна, взорвал мосты, нарушил связь на участке железной дороги Брянск–Льгов. Было уничтожено до 100 человек. 10 суток дорога не действовала. По данным В.В. Крашенинникова, за май–август партизанами было взорвано 60 немецких поездов, за сентябрь–декабрь уже 166. Новую крупную карательную акцию оккупанты начали в конце июля против южного партизанского края, ведя наступление сразу с нескольких направлений. Немецким, венгерским (мадьярским) войскам и «русской» полиции, частям Локотского «самоуправления» удалось занять около 170 населенных пунктов, большинство которых было сожжено [6]. Уцелевшая от расправ часть населения уходила в леса и присоединялась к партизанам. Это создавало им дополнительные трудности: не хватало хлеба и другого продовольствия, выросли нагрузки на небольшой медперсонал при острой нехватке медикаментов, затруднялись возможности маневренных действий.

Проведенные в мае–июле карательные операции не достигли главной цели – покончить с партизанским движением. Хотя партизаны понесли

серьезные потери (отдельные отряды были разбиты почти полностью: так случилось, например, с Жуковским отрядом Е.М. Воробьева), но в целом партизаны сохранили основную часть своего состава и боевой дух.

К осени партизан вытеснили из ближайших к Локтю районов. По данным С.Г. Чуева, из партизанских отрядов дезертировало свыше 400 человек, а 65 из них вступили в локотские «батальоны» Б. Каминского [18].

Однако партизаны не только сопротивлялись, но и усиливали свою боевую деятельность. 23 августа в районе лесничества Речица, 18 км восточнее Трубчевска, состоялась общепартизанская конференция, на которой присутствовало 152 делегата, в том числе командиры украинских партизан С.А. Ковпак и А.Н. Сабуров [3, Ф. 451, Оп. 1, Д. 166, Л. 22–23].

Первый секретарь обкома партии А.П. Матвеев и начальник политуправления Брянского фронта генерал А.П. Пигурнов сообщили Главному Политическому управлению Красной армии следующее: «С октября 1941 г. по 15 июня 1942 г. брянские партизаны уничтожили 22382 вражеских солдат и офицеров, более 700 взяли в плен, пустили под откос 49 вражеских эшелонов с боевой техникой и живой силой, бронепоезд, уничтожили 53 танка, 22 бронемашины, 28 боевых самолетов, 553 автомашины, подорвали 4 склада с боеприпасами, снаряжением, горючим, 27 железнодорожных мостов, разгромили 11 штабов. Только с 10 по 20 мая 42 партизанских отряда в южной части брянского леса под командованием Д.В. Емлютина и А.Д. Бондаренко, ведя борьбу с крупными воинскими частями противника, уничтожили 2319 фашистов, 3 самолета» [10].

Роль партизан в блокировании переброски германских войск вдоль линии фронта резко возрастала. Но германские власти не хотели их официально признавать в качестве противника. Показательно, что на основании директивы одного из руководителей рейха Гимmlера от 31 июля 1942 г. в оккупационной пропаганде, а также в приказах по охранным частям, полиции и войскам СС, слово «партизан» не употреблялось. Партизаны именовались «бандитами», «грабителями», «налетчиками», «убийцами-поджигателями» и т.п. [15].

Признание важной роли партизанской борьбы для Отечества выразилось в приеме Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным, Центральным комитетом партии и членами Государственного комитета обороны группы Брянских партизан [3, Ф. 451, Оп. 1, Д. 166, Л. 24]. 5 сентября 1941 г. Народный Комиссар Обороны И.В. Сталин подписал приказ [2, Ф. 69, Оп. 1, Д. 3, Л. 12–17], сыгравший важную роль в развитии сопротивления. 28 сентября 1942 г. для усиления разведывательной деятельности и диверсионной борьбы в бригадах

и отрядах были введены должности заместителей командира по разведке и диверсиям. Для усиления политической работы 1 октября в штабе объединенных партизанских бригад был создан политический отдел, начальником которого был назначен В.А. Андреев.

При содействии штабов партизаны стали получать политическую литературу, газеты, боеприпасы, медикаменты, оружие и даже продовольствие. «Большая земля» укрепила радиосвязь с партизанами. Всего летом 1942 г., по подсчетам А.П. Горшкова, по всей стране в 387 учтенных партизанских отрядах имелось 37 радиостанций. В сентябре 1942 г. уже было учтено 1273 отряда.

Германские спецслужбы усилили поиски подполья. К его ликвидации подключили все специальные органы по линии вермахта и РСХА (Reichssicherheitshauptamt – главное управление имперской безопасности) с активным привлечением агентурного коллаборационизма. В первую очередь они обращали внимание на людей, занимавших различные должности в системе «гражданского управления», на предприятиях, железнодорожных узлах. Засылали агентов и перевербовывали партизанских агентов.

В подпольных организациях было мало опытных людей, знакомых с принципами конспирации. Нередки были случаи, когда подпольщики устраивали собрания, коллективно слушали передачи советского радио, вели протоколы собраний, хранили списки организации. Достаточно было проникнуть в такую организацию агенту, как она подвергалась разгрому. Немецкие органы безопасности и их «русские» агенты работали достаточно эффективно. Гестапо и военная контрразведка с помощью агентурной сети разгромили клетнянских, комаричских, стародубских, суражских, навлинских, брасовских, новозыбковских и брянских подпольщиков [1, Д. 85, Т. 1. Л. 137; Т. 3, Л. 13, 14, 160]. Так, при содействии полицейских Навлинской районной полиции и агентов, в июле была ликвидирована Навлинская подпольная организация [1, Д. 27, Ч. 2, Л. 4–7]. Такая же судьба постигла Брасовское и Комаричское подполье. Серьезные удары гестапо, ГФП (Geheime Feldpolizei, тайная полевая полиция) и абверкоманды нанесли по подполью Орджоникидзеграда, Клетни, Сеши, Жуковки и Клинцов. Эти удары поставили их на грань окончательной гибели, но все подполье оккупанты при поддержке коллаборационистов уничтожить не смогли. Активно работало комсомольское подполье. В октябре 1942 г. бюро Орловского обкома ВЛКСМ приняло постановление о создании Брянского подпольного горкома комсомола [16].

К концу 1942 г. напряжение на фронтах резко возросло. Германские войска и их союзники вышли к Волге, на Кавказ. Решалась судьба России и всего мира. Германское командование спешило пере-

бросить войска из-под Ленинграда и Москвы для завершения операций на юге. Партизаны по приказу своих штабов усилили «рельсовую войну». Из «журнала боевых действий (немецкой) 2 танковой армии с партизанскими отрядами на Брянщине» (Брянск, 22.10.42 г.): «Снова растет количество взрывов рельс. Особенно заметно, что банды как раз предпочитают совершать диверсии на дорогах, граничащих с “Треугольником”» [1, Д. 101, Л. 79].

14 декабря партизанская бригада «За власть Советов» произвела налет на железнодорожную станцию Комаричи. Была разгромлена станция, эшелон, сожжен склад горючего и сена, освобождено, по данным А.П. Горшкова, 68 заключенных, нарушена телефонная связь, захвачено вооружение, военное снаряжение и имущество [3, Ф. 451, Оп. 1, Д. 166]. Из немецких документов: «На территории вокзала взорвалось 6 мин, потери немцев: 2 убитых и 4 раненых; потери партизан: 2 убитых, 5 пленных. Общие потери со стороны немцев: 2 убитых и 4 раненых солдата; мадьяры: 2 убитых и 3 раненых солдата; народная стража: 3 раненых. Немцы проводят контратаку и преследуют партизан при отходе» [4, РХ 21–2/718, Л. 34, 36].

Немцев особенно беспокоил участок к северу от реки Навля. Для уничтожения партизан в этом районе было проведено две операции (с 16 по 30 сентября) – «Треугольник» (Dreieck) и «Четырехугольник» (Viereck). Из «журнала боевых действий (немецкой) 2 танковой армии с партизанскими отрядами на Брянщине» (Брянск, 03.11.42 г.): «При совместной операции 3-его батальона добровольческого полка “Десна” и 3-его батальона 51 венгерского полка в “Четырехугольнике”, западнее Салтановки, убито 4 противника, 1 взят в плен, 1 перебежчик» [1, Д. 101, Л. 86]. По данным И. Грибкова, в этих операциях участвовала и 108-я Венгерская дивизия сил безопасности [7, с. 95–96]. На направлении главного удара – севернее реки Навля – вел наступление полк Каминского и батальон СС [14].

В октябре-ноябре партизаны, разбитые врагом, стали возвращаться на прежние места, строить землянки, создавать новые лагеря. Центром связи с «Большой землей» стал в это время Суземский район с его аэродромом у деревни Смелиж.

В середине декабря немецкое командование предприняло очередную попытку взять в кольцо партизанские силы в районе Мамаевских лесов и, расчленив их по частям, уничтожить. Операция называлась «Репейник» (Klette). Против партизанской группировки, в которую входило 3 бригады и несколько самостоятельных отрядов (всего около 2,5 тысяч человек [2, Ф. 69, Оп. 1, Д. 41, Л. 241]), немцы, согласно данным И.А. Ильных, выставили части 2-й и 4-й танковых армий, в частности 2 пехотные дивизии, 7 полицейских батальонов, «восточные» батальоны «Днепр», «Березина»,

«Припять», подразделения 2 авиаполков и зенитных групп [9]. Хотя партизаны понесли потери, им удалось избежать разгрома. Общее число партизанских потерь, по данным И. Грибкова, составило 43 человека убитыми, 2 попали в плен, а 127 лиц мужского пола были «эвакуированы» [7, с. 96].

В разгар битвы под Сталинградом, когда немецкой армии для победы не хватало немного сил, германское командование стремилось полностью уничтожить партизанское движение в исследуемом регионе. Генерал-полковник Хойзингер, командовавший немецкими силами, по уничтожению партизан принял решение о проведении повторной акции – «Репейник-2» (Klette-II) с 15 января по 9 февраля 1943 г. Оказавшиеся в блокаде отряды понесли следующие потери: 441 человек убитыми, 126 пленными, а 178 дезертировали, но уничтожить всю группировку партизан немцы снова не сумели [5].

В январе–феврале 1943 г. в районе лесного массива южнее линии Брянск–Дмитриев–Михайловка также было проведено три операции по уничтожению партизан под кодовым названием «Белый медведь» (Eisbar – I, II, III). В операциях приняли участие войсковая группа Рюбзема, подразделения локотской бригады «РОНА» и другие полицейские «русские» части, но окончательного разгрома партизан не произошло.

В результате операций с апреля по декабрь 1942 г., потери партизан составили 5644 человек убитыми, потери немцев и вспомогательных сил – 2402 человек, включая раненых и пропавших без вести [8]. Когда под Сталинградом враг был разбит, и шла операция по уничтожению окруженной группировки противника, партизаны продолжили свои боевые действия не только против германских войск, но и против частей коллаборационистов и войск союзников Германии. К примеру, в оккупированном г. Клинцы стояли части, сформированные из итальянцев, венгров, финнов [12], были и поляки. К 1943 г. появились на некоторое время и скоро ушли из города формирования из армян, азербайджанцев [1, Д. 24, Л. 5–6], украинцев. Из сводки штаба Трубчевской партизанской бригады о режиме, установленном фашистами в Стародубском районе от 13 февраля 1943 г.: «Финны разъезжали по селам, выявляли участников финской войны и тут же расстреливали их без допросов...» [11].

В феврале 1943 г. Ставкой Верховного Главнокомандующего было приказано провести ряд местных операций, охватывающих центральный участок Брянского фронта. Командующим фронтом было решено привлечь к совместным действиям партизан. В совокупности все боевые действия партизаны осуществляли в этот период времени так: партизанские бригады «За власть Советов» и «За Родину», совместно с группой партизанской авиации – звена ПО-2, захватили участок железной

дороги между станциями Навля–Девочье, разрушили и минировали 4 км железной дороги. В результате операции железная дорога Брянск–Льгов не работала 10 суток [3, Ф. 451, Оп. 1, Д. 166]. В условиях непогоды немцы выгоняли местных жителей для очистки дорог от снега. Партизанские разведчики и минеры устанавливали связь с работающими местными жителями, распространяли среди них газеты и листовки, минировали только что очищенные от снега дороги.

Моральный дух у немцев, их союзников и, тем более, предателей резко упал. Войска венгерского оккупационного корпуса и «русских частей» прекратили активные действия. Началась перебежка из венгерских частей к партизанам. Из приказа объединенным партизанским бригадам от 15 февраля 1943 г. № 0029: «Организовать при партизанском отряде им. Чкалова бригады Молотова отдельный отряд из бывших мажарских солдат в количестве 30 человек» [3, Ф. 1650, Оп. 1, Д. 160, Л. 27, 55]. В отрядах бригады «За власть Советов» Суземского района были созданы взводы из венгерских солдат. По данным сводок, за ноябрь – декабрь из полиции и «русско-немецких батальонов» перешло к партизанам до 100 человек. Из политдонесения партизанской бригады им. Сталина (за первый квартал 1943 г.): «Среди солдат «русско-немецких войск» и полиции царит растерянность, многие из них не верят в победу Германии [3, Ф. 1672, Оп. 1, Д. 8, Л. 277–278].

Таким образом, когда ситуация на фронте начала меняться не в пользу Германии, местное население стало ждать прихода Красной армии, возросла роль партизанского движения, а также изменился качественно и коллаборационизм в разных своих формах проявления.

Библиографический список

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Брянской области (АУФСББО). – Открытый фонд. – Д. 4, 24, 27, 85, 95, 101, 137.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 3, 17, 41, 110.
3. Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО). – Ф. 451. – Оп. 1. – Д. 166; Ф. 1650. – Оп. 1. – Д. 160; Ф. 1672. – Оп. 1. – Д. 8.
4. Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) (Федеральный архив – военный архив (BA-MA)). – РХ 26-707/15, РХ 21-2/718, РХ 21-2/792.
5. Армстронг Д. Партизанская война: стратегия и тактика, 1941–1943 / пер. с англ. О.А. Федяева. – М.: Центрполиграф, 2007. – 429 с.
6. Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В. и др. История Брянского края. XX век. – Клинцы, 2003. – С. 279–281.
7. Грибков И. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народ-

ная армия и Локотское окружное самоуправление. Вып. 1. – М.: Библиотека журнала «Эхо Москвы», 2008. – 116 с.

8. Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». – М.: Вече, 2009. – 304 с.

9. Ильиных И.А. Шестьсот дней в боях и походах. – Тула: Приокское книжное издательство, 1969. – 314 с.

10. Ковалев М.Ф. Лесной фронт: документальная повесть. – М.: ДОСААФ, 1983. – 256 с.

11. Партизаны Брянщины. Сб. документов и материалов / сост. Г.М. Шульженко, З.А. Фишман, А.И. Ткаченко, И.И. Фишман. – Брянск, 1962. – С. 68–71.

12. Перекрестов Р.И. Клиновский летописец. – Клинцы: Клиновская городская типография, 2004. – Кн. 1. – С. 28–34.

13. Подстольная Т.К. Борьба комсомольцев и молодежи Брянщины в тылу врага // Шли на бит-

ву партизаны. Сборник материалов научной конференции «О всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.» / научный редактор А.Ф. Юденков. – Брянск., 1972.

14. Рябоконь М. В. Против партизан Брянщины // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 4. – С. 21–25.

15. Смоленский вестник (орган смоленского городского управления). – Смоленск. – 1941. – № 11.

16. Соколов Я. Брянск – город древний. – Брянск.: ЗАО Издательство «Читай город», 2006.

17. Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н, Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в годы Великой Отечественной войны: Партизанское движение и коллаборационизм (1941–1945 гг.). – Брянск: БГТУ, 2012.

18. Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне Третьего Рейха. – М.: Эксмо, 2004. – 571 с.

СОКРАЩЕНИЕ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-Х ГГ. КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

На основе материалов федеральных и региональных архивов, а также публикаций историков и геологов в статье проведен анализ состояния сырьевой базы Челябинской области в 1960-х гг. Для изучения выбраны две важнейшие для региона отрасли – черная металлургия и уголедобыча. Приведена характеристика разведанных на тот период месторождений, а также перспективы их разработки. Рассмотрен процесс выбора новых источников сырья для обеспечения возрастающих потребностей промышленности области, приведший к распределению государственных инвестиций в пользу союзных республик. Последствием данных решений стало повышение экономических и инфраструктурных издержек для металлургии, выбывание добычных единиц и сокращение числа работников в угольной промышленности, а также нарастание социальной напряженности. Выявленные проблемы свидетельствуют о начале в 1960-х гг. этапа депрессивного состояния, характерного для развития старопромышленных районов. В рамках действовавшей в стране административно-командной системы экономики негативные последствия во многом удавалось сводить к минимуму за счет государственных субсидий. Однако распад СССР, переход к рыночной экономике и прекращение субсидирования привели к фактической ликвидации угольной промышленности, резкому снижению экономической эффективности черной металлургии и сокращению промышленного и социального потенциала региона.

Ключевые слова: черная металлургия, угольная промышленность, Челябинская область, сырьевая база, железная руда, инвестиционная политика, Урал.

В 1960-е гг. Челябинская область являлась крупным индустриальным центром, специализирующимся на добывающей и тяжелой промышленности. Наиболее высокими темпами развивалась черная металлургия: к 1965 г. на данную отрасль приходилось 43% валового выпуска промышленности области. Только за последний год семилетки предприятия выдали для народного хозяйства СССР 10,5 млн. т. чугуна, 16 млн. т. стали, 12,4 млн. т. проката, 2 млн. т. стальных труб [4, Л. 38].

Постоянное наращивание объемов производства требовало увеличения добычи железной руды. В целях выявления сырьевых возможностей металлургии региона, по указанию Совета производственных сил АН СССР, Горно-геологическим институтом АН в 1959–1961 гг. была проведена научно-исследовательская работа на тему: «Оценка сырьевой базы черной и цветной металлургии Челябинского экономического района» [5].

По состоянию на 1961 г. суммарные балансовые запасы качественных железных руд оценивались в 926 млн. т. Основной сырьевой базой являлись Магнитогорское и Бакальское месторождения, а также Златоустовско-Кусинская группа, включающая Кусинское, Ахтенское, Чернореченское и Копанское месторождения.

Доля Златоустовско-Кусинской группы в общей добыче была сравнительно мала. Кусинское титаномagnetитовое месторождение промышленно эксплуатировалось с 1930-х гг. и было практически выработано, запасов хватало на продолжение добычи ориентировочным сроком до 1970 г. Кроме того, часть руды поставлялась для выплавки титана. В связи с этим на Кусинскую обогатитель-

ную фабрику начали поступать руды с Ахтенского карьера, запущенного в 1956 г. Его производительность составляла 600 тыс. т. в год.

Удельный вес руды Ахтенского месторождения в шихте доменных печей был настолько незначительным, что в последующем не был включен в расчет потребностей на выплавку металла на 1970–1980 гг. Разведанные запасы вкрапленных титаномagnetитов Копанского месторождения составляли 750 млн. т. со средним содержанием железа 22% и двуокиси титана 6%. Промышленные испытания обогащения показали, что для получения 1 т. железо-титано-ванадиевого концентрата требовалось переработать 4 т. сырой руды, что было возможно в промышленных условиях на Кусинской обогатительной фабрике. Однако разработка месторождения не была начата [4, Л. 41].

Основная масса выявленных запасов (85,5%) была сосредоточена в месторождениях Магнитогорского и Бакальского районов, где находились основные предприятия железорудной промышленности Челябинской области.

Гора Магнитная, разрабатываемая с 1930 г., являлась основной сырьевой базой Магнитогорского металлургического комбината (далее – ММК). Запасы месторождения иссякали, к 1961 г. составляли 230 млн. т. Рудник отрабатывался открытым способом с применением буровзрывных работ, погрузка взорванной руды и породы производилась экскаваторами, откатка – электровозами. Средняя годовая добыча составляла более 15 млн. т., или 73% от общей добычи руды по Челябинской области. По проекту института Гипроруда окончательная отработка месторождения ожидалась к 1980 г. В связи с этим на ММК требовался завоз руды из других месторождений.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 15-31-01226.

Наиболее перспективным в 1960-х гг. считалось Бакальское месторождение, находящееся в 260 км. от г. Челябинска и являвшееся сырьевой базой Челябинского металлургического завода (далее – ЧМЗ). В 1961 г. было добыто 4,5 млн. т. руды. Разведанные запасы позволяли нарастить ежегодную добычу до 10–12 млн. т. руды в течение 50–60 лет при условии её обогащения. Запасы бурых железняков были практически отработаны, основную массу составляли сидериты, относящиеся к труднообогатимым рудам.

Однако использование большого количества сырого сидерита в шихте уменьшало производительность доменных печей и повышало расход кокса, негативно влияло на химическую чистоту чугуна. Масштабных научных исследований силами крупных НИИ по данной тематике не проводилось. Поиск технологии обогащения, начатый молодым коллективом Челябинского научно-исследовательского института металлургии ещё в 1959 г., так и не дал приемлемых результатов. По этой причине Бакальское месторождение не рассматривалось в качестве главной сырьевой базы металлургии Челябинской области.

Известны в 1960-х гг. были и месторождения Малый Куйбас и Теченское (сейчас Сосновское). В силу незначительных запасов рудник Малый Куйбас, расположенный в 15 км. от г. Магнитогорска, был сдан в эксплуатацию только в 1972 г. как вспомогательный для ММК. Запасы Теченского (Сосновского) месторождения, расположенного в 60 км. от г. Челябинска, оценивались в 55 млн. т. со средним содержанием железа в 35%. По проекту Челябинского Гипромеза теченский концентрат должен был начать поступать на ЧМЗ только с 1980 г. [2, с. 15], в реальности же освоение началось лишь в 2010-х гг.

Перспективные месторождения бедных вкрапленных титаномагнетитовых руд (Суоямское, Амамбайское, Субутакское, Кондуровское), схожих с разрабатываемыми с 1963 г. рудами Качканара Свердловской области, в исследованиях того времени не упоминались.

По состоянию на 1958 г. ММК почти полностью был обеспечен собственной рудой с месторождения горы Магнитной; ЧМЗ более чем на 80% снабжался рудой с Бакала, остальные 20% руды завозились с месторождений области – Ахтенского и Магнитогорского, а также из Казахстана; Саткинский и Ашинский металлургические заводы полностью обеспечивались за счет Бакальского месторождения. Однако дальнейшее расширение доменного производства требовало увеличения поставок железорудного сырья.

Как мы видим, в 1960-х гг. запасы богатых железных руд Челябинской области дорабатывались, а использование бедных руд было невозможно без дорогостоящего и не всегда эффективного обогащения. Инвестиции в горнодобывающие предпри-

ятия области не приводили к росту добычи, темпы которой снизились в 1965 г. по сравнению с 1958 г. до 93% с тенденцией к дальнейшему сокращению [3, с. 47]. Потребность в привозном сырье на 1961 г. составляла 3 млн. т., на 1966 г. она возросла до 4,5 млн. т., а по плану на 1970 г. должна была повыситься до 7,5 млн. т. [4, Л. 45].

Проблема сырьевого обеспечения, кажущаяся при поверхностном взгляде региональной, являлась основополагающей для последующего развития народного хозяйства страны. Решение её проводилось на уровне Госплана СССР, а не в рамках получившей широкие права системы советов народного хозяйства.

Наиболее рациональным источником покрытия дефицита являлась руда с магнетитовых месторождений Кустанайской области: Качарского, Лисаковского и Соколовско-Сарбайского. Разработка Качарского месторождения была признана нецелесообразной из-за сложных горно-геологических условий залегания [7], Лисаковская руда характеризовалась повышенным содержанием фосфора, что приводило к значительному удорожанию металлургического производства. В результате Госпланом СССР решено было активно разрабатывать Соколовско-Сарбайское месторождение с одновременным строительством ГОК [6].

Потребности металлургии Челябинской области были замкнуты на руду из Казахской ССР. Переход на привозное сырье негативно сказался на экономической эффективности производства за счет повышения себестоимости продукции. Помимо экономических издержек появились и инфраструктурные – пропускная способность и подвижный состав железных дорог не были рассчитаны на крупномасштабные перевозки руды с южных направлений, потребовалась их модернизация. Потерялась оперативность в работе с поставщиками, возникли межведомственные бюрократические барьеры. Задержки с доставкой сырья приводили к простоям металлургических агрегатов. Добавим, что уже в 1970-х гг. потребовался завоз руды из Курской магнитной аномалии с ещё большими транспортными расходами, так как Соколовско-Сарбайский ГОК не мог удовлетворить возросшие потребности производства.

Исчерпание собственной железорудной базы привело к перераспределению инвестиций в пользу Казахской ССР на разработку добывающих карьеров и строительство ГОК. Для трудящихся был заложен новый город Рудный с сопутствующей современной инфраструктурой. Данные действия органично укладывались в рамки политики развития союзных республик. Очевидно, что в горизонт планирования Госплана СССР не могли входить факторы возможного распада страны.

Схожим образом обстояли дела и в угольной промышленности. Следствием активного развития

индустрии области в 1960-х гг. являлось постоянное увеличение потребности в энергоносителях. Единственным видом промышленного топлива собственной добычи являлся уголь Челябинского угледобывающего бассейна, который начали разрабатывать в начале XX в. По своим химическим характеристикам он не имел способности к коксованию и мог использоваться только на энергетические нужды. Для снабжения металлургии осуществлялся завоз коксующихся углей из Кузнецкого, Карагандинского и Донецкого бассейнов.

По состоянию на 1958 г. балансовые запасы угля по Челябинскому бассейну составляли 1371 млн. т., что могло обеспечить добычу сроком в 46 лет. Максимальный уровень производительности был достигнут в 1965 г., когда 26 шахт и 3 разреза дали 23,7 млн. т. угля [1, с. 232]. В дальнейшем, в связи с истощением месторождений, даже поддержание данного уровня требовало технического перевооружения предприятий, что повышало себестоимость и без того дорогой добычи. Кроме того, в 1960-е гг. подземная добыча была в совокупности убыточной, что частично компенсировалось относительно недорогим углем с разрезов. Но и уголь открытой добычи в 1966 г. имел плановую себестоимость 6 руб. 31 коп., при отпускной цене 3 руб. 69 коп за тонну [4, Л. 34]. С экономической точки зрения в долгосрочной перспективе наращивание работ по Челябинскому бассейну было признано нецелесообразным.

Для обеспечения потребностей региона в энергоресурсах выбор был сделан в пользу природного газа. Инвестиции, которые могли быть использованы на модернизацию угледобывающих предприятий, геологоразведку и повышение рентабельности производства, направили на добычу газа в Узбекской ССР и строительство газопровода «Бухара-Урал». В районе месторождения в 1958 г. был основан поселок Газли, а также целый ряд населенных пунктов по пути прокладки газопровода в местах расположения компрессорных станций. Как мы видим, снова было принято решение в пользу развития союзных республик, а не РСФСР.

Отсутствие возможностей экстенсивного увеличения добычи Челябинского бассейна, наряду со смещением приоритета в сторону развития нефтегазового комплекса страны, стали началом упадка угольной промышленности области. Происходило постепенное выбывание добычных единиц – закрывались отработанные шахты и разрезы. Следствием данной политики стало высвобождение трудящихся, которые не имели возможности трудоустроиться в моногородах. Имевшиеся проекты создания новых рабочих мест в Копейске, Еманжелинске и Коркино не были реализованы. Вместо этого государство предпочло гасить нарастающую социальную напряженность субсидированием угледобычи.

Исчерпание железорудной и угольной базы Челябинской области следует рассматривать как один из факторов этапа депрессивного состояния, характерного для развития старопромышленных регионов. Благодаря действующей в СССР административно-командной системе экономики негативные последствия во многом удавалось сводить к минимуму: государство субсидировало нерентабельную угледобычу и не стремилось сокращать высокие экономические издержки при транспортировке сырья для металлургических заводов. Наибольший ущерб нанесло перераспределение инвестиций в пользу союзных республик: область не получила новых производственных мощностей, рабочих мест, жилья и объектов соцкультбыта. Позитивным следствием отказа от строительства новых добывающих предприятий являлось отсутствие дополнительной техногенной нагрузки на экосферу региона.

Распад СССР и переход к рыночной модели экономики привели к тяжелым последствиям для всей индустрии области. Наибольшим образом это сказалось на угольной промышленности. Несмотря на инерционное продолжение государственных субсидий в 1991–1995 гг., происходило резкое сокращение добычи и закрытие шахт, сопровождавшееся увольнением квалифицированных рабочих и ростом социальной напряженности. Если в 1990 г. по бассейну было добыто 12,8 млн. т угля, то в 2010 г. лишь 700 тыс. т. Имеющиеся проекты по закрытию Коркинского разреза свидетельствуют о фактической ликвидации отрасли [1, с. 276].

Быстрее других под новые экономические реалии сумели перестроиться металлурги, во многом благодаря переориентации на экспорт продукции и девальвации рубля. Решение о переводе предприятий на привозную руду, являвшееся рациональным в условиях 1960-х гг., начиная с 1990-х гг. привело к огромным экономическим издержкам для Челябинской металлургии. К ценовому диктату Казахстанских поставщиков руды добавились таможенные пошлины и постоянный рост тарифов железнодорожных перевозок. За счет снижения прибыли уменьшаются финансовые возможности для модернизации производства и сокращаются налоговые отчисления в областной и федеральный бюджет.

Таким образом, исчерпание сырьевой базы Челябинской области в 1960-х гг. стало фактором ликвидации угольной промышленности и привело к снижению экономической эффективности черной металлургии. Перераспределение инвестиций в пользу союзных республик привело к сокращению промышленного и социального потенциала региона. При этом сильнее всего негативные факторы проявились после распада СССР и перехода к рыночной модели экономики.

Библиографический список

1. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 327 с.
2. Васильев М.В. Оценка и перспективы развития сырьевой базы металлургии Челябинского района. – Свердловск: Книжное издательство, 1964. – 69 с.
3. Народное хозяйство Челябинской области.

Статистический сборник / ЦСУ СССР. – Челябинск: Статистика, 1967. – 430 с.

4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 162. – Д. 157.
5. ОГАЧО. – Ф. Р-1613. – Оп. 7. – Д. 208. – Л. 348.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 252 – Оп. 3. – Д. 1220. – Л. 8.
7. РГАЭ. – Ф. 4372 – Оп. 66. – Д. 269. – Л. 146.

УДК 271.2

Сазонов Дмитрий Иванович

кандидат богословия

Общecerковная аспирантура им. святых Кирилла и Мефодия
sazonow63@mail.ru

БРЕЖНЕВСКИЕ ГОНЕНИЯ НА ЦЕРКОВЬ (по материалам Центральной России)

Считается, что брежневский период «застоя», в отличие от реформ «хрущевской оттепели», является периодом стабильности и даже некоторого потепления в государственно-церковных отношениях. Но, несмотря на некоторое изменение формулировок, отразившееся в законодательстве о религии и новой Конституции СССР 1977 года, суть политики государства и партийных органов оставалась прежней. Церковь по-прежнему вытеснялась из всех сфер общественной жизни, существовал запрет на обучение религии подростков и их присутствие на богослужениях, запрет на благотворительность, дискриминация верующих в образовательных учреждениях и на производстве, разложение исполнительных органов церкви с целью закрытия прихода, тотальный контроль за деятельностью и финансами церковной организации, регистрация священнослужителей как инструмент давления на неудобных, администрирование на местах в отношении церковных приходов. За Советом по делам религий было закреплено право последней инстанции при закрытии приходов. Отмечалось использование ренегатов и негативных явлений в церковной среде в качестве примеров для дискредитации религии, процветала антирелигиозная пропаганда. Все перечисленное в совокупности и явилось фактом нарушения конституционных прав и прав свободы совести. Государство, провозглашая свое отделение от Церкви, беззастенчиво вмешивалось в ее жизнь. История показала тщетность усилий по ликвидации Церкви. После смерти Брежнева и ухода «сталинско-хрущевской номенклатуры», наметились тенденции к возрождению церковной жизни. Празднование 1000-летия Крещения Руси дало мощный импульс к восстановлению религиозных прав и свобод.

Ключевые слова: гонения на Церковь, верующие, двадцатка, приход, регистрация, религия, уполномоченный.

Принято считать, что с отстранением Н. Хрущева от руководства партией и государством, закончился период гонения на Церковь. Брежневский период, когда у руководства партией и государством встал номенклатурный работник Л.И. Брежнев, по мнению некоторых исследователей, характеризовался относительно стабильным отношением к религии. Не было уже жестких административных наскоков на религиозные организации, не было развернутой клеветнической кампании в прессе по дискредитации религии и священнослужителей, не было массового закрытия церквей. Однако при всей видимой «стабильности» государственно-церковных отношений налицо был тотальный контроль за церковными структурами, священнослужителями и верующими, притеснение верующих на всех уровнях хозяйственной и общественной жизни, дискриминация при приеме на работу, лишение права открыто исповедовать свою веру и т.д. После «хрущевских гонений» жесткое давление и контроль над церковными структурами не ослабевали, но внешне не афишировались, видоизменялись, внешне не принимая формы открытого противостояния. Брежневские гонения характеризовались более тонкой и разнообразной ор-

ганизацией. Всякая попытка выйти из отведенных законодательством о религии рамок пресекалась и наказывалась.

Протоиерей Д. Константинов писал, что «брежневские гонения» внешне были более прилизаны, чем хрущевские, и их активные деятели, как он отмечал, «работали даже иногда в белых перчатках» [7, с. 102]. Ивановский историк А.А. Федотов пишет, что гонения утихли, «но продолжались, в более мягкой форме» [11, с. 145–146]. Недаром в воспоминаниях некоторых священников брежневский период характеризуется как период, когда вроде бы все поняли правила игры: кто как мог, тот так и договаривался с властями (на уровне архиерей-уполномоченный, священник-председатель исполкома), но никто не чувствовал себя в безопасности, поскольку стратегия государства в отношении Церкви оставалась неизменной – ликвидация Церкви, как пережитка прошлого. Выдвиженцы сталинско-хрущевской системы по-прежнему оставались на идеологическом фронте, имеются в виду М.А. Суслов, Ю.В. Андропов и др. Да, была подчас «дружба» у архиереев с уполномоченными и властями, что иногда помогало решать проблему кадров и некоторые административные

вопросы, но подобные случаи были скорее исключением, чем правилом. Конечно, нельзя не отметить некоторое послабление в законодательстве «О религиозных объединениях» 1975 г., которые отразились, в первую очередь, на имущественных правах Церкви, в частности, отменялась прежняя формулировка о не наличии у религиозных объединений прав юридического лица. Однако вместо нее и определение о каких-либо правах, кроме «отправления религиозных потребностей» для религиозных организаций, отсутствовало. Ирония, как писал Д.В. Поспеловский, состояла в том, что Церковь и ее приходы получили право приобретать церковную утварь, даже транспортные средства и строения для новых нужд, но не имели юридических и имущественных прав на церковные здания. Здания церквей по-прежнему находились в собственности государства, которое передавало их верующим в пользование. Вместе с некоторыми положительными изменениями, получили жизнь и отрицательные добавления: в связи с внесением в законодательство новых изменений верующие потеряли право апелляции в высшие государственные инстанции по поводу закрытия прихода, решение по закрытию и открытию приходов оставалось в компетенции Совета по делам религий, усложнялась и сама процедура подачи заявлений о регистрации приходской общины. Наряду с произошедшими изменениями в законодательстве, в которых можно было увидеть некоторое послабление в отношении имущественных прав Церкви со стороны государства, право государственных органов вмешиваться в жизнь религиозной общины осталось без изменений [10, с. 397–399]. Так, в докладе уполномоченного по Ярославской области Вагина говорится о полном контроле над церковным исполнительным органом: «Установлен контроль за исполнительными органами и до их сведения доведено решение о недопустимости проведения собраний общин, ремонта зданий и по другим вопросам без разрешения исполкома районного, городского и сельских Советов» [4, с. 107]. Ничего нового не принесла верующим и новая «брежневская Конституция 1977 года, которая в 52-й статье оставляла за религиозными объединениями право отправлять богослужения, т.е. при некотором изменении законодательства суть оставалась прежней – право государства вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви и контролировать ее деятельность.

Старосты и счетоводы церковных двадцаток, а также приближенный к ним круг лиц, состояли на окладах и находились в прямой зависимости от исполкомов на местах. Через них осуществлялся полный контроль над церковной общиной. В отчете Костромского уполномоченного читаем: «С переводом всего духовенства на оклады и усиления контроля финансовых органов за правильным учетом и использованием церковных средств, треб,

введением квитанционной системы учета, увеличится объем работы старост, что вызовет необходимость в вольнонаемных счетоводах. В этой связи бесплатно работающих старост не будет, <...> остальные члены исполнительных органов уже начали назначать себе оклады [1, с. 4].

Власть предпринимала ряд мер по разложению двадцатки и закрытию прихода, в этом ей оказывали содействие учрежденные повсеместно комиссии и члены содействия комиссии по соблюдению законодательства о культах. Благодаря индивидуальной работе, члены комиссии и члены содействия комиссии добились выхода из религиозных общин в Ярославле: в 1964 году – 11 человек двадцаток, подавших заявления об уходе, в 1965 году – 9 человек. В таких церквях как Феодоровская, Толгоболъ, Введение – составы церковных двадцаток, благодаря работе комиссий, запугиванию и травле людей, часто пожилых и больных, доведены до 14 человек. В результате чего «Сеславинская церковь состоит на очереди закрытия, священника там нет. Староста подала заявление об уходе» [4, с. 59]. Предпринимая меры по разложению двадцатки и закрытию прихода, закрывали, в первую очередь, «затухающие приходы», в которых богослужения совершались крайне редко, двадцатка была неполная, закрыть можно было без особого шума. С 1964 по 1975 годы количество приходов Русской Православной Церкви сократилось на 811 храмов, с 7274 сократилось до 7062. В среднем закрывалось около 50 приходов в год. В последующие 5 лет темпы закрытия были несколько приторможены, закрывалось до 6 приходов ежегодно. В 1982 году, в год смерти Л.И. Брежнева, Русская Православная Церковь насчитывала всего лишь 7001 приход и 16 монастырей (2 на территории РСФСР) [12, с. 430]. К 1970 году в 10 регионах Центральной России и Москве насчитывалось 621 приход (43 в Москве, 134 в Московской области), в которых служили 847 (156 и 188 в Москве и московской области соответственно) и 146 диаконов (56 и 26) [3, с.37, 38]. Конечно, церквей стали закрывать по сравнению с «хрущевским периодом» меньше (с 1958 по 1964 гг. закрыто 5451 приход, в среднем, по 900 приходов ежегодно) [12, 430], но ведь, как писал прот. Д. Константинов, не было «неограниченного запаса» церквей и была реальная перспектива получить «катакомбную Церковь», которую вряд ли можно контролировать. Но главным аргументом, на наш взгляд, следует считать имиджевый фактор успешности коммунистического эксперимента в СССР.

В брежневский период старались закрывать приходы постепенно, без огласки на Западе, т. к. доктрина «миротворца» и поборника «прав человека» на международной арене была необходима советскому строю, как уже было сказано, для имиджа успешности первого в мире государства,

строящего коммунизм. Так, шум, поднятый вокруг «тихого» закрытия Успенской церкви в Калужской области, поставил для Совета по делам религий трудную задачу по ее закрытию [7, с. 109]. Ярославский уполномоченный «спускает» директиву подчиненным: «Изучить религиозную обстановку в с. Вознесенское, имея ввиду, что в церкви этого села уже длительное время не ведется богослужение, и представить необходимые материалы исполкому областного Совета депутатов, трудящихся для решения вопроса о возможности снятия данной религиозной общины с регистрации и использования церковного здания для нужд района» [4, с. 107].

Конечно, церквей стали закрывать по сравнению с «хрущевским периодом» меньше (с 1958 по 1964 гг. закрыт 5451 приход, в среднем, по 900 приходов ежегодно) [12, с. 430], но ведь, как писал прот. Д. Константинов, не было «неограниченного запаса» церквей и была реальная перспектива получить «катакомбную Церковь», которую вряд ли можно контролировать. Но главным аргументом, на наш взгляд, следует считать имиджевый фактор успешности коммунистического эксперимента в СССР.

В брежневский период старались закрывать приходы постепенно, без огласки на Западе, т. к. доктрина «миротворца» и поборника «прав человека» на международной арене была необходима советскому строю, как уже было сказано, для имиджа успешности первого в мире государства, строящего коммунизм. Так, шум, поднятый вокруг «тихого» закрытия Успенской церкви в Калужской области, поставил для Совета по делам религий трудную задачу по ее закрытию [7, с. 109]. Ярославский уполномоченный «спускает» директиву подчиненным: «Изучить религиозную обстановку в с. Вознесенское, имея ввиду, что в церкви этого села уже длительное время не ведется богослужение и представить необходимые материалы исполкому областного Совета депутатов трудящихся для решения вопроса о возможности снятия данной религиозной общины с регистрации и использования церковного здания для нужд района» [4, с. 107].

Надо отметить, что легальное существование ограниченного числа храмов и Церкви в отведенной ей резервации вполне устраивало партийных идеологов. За последние три года перечисления в фонд мира и ВООПИК не превышают 4–5% от общего дохода, в то время как на июнь 1971 года на счетах этих религиозных обществ имеется до 25000 руб.» [4, с. 106]. И далее: «Комиссия содействия следит и за тем, чтобы не допускать администрирование по отношению к религиозным организациям и оскорбления чувств верующих, они же проводят работу по отвлечению денежных доходов церквей в фонд мира. За 2,5 года перечислено 19,5 тыс. руб.» [4, с. 60].

По действиям Совета по делам религий – органа, стоящего посредником между государством

и Церковью, некоторые исследователи называют брежневский период периодом «возрождения обер-прокурорства». Ни один организационный или административный вопрос нельзя было решить без согласия на то Совета, деятельность которого была регламентирована постановлениями партийных и государственных органов. Согласимся с рядом исследователей, что понятие обер-прокурорства, принятое в отношении Совета по делам религий, довольно условно: Совет защищал коммунистическое государство от «поползновений церковников», в отличие от задачи обер-прокурора, оберегавшего Православие от «враждебных Православию поползновений» [6, с. 426]. Основной курс государства и коммунистического воспитания – построение «безрелигиозного общества» – был отражен в Уставе и программе КПСС.

Повсеместно отмечались произвол уполномоченных на местах (обычно бывших работников МГБ). Он особенно сильно проявлялся в отношении регистрации священников: неугодных, активных, ярких миссионеров и проповедников либо не регистрировали, ссылаясь на нарушение ими законодательства о культах, либо снимают с регистрации. Регистрация была инструментом, благодаря которому уполномоченный оказывал влияние на деятельность всей административной цепочки Церкви: от архиерея до сельского священника. «Снятие с регистрации, – пишет А.Э. Краснов-Левитин, – является великолепным средством для шантажа: содействуя путем угроз на неустойчивых, колеблющихся священнослужителей, запугивая их, уполномоченные принуждают их снимать с себя сан» [8, с. 108]. Скованная тотальным контролем деятельность священника была сведена к роли «служителя культа», работника, лишенного права быть пастырем своих чад, миссионером для мира и проповедником слова Божьего.

Всякое отступление от законодательства узнавалось и пресекалось. «Членами комиссий вскрываются факты крещения детей без согласия отца: вместо него в церковь явилось подставное лицо. Выявлен случай крещения детей коммунистами (студенты пединститута Бережная Г., шофер колхоза «Дружба» Переяславского р-на Морозов С.П.) комсомольцами (Авдеевой В. из колхоза «Трудовая Армия», Шестаковой Н.А. из ателье № 5, Пушкиной В.А. работницей завода «Металлист»). Во всех церквях кроме квитанций на уплату денег за крещение заведены журналы или тетради, где записываются отец и мать личности, и другие необходимые данные. Райгорисполкомы по этим записям составляют свои списки, которыми снабжают партийные органы. Теперь родителям, окрестившим своих детей, все труднее становится ссылаться на свекровей и тещ. Приходится самим «давать ответ» перед общественными организациями за совершенный обряд» [4, с. 51].

На антирелигиозный пропагандистский фронт были брошены большие силы как специалистов высших учебных заведений, школ, врачей, лекторов общества «Знание», которые трудились не покладая сил на чтение лекций, тиражирование брошюр и других материалов, разоблачающих «религиозный дурман». Например, только в Ярославском районе «при 12 клубах и домах культуры работают лектории по научному атеизму, организовано 6 кинолекториев. Атеистическую пропаганду в районе ведут 32 лектора, имеющих специальную подготовку. В 1973 году по вопросам атеизма прочитано 149 лекций. В районной газете «Ленинское знамя» регулярно печатаются материалы и ведутся беседы по атеистической пропаганде. Ежемесячно дается обзор журнала «Наука и религия». «Вопросы атеистической работы исполкомов сельских, поселковых советов и культурно-просветительных учреждений, внедрение новых советских обрядов систематически обсуждаются на заседаниях исполкомов Советов» [5, с. 51, 60].

Продолжали существовать карательные меры в отношении верующих людей. Например, в Ярославской области из Ярославского пединститута были уволены муж и жена за то, что их ребенок был крещен в церкви, в Некрасовском районе были исключены из состава учащихся два школьника, носивших нательные крестики [4, с. 45].

Церковь не молчала. Конечно, в отличие от обращения в вышестоящие инстанции «Христианского комитета по затее прав верующих», возглавляемого подмосковным священником Г. Якуниным и Н. Эшлиманом, писем Патриарху рязанского митрополита А.И. Солженицына, кировчанина Б. Таланова, писем Л.И. Брежневу епископа Полтавского и Кременчугского Феодосия (Дикун), епархиальные архиереи Центральной России не поднимали своего голоса в защиту прав верующих и Церкви. Делая оценку молчанию архиереев, следует учесть, что они находились под неусыпным контролем как гражданских властей, так и своего окружения, представители которого сотрудничали с властями.

Поэтому биограф Патриарха В. Никитин пишет: «Получив письмо Солженицына, Патриарх Пимен с горечью сказал: «Побывать бы ему в моих башмаках хоть пару дней! <...> Ну, пусть пишет!» [9, с. 212]. Даже Патриарх был не свободен в своих действиях. Ведь как отмечал А. Краснов-Левитин, парадокс социалистического государства состоял в том, что с одной стороны оно заявляло о невмешательстве в дела Церкви своим Декретом 1918 года, но наряду с заявлениями вмешивалось в дела Церкви и нарушало принятые в отношении религии законы и Конституцию, свои принципы (отделение Церкви от государства). Принуждало священнослужителей, не только рядовых, но и архиереев, «регистрироваться» у уполномоченных, что являлось актом прямого назначения со стороны государства [8, с. 108].

В результате правильного подбора церковного совета и регулярного контроля за его деятельностью по соблюдению советского законодательства сейчас случаи посещения храма детьми стали очень редкими и о каждом посещении детьми комиссия узнает немедленно, что дает возможность принятия оперативных мер по усилению воспитательной работы с этой категорией людей [4, с. 6].

Краснов-Левитин в своих «Диалогах с церковной Россией» писал о наивности людей, считавших, что поколения, выросшие в «сталинскую эпоху», не будут повторять прошлых ошибок: «Ведь целое поколение ответственных работников выросло и воспитывалось в удушливой атмосфере, когда поощрялись всякие беззакония и всякий произвол» [8, с. 113].

Но вот что так вызывало удивление антирелигиозных идеологов, так это то обстоятельство, что молодежь пришла в храмы в середине 60-х. Молодежь, обучавшаяся в сталинских школах и техникумах, рожденная в атеистических семьях, воспитывавшаяся в чуждой среде, восторгалась запуском ракет и утверждениями космонавтов, тем фактом, что «Бога в космосе нет», смотревшая антирелигиозные фильмы и читавшая «правду о религии» в советских газетах, знавших об обещании Хрущева показать через два десятка лет «последнего попа», <...> молодежь пришла в храмы. Ни деньги (некоторые священники сводили при таком налогообложении концы с концами), ни посулы власти отречься от веры и стать как и некоторые священники: А. Осипов, Н. Спасский и др. – знаменем атеизма, ни трудности не смогли их отвернуть от веры. Многие из этих людей стали затем, уже в 80–90-е годы, священниками и свидетелями возрождения Церкви. Несмотря ни на какие усилия пропагандистов и активистов, лекторов и ренегатов, Церковь год от года показывала увеличение обрядности и доходов. Так, уже после смерти Брежнева, в 1984 году обрядность в Смоленской области показывала, например, по отпеваниям – 46,3%, а в отдельных городах и того более: в Вязьме – 100%, Рославле – 91,6%, Гагарине – 63,2%. Наметилась тенденция к повышению количества крещений. В целом, их число повысилось на 6–8% [2, с. 13].

Однако, несмотря на потраченные усилия, на огромный ущерб, который был нанесен антирелигиозной кампанией и «брежневским гонением» на Церковь духовно-нравственному состоянию народа, путем лишения Церкви ее традиционной воспитательной функции, его культурному наследию путем снятия с учета и разрушения церквей, Церковь выстояла, сохранив свои канонические устои. Получая с мест свидетельства высокой религиозности и обрядности, констатируя провал своей антирелигиозной политики, власть была вынуждена говорить о «недостатках пропаганды» и

«индивидуальных подходах», «принципиальности и соблюдении законодательства о культах, но время неумолимо показывало крах иллюзий о том, что религия исчезнет сама. В отличие от хрущевских, брежневские гонения на Церковь носили в основном пропагандистский характер. Через 6 лет после эпохи Брежнева, в 1988 году празднование 1000-летия Крещения Руси дало мощный толчок к возрождению Церкви.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. р-2102. – Оп. 5. – Д. 51. – Л. 15.
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 985. – Оп. 2. – Д. 73.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. р-6991. – Оп. 2. – Д. 167 – Л. 181; Оп. 6. – Д. 25 – Л. 210.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 1033. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 120.
5. ГАЯО. – Ф. 1033. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 38.
6. История России в XX веке: 1939–2007 / под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель, АСТ, 2010. – 847с.
7. Константинов Д., прот. Продолжение гонений на Церковь // Русское возрождение. Нью-Йорк – Москва – Париж. – 1981. – (III) №15. – 252 с.
8. Краснов-Левитин А.Э. Диалог с церковной Россией. – Изд-во: Париж: Ихфис, 1967. – 113 с.
9. Никитин В. Патриарх Пимен: Путь устремленный ко Христу. – М.: Эксмо: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2011 – 320 с.
10. Поспеловский Д. В. История русской Православной Церкви в XX столетии. – М., 1995. – 51 с.
11. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам центральной России). – Иваново, 2009. – 402 с.
12. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 430 с.

РОЛЬ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ В НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ЧАРЛЬЗА И МЭРИ ЛЭМ «ШКОЛА МИССИС ЛЕСТЕР»

В статье раскрываются особенности знаменитой нравоучительной повести Чарльза и Мэри Лэм «Школа миссис Лестер» с точки зрения ее сходств и отличий от других подобных произведений детской английской литературы начала XIX века. Появление этой книги приветствовалось прогрессивной общественностью, но, вопреки предсказаниям С.Т. Кольриджа, она не пользовалась такой популярностью, как шекспировские пьесы в переложении тех же авторов. Брат и сестра Лэм наделили своих персонажей глубиной чувств, присущих мыслящим и любознательным «маленьким женщинам», в жизни которых важную роль играет чтение. Придерживаясь традиций романтической школы, авторы убеждают читательскую аудиторию в своем подлинном уважении к ребенку и сочувствии его бедам. В повести «Школа миссис Лестер», адресованной как детям, так и взрослым, книга рассматривается как источник полезных, но в то же время небезопасных знаний о мире. Произведение затрагивает важнейшие проблемы межличностных отношений. Юные читатели разделят многочисленные переживания персонажей, в то время как родители больше узнают о сложном эмоциональном состоянии своих детей, оставшихся без их внимания. Каждая глава повествует о волнующих и подчас горьких событиях в жизни воспитанницы школы закрытого типа для девочек.

Ключевые слова: Ч. и М. Лэм, «Школа миссис Лестер», нравоучительная повесть, воспитание, межличностные отношения, чтение, дидактика, мировосприятие, жизненный опыт.

Во втором десятилетии XXI века, ознаменовавшегося бурным развитием инновационных технологий, особую актуальность приобретает проблема детского чтения. Российским исследователям зарубежной литературы небезынтересно проследить за тем, как формировались умения и навыки чтения у английского ребенка в начале XIX века.

Ярким образцом достойной английской прозы для детей является повесть брата и сестры Лэм (Lamb), Чарльза (Charles, 1775–1834) и Мэри (Mary, 1764–1847), «Школа миссис Лестер, или Истории нескольких юных леди, рассказанные ими самими» (Mrs. Leicester's School, or the History of Several Young Ladies, Related by Themselves, 1809), выдержавшая восемь переизданий. Чарльз написал в ней три главы, остальные семь принадлежат перу Мэри. Произведение было с восторгом принято их друзьями-литераторами. Так, в своей статье «В отсутствие миссис Лестер. Место Мэри Лэм в развитии литературы о детстве» (In the Absence of Mrs Leicester. Mary Lamb's place in the development of a literature of childhood, 1997) Джанет Боттомс (Janet Bottoms) пишет о том, с каким восторгом встретил эту книгу С.Т. Кольридж (S.T. Coleridge, 1772–1834), предвещая ей счастливое будущее. По его мнению, читатели не только получили бы удовольствие от встречи с искренними и непосредственными юными персонажами, но и оценили бы ее как драгоценный камень, засиявший среди других талантливых произведений для детей. Однако, как замечает Боттомс, надежды Кольриджа не оправдались, и повесть не вызвала большого интереса в последующие годы [2, с. 117]. Необходимо отметить, что в первое десятилетие

XIX в. нравоучительные истории миссис Триммер (Mrs. Trimmer, 1741–1810) и миссис Шервуд (Mrs. Sherwood, 1775–1851), несмотря на их значительный дидактический посыл, а иногда и откровенное запугивание, все равно нравились детям, которые не замечали чрезмерного увлечения взрослых морализированием. В отличие от порой завуалированного стремления этих и других авторов подчинить детские персонажи воле учителей и родителей, принуждавших их механически выполнять свои наставления, брат и сестра Лэм описывают мыслящих героинь с собственным взглядом на мир.

Следуя английской литературной традиции, получившей развитие после появления известной книги Сары Филдинг (Sarah Fielding, 1710–1768) «Гувернантка, или Академия для маленьких девочек» (The Governess, or The Little Female Academy, 1749), брат и сестра Лэм также выбирают местом действия для своей нравоучительной повести частную школу закрытого типа. Если героини С. Филдинг являются больше слушательницами, нежели читательницами, то персонажи «Школы миссис Лестер» обладают не только житейским, но и некоторым читательским опытом и имеют независимые суждения по поводу прочитанных книг. Авторы привлекали внимание взрослых к необходимости учить детей вдумчиво относиться к прочитанному и развивать их воображение и речь.

Повесть звучит удивительно современно с точки зрения педагога-соратника и друга, потому что молодая учительница, подписавшая свое обращение к девочкам инициалами М.Б. (М.В.), хочет прежде всего расположить их к себе и снять напряжение, вызванное незнакомой обстановкой, по-дружески

поговорив с каждой, и лишь затем приступить непосредственно к учебе. Тем самым она пытается сделать их отъезд из дома и отрыв от семьи менее болезненными. М.Б. усаживает воспитанниц в кружок (именно так, как теперь принято в современных школах), чтобы рассказчицы были ближе друг к другу, и предлагает им поделиться наиболее запомнившимся событием из своей жизни: «Я знала, что каждая карета, отъехавшая от двери, оставила в школе грустное сердечко. Глаза у вас были красными от слез, когда наставница представила меня вам как учительницу, которую она наняла, чтобы с вами заниматься. Она хотела, чтобы я провела вас в комнату, которую мы теперь называем игровой: “Сегодня вечером леди, – сказала она, – могут поиграть и повеселиться, как они того пожелают, чтобы получше познакомиться друг с другом, прежде чем завтра они войдут в классную комнату”» (здесь и далее перевод мой. – *И.Ш.*) [3]. Впрочем, даже наставница, несмотря на чопорность (она называет маленьких девочек «леди»), понимает, как нелегко им привыкнуть к новой жизни.

Можно предположить, что задачей молодой учительницы является создание специальной программы обучения для своих воспитанниц, учитывающей не только их интересы, но и уже имеющийся жизненный опыт. Именно поэтому она обещает своим собеседницам записать их рассказы и впоследствии подарить им эти воспоминания, чтобы они смогли сами их прочесть.

В сюжете повести большое место занимают признания девочек в том, на каком материале они учились читать. Д.С. Лихачев писал: «Книга всегда найдет того, кому она нужна. Например, покупает книгу человек, который украшает ими свою столовую. Но ведь у него могут быть и сын, и племянники. Мы помним, как начинали люди интересоваться литературой – через библиотеки, которые они находили у своего отца или у своих родственников. Так что книга когда-нибудь найдет своего читателя» [1]. Мнение выдающегося ученого перекликается с детскими впечатлениями брата и сестры Лэм, находившими утешение и ответы на многие вопросы именно в книгах. В «Школе миссис Лестер» рассказчицы нередко упоминают о том, какую роль играли книги в их жизни и какое значение придавали взрослые чтению вслух. Общеизвестно, что в XIX веке, как и в настоящее время, не всем девушкам среднего и высшего классов удавалось удачно выйти замуж, поэтому те из них, кому не суждено было создать семью, часто искали место гувернантки, поступали в услужение к пожилым богатым родственницам или помогали воспитывать собственных братьев и сестер, поэтому навык чтения «с чувством, с толком, с расстановкой» ценился весьма высоко. Однако, как замечает немецкая исследовательница английской детской литературы А. Мюллер-Мут (A. Müller-Muth), ино-

гда не только учебный материал, но и сам процесс обучения чтению, описанный авторами, может показаться современному читателю весьма необычным [5, с. 1].

В главе «Дядя-моряк» (“The Sailor Uncle”) главной героине, маленькой девочке Элизабет Вильерс (Elizabeth Villiers), после смерти матери приходится жить с отцом, пребывающим в состоянии депрессии после свалившегося на него горя. Большую часть дня отец с дочерью проводят на кладбище. Элизабет учится читать по слогам, пытается вначале разобрать надпись на могильном камне матери. Читая эпитафии и на других памятниках, она постепенно овладевает грамотой: «Мой отец – викарий в деревенской церкви <...>. Я родилась в доме, примыкавшем к церковному кладбищу. Первое, что мне вспоминается, это как отец учит меня алфавиту по буквам, высеченным на камне, который стоял на могиле матери. Бывало, я стучу в дверь кабинета отца и, как сейчас, слышу его голос:

– Кто там? Что тебе нужно, малышка?

– Пойти к маме. Учить красивые буквы.

Несколько раз в день отец откладывал в сторону свои книги и бумаги и вел меня на то место (на кладбище, к могиле матери. – *И.Ш.*), заставляя показывать буквы и приучая читать по слогам слова <...>. Таким образом, эпитафия на могильном камне матери стала моим первым учебником по правописанию, и я научилась читать» [3].

Мотив смерти, используемый писательницей, помогает юным читателям лучше понять, как относились к смерти близких в Англии начала XIX столетия, когда дети воспринимали горькую утрату как неизбежность и пытались по-своему примириться с трагической ситуацией. В случае с Мэри Лэм положение усугублялось ее угрызениями совести (в молодости в порыве безумия она убила вилкой собственную мать; суд оправдал девушку, взяв с Чарльза слово, что он будет постоянно ее опекать. Впоследствии их авторский тандем оказался успешным, и до сих пор пользуются популярностью их переложенные для детей пьесы Шекспира) [4]. Как представляется, тяга Элизабет к походам на кладбище объясняется мучительными размышлениями Мэри Лэм по поводу содеянного и ее непростыми отношениями с матерью, пока та была жива. В этой связи понятно стремление писательницы создать идеализированный образ матери в воображении героини, которую та ни разу не видела: «Эта могила (могила матери. – *И.Ш.*) всегда вызывала у меня восторг. Дома отец часто уставал от моего лепета и отсылал меня от себя, а здесь он принадлежал всецело мне. Я могла говорить о чем угодно и вволю пошалить. Наши визиты к маме, как мы их называли, были окрашены радостью и добрым юмором. Мой отец рассказывал мне о том, как мирно спит в могиле мама и что он с его маленькой Бетси (уменьшительное

от Элизабет. – *И.Ш.*) тоже в один прекрасный день заснут там рядом с ней. И тогда, отправляясь спать и опуская головку на подушку, я мечтала, как буду лежать в могиле рядом с папой и мамой. И в своих детских снах я видела себя там, на нежно-зеленом островке земли. Я никогда не рисовала в своем воображении фигуру мамы, но в моих мечтах постоянно присутствовали могильный камень, и отец, и мягкая зеленая трава, и моя головка, прижимавшаяся к папиному локтю» [3].

Посетивший их осиротевшую семью дядя Элизабет, брат матери, был не на шутку встревожен необычным способом воспитания и обучения своей племянницы и, желая оградить ее от странных фантазий и стремясь воспрепятствовать ее постоянному пребыванию на кладбище, пытался говорить с ней, как со взрослой, объясняя значение таких трудных для ребенка слов, как «доброделитель», «скромность» и «манерность». Стараясь помочь девочке справиться с горем и примирить ее со смертью самого близкого для нее человека, дядя предлагает ей обычные детские книги. Хотя читательницам не суждено было узнать весь перечень произведений, попавших в руки Элизабет, выбор авторами «Красной шапочки» и «Робинзона Крузо» в качестве спасительного средства для ее утешения говорит об их прогрессивности, так как они не только учли возрастной фактор, но и порекомендовали детям достойные произведения. Разделяя просветительские теории, Мэри Лэм не одобряет пассивной позиции отца, забывшего о потребностях ребенка из-за постигшего его горя. Символ кладбища введен ею не случайно: он ассоциируется с почерпнутыми из *chapbooks* (дешевых изданий народных сказок, преданий и баллад) опасными фантазиями, бушевавшими у детей, когда их оставляют без внимания взрослые. Не нарушая традиции, прочно укоренившейся в английской детской литературе, согласно которой у главного персонажа-ребенка необязательно должны быть оба родителя, читательницам сообщается, что роль отца может быть выполнена и другими родственниками, – в данном случае дядей, предстающим в повести в качестве положительного героя-взрослого, пожелавшего принять участие в судьбе девочки. Любопытно, что дядя-моряк не отличается эрудицией и безукоризненными манерами, но Мэри Лэм намеренно воспекает чистоту его души и высокие устремления. Эта традиция будет продолжена в повести знаменитой англо-американской писательницы Ф. Х. Бернетт (F. H. Burnett, 1849–1924) «Заповедный сад» (“*The Secret Garden*”, 1909) на примере образа одного из главных героев, крестьянского мальчика Дикона (Dickon), положительно повлиявшего на своенравную и капризную девочку Мэри.

В рассказе «Дом на ферме» (“*The Farm House*”) писательница знакомит юных читателей с ощу-

щениями ребенка, впервые выехавшего за город. Для маленькой жительницы Лондона встреча с домашними животными и птицей оказались настоящим сюрпризом. До этого ей не приходилось видеть ни коров с овцами, ни утят, принявших курицу-наседку за свою мать. В канву повествования вплетены картины природы, увиденные героиней: живые изгороди и поля, высокие вековые деревья, ярко-желтые цветы. Рассказчица, Луиза Мэннерс (Louisa Manners), цитирует Исаака Уоттса (Isaac Watts, 1674–1748), известного английского детского поэта XVII – первой половины XVIII вв., из чего можно сделать вывод о том, насколько хорошо этот автор был знаком маленьким читателям из семей среднего и высшего классов (даже Льюис Кэрролл включил пародию на него в свою знаменитую «Алису в стране чудес»).

Говоря о чтении как о полезном навыке, авторы, тем не менее, подчеркивают, что беспорядочное поглощение информации может напугать ребенка. Несмотря на их стремление пропагандировать достойные литературные произведения для детей, взрослому читателю видна их осторожность в освещении некоторых аспектов детского чтения. В главе «Юная магометанка» (“*The Young Mahometan*”) героиня Маргарет Грин (Margaret Green) с радостью изучает по Библии с крупным шрифтом истории Древнего Завета, но, так как у нее слабое зрение, взрослые не позволяют ей слишком долго читать. Писательница профессионально описывает процесс усвоения прочитанного и увиденного ребенком. Не зная, чем занять себя, Маргарет изучает развешенные на стенах гобелены на библейские сюжеты и офорты выдающегося английского художника У. Хогарта (W. Hogarth, 1697–1764), пытаясь разобраться в их содержании. Неожиданно в библиотеке богатой пожилой леди девочка находит том «Объяснение магометанства» (“*Mahometanism Explained*”), привлечший ее внимание доступным языком. Книга так захватывает воображение Маргарет, что маленькая англичанка начинает всерьез интересоваться мусульманством. Она очень боится за маму, потому что та не имеет понятия об Аллахе и, следовательно, находится в опасности. От ужаса Маргарет заболевает. Глава «Юная магометанка» интересна нам с исторической точки зрения, так как в ней подробно рассказывается о фолиантах того времени и о том, как они воспринимались юными читателями (качество бумаги, размер шрифта и т.д.). В повести «Школа миссис Лестер» очень мало говорится о содержании книг, но подчеркивается, что чтение является приятным времяпрепровождением. Так, в «Юной магометанке» анализируются факторы, влияющие на усвоение учебного материала и обеспечивающие наилучшее запоминание прочитанного. Героиня способна легко затвердить постулаты ислама, так как они изложены в доступной и понятной ей

форме. Кроме того, исследователей детской литературы привлекает спокойная и учитывающая возрастные особенности развития ребенка форма нравов, принятая персонажами-взрослыми (доктором и его женой), пришедшими на помощь Маргарет. Они не пытаются грубо воздействовать на психику девочки, запретив читать недозволенное, а аргументировано доказывают ей, почему она не может стать мусульманкой. Придя в себя после сильных переживаний, «юная магометанка» размышляет: «Я знаю, что с моей стороны было очень неправильно читать какую-либо книгу без разрешения. Если бы мне пришлось пережить произошедшее со мной заново, я бы пошла и рассказала маме, что в доме есть библиотека, и попросила бы у нее позволения немного почитать из книги, которую она сочла бы нужным мне подобрать» [3]. В этой главе Мэри Лэм призывает педагогов и родителей обратиться к проблеме детской заброшенности: кроме проанализированных ею переживаний героини по поводу произошедшего недоразумения с выбором произведения, никак не соответствующего ее возрасту, она включает в повествование ее рассуждения о том, как тяжело проводить досуг в полном одиночестве, потому что ни мама, ни другие взрослые в силу собственной занятости почти совсем с ней не общаются, и девочка сравнивает свое положение с ситуацией, в которой оказался Робинзон Крузо. То же самое происходит и в главе «Тетя-ведьма», в которой маленькая Мария Хау (Maria Howe) называет себя вредным сорняком, росшим так, как ему заблагорассудится.

Рассказ Чарльза Лэма «Тетя-ведьма» посвящен юной воспитаннице, начитавшейся книг о волшебстве и суевериях и подозревающей собственную тетушку в колдовских чарах. Интересен перечень литературы, о котором рассказывает девочка. В него входит и учебник по истории Англии, и травник, и история Библии, и даже книги по юридическому праву. Главы «Юная магометанка» и «Тетя-ведьма» дают представление о том, какие различные по тематике произведения попадали в руки ребенка, и в этом также проявляется стремление авторов приблизить повествование к реальной действительности. Брат и сестра Лэм проявляют педагогическую проницательность, когда критикуют книги по черной магии, считая их нежелательными для психического развития ребенка: «Эти истории о ведьмах так напугали меня, что я плохо спала, и мне казалось, что колдунья находится в одной комнате со мной. Я понимаю, что это нервы, и теперь я могу посмеяться над собой, как и вы, юные леди. Если бы вы знали, как я страдала, вы бы преисполнились благодарности за то, что рядом с вами находятся разумные люди, которые вас воспитывают и приучают к хорошему» [3].

В главе «В гостях у кузенов» («Visit to the Cousins») маленькая героиня Эмили Бартон (Emily

Barton) эмоционально рассказывает новым подругам и педагогу-воспитателю о том, где можно раздобыть детские книги. Вместо того чтобы посетить обычный книжный магазин, авторы вместе с Эмили предлагают читателям побывать в детской библиотеке на Скиннер-Стрит (Skinner Street). Упоминание в повести точного адреса библиотеки было обусловлено не только просветительскими намерениями, но и не совсем бескорыстным желанием брата и сестры Лэм сделать рекламу своей книге, приобретенной этой библиотекой.

Юные читательницы разделят впечатления учениц этой школы, столь близкие им самим, и узнают о тех переживаниях, поведенных рассказчицами, которые тревожат их и в XXI веке. Дж. Боттомс, опираясь на рассуждения В. Вотсона (V. Watson), указывает на совпадение ощущений такой классической героини, как Джейн Эйр, с рефлексией маленьких воспитанниц «Школы миссис Лестер» [2, с. 123]. Как и Джейн, они страдают от горечи при первом столкновении с несправедливостью (например, «Визит к кузенам») или равнодушного отношения взрослых к их чувствам («Юная магометанка», «Тетя-ведьма»). Маленькая Эмили Бартон откровенно делится своими впечатлениями от пребывания в доме своего дяди, брата отца, в котором ей одиноко и неуютно из-за плохого обращения с нею родственников. Ее монолог звучит очень искренне и печально, и авторы сопереживают своей героине, поднимая вопрос о безучастном и черством отношении взрослых к чужим детям.

А. Мюллер-Мут рассматривает не только процесс формирования умений и навыков чтения у девочек начала XIX в., но и причины, обусловившие выбор литературы, подробно останавливаясь на этапах по превращению девочки из пассивной читательницы в думающую и активную участницу дискуссии с педагогом-воспитателем, с уважением выслушивающим ее доводы и поощряющим свободу суждений [5, с. 2–8].

Нравоучительная повесть «Школа миссис Лестер» интересна и с методической точки зрения, так как показывает, насколько важна роль иллюстраций для ребенка. Если взрослые не испытывают трудностей при чтении и составлении собственного впечатления от прочитанного, то дети способны лучше представить себе книжных героев при помощи готовых изобразительных средств. Ребенку нужна наглядность, обеспечивающая процесс восприятия авторского замысла: разглядывание рисунков и узнавание в тексте знакомых явлений облегчает его заучивание и доставляет радость. В начале XIX в., как и в первой четверти третьего тысячелетия, чтение стихов с мамой или бабушкой воспринималось детьми как своеобразная увлекательная игра, когда, помогая ребенку вспомнить начало четверостишья, взрослый выступает как активный ее участник. Еще в незапамятные времена

педагоги и писатели для детей заметили, что сложный стиль изложения недоступен ребенку и препятствует адекватному восприятию прочитанного. Кроме того, дети получают большее удовольствие от фабульных историй с диалогической речью, чем от пространных описаний. Не менее важную роль в младшем школьном возрасте играет и размер текста, предназначенного для самостоятельного прочтения: чем короче история, тем лучше.

В «Школе миссис Лестер» любопытны и исторические факты, сообщающие об опасливом отношении взрослых к чрезмерной начитанности ребенка. Данный феномен начала XIX в. можно сравнить с повальным увлечением современными детьми Интернетом и компьютерными играми. Нельзя не заметить и тревоги авторов, вызванной повышенной трудностью содержания материала, требующего от ребенка напряженной когнитивной деятельности.

Анализируя круг детского чтения начала XIX века, представляется важным подчеркнуть, что повесть «Школа миссис Лестер» имела «двойного адресата» и оказалась полезной как детям, так и взрослым.

Библиографический список

1. Лихачев Д.С. О личных библиотеках. Письмо двадцать третье // Письма о добром и прекрасном. – Детская литература, 1989. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/lihachev_dmitriy/pisma_o_dobrom_i_prekrasnom/read/ (дата обращения: 24.10.2015).

2. *Bottoms Janet*. In the Absence of Mrs Leicester. Mary Lamb's place in the development of a literature of childhood // *Opening the Nursery Door: Reading, Writing, and Childhood, 1600–1900*. – L.; NY.: Routledge, 1997. – P. 117–132.

3. *Lamb Charles and Mary*. Mrs. Leicester's School. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studymore.org.uk/lambda.htm> (дата обращения: 16.10.2015).

4. Mary Lamb. VIII. Lamb. § 2 // *The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21)*. Vol. XII. The Romantic Revival. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/222/0802.html> (дата обращения: 14.10.2015).

5. *Müller-Muth A*. Reading Children: Creating a Literary Discourse for Children in Mrs. Leicester's School // *ESSE* 6. – Str., 2002. – P. 1–9.

«ГЯУР» БАЙРОНА: МЕСТО ПОЭМЫ В «ВОСТОЧНОМ ЦИКЛЕ»

В статье освещается особая роль поэмы Байрона «Гяур» в цикле «восточных поэм». Это произведение стало для поэта «экспериментальной площадкой», где он разрабатывал новую для себя форму повествовательной поэмы, новый тип героя и волнующую его тему свободы-рабства. С этим связана специфическая фрагментарная структура поэмы, где ослаблены сюжетные связи, нарушена хронология и нет стабильного повествовательного фокуса. Герой соединяет в себе черты готического злодея, благородного изгоя и сентиментального влюбленного. Тема свободы-рабства выражена через образы Греции, утерявшей былое величие и оказавшейся под турецким игом, и восточной женщины, действующей под влиянием чувства, а не разума. Форма, образы и темы «Гяура» получили дальнейшее развитие в «Абидосской невесте», «Корсаре», «Ларе» и «Осаде Коринфа», в результате чего возникла традиция рассматривать данные произведения в рамках единого цикла «восточных поэм», хотя автор и не сводил их в цикл. Разработанная Байроном в пределах «восточного цикла» модель повествовательной поэмы в русском литературоведении получила название «байронической», а новый тип героя – «байронический».

Ключевые слова: Байрон, «Гяур», «восточные поэмы», повествовательная поэма, фрагментарность, цикл, образ восточной женщины, «байронический герой».

Путешествие Байрона в страны Средиземноморья и Ближнего Востока (1809–1811) вызвало в поэте сильнейший творческий импульс, приведший к созданию комплекса произведений, объединенных темой Востока: «Паломничество Чайльд-Гарольда» и так называемые «восточные поэмы»: «Гяур» (1813), «Абидосская невеста» (1813), «Корсар» (1814), «Лара» (1814), «Осада Коринфа» (1816). Иногда к этому циклу относят и поэму «Паризи́на» (1816), но её принадлежность к восточному циклу представляется спорной. Хотя она и была начата ранее «Осады Коринфа», поэма не связана с Востоком, а основана на итальянских хрониках XV века, упомянутых в труде Гиббона «Antiquities of the House of Brunswick» («Предания дома Брунсвиков»), поэтому здесь «Паризи́на» не рассматривается.

Цикл «восточных поэм» как бы вклинивается между песнями «Чайльд-Гарольда». Внезапное, казалось бы, переключение на иной сюжет происходит не случайно: по всей видимости, Байрону хотелось специально заняться разработкой ряда тем и решить определенные художественные задачи, такие, например, как создание «нарративной поэмы» [10]. С точки зрения некой общности, внутренней связности и единства, «восточные поэмы» представляют особый интерес. Сам автор не сводил указанные поэмы в цикл: насколько можно судить по дневникам и переписке, Байрон не собирался публиковать их вместе, как единое произведение, или объединять их под названием «восточные поэмы». Однако в литературоведении давно сложилась традиция рассматривать эти произведения в рамках единой группы. Данная статья не ставит своей целью описать историографию такого восприятия. Она посвящена анализу отдельных элементов, связующих «восточные поэмы» и позволяющих рассматривать их как цикл.

Первые четыре поэмы цикла создавались почти синхронно, на одном дыхании. Байрон начинает писать «Гяура» в мае 1813 г., в ноябре в работу над очередной редакцией поэмы врывается новый сюжет – «Абидосская невеста», которую, по его собственному признанию, он создает в 4 дня (позже пишет, что за неделю) [1, с. 50; 10, с. 211]. Обе поэмы имеют подзаголовок «Турецкая повесть» («Turkish tale»). В конце года за две недели он сочиняет «Корсара», у которого тоже стоит в подзаголовке «повесть» («The Corsair: A Tale»). В феврале 1814 г. одновременно выходят «Корсар» в одной из своих редакций, шестое издание «Абидосской невесты», седьмое «Чайльд-Гарольда» и девятое издание «Гяура» (Introduction to «The Corsair» [6]). А в мае уже появляется рукопись поэмы «Лара: повесть» («Lara: A Tale»), изданная в тандеме с поэмой Роджерса «Жаклин» («Jacqueline»). Сам автор «Лары» допускает возможность рассмотрения поэмы как продолжения «Корсара» («the reader ...may probably regard it [Lara] as a sequel to the Corsair») (Introduction to «Lara» [7]). Издатель и комментатор собрания сочинений Байрона, Эрнест Хартли Колридж, высказывает полную уверенность в том, что «Лара это Конрад, и что Калед, этот «изысканно смуглый» и таинственный паж с «женственно-белой рукой», – это, совершенно очевидно, переодетая Гульнар («It is evident that Lara is Conrad, and that Kaled, the “darkly delicate” and mysterious page, whose “hand is femininely white”, is Gulnare in a transparent and temporary disguise».) (Introduction to «Lara» [7]).

Все истории имеют в основе зерно реальных событий, связанных с путешествием Байрона по Востоку, а в случае «Гяура» – это знаменитый эпизод, как Байрон по дороге к Афинам спас от смерти турецкую девушку, которую везли зашитую в мешке к морю. Формально эти поэмы отнесены автором к разряду повестей.

Поэма «Гяур» играет особую роль в этом цикле. Вся поэма состоит из фрагментов, так что сюжет приходится реконструировать по частям. Задача усложняется тем, что фрагменты повествуются от лица разных рассказчиков: лирического повествователя, турецкого рыбака, Гяура, монаха. Авторство фрагментов никак не оговаривается, поэтому у читателя постоянно возникает проблема идентификации рассказчика. Так, фрагмент, где говорится о встрече с эмиром Хассаном и его воинами и где безымянный персонаж предлагает Хассану переправить его ношу на лодке, весьма трудно идентифицировать без комментария Дж.А. Эллиса, современника и рецензента Байрона, который указывает на то, что история рассказывается от лица турецкого рыбака, ставшего невольно свидетелем казни провинившейся девушки и видевшего, как Гяур преследует Хассана (Notes to «The Giaour» [7]). Эллис полагает, что вся история пересказана рыбаком. Однако уровень информированности рассказчика и стиль речи никак не согласуются с образом турецкого рыбака, если только не предположить, что Байрон его сильно романтизировал. Сюжетные связи между фрагментами вовсе отсутствуют. О некоторых ключевых обстоятельствах истории говорится лишь косвенно (например, не уточняется, что содержалось в мешке, брошенном в море с лодки). В целом, поэма подобна мозаике, в которой некоторые центральные кусочки утеряны.

К этому надо добавить, что все фрагменты перемешаны хронологически, их условно можно разделить на две «серии». В первой рассказывается о гибели невольницы Хассана и о мести Гяура. Смерть Лейлы описана ретроспективно и кратко, основная часть эпизодов посвящена Греции, описанию Гяура и сценам мщения. Действие следующей серии фрагментов, которые условно можно отнести ко второй части поэмы, происходит через шесть лет и связано с монастырем, где Гяур живет после свершения своей мести. Большую часть этой серии занимает исповедь умирающего Гяура монаху.

Между двумя сериями поэмы возникает своеобразный диалог: концовкой первой серии является проклятие в адрес Гяура (некто – видимо турецкий рыбак – сулит ему судьбу вампира, убивающего своих собственных детей); вторая серия фрагментов завершается душевными излияниями самого Гяура. Эта перекличка высвечивает двойственную и противоречивую позицию главного героя. С точки зрения предполагаемого турецкого рассказчика, Гяур – человек неверный (так это слово переводится с турецкого), оставивший христианство и перешедший в ислам, но так и не ставший истинным мусульманином. Хассан, утопивший изменившую ему наложницу, якобы действовал согласно мусульманской традиции. В соответствующем фрагменте подчеркивается благочестие и правота Хассана, рьяного паломника и храброго воина. С дру-

гой стороны, в исповеди Гяур много и красноречиво рассказывает о своей любви к Лейле, которая, с его точки зрения, является оправданием его мести. Важным моментом признаний является нежелание Гяура покаяться: он умирает не примиренным ни с Хассаном, ни со смертью Лейлы, ни с христианством. Гяур остается одиноким и не принадлежащим ни мусульманскому, ни христианскому миру.

Постепенно из черт Чайльд-Гарольда и Гяура складывается персонаж, традиционно называемый «байроническим», в котором явно просматриваются черты «готического злодея» (Gothic Villain), «сентиментального героя» (Hero of Sensibility) и «благородного разбойника» (Noble Outlaw) [12]. Этот человек находится за пределами общепринятой аксиологической шкалы, поэтому он в состоянии перманентного конфликта с обществом и считает себя вправе быть его арбитром. В поэме «Гяур» создается герой, который будет главенствовать во всех поэмах «восточного цикла» и, далее, в драме «Манфред» и мистериях.

Любопытно, что фрагментарность поэмы осознавалась Байроном как её недостаток, недостроенность, обусловленная отчасти неопытностью автора. По признанию поэта это была его первая повествовательная поэма («narrative poem»), своего рода эксперимент. Возможно, это объясняет и своеобразную технику письма: поэма создавалась с мая по ноябрь 1813 г, за этот период она вышла в семи изданиях; в первоначальной рукописи имелось 407 строк, в последнем изданном варианте поэмы содержится уже 1334 строки. В собрании сочинений под редакцией Э.Х. Колриджа досконально описана последовательность редакций и состав каждого дополнения (Bibliographical Note on «The Giaour» [7]). Правки вносились в каждое новое издание, текст стремительно разрастался и обретал новые не только конструктивные, но и смысловые элементы. Авантюрная история, представляющая из себя практически голый сюжет, близкий по типу к балладе, какой поэма была изначально, за несколько месяцев превратилась в сложное по конструкции повествование о герое, где повествовательный фокус сосредоточился на его характере [11]. Вместе с тем, разросшись, поэма утратила изначальную цельность и повествовательную пластику, её структура стала рыхлой, композиция запутанной [9].

Не случайно сам Байрон в письме к Меррею от 26 августа 1813 г. сравнивал поэму с гремучей змеей, у которой на хвосте каждый месяц вырастают новые гремучие кольца (Introduction to «The Giaour» [7]). 1 сентября 1813 г. он пишет Т. Муру: «Я много добавил к “Гяуру”; но он всё ещё глупейшим образом распадается на фрагменты» [1, с. 43; 7]. Через несколько дней (8 сентября 1813 г.) в письме к Муру он называет свою поэму «ужасным памфлетом» («that awful pamphlet» [Ibid.]).

Вместе с тем незаконченность придавала поэме своеобразный шарм, ощущение скрытых потенций. Отрывочность повествования, характерная для средневековой литературы (Старшая Эдда, Беовульф или жизнеописания мусульманских пророков) и более ранних источников (Сказание о Гильгамеше), была «забыта» в процессе формирования и развития индивидуально-авторского начала [4] в литературе последующих эпох. Поэтому возрождение фрагментарности в произведениях йенских романтиков в Германии, в поэзии Колриджа в Англии представлялось чем-то новым и оригинальным. Байрон также вскоре оценил преимущества фрагментарности, о чем говорит полное название поэмы: «Гяур: фрагмент турецкой повести» («Giaour: A Fragment of a Turkish Tale»). В дневнике от 10 декабря 1813 г. он пишет: «Что касается меня, то я стою за свой фрагмент. Неудивительно, что я сочинил его – мой ум сам представляет собой фрагмент» [1, с. 76].

Фрагментарность «Гяура» проявляется на нескольких уровнях: на уровне композиции (поэма как будто скроена из лоскутов) и на уровне общего восприятия, поскольку слово «фрагмент» появляется в заглавии. Включение фрагмента в более широкий контекст можно продолжать и далее. Так, вся эта «турецкая повесть», история турецкой невольницы, согласно байроновскому предисловию, оказывается лишь небольшим осколком масштабных исторических событий, связанных с войной в Морее и опустошением этого края. История невольницы – часть повести, повесть – часть истории края и т.д., можно продолжать ту же логику фрагмента и дальше.

В контексте группы «восточных поэм» – и даже шире – «Гяур» является чем-то вроде экспериментального поля, где автор создает опытные образцы форм, тем и характеров, своего рода «рассадку», которая будет потом «прорастиваться» в последующих произведениях цикла.

Прежде всего, это образ главного героя – бунтаря, одиночки, находящегося вне закона, вне традиции, «маргинала» в социальном, моральном и религиозном смыслах. В «Гяуре» инаковость героя задается с помощью его неоднозначной религиозной позиции. В «Абидосской невесте» неординарность Селима определена через кровно-родовые противоречия: в начале поэмы он представлен как сын турецкого паши Джаффира и родной брат Зулейки, позже читатель узнает, что разыгрывается почти что шекспировский сюжет, так как Джаффир, в действительности, дядя Селима, который коварно убил своего брата, присвоил себе его почести и заслуги, а также и сына. Зулейка, следовательно, двоюродная Селима. Заметим: через Селима в «восточные поэмы» вводится тема пиратства, которая получит свое полное развитие в следующей поэме «Корсар». Здесь пираты пока-

заны как свободное братство, живущее в гармонии с природой и конфликтующее с обществом. Их предводитель, Конрад, – идеальное воплощение байроновских мечтаний о свободе, славе и власти: «Загадочен и вечно одинок, / Казалось, улыбаться он не мог; / При имени его у храбреца / Бледнели краски смуглого лица; / Он знал искусство власти, что толпой / Всегда владеет, робкой и слепой. / Постиг он приказаний волшебство, / И с завистью все слушают его. / Что верностью спаяло их, – реши! / Величье Мысли, магия Души!» (Пер. Г. Шенгели).

Конрад почеркнуто вознесен автором над толпой, но Байрон устраивает для Конрада испытания ещё более тяжкие, чем для других персонажей восточного цикла: его герой должен сделать выбор между двумя женщинами. Кроме того, как подчеркивают исследователи [5; 12], главный герой постепенно социализируется, обрастает внешними связями и вступает в открытое противоборство с обществом, кульминацию этого процесса можно наблюдать в поэме «Осада Коринфа». Альп, как и Гяур, является ренегатом, его прошлое связано с Венецианской республикой, которой он мстит за старые конфликты. Примечательно, что в поэме, завершающей «восточный цикл», повторяются многие темы и ходы первой поэмы цикла, но акценты расставлены иначе. Если иноверие Гяура подается автором как признак, выделяющий экзотичного героя из «толпы» европейцев – и только, то в случае Альпа переход в ислам и участие в осаде Коринфа, занятого венецианцами, то есть бывшими земляками и соратниками, показаны как предательство. Байрон открыто дает своему герою недвусмысленную оценку: Альп охарактеризован словом «ренегат», а его поведение оценивается как изменническое: «И не пылает сердце в нем / Тем вдохновительным огнем, / С каким суровый патриот / На смерть за родину идет. / Он здесь один – отступник злой, / Изменник родины святой, / Один без друга, без родных, / В толпе врагов, в толпе чужих» (Пер. Д.Е. Мина).

Подлинным героем становится Минотти, начальник крепости и отец возлюбленной Альпа, Франческа: он взрывает себя вместе с турками. Таким образом, в поэме возникает оппозиция между настоящим героизмом, связанным с защитой родной веры и ценностей своей отчизны, и героизмом мнимым, сосредоточенным на личной мести. В «Осаде Коринфа» обостряется и романтический конфликт: Франческа – первая героиня цикла, которая словесно противоречит своему возлюбленному.

Центральные герои «восточных поэм» являют собой «отверженных» по-байроновски: у них слабая связь или полный разрыв с отечеством, углубленный религиозными разногласиями. Герой, повелевая, возвышается над толпой, оставаясь (словно по-наполеоновски) высокомерным и обособленным. Любовные переживания героя не вя-

жуются с его общественным статусом, что в итоге приводит к трагической развязке.

Вторая тема, заданная в «Гяуре» и развитая в последующих Восточных поэмах (за исключением «Лары») – это Греция. «Гяур» открывается элегическим прологом, который звучит как плач по Греции, её былой славе и величию: «Таков Эллады край чудесный, / Уже умершей, но прелестной / В печальной кротости своей: / Навек жизнь угасла в ней... / Но холодеющее тело / Краса покинуть не успела. / В ней отблеск жизни молодой...» (Пер. С. Ильина).

Мотив прекрасной, но порабощённой земли, заданный в «Гяуре», переходит в «Абидосскую невесту» в виде небольшого пролога о крае, где «дышит все божественной красою, / Но люди там с безжалостной душою» (пер. Ив. Козлова). Действие «Абидосской невесты» и «Корсара» происходит на греческой земле, покоренной турками. Образ прекрасной Греции и её поруганной красоты в оковах турецкого ига очень ярки и «телесны»: он несет в себе явные черты женственности и повторяется в образе прекрасной девушки из гарема, брошенной в море своим ревнивым господином. Именно это сближение восточного и женственного, воплотившееся на почве Греции, насыщает поэмы особым восточным ароматом и тайной.

С женскими образами связан третий элемент, объединяющий поэмы «восточного цикла». Персонафикация «Греция-дева» переходит из поэмы в поэму, она позволяет теме свободы и рабства раскрыться на нескольких уровнях сразу. Это и романтическая сюжетная линия (связана с историей гибели Лейлы), и философствования (оплакивание колыбели европейской цивилизации, славной своими классическими героями и прекрасной природой, но униженной тиранией). Покуда нет свободы на государственном уровне, нет и свободы личной: практически у всех центральных женских персонажей (Лейла, Зулейка, Медора, Франческа) трагическая судьба.

Женские персонажи играют в байроновских поэмах о Востоке особую роль. Они – основное связующее звено героя с внешним миром. Ведь именно обращаясь к любимой женщине, герой, взбунтовавшийся против всего света, обнаруживает настоящие человеческие чувства: любовь, преданность, сострадание и доверие. Без Лейлы жизнь Гяура лишена смысла: свершив свою месть, он медленно умирает в монастыре. Конрад, узнав о смерти Медоры, бесследно исчезает с пиратского острова. В образе Лары он продолжает какое-то время жить в мире, откуда он бежал к пиратам, но эта жизнь имеет призрачный характер и все равно приводит его к гибели. Байронический герой живет по своим законам, согласно которым любовь для него важнее жизни [2, с. 312].

С женскими персонажами связан мотив призрака, призрачного видения, которое, как правило, является герою перед смертью (Гяуру мерещится его

Лейла, Альпу – Франческа). В «Абидосской невесте» и «Корсаре» погибшая возлюбленная видится в образе цветка: нежная, бледная роза вырастает на месте, где пролилась кровь Селима; образ лилии, росшей в укромии каменного утеса, появляется в конце поэмы «Корсар», как метафорический портрет Медоры и Конрада.

Подведем некоторые итоги. В экспериментальной поэме «Гяур» Байрон разрабатывал новый авторский жанр повествовательной поэмы. Фрагментарность поэмы можно воспринимать двояко: как несообразность, недостаток мастерства или как намеренный план – но очевидно, что структура поэмы с размытым сюжетом и лирическими отступлениями позволила автору развить определенную повествовательную технику, иную, чем в «Паломничестве Чайльд-Гарольда». Портрет Гяура совмещает в себе черты готического злодея, сентиментального героя и благородного изгоя, что вкупе с чертами Чайльд-Гарольда образовало новый тип литературного героя – «байронического». Он «не столько размышляет, сколько чувствует и действует; образ его раскрывается в драматических сюжетных перипетиях» [2, с. 412]. В восточных поэмах Байрон более не возвращался к технике бессвязного нанизывания фрагментов, однако все эти поэмы отмечены определенной фрагментарностью и строятся «как цепь эпизодов, обозначающих кульминационные вершины действия, между ними – сюжетные эллипсы, создающие общую атмосферу тайны <...> Тайной облечена предыстория героя, скрытая или сообщаемая косвенным намеком» [2, с. 412]. В отечественном литературоведении жанр авторской поэмы Байрона получил название «байроническая поэма» (позже в этом жанре работал и Лермонтов). Страстный романтический характер Гяура, а также тема порабощённой Греции и образ восточной женщины, лишенной европейского рационализма, всецело отдающейся чувству, по-своему повторились в «Абидосской невесте», «Корсаре», «Ларе» и «Осаде Коринфа», что и связало эти поэмы в некое единство – «восточный цикл». Если рассматривать цикл как развитие некоей идеи и образного ряда, то можно отметить: в начале «восточного цикла» байронический герой является романтическим влюбленным и одиноким вероотступником («Гяур»), затем он проходит стадии главаря пиратов («Абидосская невеста», «Корсар»), вождя бунтовщиков («Лара»). В завершающей цикл «Осаде Коринфа» герой представлен уже не только как вероотступник и любовник, но и как предатель своей отчизны.

Библиографический список

1. Байрон Дж.Г. Дневники; Письма. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 439 с.
2. Вацуро В.Э. О Лермонтове // Новые материалы и исследования по истории русской литературы. Вып. 4. – М.: Новое издательство, 2008. – 711 с.

3. Дарвин М. Изучение лирического цикла сегодня // Вопросы литературы. – 1986. – № 10. – С. 220–230.

4. Куделин А.Б. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама и проблема становления связного повествования в средневековой арабской историографии // Обретенное время: сб. трудов памяти Андрея Дмитриевича Михайлова. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. – С. 36–56.

5. Blackstone B. Lyric and Romance // Blackstone B. Byron: In 3 vols. – Longman group LTD, 1970.

6. Byron, Lord. The Complete Poetical Works: In 7 vols. – Vol. 3 / ed. By J.J. McGunn. – Oxford: Clarendon Press, 1980. – 508 p.

7. Byron, Lord. A New, Revised and Enlarged Edition, with Illustrations: in 7 Vols. / ed. by Ernest Hartley Coleridge, M.A., Hon. F.R.S.L. – L.: John Murray, Albemarle Street; NY.: Charles Scribner's Sons, 1900. – Vol. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/21811/21811-h/21811-h.htm> (дата обращения: 7 октября 2015).

8. Mac Carthy F. Byron. Life and Legend. – Faber and Faber, 2003. – 674 p.

9. Marshall H. William. The Accretive Structure of Byron's «The Giaour» // Modern Language Notes. –

The Johns Hopkins University Press. – Vol. 76. – No. 6 (Jun., 1961). – P. 502–509. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2FXmox0M4go3BKd6aTxLiIhJORA6KicedMhhGNcFZW8wU%3> (дата обращения: 14 октября 2015 года).

10. Martin W. Philip. Heroism and History: Childe Harold I and II and the Tales // The Cambridge Companion to Byron / ed. by D. Bone. – Cambridge UP, 2004.

11. Sundell G. Michael. The development of The Giaour // Studies in English Literature, 1500–1900. – Vol. 9. – No. 4. Nineteenth Century (Autumn, 1969). – P. 587–599. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2FXmox0m4go3BKd6aTxLiIhJORA6KicedMhhGNcFZW8wU%3> (дата обращения: 14 октября 2015 года).

12. Thorslev Peter L. Jr. Four Turkish Tales // The Byronic Hero. Types and Prototypes. – University of Minnesota Press, 1962. – P. 146–164. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docviewer.yandex.ru/print.xml?uid=0&sk=3f21b01f32b7f8fec08f8e9b6ae42363&id=n1cr-bcfj2ljkc5zdyf2nxcpdf23> (дата обращения: 10 октября 2015 года).

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ» В РЕЦЕПЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ*

В статье на основе анализа наиболее характерных оценок комедии в критике и литературоведении, а также её самых известных сценических постановок ставится вопрос о жанровом своеобразии пьесы. В силу своего экспериментального характера комедия «Горячее сердце» до сих пор не получила должного понимания и адекватного сценического воплощения, поскольку совместить в спектакле присущие пьесе сатирические и лирические элементы оказалось непросто. Жанровое своеобразие комедии во многом определяется наличием в ней традиций итальянского театра и русской народной драматургии. Современники понимали «Горячее сердце» в традициях бытовой комедии и часто недоумевали от несоответствия её сюжета и характеров этой традиции и находили в пьесе карикатурное изображение действительности, а в нарушении бытового правдоподобия и условности некоторых художественных приёмов видели признаки упадка таланта драматурга. На самом деле пьеса свидетельствовала о поисках драматургом новых жанровых и сценических принципов в драматургии.

Современные исследователи творчества А.Н. Островского находят в «Горячем сердце» признаки народной сатирической комедии, сочетание драматического с комическим, этическое начало. Всё это действительно ей присуще. Комедию можно охарактеризовать как лироэпическую сатирическую пьесу, объединяющую традиции русского народного и европейского театра. В этом качестве комедия «Горячее сердце» ещё ожидает своего сценического и научного осмысления.

Ключевые слова: А.Н. Островский, «Горячее сердце», специфика комедийного жанра, сложность понимания пьесы, сочетание сатирического, комического, этического и лирического начал в комедии.

Комедия «Горячее сердце» написана А.Н. Островским в 1868 году, в то время, когда драматург был увлечён итальянским театром XVII–XVIII веков: в 1867–70 годах он переводил и переделывал комедии К. Гольдони и других итальянцев, в основном в стиле комедии дель арте [10, т. 9, с. 608]. Углублённое знакомство с итальянским театром не могло не сказаться в поисках русским драматургом новых театральных драматургических приёмов. Жанровые, сюжетные, характеристические особенности комедии «Горячее сердце» оказались близки традициям итальянского театра, среди которых традиционные любовные треугольники, которые сплетаются с семейной интригой; «небывалая сложность и затейливость фабулы» с детективным элементом; переодевания (комедию дель арте называют также комедией масок); типология сценических характеров, среди которых выделяются идеализированные образы влюблённых. К тому же «Горячее сердце» во многом напоминает буффонаду [13, с. 132–137].

Островский использовал некоторые приёмы итальянского народного театра с целью обновить собственную драматургическую систему. Комедия «Горячее сердце» имеет явно экспериментальный характер, направлена на переосмысление традиционной для русского драматурга тематики и сочетание жанровых признаков русского народного театра с европейской театральной традицией.

Не случайным представляется тот факт, что действие «Горячего сердца» происходит в городе Калинове, знакомом нам по «Грозе», но получившем

иной облик, вызывающим ассоциацию с Россией вообще. В комедии мы видим, что, как отмечает В.Я. Лакшин в комментарии к пьесе, «расшатаны прежде нерушимые устои быта купеческих особняков». <...> Островский предстаёт перед нами как сатирик язвительный, беспощадный. <...> И в самой действительности, и в сознании автора совершился переход фигур драматических, страшных к фигурам прежде всего комическим, смешным» [10, т. 3, с. 483]. Поэтому и понадобились Островскому новые приёмы комического, иные жанровые принципы комедии.

Сатирический характер комедии «Горячее сердце» в восприятии современников усиливался и тем, что она была опубликована в том же номере «Отечественных записок», что и главы романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», тоже вызвавшего немало споров в силу особенностей его гротесковой природы.

В черновом автографе «Горячего сердца» имело место жанровое определение «Комедия из народного быта с хорами, песнями и плясками в 5 действиях» [10, т. 3, с. 514], подчёркивавшее близость пьесы традициям народного театра. По мнению А.И. Журавлёвой, Островский «ставил перед собой задачу создать народную комедию, в которой «горячее сердце» столкнулось бы с сатирически осмеянным миром зла и победило в этом столкновении» [4, с. 186]. Исследовательница привела убедительные доказательства близости комедии народному творчеству, охарактеризовав сказочные, песенные мотивы и параллель с народной драмой

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00113.

«Лодка». Известно, что драматург ценил эту пьесу и болезненно переживал её неуспех на сцене некоторых театров, особенно в Александринском театре Петербурга в 1869 г., намеревался доработать её, возможно, с целью облегчить задачу исполнителей спектакля. Сложность художественной структуры «Горячего сердца» в том, что гротескное изображение быта в ней уживается, по словам автора, с «поэтическим сюжетом» [9, т. 12, с. 67], и не случайно Островский предостерегал Ф. Бурдина, исполнявшего роль Хлынова, от шаржирования характера этого персонажа («будь веселее, но берегись фарса», – писал он своему приятелю) [9, т. 14, с. 171].

Сочетание гротеска и лиризма, неожиданное для творчества Островского, и явилось препятствием для осмысления комедии «Горячее сердце» и на сцене, и в критике. В печати, за некоторыми исключениями, преобладали негативные отклики. Рецензенты подчёркивали наличие в комедии старых мотивов и характеров, неактуальность тематики, несовершенство сюжетостроения пьесы. Замечена была и явная авторская тенденциозность сатирической комедии. Так, Л.Н. Антропов, сотрудник близкого почвенничеству журнала «Заря», позицию которого одобрял Ф.М. Достоевский, сопоставил «Горячее сердце» с нигилистической литературой, увидев в комедии отражение «критических или публицистических упражнений над русской жизнью и искусством наших отрицателей». Параша, по мнению рецензента, – «достойная сестра разных протестантов», остальные персонажи напоминают зверей в человеческом облике [1, № 1, с. 177]. Подобная оценка тем более удивительна, что прежде Островский идейно был близок почвенникам и его творчество приветствовалось не только А. Григорьевым, но и братьями Достоевскими. Негативное отношение сотрудника «Зари» к комедии «Горячее сердце», очевидно, объясняется её сатирической направленностью в адрес российской действительности. Этим новая комедия Островского отличалась от пьес «москвитянинского» периода его творчества середины 1850-х годов. Несколько позже Антропов смягчил свою оценку пьесы и даже признал её автора «народным сатириком», впрочем по-прежнему подчёркивая карикатурность, тенденциозность, водеvilность её содержания, и констатировал небольшой успех у зрителей [1, № 5, с. 190].

В других оценках пьесы тоже было немало упреков в преувеличенной карикатурности сценических картин и характеров комедии. Газета «Северная пчела» (№ 5, 2 февраля) в «Театральной летописи», подписанной криптонимом «К.», утверждала, что в «Горячем сердце» тот же быт и та же среда, «в изображении которых Островский был и остаётся лучшим мастером и единственным художником-драматургом», что «он возвращается

к прежней своей деятельности <...> вновь фигурируют те же лица купеческой и мещанской среды, которые были в прежних комедиях <...> та же покорность и безответность одних и своеволие, самодурство и безобразия других» [5, с. 175].

В то же время, отмечает рецензент, жизнь очерчена в пьесе «в таких новых, не менее интересных её проявлениях, исполнена таких существенных подробностей, что нельзя не признать и не удивляться тому, как могут быть обильны и разнообразны материалы творчества у такого талантливого писателя, каков г. Островский». Новое в этой пьесе то, что жизнь «изображена яркими и резкими красками», появились новые герои, сохранившие «силу характера, твёрдость, энергию, благородство души», решимость бороться «за свои человеческие права» [5, с. 176]. Однако художественной целостности в пьесе рецензент не находит, как и большинство авторов других статей о «Горячем сердце». Комедия ему «кажется... растянутой», «патриархальная жизнь», изображённая в пьесе, далека от истины и «едва ли возможна», в сюжете «лишние вставки», финал комедии нарочитый [5, с. 181]. В рецензии «Северной пчелы» явно не учитывается особый, эпический характер драматургической стилистики пьесы.

Едва ли не самая негативная оценка новой комедии Островского принадлежала газете «Всемирная иллюстрация». Критик Е. Лунин в статье «Новая пьеса Островского. – Что было причиной её неуспеха?» (1869, № 7, 12 февраля) находит в комедии «грубую и плоскую карикатуру на русскую жизнь», к которой «пришита» Параша – «как пряничная фигура», «пародия на высокий характер». «Горячее сердце», утверждает Е. Лунин, – «насмешки над русской жизнью», в одном ряду с «судорогами фантазии» Н. Щедрина и натурализмом Левитова. Она недостойна имени Островского, «творца русского народного театра» [6, с. 187, 188].

Многочисленные упреки в отсутствии новизны содержания и характеров пьесы и в её художественном несовершенстве звучали в отзывах разных изданий вскоре после публикации комедии и её первых инсценировок. Более доброжелательно отнёсся к ней А.С. Суворин в рецензии, напечатанной в «СПб. Ведомостях» (1869, № 33, 2 февраля). Он подчёркивает, что «комедия г. Островского воспроизводит перед нами исчезнувший или исчезающий мир», с иронией обрисовывает главных персонажей пьесы, прежде всего Курослепова, который «распространяет вокруг себя благодеяние самодурства... сонного, апатичного, словно усталого в непрестанной борьбе» [7, с. 182]; под стать ему Градобоев: он судит «по душе, которую считает выше законов». Обыватель и администратор в их лицах стоят друг друга. «Может быть, это карикатура, – признаёт Суворин, – но разве карикатура не есть доведение какого-нибудь принципа или его

воплощения до первобытной, простейшей, грубой его формы?» «Симпатичный характер в пьесе – Параша; это именно “горячее сердце”, с жаждой любви и воли». Она непоследовательна в поведении, характер её не вполне развит, хотя не противоречит «особенностям русской жизни». Но, по мнению рецензента, в комедии «слаба отделка», «слаба интрига», растянуто действие, эпизодичны многие сцены, «обидная несовременность сюжета». Всё это было причиной того, что пьеса «имела успех незначительный» [7, с. 184]. Замечания Суворина можно понять, если воспринимать комедию как традиционную бытовую пьесу, без учёта особенностей её художественной структуры. Именно этим объясняются многие другие упреки по адресу автора пьесы.

Е.И. Утин в статье «Современные условия русской сцены. Новая комедия А.Н. Островского “Горячее сердце” (Вестник Европы, 1869, № 3)» утверждает, что Островский в новой пьесе «снова вернулся в мир самодуров, послуживший ему таким богатым материалом для прежних его произведений», хотя автор и «постарался придать выведенным в этой комедии лицам большую резкость» [12, с. 190], которая подчас переходит в карикатурность и тем вредит «правде целого произведения». Пьеса представляет собой «ряд сцен», в ней нет главного сюжета, есть лишь несколько сюжетных линий, «всё тут перемешано, перепутано» [12, с. 191]. По мнению рецензента, «основные положения комедии» должны были быть «крепко связаны между собой, а не брошены вместе, как попало» [12, с. 192]. Вместе с тем Утин находит в пьесе «много удачного и истинно-комического», особенно в характере Курослепова: «общие черты самодурства», хотя последняя сцена объяснения с женой, «неудачно вымышленная», портит его «типичную... фигуру». Ещё более противоречив характер Параша, «которая невольно режет глаза своею фальшью» [12, с. 194]. Остальные характеры, считает Утин, – «наброски», за исключением Гаврилы, более цельной личности, но он «слишком напоминает Бородинку» («Не в свои сани не садись»).

Комедия «Горячее сердце», по мнению Утина, могла быть завершением темы самодурства в творчестве Островского, но этого не получилось, потому что автор повторяет самого себя и пренебрегает художественной отделкой пьесы [12, с. 203]. Характеристика Утиным «Горячего сердца» оказалась близкой многим литературным и театральным критикам, не учитывавшим новаторскую природу пьесы и делавшим голословные выводы об упадке таланта драматурга. Между тем, по мнению А.И. Журавлёвой, «Горячее сердце» – это своего рода «комический эпос», в котором традиционные театральные приёмы не всегда уместны [4, с. 205]. К тому же в комедии в силу её художественной условности нет чёткой исторической и бытовой

привязки, как и строго очерченных характеров, в каждом из которых есть некоторая зыбкость [11, с. 231–232].

Споры о комедии «Горячее сердце» продолжались и в последующие годы в связи с её театральными постановками, тем более что почти ни одна из них не могла подняться до должного уровня художественного осмысления новаторской, одновременно сатирической и лирической, полной юмора и грусти пьесы. Многие несправедливые оценки комедии и всего пореформенного творчества Островского свидетельствовали о явной эстетической глухоте его «ценителей», привыкших к бытовому театру, и о том, в какой атмосфере приходилось творить драматургу.

Некоторое переосмысление комедии «Горячее сердце» и более глубокое её театральное воплощение относится уже к концу XIX и первым десятилетиям XX века. Многие признавали удачным спектакль, поставленный в 1893 г. Александринским театром. Известный театальный деятель Ю.М. Юрьев по поводу этого спектакля назвал пьесу «раскрытой книгой человеческой жизни» и при этом сослался на мнение П.И. Чайковского [14, с. 278]. Большим событием в сценической истории комедии был спектакль, поставленный К.С. Станиславским в МХАТ в 1926 г. В этом спектакле в гротескном ключе была исполнена сатирическая сторона комедии, однако лирическая её струя, связанная с образом Параша, как и в большинстве дореволюционных постановок, оказалась несколько выбивающейся из общей стилистики пьесы, мелодраматичной [4, с. 185–186]. Органическое единство сложной партитуры пьесы не было найдено. Имели место попытки условно-символистского прочтения «Горячего сердца», например в спектакле Театра им. Ленсовета в 1930-е годы, однако подобная интерпретация Островского, да ещё «по типу русифицированной комедии дель арте» [2, с. 224–225], естественно, оказалась в то время невостребованной.

Московский Малый театр в 1990-е годы представил «Горячее сердце» как «сатирическую народную комедию» в современном осмыслении (режиссёр Б.О. Морозов). Рецензент Н.С. Гродская пишет: «Спектакль раскрывает многослойность жизни: и её жестокость, несправедливость, нелепость, и вместе с тем потребность в положительных, идеальных началах. В соответствии с этим сценическое решение даётся в подчёркнутой условной форме» [3, с. 247]. «Гротеск приобретает в спектакле заострённость в самом рисунке поведения персонажей». Образы Параша и Гаврилы «строятся достоверно, но также и на основе приёмов гиперболизации», однако «вызывает сожаление отказ от песенного лейтмотива, по замыслу драматурга, связанного в пьесе с глубинной сущностью <...> характера» Параша [3, с. 248].

Литературоведы продолжают размышлять над жанровыми особенностями комедии «Горячее сердце», несомненно заключающей в себе художественную и сценическую загадку, которую ещё предстоит разгадать. И.А. Овчинина констатирует в пьесе «соединение драматического и комического начал», в сюжетном плане получающее «комедийную развязку» [8, с. 176]. Н.Н. Скатов подчёркивает эпический характер пьесы, отметив, что она «не только о конкретном, но также о большом историческом времени» [11, с. 232]. По мнению исследователя, в «народной пьесе “Горячее сердце” <...> просматривается образ тысячелетней России <...> пёстрый: тёмный и светлый, исторически конкретный и масштабный» [11, с. 238]. Характеризуя разные спектакли «Горячего сердца», Н.Н. Скатов обратил внимание на неполноту, односторонность реализации той или иной стороны авторского замысла, в то время как «обобщения драматурга многозначны и целокупны: если взять у него что-то одно, не взяв одновременно и другого, это будет означать, что и *одно* тоже не взято» [11 с. 237]. Не случайно в пьесе имеют место «противовесы», имеется альтернатива злу: «живое, тёплое, человеческое, поэтическое начало» [11, с. 239].

Стоит добавить, что альтернативные «противовесы» в комедии имеют место не только в её сюжетостроении, но и в характерах персонажей, что придаёт им дополнительную «подсветку», позволяет заметить их неодносторонность, некатегоричность. Комедийным представляется своеобразное проявление любовного чувства Параши, её рассуждения о том, что в случае смерти Васи на войне у неё будет повод по-настоящему страдать. Она же очень быстро меняет предмет своей любви, что тоже достаточно неожиданно и даже комично. Курослепов более смешон, чем страшен в своём поведении, он не способен сопротивляться обстоятельствам, в финале уступает дочери и почти мирно расстаётся с изменницей-женой, отсылая её к родителям. Градобоев добродушен в своих административных «подвигах» и даже склонен резонёрствовать по поводу нравов обывателей города Калинова. Хлынов способен казнить, его темперамент проявляется в кураже – от скуки. Всё это свидетельствует о том, что автор сознательно выстраивал сюжет комедии и её характеры, ориентируясь на представления о сложности бытия и сложности человека.

Определение жанра «Горячего сердца» как народной комедии справедливо, но представляется недостаточным. Пьеса, несомненно, несёт в себе приметы народности, но это скорее не жанровое, а более широкое качество, приближающееся к родовому. В масштабе народной комедии пьесе присущи и другие характерные качества жанра, прежде всего эпические и лирические. Её жанр можно определить как лироэпическую сатирическую комедию. И в этом плане комедия ещё ожидает сво-

его истинного театрального воплощения и более глубокой научной характеристики.

Библиографический список

1. А-в Л. Н. [Антропов Л.Н.] Театральные заметки // «Заря». – 1869. – № 1. – С. 174–180; № 5. – С. 183–193.
2. Герасимов Ю.К. Островский и театральный модернизм // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв.: сб. статей в память об А.И. Ревякине. – М.: Intrada, 2003. – С. 207–226.
3. Гродская Н.С. «Школа нравов». А.Н. Островский на московской сцене (90-е годы XX века) // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв.: сб. статей в память об А.И. Ревякине. – М.: Intrada, 2003. – С. 246–266.
4. Журавлёва А.И. А.Н. Островский – комедиограф. – М.: МГУ, 1981. – 216 с.
5. К. Театральная летопись. «Горячее сердце» (Северная пчела, 1869. – №5. – 2 февраля) // Денисюк Н.Ф. Критическая литература о произведениях А.Н. Островского. – Вып. 3. – М., 1906. – С. 175–181.
6. Лукин Е. Театральное обозрение. Новая пьеса Островского – Что было причиною её неуспеха? (Всемирная иллюстрация, 1869, № 7, 12 февраля) // Денисюк Н.Ф. Критическая литература о произведениях А.Н. Островского. – Вып. 3. – М., 1906. – С. 187–189.
7. Незнакомец [Суворин А.С.]. Недельные очерки и картинки. Значение комедии Островского «Горячее сердце» (СПб. Ведомости, 1869, № 33. – 2 февраля) // Денисюк Н.Ф. Критическая литература о произведениях А.Н. Островского. – Вып. 3. – М., 1906. – С. 182–186.
8. Овчинина И.А. А.Н. Островский. Этапы творчества. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. – 220 с.
9. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: ГИХЛ, 1949–1953.
10. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
11. Скатов Н.Н. Из театрального прошлого Ленинграда: два «Горячих сердца» // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв.: сб. статей в память об А.И. Ревякине. – М.: Intrada, 2003. – С. 227–245.
12. У., Е. [Утин Е. И.] Современные условия русской сцены. Новая комедия А.Н. Островского «Горячее сердце» (Вестник Европы, 1869, № 3. – С. 473–484) // Денисюк Н.Ф. Критическая литература о произведениях А.Н. Островского. – Вып. 3. – М., 1906. – С. 190–203.
13. Шанина Д.С. Комедия А.Н. Островского «Горячее сердце» и традиции итальянской комедии дель арте // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. статей. – Вып. 2. – Шуя: ШГПУ, 2008. – С. 132–137.
14. Юрьев Ю.М. Записки. – М.; Л.: Искусство, 1948. – 360 с.

О РОЛИ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ И АЛЛЮЗИЙ
В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

В настоящей статье предпринимается попытка функционального рассмотрения литературных реминисценций и аллюзий в повести И.С. Тургенева «Первая любовь». Автор доказывает, что проза русского классика обнаруживает разнообразие художественные переключки как с текстами его современников, так и с произведениями его предшественников. Проза Тургенева берёт своё духовное начало в мире творчества А.С. Пушкина: вслед за своим старшим «учителем» писатель обращается к интеллектуалу-дворянину, выражающему существенные тенденции исторического момента. Автор статьи указывает и на близость тургеневских повестей философским элегиям В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета и др. Частотные в любовно-философской повести мотив воспоминания и приём автобиографизма сближают «Первую любовь» с творчеством Н.В. Гоголя. Кроме того, на художественный мир Тургенева оказала значительное влияние поэтика и философия Ф.И. Тютчева, продолжателя пушкинской традиции в литературе: автор исследования доказывает данный тезис, соотнося «Первую любовь» со стихотворением Тютчева «Предопределение», и приходит к выводу о том, что мотив любовного рабства, впервые прозвучавший в «Предопределении», актуализирован затем и в «Первой любви». Рассмотренные автором статьи случаи прямого или косвенного цитирования, имеющиеся в тексте повести Тургенева, являются своеобразными зеркалами чувств героев, поясняют их движение и развитие, именно поэтому использование их в повести становится, наряду с пейзажем, приёмом создания «тайного» психологизма. Несомненно, литературные реминисценции и аллюзии в тексте Тургенева есть своеобразные семиотические коды, эксплицирующие особую концепцию любви – тургеневскую.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Первая любовь», любовно-философская повесть, литературная реминисценция, литературная аллюзия, художественные переключки, мотив, образ, авторская концепция любви, «тайный» психологизм.

Проблема прецедентности, вторичности текста является в современном литературоведении одной из центральных. Художественный текст не существует изолированно, автономно, то есть вне связи с другими текстами. Он, по справедливому замечанию Н.А. Николиной, «часто возникает как отклик на уже существующее литературное произведение, <...> он включает и преобразует “чужое” слово, приобретая при этом смысловую множественность» [6, с. 156]; (здесь и далее курсив мой. – М.Х.). В связи с этим, как пишет Ю.М. Лотман, художественный текст «выдает разным читателям различную информацию – каждому в меру его понимания» [5, с. 33], что обуславливает такое свойство смысловой структуры текста художественного произведения, как поливариативность его интерпретации, бесконечность трактовок.

Художественная проза И.С. Тургенева изобилует реминисценциями и аллюзиями на другие тексты. Писатель всегда ориентировал свои работы на грамотного, вдумчивого читателя, обладающего широким кругозором. В письме к Е.Е. Ламберт в 1863 г. Тургенев писал: «Я никогда не писал для народа. Я писал для того класса публики, которому я принадлежу, начиная с “Записок охотника” и кончая “Отцами и детьми”. Не знаю, насколько я принес пользы, но знаю, что я неуклонно шел к одной и той же цели, и в этом отношении не заслуживаю упрека» [9, т. 15, с. 117]. Такое понимание литературного творчества самим писателем лишнее раз приводит нас к осознанию важности научного осмысления оппозиции «автор – читатель», значимой для понимания смысла художественного произве-

дения не только в пределах его сюжетной основы, но и в части его интенциональной периферии.

Автор статьи считает своей задачей определить, с какими текстами соотносим текст повести Тургенева «Первая любовь» (1860), определить роль литературных реминисценций и аллюзий в данном произведении. Наша научная гипотеза может быть сформулирована следующим образом: художественные коды, используемые Тургеневым в «Первой любви», являются своего рода семиотическими кодами, разворачивающими индивидуально-авторскую тургеневскую концепцию любви. Тургенев не просто делает отсылки к произведениям других писателей, но также принимает во внимание их философию и мировоззрение.

В первую очередь, необходимо сказать об эстетическом влиянии на Тургенева творчества А.С. Пушкина. Писатель до конца своей жизни оставался поклонником поэта, считал его своим учителем. 7 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности в Благородном собрании Тургенев произнес знаменитую речь о Пушкине: «...нет сомнений, что он создал наш поэтический <...> язык, нам <...> остается только идти по пути, проложенному его гением» [8, с. 280]. В заключение писатель говорит и о сущности искусства, которое, по его мнению, «есть возведение жизни в идеал <...> вершина, к которой надо приблизиться» [8, с. 285]. Пушкинские мотивы пронизывают все творчество Тургенева. Обратим внимание на то, какое отражение дарование Пушкина получило в любовно-философских повестях Тургенева 1850-х годов и, в том числе, в повести «Первая любовь».

Как отмечает Г.Б. Курляндская, вслед за Пушкиным Тургенев в новых исторических условиях обращается к интеллектуальному герою из дворянской среды, выражающему существенные тенденции исторического момента. С тех же пушкинских позиций признания незыблемых нравственных ценностей Тургенев развенчивает индивидуалистическую настроенность дворянского интеллигента, бессильного перед запросами истории, как бы продолжает критику *«безнадежного эгоизма»* [4, с. 27]. Действительно, тургеневские герои устремлены к идеалу: их не устраивает бытовое начало жизни, им важно познать сущность бытия, прикоснуться к его тайнам. Все герои желают познать истинную любовь, которая вывела бы их на иной уровень понимания жизни. «Тургеневские девушки» близки по описанию ранней Татьяне Лариной – таковы Ася, Зинаида Засекина. Эти героини не боятся своих чувств, их не устраивают «обычные», бесхитростные отношения. Подобно Татьяне, Зинаида Засекина выделяется из дворянского усадебного окружения своими интеллектуальными запросами, поэтической настроенностью, романтической мечтательностью. Также стоит обратить внимание на близость тургеневских повестей в плане проблематики и поэтики философским элегиям В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета. Тургенев замечает частотность в произведениях этих авторов мотива *воспоминания*, задействует его и преломляет особым образом. Ранее существовавшую поэтическую элегию автор «Первой любви» преображает в прозаическую. С мотивом воспоминания связан в любовно-философских повестях И.С. Тургенева и прием автобиографизма.

Кроме того, на творчество Тургенева значительное влияние оказала поэтика и философия Ф.И. Тютчева, которого писатель характеризует как продолжателя пушкинских традиций¹: *«От его (Тютчева. – М.Х.) стихов не веет сочинением, <...> они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем, между прочим, влияние на них Пушкина, видим в них отблеск его времени»* [10, т. 13, с. 210]. Для автора «Первой любви» стал важным мотив *любовного рабства*, который у Тютчева впервые прозвучал в стихотворении «Предопределение» (1852). Данный мотив пронизывает все любовно-философские повести Тургенева, однако в последней повести его цикла, в «Первой любви», он актуален на всех сюжетных уровнях. В любовное рабство попадают все герои – как главные, так и второстепенные.

Существует мнение о связи любовно-философских повестей Тургенева с творчеством Шекспира. Так, И.А. Беляева пишет: *«...повесть в творчестве Тургенева актуализировала в характере героя гамлетовское начало. Это, конечно, не означает,*

что все герои тургеневских повестей типологически – Гамлеты. Но ими довлеет гамлетовская доминанта. Они, даже при определенной степени открытости миру и людям, все же оказываются сосредоточены на себе, а их существование замкнуто во времени и пространстве» [3, с. 92]. Согласимся с исследовательницей и подчеркнем, что сам Тургенев уделял большое внимание данному типу героя, написал о нём в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1860). Нельзя не заметить, что чаще всего Тургенев отсылает читателя к поэтическим, нежели к прозаическим произведениям.

Л.В. Пумпянский полагает, что глубокое уважение к поэзии, в особенности – к поэзии Шекспира, Тургенев воспринял от Шопенгауэра². Поэзия, по мнению философа, понималась как форма проявления универсальной мудрости народов.

Итак, мы указали на существующую близость между некоторыми образами и мотивами творчества Тургенева и художественными мирами других писателей и поэтов. Далее мы рассмотрим в функциональном аспекте собственно литературные реминисценции и аллюзии в «Первой любви».

Тургенев часто использует имена персонажей произведений, имена писателей, чтобы *высветить историческую эпоху* (время действия в повести «Первая любовь» – 1833 г.). Тем самым Тургенев отдает дань пушкинской школе романа, которой свойственна непрерывная датировка, внешняя и внутренняя. Через описание исторической эпохи Тургенев выходит к проблеме влияния на героев романтического мировоззрения. Следовательно, здесь литературные реминисценции и аллюзии уже способствуют *раскрытию характеров персонажей* (эта функция проистекает из первой и в основном реализуется в процессе создания образов Володи и Зинаиды). Так, изучив круг литературных интересов героев, можно сформировать представление об их мировоззрении. Вольдемару-рассказчику близко романтическое настроение: *«Княжеский титул на меня мало действовал: я недавно прочел “Разбойников” Шиллера»* [10, т. 6, с. 264]. По этой реплике можно судить о том, что герой – романтик, не обращающий внимания на предрассудки окружающих. Именно поэтому, как нам кажется, он и не держит зла на своего отца, несмотря на то что тот виновен в его любовных страданиях. К тому же Володя воображает себя рыцарем на турнире, превознося таким образом свою любимую женщину, поклоняясь ей. Герой готов сделать ради неё всё: *«На ней было темненькое, уже поношенное, платье с передником; я, кажется, охотно поласкал бы каждую складку этого платья и этого передника. Кончики ее ботинок выглядывали из-под ее платья: я бы с обожанием преклонился к этим ботинкам...»* [10, т. 6, с. 271].

Подтверждение того, что Володя в повести является обладателем романтического мировоз-

зрения, можно обнаружить в эпизоде, где герой, собирающийся пойти к фонтану и разоблачить Зинаиду, вспоминает слова Алеко из поэмы Пушкина «Цыганы»: *«Мне все мерещилось: Алеко, молодой цыган – “Куда, красавец молодой? – Лежи...”, а потом: “Ты весь обрызган кровью!.. О, что ты сделал?..” – “Ничего”»* [10, т. 6, с. 310]. Отсюда понятно, что Володя очень чувствителен, эмоционален, поэтому и пытается «примерить» на себя образ Алеко, однако же несколькими строками выше читаем: *«Эти новые, небывалые ощущения до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаиде я мало думал...»* [10, т. 6, с. 310]. Из этой реплики выходит, что герой живет во власти эмоций, что он ещё самый настоящий ребенок. Лишь когда Володя столкнулся с горькой правдой, все его порывы сразу исчезли, и *«ревнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника»* [10, т. 6, с. 311].

Образ Зинаиды также создаётся Тургеневым с использованием литературных реминисценций и аллюзий. Героиня «Первой любви» увлечена поэзией, размышляет о ней: *«Чем поэзия хороша, говорит нам то, чего нет, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду...»* [10, т. 6, с. 289]. Богатая фантазия Зинаиды способствует тому, что и сама она часто фантазирует на тему творчества: *«Если б я была поэтом, я бы другие брала сюжеты <...> Я бы представила <...> целое общество молодых девушек, ночью, в большой лодке – на тихой реке. Луна светит, а они все в белом и в венках из белых цветов, и поют, знаете, что-нибудь вроде гимна»* [10, т. 6, с. 292]. Интересно, что сюжет, рассказанный Зинаидой, перекликается с содержанием поэмы Екатерины Шаховской «Сновидения» (1833). Личность поэтессы послужила прототипом тургеневской героини. Поэма Шаховской обнаруживает ряд романтических атрибутов – лодки, волны, девы рая. Поэтическим опытом Шаховской в сильной мере присущи исповедальные мотивы, особенно ценные для нас. По-детски рассказывает княжна о том, какое смятение вызвала любовь у её героини, как велика её решимость отстаивать свое чувство вопреки целому миру.

Рассмотрим отрывок из «Сновидений» Шаховской:

Что голос осуждений света?
Глагол ничтожной суеты!
Я не хочу его привета
И презираю клеветы!
Я знаю, люди не поймут,
Не оценят моих желаний
И не постигнут упований!
С душой холодной не дадут
Они мечте моей ответа ...
Для них чужда душа Поэта,
Их сила чувства не живит,
Их жизнь души не проявит [12, с. 51–52].

Установленные параллели между повестью Тургенева и произведением Шаховской обуславливают специфику художественной и эмоциональной атмосферы «Первой любви», вскрывают завуалированные автором мотивы поведения героев. Соотнесение поэтического настроения Зинаиды с её прототипом – одна из граней «тайного» психологизма Тургенева. Писатель рисует образ героини и посредством других литературных отсылок. Так, Зинаида просит Володю прочесть стихотворение Пушкина «На холмах Грузии» и повторяет последние строки: *«Что не любить оно не может. И хотело бы, да не может»* [10, т. 6, с. 289]. Кроме того, Зинаида вспоминает сюжет об Антонии и Клеопатре. Наверное, во всех литературных реминисценциях и аллюзиях, связанных с образом Зинаиды, прослеживается единая мысль – эта героиня обладает взглядами в духе Жорж Санд: она готова отдать себя во власть чувства, не боится осуждений света, хочет любить и быть любимой.

Нужно сказать, что литературные аллюзии и реминисценции в повести выполняют и *прогностическую функцию*, приводят читателя к возможности догадаться, какая участь ждет героев в конце. Примером тому может служить отсылка к истории Антония и Клеопатры – возлюбленных, безвременно ушедших из жизни. Аналогия образов *Антоний – Клеопатра* и *Петр Васильевич – Зинаида* вполне оправдана. Схоже настроение Зинаиды и Клеопатры, которых объединяет отсутствие страха перед осуждением света и желание полностью отдаться своему чувству. Петр Васильевич близок с Антонием и в возрастном отношении («*– А сколько лет было тогда Антонию? – спросила Зинаида. <...> “Ему было за сорок”*» [10, т. 6, с. 294]), и даже в том, что он первым умирает. Символом смерти героев Тургенева является повторяющийся образ *мрачной комнаты*, метафорически соотносящийся с гробом и выступающий предзнаменованием неотвратимой гибели того или иного героя. В «Первой любви» накануне известия о смерти Зинаиды Засекиной рассказчик видит «страшный сон»: *«Мне чудилось, что я вхожу в низкую темную комнату... Отец стоит с хлыстом в руке и топает ногами; в углу прижалась Зинаида, и не на руке, а на лбу у нее красная черта...»* [10, т. 6, с. 321]. Благодаря сну мы также понимаем, какая участь постигнет героиню. Тургенев снова демонстрирует нерасторжимое слияние двух противоположностей – Любви и Смерти – воедино.

Отметим, что литературные реминисценции использованы не только при воплощении образов Зинаиды и Володи: они употреблены ещё и для создания характеристики окружения Зинаиды. Для этого имеет место отсылка к «Гамлету» Шекспира: *«...– На что похожи эти облака? – спросила Зинаида и, не дожидаясь нашего ответа, сказала: – Я нахожу, что эти облака похожи на те пурпу-*

ровые паруса, которые были на золотом корабле у Клеопатры, когда она ехала навстречу Антонию. <...> Все мы, как Полоний в “Гамлете”, решили, что облака напоминали именно эти паруса и что лучшего сравнения никто из нас не приищет» [10, т. 6, с. 294]. Из данного сравнения, на наш взгляд, следует, что окружение Зинаиды представлено людьми скучными и предсказуемыми (именно поэтому они надоедают героине) и эти люди находятся в её власти, что подтверждается тургеневским тезисом о поглощении сознания одного человека другим.

Литературные реминисценции и аллюзии в повести «Первая любовь» могут также выполнять функцию создания элегического настроения героя. Эта функция реализуется в двух фрагментах. Один использован Тургеневым в середине повести, другой – в конце. Рассмотрим их.

1 фрагмент: «Он (Володя. – М.Х.)... начал громко читать обращение Ермака к звездам из трагедии Хомякова...» [10, т. 6, с. 299]. Здесь имеются в виду следующие строки монолога Ермака из 3 явления V действия одноименной исторической трагедии А.С. Хомякова (1804–1860):

Как я люблю под темным кровом ночи
Прохладным воздухом дышать,
И с тихим вдохновеньем очи
К лазури неба подымать!
Там звезды яркие катятся
Вокруг невидимых осей;
Они текут, они стремятся –
Река негаснущих огней.
О стражи сонного эфира!
Как мне приятен ваш дрожащий луч!
Мне кажется, он в сердце проникает,
И силой тайной, неземной,
Усталой груди возвращает
Давно утраченный покой [11, с. 524].

Согласно комментариям Е.И. Кийко к повести «Первая любовь»³, отдельное издание «Ермака» вышло в Москве в 1832 г. Трагедия пользовалась большой популярностью. В 1835 г. в статье «И мое мнение об игре г. Каратыгина» В.Г. Белинский написал: «Закрывши рукой имена персонажей, я могу с наслаждением читать эту пьесу, ибо это собрание элегий и поэтических дум о жизни исполнено теплоты чувства и поэзии» [2, т. 1, с. 186]. На наш взгляд, обращение к творчеству Хомякова, с одной стороны, указывает на исторический момент: Володя знаком с этой трагедией, цитирует ее. С другой стороны, по справедливому замечанию Белинского, данная пьеса представляет собой «собрание элегий и поэтических дум» [2, т. 1, с. 186], поэтому, цитируя её, главный герой пытается примириться с самим собой, достичь гармонии. Напомним, что вся повесть в жанровом отношении может по праву называться повестью-элегией, и данный фрагмент лишний раз иллюстрирует эту её особенность.

2 фрагмент: после смерти Зинаиды уже повзрослевший Владимир цитирует:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я [10, т. 6, с. 323].

Данная цитата восходит к элегии Пушкина «Под небом голубым страны своей родной» (1826). Примечательно, что элегия написана Пушкиным после известия о смерти Амалии Ризнич (1803–1825), которой поэт был увлечен во время южной ссылки. Зинаида Засекина практически повторяет судьбу Амалии, считавшейся одной из самых ярких женщин своего времени (она была высокого роста, стройная, с пламенными очами, длинной косой) и ушедшей из жизни совершенно молодой – в 23 года. Н.А. Балашова пишет, что элегия «Под небом голубым страны своей родной» «представляет собой повторяющийся переход настроений: от грусти к равнодушию, от страсти к бесчувствию; смену прошедшего настоящим, светлого настолько мрачным, что оно не оставляет места для субъективного чувства» [1, с. 25].

В элегии Пушкин говорит о невозвратимости, о смерти, о гибели прекрасного, о душевных потерях. Разителен трагический контраст светлого неба и «гробового входа». Бесчувственный, грубый мир равнодушными устами твердит о смерти, и «любившего» охватывает равнодушие. Он рассказывает о себе прозаично:

Напрасно чувство возбуждал я:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть
И равнодушно ей внимал я [7, с. 257].

Возникает ощущение бесчувственности, безразличия, в основе которых – страдание. Душа лирического «Я» ожесточилась. И в этом состоит близость лирического героя элегии Пушкина с рассказчиком из «Первой любви». Тургеневский повествователь боится возникновения у себя подобного чувства, для него равнодушное принятие смерти страшнее, чем сама смерть. Владимир не хочет забвения страданий любви, поскольку это чревато духовной смертью героя. Вспоминая былую молодость и свое первое любовное чувство, герой хочет вновь пережить то же состояние заново. Любовь принесла Володе много мучений, однако для рассказчика все эти хождения по мукам связаны с ощущением подлинной жизни, которое он хочет вернуть.

В данной повести обращение Тургенева к мотиву воспоминания не снимает боли утраты любимого. Пессимистическое настроение писателя становится все более явно выраженным, и в «Первой любви» мы сталкиваемся с тем, что гармонизирующая роль элегического воспоминания утрачивает свою силу, как это было в предыдущих любовно-философских повестях. Как отмечает Н.А. Балашова, «любовь лирического “я” связана с прошлым, но для душевной жизни “я” прошлое перестало существовать. Оно стало бесплотным, как и “ее тень”; “оно” существует “без слез, без жизни, без любви”» [1, с. 26]. Эти же чувства испытывает и рассказчик из «Первой любви», поэтому в по-

вести герой так часто вызывает к молодости как ко времени, когда он был по-настоящему счастлив.

Очевидно, что в сюжетах тургеневских повестей колоссальную эстетическую и смыслопорождающую функцию играет полифония произведений искусства – словесного, изобразительного, музыкального. Используемые Тургеневым реминисценции и аллюзии являются своеобразными зеркалами чувств героев, поясняют их движение и развитие, именно поэтому использование их в тексте становится, наряду с пейзажем, приёмом создания «тайного» психологизма. Литературные реминисценции и цитаты, используемые в тексте повести, становятся своеобразными семиотическими кодами, эксплицирующими особую – тургеневскую концепцию любви.

Тургенев в своих любовно-философских повестях, и, в частности, в «Первой любви», обращается не только к конкретным текстам других писателей, но и к философии своих предшественников и современников. На наш взгляд, четко прослеживается связь любовно-философских повестей Тургенева 1850-х годов с творчеством А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева. Мотив воспоминания отсылает читателя к традиции философских элегий 1830-х – 1850-х годов. Типологическое сходство тургеневских героев с Гамлетом позволяет обнаружить истоки повестей в творчестве Шекспира. В функциональном плане литературные аллюзии и реминисценции отражают культурную атмосферу исторической эпохи, способствуют раскрытию характеров персонажей, выполняют прогностическую функцию, маркируют элегичность настроения тургеневского героя.

Примечания

¹ См. об этом: *Тургенев И.С.* Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева // *Тургенев И.С. Собр. соч.: в 15 т. – Т. 13. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 209–213.*

² См. об этом: *Пумпянский Л.В.* Тургенев-новеллист // *Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 427–447.*

³ См. об этом: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. – Т. 4. – М., 1980. – С. 490.

Библиографический список

1. *Балашова Н.А.* Некоторые вопросы пушкинской лирики 1826 года // *Эстетические взгляды писателя и художественное творчество: межвуз. сб. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1981. – С. 23–34.*
2. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. – Т. 1. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959. – 576 с.
3. *Беляева И.А.* Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. – М., 2005. – 249 с.
4. *Курляндская Г.Б.* И.С. Тургенев и русская литература: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М., 1980. – 192 с.
5. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. – Т. 3. – Таллин: Александра, 1993. – 495 с.
6. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
7. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2008. – 1214 с.
8. *Тургенев И.С.* Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве // *Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. – Т. 12. – М.: Худ. лит., 1979. – С. 277–286.*
9. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М., 1980.
10. *Тургенев И.С.* Собр. соч.: в 15 т. – М.: ТЕРРА, 1998.
11. *Хомяков А.С.* Избранное: Лирика. Трагедии. – Тула: Приок. кн. изд-во, 2004. – 544 с.
12. *Шаховская Е.Л.* Сновидения. Фантазмагория // *Молва. – 1833. – № 117.*

«ШАГ ЗА ШАГОМ» И.В. ОМУЛЕВСКОГО – РОМАН О «НОВЫХ ЛЮДЯХ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Автор статьи рассматривает один из характерных демократических романов второй половины XIX века (роман о «новых людях» «Шаг за шагом» И.В. Омулевского) и пытается показать, что он содержит некоторые черты и особенности эпического романа как вершинного жанра указанного периода. Автор подчеркивает, что за стандартной сюжетной схемой, свойственной так называемым «трафаретным» произведениям, просматриваются уникальные особенности, характерные для реалистических романов, воссоздающих жизнь в ее многообразии и полноте.

В отличие от позитивистов западных, изолированных от думы о народной судьбе, озабоченных более всего правильным, идейным, справедливым устройством жизни определенного человека, русские позитивисты, как правило, параллельно идейной и общественной работе, проникались чувствами христианского сострадания к ближним. В романах о «новых людях» авторы немалое внимание сосредотачивают на эмоционально-психологических состояниях героев, на конфликтах и противоречиях между убеждениями и чувствами. Волевые персонажи демократических романов, как видит читатель, оказываются обыкновенными людьми со своими слабостями. Примечательно, что поистине эпической является их способность жертвовать личным счастьем.

Ключевые слова: демократический роман, эпический роман, роман о «новых людях», И.В. Омулевский, позитивизм, сюжетная схема.

Роман «Шаг за шагом» И.В. Омулевского считается в литературоведении тематически относящимся к романам о «новых» людях. Однако, по нашему мнению, несмотря на то, что это произведение в большей степени посвящено идее и создано ради нее, оно все-таки обладает и значительной художественной ценностью, содержит уникальные особенности, присущие русским реалистическим романам второй половины XIX века в целом [1].

Разумеется, основной интерес вызывают у читателя положительные характеры, изображенные Омулевским, поскольку сильные личности у него оказываются людьми далекими от совершенства, нередко колеблющимися. Как и Евгений Базаров, переросший нигилизм в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», к финалу произведения поднимается в глазах читателя на новый уровень, на высоту тонкого, чуткого, страдающего от собственных противоречий человека, так и герои Омулевского по прочтении романа перерастают те идейные рамки, в которые они были изначально заключены. Конечно, сопоставление это очень условно, ибо Базаров создан Тургеневым как противоречивая, сложная натура, а вот Александр Светлов только в результате философских обобщений читателя, сделанных в рамках литературного контекста эпохи, может быть осмыслен как «живой» образ.

Стоит подчеркнуть, что Омулевский был писателем «видавшим виды», знающим жизнь не понаслышке. Он долгое время скитался по России, жил именно литературным трудом. По сути дела, после выхода в свет самого знаменитого произведения Омулевского – романа «Шаг за шагом» (1870), который потом появился в виде отдельного издания с названием «Светлов», – писатель столкнулся с рядом невзгод, пошатнувших его здоровье и без того непростое материальное состояние.

«Вынужденное и временное снижение “рахметовского” начала до “лопуховского” и “базаровского” своеобразно проявилось в деятельности Александра Светлова. Герой И. Омулевского поставлен “во множество незначительных положений”. У человека рахметовской закалки, привыкшего закаливать “гвоздики” в слабости своего характера, появилось что-то “мягкое” и “железное” вместе; сейчас он вынужден пока устраивать лишь бесплатную школу для бедных людей и воскресные уроки для чернорабочих, идя к цели “шаг за шагом”, – отмечает М.Т. Пинаев [6, с. 111]. Но нас привлекают не столько идеи и стандартное описание взглядов этих демократических писателей и их героев, или, к примеру, фактическое соотношение возможностей описываемых «новых людей», нам гораздо важнее понаблюдать за тем, уделено ли в этих романах какое-либо место вечным темам и вопросам, каким образом произведения Омулевского соотносятся с литературным процессом своего времени, содержат ли они какие-то черты эпического романа или особенности, сближающие их с эпическим романом.

Разумеется, романы Омулевского, как и произведения ряда других писателей (Н.Г. Помяловского, К.М. Станюковича, В.А. Слепцова, Н.Ф. Бажина, И.А. Куцевского) с точки зрения сюжета и содержания оказываются так называемыми «трафаретными» произведениями, написанными по определенной схеме. Действительно, схематизм и шаблонность рассматриваемых романов отрицать нельзя. И этот схематизм очень хорошо виден не только сейчас, он отмечался рядом критиков XIX века. К примеру, И. И. Замотин очень удачно описывает типичные шаблоны, характерные как для правой, так и для левой тенденциозной литературы. «Так, в беллетристике левого направления мы встретим десятки романов, написанных, например, по такому шаблону: передовой разночи-

нец входит, в качестве гувернера, учителя, врача и т. п., в семью помещика или в какую-либо общественную или даже официальную среду, вступает в борьбу с рутинерством старшего поколения и с представителями существующего несовершенного порядка вещей, в лице богатого барина, станкового или какого-либо видного чиновника, и увлекает за собою молодежь обоего пола; в результате он бежит вместе с женой или дочерью какого-нибудь ретрограда и живет с ней счастливо своим личным трудом или же, в худшем случае, попадает в руки властей и несет за свой смелый протест тяжелую административную кару» [2, с. 131]. Но сразу стоит оговориться о том, что многие русские романы о «новых людях», содержащие элементы схемы, подобные указанной И.И. Замотиным, в смысловом и художественном плане уходят далеко вперед. И сам И.И. Замотин справедливо подчеркнул, что «целиком этой программы мы не найдем ни у одного из левых беллетристов; но отдельные части ее входят в произведения того или другого писателя, как излюбленная тема» [2, с. 131].

Необходимо учитывать, что элементы и звенья этой схемы были заимствованы писателями не только у своих предшественников, не только у зачинателей рассматриваемой группы романов о «новых людях», среди которых наиболее выделяются фигуры Н.Г. Помяловского и Н.Г. Чернышевского, но и усваивались при наблюдении за жизнью, за новыми идеями молодежи и современными веяниями. Так, к примеру, все женщины-героини романа «Шаг за шагом» идут учиться медицине. Понятно, что такое совпадение в желании героинь помогать людям, выбор определенной профессии в духе естественнонаучных интересов молодежи являются не столько выдумкой автора, сколько копией с действительности.

В.А. Недзвецкий в своей классификации русского романа XIX века говорит о верном названии романов о «новых людях»: «Обозначенный мировоззренческий и нравственно-этический кодекс русских разночинцев 1860–1870-х годов в советское время именовали революционно-демократической идеологией, а его носителей – революционными демократами, что в системе нынешних понятий о постулатах демократии неверно. Гораздо точнее определить его как русскую разновидность общеевропейского *позитивизма*. В этом случае и роман «о новых людях», руководствующихся этим комплексом в своей жизни, можно назвать также и романом *русского позитивиста*» [3, с. 81]. Однако чрезвычайно важно в данном случае правильно уловить именно «русскую разновидность» позитивизма. В своей главе «Роман о “новых людях”» В.А. Недзвецкий останавливается на общих особенностях отдельной группы романов, рассуждая подробнее о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в свете антропологического материализма.

В отличие от позитивистов западных, изолированных от думы о народной судьбе, озабоченных более всего правильным, идейным, справедливым устройством жизни определенного человека, русские позитивисты, как правило, негласно, параллельно идейной и общественной работе, проникались чувствами христианского сострадания и милосердия к ближним. Примечательны, к примеру, в романе «Шаг за шагом» и сама просьба Светлова помочь бедной семье и его обращение к друзьям – «братцы»: «Дело вот какого рода, братцы: встретил я сегодня одну бедствующую семью, так надо помочь ей, но так, чтоб она не знала, что ей помогают. Я вот что придумал – написать ей письмо от неизвестного лица: был, мол, столько-то должен вашему покойному мужу, да забывал отдать, а теперь присылаю. Мне самому писать нельзя: догадуются по почерку, от кого, – так не напишет ли кто-нибудь из вас?» [4].

Александр Васильевич Светлов, настроенный на проведение революционной пропаганды, радеющий на радикальные изменения в обществе, изображаемый как передовой герой своего времени, за которым готовы идти его друзья, действительно является сильной личностью. Нам в данном случае важно лишь то, что в своей прямолинейности и вере в дело Светлов велик именно как эпический герой. Отказ Светлова и подобных ему людей от личного счастья не воспринимается нами как подвиг, но описанное авторами умение преодолеть самих себя, забыть о своих чувствах и собственной боли ради общего дела выдают в этих героях личностей поистине эпического масштаба. Вспомним, что согласно теории «антропологического принципа», так проповедуемого Н.Г. Чернышевским, разумный эгоизм человека, то есть его стремление к выгоде является нормой. Однако наблюдая за жертвами, приносимыми идее героями романа «Шаг за шагом», уже сложно говорить о разумном эгоизме, здесь уместен более разговор о жертвенности ради блага других. Примечательно в романе изображение чувств Христины Казимировны и Лизаветы Михайловны к Светлову: по глубине, чуткости и страстности такая любовь не уступает, к примеру, чувству Анны Карениной к Алексею Вронскому. Видя полнокровные, живые образы любящих, думающих, страдающих людей, мы понимаем, что перед нами не роман-схема, а целостный и глубокий рассказ о человеческом выборе, о силе человеческого духа.

Сам факт десятилетнего ожидания красавицей Кристиной Светлова выдает в ней героическую натуру, верную не идее, а своему чувству: «Александр Васильевич видел, что ему готовы дать решительную, смертельную битву, и чувствовал в то же время, что никакая логика не устоит перед этой гордой, страстно любящей женщиной. Он задумчиво смотрел, как она сняла с себя сперва шубку и положила ее в угол на сундук, как сняла потом с головы косынку, небрежно кинув ее туда же, как ее изящные пальчики нетерпе-

ливо тормозили не снимавшийся сразу меховой ботинок, – и его всего охватило вдруг чем-то теплым, чем-то никогда им еще не испытанным» [4].

Очень интересно, что и о самих чувствах героев Омулевский пишет очень тонко, словно наблюдая, как пробиваются живые человеческие взаимоотношения сквозь шаблоны установок. К примеру, показательное недовольство Прозоровой теми ласковыми именами, которыми называют друг друга Кристина и Светлов: «Лизавета Михайловна даже немного рассердилась, мысленно доказывая себе, что подобное чувство слишком мелко и недостойно хорошей, развитой женщины, что в нем скрывается только жалкое бесправное самолюбие; а между тем, на самом деле, чем чаще раздавались в ее ушах эти ласковые имена, тем энергичнее заговаривал в ней внутренний протест, не поддаваясь никаким логическим доводам» [4].

Парадоксально, но в романах «о новых людях», как принято называть в литературоведении эту тематическую группу произведений, авторы немало внимания сосредотачивают на эмоционально-психологических состояниях героев, на конфликтах и противоречиях между убеждениями и чувствами. Именно такой выход находит в этом социальном жанре эпическая традиция, присущая указанному периоду.

Не менее важным становится соотнесение сознания героев романов с нравственно-идеологической атмосферой эпохи, что, по мысли О.Н. Осмоловского, также передает эпическую основу жанра романа второй половины XIX века [5, с. 59].

Это сейчас, спустя более 150 лет, нам хорошо видны ошибки и заблуждения героев, свернувших не в ту сторону и не способных к правильной реализации своих сил. Интересно представить, насколько продуктивно двигался бы вперед человек с характером Светлова, будь он на месте, к примеру, Константина Левина. В романе «Шал за шагом» Омулевскому удастся создать образ очень волевого человека: примечательно, что волю его читатель оценивает не столько по совершенным делам, о которых в романе много, но очень обтекаемо говорится, сколько по способности этого человека пожертвовать личным счастьем. И здесь герой Светлова оказывается личностью поистине эпического масштаба, отрекающейся от любви не одной, но двух искренних, чутких женщин – Лизаветы Михайловны и Кристины. А драма семьи Прозоровых, в которой муж и жена оказываются абсолютно чужими людьми, еще более усугубляет, укрупняет жертвы, приносимые Светловым и Кристиной.

Семейная драма Прозоровых, которой в романе также уделено немало внимания, оказывается прямо знаменем времени: здесь и страдающая мать, и умные не по годам, поддерживающие ее дети, почти не помнящие собственного отца, живущего в другой губернии. И не стоит предполагать, что в жизни «новых людей» и романах о них не место

трагедиям, наоборот, жизнь ради долга и во имя дела приносит немало страданий. Если Прозоровой и удастся откупиться от продажного и мелочного мужа, то героиня романа «Василиса» Н. Арнольди кончает жизнь самоубийством, не в силах пережить отказ любимого человека, верного своим идеям и жертвующего любимой женщиной. Кстати, и у Арнольди мы видим, что трагедия Василисы Николаевны Загорской начинается задолго до встречи с Борисовым, выбор которого оказывается для героини убийственным и роковым.

Разумеется, у современного читателя такое поведение героев вызывает досаду и жалость: странно наблюдать, как в мире, где цена настоящих чувств неизмеримо возросла (о чем говорит и прежний, неудачный опыт этих героев), люди отказываются от них. Но Светлов и его друзья отказывались ради общего дела, того счастья народа, о котором посвоему мечтали многие наши писатели.

Как мы видим, Омулевский выходит за рамки романа «о новых людях», делая выбранного героя участником сложной, противоречивой жизни и наблюдателем разрушающихся ценностей, устоев. Как и создатели эпических романов, Толстой, Достоевский, Гончаров, писатели-демократы констатируют расшатанность и неоформленность русских семей, упадок дворянской культуры и драматическое, даже трагическое положение людей, старающихся подняться своими силами. Роман Омулевского позволяет читателю узнать о тщетности борьбы с объединяющейся подлостью, о незащищенности людей перед стихийными общественными болезнями и о силе и мужестве тех, кто, не думая о своей судьбе, гибнет в борьбе.

Библиографический список

1. Андреева В.Г. Реализм и эпический роман в русской литературе второй половины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 2-2. – С. 378–385.
2. Замотин И.И. Тенденциозная беллетристика 60–70-х годов // История русской литературы XIX века в 5 т. Т. 4. – М.: Тв-во Мир, 1911. – С. 129–159.
3. Недзвецкий В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы: Курс лекций. – М.: МГУ, 2011. – 152 с.
4. Омулевский И.В. Шаг за шагом. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1870_shag_zhagom.shtml (дата обращения 12.09.2015)
5. Осмоловский О.Н. Художественно-психологический метод Достоевского и позднего Толстого // Седьмой межвузовский тургеневский сборник. – Курск: КППИ, 1977. – С. 51–60.
6. Пинаев М.Т. Н.Г. Чернышевский – романист и «новые люди» в литературе 60–70-х годов // История русской литературы в 4 т. Т. 3. – Л.: Наук, 1982. – С. 80–119.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ Н.С. ЛЕСКОВА*

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики нефикционального текста. Исторические очерки Н.С. Лескова «Иродова работа» (1882) и «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) рассматриваются в ней как произведения, основанные на диалоге нескольких дискурсивных систем. Смысловое и стилистическое пространство очерков формируется в результате сопряжения писателем архивных документов, художественных произведений и сакральных текстов. В статье выявляются основные направления работы Лескова с Евангелием и функции библейских аллюзий в публицистических очерках писателя. Евангелие цитируется Лесковым с помощью системы текстов-посредников, характеристика которой также дана в статье. «Остзейские» очерки были написаны в период охлаждения писателя к практике православной церкви, с одной стороны, и тесного его знакомства с протестантской культурой и учением Л. Толстого – с другой, что не могло не отразиться на своеобразии актуализации в произведении религиозных текстов. Благоговейное отношение к Евангелию свойственно преимущественно лесковским героям-лютеранам, что становится решающим аргументом в полемике с идеологией славянофильства, которая ведется писателем в очерках.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н.С. Лесков, публицистика, интертекстуальность, Евангелие, Ф.М. Достоевский, «Исторический вестник», славянофильство.

В творчестве Н.С. Лескова особую роль играет ориентация на «чужое слово». Среди произведений, к которым писатель обращался наиболее часто, почетное первое место принадлежит, безусловно, Евангелию. Вопрос о своеобразии актуализации евангельского текста в художественной прозе автора неоднократно привлекал внимание исследователей [3; 12; 13]. Между тем публицистические статьи и очерки Лескова, которые содержат евангельские аллюзии, представляют не менее значимый материал для анализа: их изучение позволит в перспективе составить полное представление об особенностях функционирования евангельского текста в прозе писателя.

Особенно интересны в этом контексте историко-публицистические работы Лескова. Писатель активно обращался к историческому материалу в 1880-е годы – время его сотрудничества с журналом С.Н. Шубинского «Исторический вестник». Для издания, целью которого было «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе» [15], Лесков создал ряд очерков, в основе которых лежат архивные документы [5; 8; 10; 11]. Проанализируем работу писателя с библейским текстом при создании исторических очерков, обратившись к произведениям «Иродова работа» (1882) [4] и «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) [7].

Названные очерки Лескова входят в группу произведений писателя, посвященных Прибалтийскому вопросу. В 1880-е годы Прибалтийский вопрос в русском обществе был поставлен во всей его остроте: по верному замечанию А.П. Дмитриева, новая политика Александра III «потребовала "обрусения" края, административно-законодательного превращения его в такую же часть единого

целого большой империи, какими были центральные губернии» [7]. Идейная суть действий правительства в этой области была четко сформулирована И.С. Аксаковым: «Единственный справедливый способ уравновесить взаимные отношения трех или четырех в крае народностей, это – подчинить их общему имперскому праву, признать для них обязательным общий государственный язык и общие государственные законы» [7, с. 12].

Проблемы русской политики в Остзейском крае были хорошо знакомы Лескову: в июле-августе 1863 года писатель был командирован в Ригу от Министерства народного просвещения с целью ознакомления с деятельностью раскольников школ, в 1870-е – 1880-е годы он регулярно ездил в остзейские «купальные городки» [9, т. 11, с. 279] на летний отдых. В очерке «Иродова работа» Лесков обращается к собственным наблюдениям над политикой Российской империи в Прибалтике. Писатель размышляет о проблеме существования в крае представителей разных народов на материале написанной им в 1863 году служебной записки «О раскольниках г. Риги» [6]. Основной акцент в произведении сделан на характеристике А.А. Суворова (внука знаменитого генералиссимуса А.В. Суворова), который занимал должность генерал-губернатора Остзейского края с 1848 по 1861 год.

Лесков приступает к делу «с документами в руках» [4, с. 92], описывая принципиальное, по его мнению, для понимания личности Суворова событие – борьбу генерал-губернатора с беспорядочными раскольниками, которые оказались на улице после закрытия раскольников школы. При описании предпринятых мер против малолетних «карманщиков», главной из которых явилась сдача детей раскольников в военные кантонисты, Лесков использует образ «иродовой работы». Источником аллюзии

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-04-00192).

является фрагмент из второй главы Евангелия от Матфея: «Тогда Ирод <...> послал избить всех младенцев в Вифлееме <...> глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».

Текстом-посредником при цитировании выступает служебная записка писателя. В работе «О раскольниках г. Риги» Лесков привлекает евангельский текст, доказывая необходимость разрешения деятельности школ и утверждая, что «при открытии существующих школах <...> продолжение Иродовой работы по избитию младенцев пришлось бы частью брать и <...> на совесть пресловутого общественного попечения» [6, с. 399]. В записке аллюзия на евангельский текст включается автором и при описании последствий закрытия школ: «Это был плач в Раме, – говорят старики раскольники на своем торжественном языке. – Рахиль рыдала о детях своих и не хотела утешиться» [6, с. 401].

При работе над очерком «Иродова работа» характерные для служебной записки библейские аллюзии Лесков вводит в сильные текстовые позиции. Первую аллюзию писатель выносит в заглавие очерка, вторую – в эпиграф: «Глас в Раме слышан бысть плача и рыдания и вопля: Рахиль плачущих чад своих и не хотяще утешиться, яко не суть» [4, с. 89]. Если в служебной записке «О раскольниках г. Риги» евангельские аллюзии используются Лесковым для характеристики одного из эпизодов в истории существования старообрядческой общины, то в очерке «Иродова работа» евангельский текст становится своеобразным эмоциональным камертоном, настраивающим на восприятие всего произведения в целом. Выбор заглавия и эпиграфа вносит в очерк трагическую модальность. Значимым в данном случае является и смена повествовательной перспективы. В служебной записке второй фрагмент Евангелия вложен в уста раскольников, точка зрения которых в контексте всего произведения оказывается весьма далекой от авторской. Упоминание писателя о «своем торжественном языке» старообрядцев вносит в текст элемент иронии. Введенный в эпиграф «Иродовой работы», библейский фрагмент оказывается лишенным иронических коннотаций. Приводя цитату на церковнославянском языке, Лесков придает евангельскому тексту особо торжественное звучание.

В контексте очерка писатель актуализирует мотив плача, заданный эпиграфом. При описании воцерковления детей Лесков использует цитируемое им и в служебной записке донесение полицмейстера Грина от 20 января 1850 г. В служебной записке писателя донесение представлено предельно кратко: «А сестра сироты <...> у церкви и при выходе из оной ее брата, идучи за ним по улицам, громко плакала» [6, с. 412–413]. В очерке «Иродова работа», писатель выделяет значимую для мотивной структуры очерка деталь курсивом [4, с. 104].

Кроме того, писатель развивает мотив плача, подчеркивая, что раскольница «громким плачем возбудила внимание проходящей публики» и что «и богословствование Михеевой, и ее плач о брате – все это было доведено до ведома князя» [4, с. 105]. Приведенных высказываний нет в исходной служебной записке. Настойчивое повторение лексемы «плач» и использование Лесковым специфической книжной морфологической конструкции является маркером «чужого слова», отсылая к заявленному в эпиграфе евангельскому тексту. Привлечение библейских аллюзий позволяет Лескову провести аналогию между бесчеловечной жестокостью Ирода и деятельностью православной церкви в Остзейском крае, по отношению к которой писатель в 1880-е гг. становится настроенным всё более критично. Лесков ставит под сомнение необходимость возвращения детей-раскольников в лоно господствующей церкви в том случае, если этот процесс сопровождается насилием.

Сопряжение образов князя А.А. Суворова и деятелей православной церкви возникает в результате привлечения писателем евангельского выражения. При описании деятельности полицмейстера Грина Лесков отмечает: «Дети русских раскольников <...> “прятались <...> на конном рынке”, где их и находили высланные ночные “ловцы человек”» [4, с. 100]. Образ лова, заявленный в этом фрагменте, неоднократно встречается в очерке: «Князь Суворов <...> поспешил весь свой улов как можно скорее спровадить подальше» [4, с. 101], «Князь Суворов <...> велел весь второй улов отослать к духовному начальству для присоединения к православию» [4, с. 102], владыка Платон «без возражений исполнил княжеское требование “примазать” наловленных детей к православию» [4, с. 104]. Реализация мотива связана с игрой Лескова смысловыми оттенками слова «лов». В описании облавы на раскольников детей, проводимой полицмейстером, писатель актуализирует прямое значение слова «лов». Привлечение библейского текста способствует реализации переносного значения лексемы. Горькая ирония Лескова, описывающего «улов» православных священнослужителей, основана на контрасте между служением апостолов, приводящих людей к вере к Христа, и службой духовенства в Риге, «примазывающего» детей старообрядцев к господствующей церкви.

В очерке «Русские деятели в Остзейском крае» евангельский текст вновь актуализируется Лесковым в контексте основной интересующей писателя проблемы – проблемы сосуществования людей различных наций и вероисповеданий. В этом произведении представленными оказываются все стороны прибалтийского «конфликта» – и православные русские, и русские староверы, и лютеране немцы.

Лесков включает в очерк ряд «анекдотов», основанных на сопоставлении двух национальных

характеров – русского и немецкого. В первом «анекдоте» писатель обращается к важнейшему фрагменту Евангелия – молитве «Отче наш», которая вводится в очерк через призму «двойного» цитирования. Лесков цитирует «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: «Чтение дошло до того эпизода, где Достоевский рассказывал о начальнике, который, в видах особенного своего удовольствия, наказывал каторжных розгами с особенным приступом. Арестанта обнажали, растягивали на земле и заставляли лежать с голой спиной читать вслух молитву Господню. Арестант, разумеется, повиновался, – читал, и когда он произносил: “Отче наш, иже еси на небеси” – начальник подхватывал: “А ты ему поднеси!” И с этим вместе пучки розог начинали свистать...» [7, с. 207]. Показательно, что в этом эпизоде Лесков контаминирует два различных фрагмента претекста: описание поручика Жеребятникова, «до страсти любившего сечь и наказывать палками» [2, с. 456], и контрастный ему рассказ о «добрейшем» [2, с. 461] поручике Смекалове. Лесков цитирует следующий фрагмент описания Смекалова: «“Нет уж, брат, ложись, чего уж тут...” – скажет Смекалов; арестант вздохнет и ляжет. “Ну-тка, любезный, умеешь вот такой-то стих наизусть?” ...После первой строчки известных стихов арестант доходит, наконец, до слова: “на небеси”... “Стой!” – кричит воспламененный поручик и... кричит: – А ты ему поднеси!» [7, с. 460].

Использование для передачи текста Достоевского нарратизированного дискурса (дискурса косвенной речи) дает Лескову возможность для интеграции и интерпретации «чужого слова». Трансформация исходного текста происходит в трех основных направлениях: писатель редуцирует диалог поручика и арестанта, необходимый Достоевскому для речевой характеристики «своего» среди заключенных начальника, атрибутирует «затушеванную» в оригинале цитату и заостряет момент телесного наказания. Нагнетание физиологических деталей, отсутствующих в претексте («арестанта обнажали, растягивали на земле», «лежа с голой спиной» [2, с. 207]), позволяет писателю создать подчеркнуто материальный образ истязаемого человеческого тела.

В «Записках...» Достоевский сглаживает кошунственный по сути характер описываемого им действия, используя перифраз «известный стих» и ироническую авторскую ремарку: «радуется Смекалов <...> что вот как же это он так хорошо придумал <...> и кстати и в рифму выходит» [2, с. 461]. Лесков, благодаря продублированному указанию на сакральный текст («молитва Господня», «Отче наш, иже еси на небеси» [7, с. 207]), углубляет амбивалентность изображаемого им действия. Писатель максимально заостряет контраст между процессом истязания арестанта и святым смыслом основной христианской молитвы. Направление

трансформации исходного произведения обнаруживает стратегию работы писателя с евангельским текстом: Лесков сопрягает сакральное и телесное, а рождающийся при этом комизм балансирует на грани святотатства. Значимым для писателя оказывается передача реакции внутритекстовых читателей «Записок» – «Артура Бенни (сына лютеранского пастора), <...> Василия Ал. Слепцова <...> и Варфоломея Зайцева» [7, с. 206]: «Слепцов расхохотался и, подхватив маленького, щуплого Варфоломея, поднял его как бы в жертву поднесения <...> но в это же мгновение из спальни раздался мучительный истерический вопль Бенни» [7, с. 208], на которого «молитва Господня в таком богохулительном применении произвела ужасное впечатление» [7, с. 208]. Диаметрально противоположное отношение к священному тексту студентов разного происхождения является тем критерием, по которому Лесков сопоставляет немецкий и русский национальные характеры, ставя под сомнение необходимость приоритетного положения одной из наций в Остзейском крае.

Второй «анекдот», заключающий очерк писателя, представляет собой своеобразный спор о «лучшей» вере, главными участниками которого являются два старообрядца и «книгоноша» лютеранского Библейского общества Генрих Иванович. В ходе диалога герои Лескова обращаются к священным для них произведениям: для лютеранина им оказывается Евангелие, для старообрядцев – «Луг Духовный» и «История Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова. Показательно, что при характеристике проповеднической деятельности Генриха Ивановича Лесков вновь актуализирует образ «лова»: «Его знали взрослые и дети и, когда бы его ни завидели, не без удовольствия говорили: “Вон немецкий старичок идет – он сейчас заведет что-нибудь о нерукотворенном Спасе сказывать, как он по морю ходил и сам рыбку ловил <...> как вживе видишь <...> ловил рыбку – уловил мою душу. Смилуйся, удержи ее – не дай вырваться”» [6, с. 213–215]. Иронические коннотации, сопровождавшие мотив лова в «Иродовой работе», теперь исчезают. Лесков обращается к Евангелию для того, чтобы подчеркнуть естественность и доходчивость проповеди протестантского «кольпортера».

В уста «старчиков»-староверов писатель вкладывает отрывки из аскетической литературы, в которых описывается процесс умерщвления плоти: «В “Луге Духовном” читается, яко и смрад женский юной вдове угоден был ко спасению ее от блудного беса» [6, с. 217]; «Евдокия воды на главу, живучи во общежительстве, и на ноги не возливала во всю жизнь свою, а вшей у себя не имела и о сем вельми плакаше, что будут в будущем веке вши, аки мыши» [6, с. 217].

В новом контексте цитаты из священных для старообрядцев текстов приобретают несвойственное им комическое звучание. Этот эффект рожда-

ется, прежде всего, на стилистическом уровне: он возникает благодаря введению архаической лексики и синтаксиса в текст, написанный нейтральным литературным языком. Помимо этого, Лесков прибегает и к комизму положений. Писатель указывает в очерке на реакцию Генриха Ивановича, «необыкновенно чистенького <...> старичка <...> в безукоризненной белизны огромных воротничках» [6, с. 212] после чтения «Истории»: Генрих Иванович «пошел в реку купаться, и долго, долго нырял и плавал как пингвин <...> во время чтения о блаженной Евдокеи немцу по ассоциации идей стало казаться, будто на него из самой книги ползут уже такие крупные вши, “как мыши”» [6, с. 219].

Лесков игнорирует духовное содержание сакрального в среде раскольников произведения, в новом контексте востребованной оказывается исключительно телесная сторона подвига праведниц. Предельное «обытовление» сакрального текста вызвано появлением в очерке оппозиции нечистоты и опрятности. В идеологическом плане очерка физиологически ощутимое отличие староверов от лютеранина является для писателя подтверждением его вывода о невозможности безусловного предпочтения русской нации перед немецкой. Евангельское слово, носителем которого является Генрих Иванович, становится в очерке тем положительным полюсом, который, по мысли Лескова, должен подчеркнуть абсурдность и комизм верований старообрядцев.

В основе очерков Лескова «Иродова работа» и «Русские деятели в Остзейском крае» лежит диалог нескольких литературных и дискурсивных систем. Смысловое пространство произведений формируется в результате привлечения писателем евангельских текстов, архивных документов, современной ему литературы.

Евангельские образы, актуализируемые писателем в «Иродовой работе», функционируют в качестве основных лейтмотивов и объединяют в одно целое разнообразные «картины» времен деятельности князя Суворова, приводимые Лесковым. Обращение к Евангелию позволяет Лескову полемично подчеркнуть насильственный характер деятельности в Риге и князя Суворова, и представителей православной церкви, по мнению автора равно выполняющих «иродову работу» по отношению к детям раскольников. В очерке «Русские деятели в Остзейском крае» писатель вводит фрагменты сакральных произведений в контекст «материально-телесных» (выражение М. Бахтина) образов, что и дает ироничную характеристику религиозного чувства русского человека.

«Иродова работа» и «Русские деятели в Остзейском крае» были написаны в период тесного знакомства и увлечения писателя лютеранской культурой, что не могло не отразиться на актуализации в произведении евангельского текста. Почтительное и благоговейное отношение к Евангелию, свойственное

лесковским героям-протестантам, выгодно оттеняет их на фоне как православного духовенства («Иродова работа»), так и старообрядцев («Русские деятели в Остзейском крае»), что становится решающим аргументом в полемике, которую в Остзейских очерках Лесков ведет с идеологией славянофильства. Благодаря обращению к евангельскому тексту писатель выражает специфику религиозности разных народностей, что позволяет писателю сделать заключение о «различии, во имя разницы которого можно не укорять одного другим и не наказывать одного “предпочтением натуры другого”» [6, с. 209].

Библиографический список

1. *Дмитриев А.П.* Н.С. Лесков. Прибалтийский вопрос и демократизм в православии // Лесков Н.С. Иродова работа. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2010. – С. 5–87.
2. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 8 т. – М.: Лексика, 1996. – Т. 1. – С. 281–558.
3. *Ильяшенко Т.А.* Евангельские купели: Библизмы Н.С. Лескова // Русская речь. – 2001. – № 1. – С. 73–78.
4. *Лесков Н.С.* Иродова работа // Лесков Н.С. Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2010. – С. 89–126.
5. *Лесков Н.С.* Край гибели // Исторический вестник. – 1881. – Т. VI. – № 11. – С. 568–585.
6. *Лесков Н.С.* О раскольниках г. Риги // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 30 т. – СПб.: Терра, 1996. – Т. 3. – С. 384–460.
7. *Лесков Н.С.* Русские деятели в Остзейском крае. Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2010. – С. 392–439.
8. *Лесков Н.С.* Святительские тени // Исторический вестник. – 1881. – Т. V. – № 5. – С. 53–69.
9. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
10. *Лесков Н.С.* Царская коронация // Исторический вестник. – 1881. – Т. V. – № 6. – С. 283–299.
11. *Лесков Н.С.* Церковные интриганы // Исторический вестник. – 1882. – Т. VIII. – № 5. – С. 364–390.
12. *Новикова А.А.* Евангельская тема Марфы и Марии в творческом развитии Н.С. Лескова (к проблеме типологии женских образов) // Уч. зап. Орловского гос. ун-та: Лесковский сборник. – Орел, 2006. – Т. 3. – С. 19–24.
13. *Савелова Л.В.* Евангельский фон в структуре повести Н.С. Лескова «Юдоль» // Литература и христианство. – Белгород, 2000. – С. 66–68.
14. *Филиппов И.В.* История старообрядческой Выговской пустыни. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1862. – С. 352–355.
15. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 24.10.2015).

ПОЭТИКА СЕВЕРНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В РАССКАЗАХ А.С. СЕРАФИМОВИЧА 1889–1890 ГОДОВ

В статье рассматриваются рассказы А.С. Серафимовича (1863–1949) «На льдине», «Снежная пустыня» и «На плотях» в аспектах мотивной структуры и мифопоэтики. «Северные» рассказы сопоставляются с очерком В.Г. Короленко «Сон Макара». Автором выдвигается гипотеза о том, что рассказы 1889–1890 гг. есть художественный эксперимент, заключающийся в проверке университетского знания о взаимном подобии природы и человека: молодой писатель сравнивает катаклизмы природные и социальные, доказывая противоестественность последних, их разрушительный характер. В целом реалистические рассказы, полные мотивов преодоления, приключения, опасности, обнаруживают элементы неоромантической эстетики, генетически сближающие эти произведения с ранними очерками Короленко. В первых своих творениях, ещё лишённых какой-либо тенденциозности и изобилующих роскошными пейзажами, Серафимович продемонстрировал богатство и чистоту Слова, не оставшиеся не замеченными для всех, кто высоко оценил творчество одного из лидеров социалистического реализма.

Ключевые слова: А.С. Серафимович, рассказ, поэтика жанра, мотив, Русский Север, сверхтекст, северный текст русской литературы, антропоморфизм, зооморфизм, природа, цивилизация, человек, социум.

Северный текст русской литературы (СТ) есть пример культурно и исторически закрепившегося регионального метатекста, который представлен рядом автономных текстов и предстаёт как связанное концептуальное поле. Основа СТ была заложена ещё М.В. Ломоносовым и А.А. Бестужевым-Марлинским, а его географическим ядром является территория Архангельской и Вологодской областей. Интерес к культуре и быту Русского Севера был вызван его активным научным освоением в конце XIX – нач. XX вв. Для А.С. Серафимовича (1863–1949) непосредственным поводом к созданию рассказов о Севере была ссылка в Архангельскую губернию с 1887 по 1890 гг. Жесточайшие природные условия, трудная жизнь поморов и психологический кризис южанина, оказавшегося в чуждых ему климатических и социальных условиях, – вот что, на наш взгляд, определило творческий интерес начинающего писателя. Не случайно в советском *серафимовичеведении* закрепились формулировка – «северные» рассказы, к которым относят «На льдине» (1889), «Снежную пустыню» (1889) и «На плотях» (1890) (курсив мой. – А.К.).

Репутация Серафимовича сложилась быстро и успешно благодаря его сотрудничеству с уже состоявшимися литераторами и в дореволюционной критике. Впоследствии репутацию упрочила взаимная лояльность писателя и Советской власти. Советские исследователи, формировавшие образ классика в 1950-е гг., прослеживали лейтмотивы «северных» рассказов – *борьбу* и *смерть* – в социальном аспекте, игнорируя их философскую проблематику. Так, по мнению Г.Н. Гая, в первых произведениях Серафимовича проявились «лучшие, революционные традиции русской демократической литературы» [3, с. 3]. Идеологическое понимание конфликтов рассказов «На льдине» и «На плотях» видим и у С.В. Филькина. По его мнению, основная мысль писателя заключается в том, что

«система общественного устройства, которая приводит человека к преждевременной смерти, должна быть отвергнута» [12, с. 2].

В конце 1880-х гг. писатель обрёл друга по ссылке – организатора Морозовской стачки П.А. Моисеенко (1852–1923). Ранняя проза писателя едва ли могла иметь исключительно социальную направленность, поскольку он, ознакомившись с учением К. Маркса и испытавший определённое влияние ссыльного ткача, только начинает постигать сущность подпольной работы и приобщаться к пролетариату. Елена Лепешинская, автор диссертации и очерка о творчестве Серафимовича, поставила смелый акцент на неоднозначности героев: «Серафимович наблюдает картины жизни “могучих и бессильных” богатырей-поморов» [8, с. 6]. Исследовательница чуть шире понимает проблематику первого рассказа: «О суровой, страшной человеческой судьбе там говорится. Ледяной стужей, скорбью веет со страниц этого рассказа» [9, с. 12]. Но никто из учёных не отметил важности «природной» темы – ключевой для Серафимовича, признавшегося за год до смерти: «...меня больше всего интересовала северная природа, которая произвела на меня неотразимое впечатление и послужила материалом для моего первого рассказа...» [11, т. 10, с. 446]. Как видим, даже сам писатель спустя полвека ничего о социальных доминантах не говорит.

Наш подход к раннему творчеству Серафимовича исключает наложение более поздних этапов творчества на «северные» рассказы. В СТ Серафимовича нам интересны сквозные мифопоэтические образы (*море, берег, дом*), разветвлённая система лейтмотивов (*путь, поиск, испытание, преображение, борьба, смерть*), композиция повествования и факторы, оказавшие влияние на сознание писателя. «На льдине», первый рассказ писателя, стал своего рода художественно-творческим экспериментом, проверкой университетского знания о феноменальной сближенности человека и природы. В воззре-

ниях студентов той поры теория классовой борьбы К. Маркса и теория эволюции и борьбы видов за выживание Ч. Дарвина могли продуктивно сочетаться. Именно недостаток человеческого начала в человеке составляет конфликт первого рассказа. Серафимович представляет природные процессы и лишь внешне схожие с ними явления социальные: катаклизмы природные – нормальны, социальные же – есть отступление от нормы (см. об этом [5]).

Композиция рассказа «На льдине» держится на системе архетипических образов (*море, лес*) и мотивов (*мороз, путь*), трансформировавшихся в характерный для СТ лейтмотив «человек в отношении морском». Образ *моря* сохраняет у Серафимовича свой древнейший, сакральный смысл. Оно, ассоциированное с животворящим началом, становится зачастую последним пристанищем человека. Автор в части I рассказа многократно подчёркивает парадоксальную безжизненность природы: то-пос обозначается не иначе как «мёртвая тоска», «мёртвая мгла», «мёртвая тишина», «безжизненная тундра», «мёртвый простор». Но *море* и *лес*, в отличие от других составляющих природы, предстают исключительно в качестве субъектов повествования. В образе *моря* поморы видят божественную силу, что и обуславливает его антропоморфность: в начале рассказа оно при виде охотников «глухо шумело» [11, т. 1, с. 6], а в конце – «злую шутку сыграло» [11, т. 1, с. 11] с Сорокой.

Современный исследователь Е.Ш. Галимова справедливо отмечает, что «чаще о гибели в море говорится не как о смерти, а как об “уходе”; море “берёт”, “забирает”, “отнимает”...» [4, с. 9]. Действительно, ни сам Сорока, замерзающий на льдине, ни его товарищи не обозначают гибель в море словом *смерть*; напротив – охотники рассматривают конец земной жизни как начало нового, вечного существования. В сознании поморов море равновелико жизни, смерти, бессмертию, вечности. Для поморов *море* – тот же храм, жилище Бога: «Море чистоту любит, молитву, – говорят промышленники, – а то ежели с табаком, да с песней, да с сквернословием, так и не вынешь ничего: вдруг ветер падёт с берегу и всю кожу отобьёт, да и тебя вглубь вынесет» [11, т. 1, с. 11]. *Берег* – ещё один ключевой образ, связанный с границей между домом и морем, то есть, по сути, между жизнью земной и потусторонней. Именно поэтому мысли о береге будоражат Сороку: «... а всё-таки радостно тащил он тяжелый юрок <...> “Чтой-то берегу все нету?” – мелькнуло у него. <...> Острое предчувствие кольнуло его. “Ох, не запоздать бы, давно уже с берегу, – время!”» [11, т. 1, с. 10].

Образы *моря, воды* – ещё и апокалиптические, они связаны с мотивом конца света. Первоначальный текст «На льдине» [10] обнаруживает фрагмент, изъятый Серафимовичем после 1917 г. Старый промышленник перед известием о беде,

случившейся с Сорокой, рассказывает «бывальщину»: в былые времена в скит на Кулае завезли священную книгу «Миротворный Кругъ» (здесь упоминается, вероятно, один из списков «Великого миротворного круга», литературного памятника XVI в. – А.К.), которую никто не мог «разобрать». Тогда сыскался хромой писарь Игнат из Щельи (*Большая Щелья* – посёлок в Архангельской области. – А.К.) и вызвался истолковать книгу: «... “Сказано (Там. – А.К.) <...> гдѣ будутъ послѣднія кровопролитія и войны передъ самымъ концомъ свѣта” <...> “...будутъ эти кровопролитія <...> въ эфтихъ самыхъ мѣстахъ у Бѣлаго моря, и когда придетъ послѣдній часъ, и изъ Окіана придутъ льды, и возстанетъ сила...”» [10, с. 14–15].

В аспекте СТ данный эпизод иллюстративен: поморы убеждены в сверхъестественной способности воды давать человеку жизнь и забирать её. Непокойное море, вздымающееся при приливах и опускающееся при отливах, напоминает грудную клетку человека, поэтому в СТ оно всегда «дышит»: «...жило мертвое море и тихо дышало бесконечным простором, и тонкий пар его дыхания подымался к далёким звездам...» [11, т. 1, с. 15]. Автор не сообщает прямо, что его герой погибает, а дважды вкрапляет в сюжет мотив сна: в первой дрёме Сороке является самоё, когда-то им опоённый и обокраденный, а во втором случае онейрический мотив использован при изображении смерти героя. Во сне герой переживает пограничное состояние – он ещё не «там», но уже и не «здесь». Сорока обретает после долгих мучений долгожданный покой и блаженство, до конца ему самому непонятные, но не теряет надежды на спасение и будто бы видит лодку, символизирующую связь с большой землёй, связь, которая вот-вот должна порваться: «И сквозь морозный туман чудится Сороке: <...> плывёт на него, не касаясь воды, полупрозрачная, смутно-неясная лодка» [11, т. 1, с. 15–16].

Мотивы *сна* и *чуда* включают раннего Серафимовича в канву СТ. Учитывая тот факт, что сам писатель признавался в сильном эстетическом влиянии на него раннего творчества В.Г. Короленко, можно соотносить рассказ «На льдине» не только с легендой «Лес шумит» (1886), близкой ему в плане пантеистического мировосприятия, но и со святочным рассказом «Сон Макара» (1883), где проблема справедливости также является центральной. Близки рассказы и сюжетно (объяснявшийся крестьянин Макара, как и Сорока, гибнет во время промысла), и в художественном отношении. В северных текстах Короленко и Серафимовича показан поединок человека и природы. Природа предстаёт суровой, враждебной человеку, но именно она формирует особенный тип человеческой личности – волевой, закалённой, самостоятельной, способной к борьбе. Макара и Алёшка, герои Короленко, и Сорока у Серафимовича – представляют

один тип: северные охотники звероподобны, выступают как зооморфные ввиду своей жестокости.

Здесь нет нарочитой гиперболизации, а дана вполне реалистическая зарисовка. Вот как охотники у Короленко делят пойманную (но потом сбежавшую от них) лису (часть IV): «Он бросился наперерез к упавшей плaxe. Там была лисица. Алёшка своею развалистою, медвежьей походкой направлялся туда же. Надо было поспевать ранее <...> – Тытымá (не тронь)!.. Это моё! – крикнул Макар Алёшке. – Тытымá! – отдался, точно эхо, голос Алёшки. – Моё!» [6, т. 1, с. 49]. Точно так же, как природа казнит Сороку, она наказывает и Макара, оставшегося наедине с тайгой: «Он совсем ослаб. Теперь молодые деревья прямо, без всяких стеснений, били его по лицу, издеваясь над его беспомощным положением <...> Теперь даже дальние деревья <...> хватили его за волосы, били по глазам, по лицу» [6, т. 1, с. 51].

Общий для писателей мотив *сна* выполняет разные функции. У Серафимовича он посредник, примиряющий человека и природу, Короленко же посредством его выходит к христианской идее – к проблеме справедливости – и вуалирует социальную направленность рассказа. Именно *сон* открывает Истину и Сороке, обретшему гармонию, и Макару, сон-смерть которого развязывает герою язык и восстанавливает долгожданную справедливость. Таким образом, рассказы Серафимовича обогащают СТ романтической эстетикой за счёт своей образной, мотивной структуры, в частности – и онейропоэтической.

Применительно к СТ Серафимовича речь может идти скорее о неоромантической эстетике. Атмосфера Севера, пугающая и в то же время завораживающая, смогла создать у писателя неоромантическое настроение и скорректировать соответствующим образом его рецепцию. Романтическое начало СТ уже коренится в антагонистической эклектике *страшного* и *прекрасного*. Именно внутренний рецептивный разлад обусловил своеобразие СТ Серафимовича: переживание, тревога и, более того, кризис личности составляют основу трагического пафоса рассказа «На льдине», который и для самого автора – настоящая квинтэссенция эмоций: «Читаю да читаю до сумерек, больно глазам, а я читаю. <...> Что влекло и поражало – это ощущение, что по белому листу чёрными значками изображены мои собственные переживания» («Рассказ о первом рассказе») [11, т. 10, с. 405]. Ещё одна неоромантическая зарисовка в СТ писателя – рассказ «На плотax».

Рассказ «На плотax», замыкающий «северный» цикл, впервые был опубликован в «Русских ведомостях» в июне 1890 г. Здесь классик вывел целую триаду: *человек – природа – цивилизация*. С Сорокой Кузьму роднит нужда. Как и Сорока, Толоконников оказывается между жизнью

и смертью. Но, в отличие от большинства героев раннего Серафимовича, Кузьме оставлена жизнь, а значит, образ лесоруба – иной, обогащён новыми смыслами. В рассказах «На льдине» и «На плотax» писатель демонстрирует «северное» преломление популярного в XIX в. руссоизма, обратившего на себя внимание ещё Н.М. Карамзина и продолженного Л.Н. Толстым. Серафимович доказывает, что в условиях Русского Севера закон вечной гармонии человека и природы «не работает». При этом писатель последовательно изображает природу в рассказе «На плотax» живой, антропоморфной.

В явлениях природы Серафимович видел человеческое, что не мешало ему оставаться эмпириком и убеждённым позитивистом. Монография проф. К.А. Тимирязева «Жизнь растений» (1878) оказала на писателя серьёзное влияние, о чём Серафимович написал в очерке «К.А. Тимирязев»: «В отрочестве <...> я был страшно религиозен. Часами стоял и мотал рукой перед иконой <...> Попалась мне книга “Жизнь растений”. Прочитал её, не отрываясь, и <...> вывалился из души каменный истукан божества. Но ведь в книге ни слова о боге. Там гениально рассказана <...> жизнь растения. Но позвольте, тогда есть конструкция и моей жизни <...> Да ведь я сам из таких клеточек. И каменный бог рухнул» [11, т. 8, с. 106]. Труды по ботанике Тимирязева развили в молодом человеке чувство природы, способность на глубинном уровне понимать происходящие в ней процессы. Деревья-великаны в рассказе «На плотax» сражаются за жизнь, словно живые люди, а «полудикий» [7, с. 314] лесоруб органично вписывается в природу, неразличим с ней: «Пар идёт от Кузьмова полубубка, и упорный топор всё глубже входит в рану векового дерева; вырубленное у корня место темно зияет, как открытый рот <...> Дерево вздрагивает, с секунду с страшным усилием сопротивляется, и вдруг <...> проносится треск...» [11, т. 1, с. 43–44].

Основу сюжета рассказа «На плотax» составляет борьба главного героя сначала с силами природными (часть I), а затем – и с социальными (часть II). Толоконников, подобно былинному богатырю, переживает целую череду несчастий и преодолевает одно препятствие за другим: сначала его придавливает деревом, после – герой разбивает плитку своих товарищей, чтобы сплавиться по реке в месте затора, в конце – Кузьма одерживает победу в противостоянии с пароходом. Авторская позиция в рассказе «На плотax» очевидна: Серафимовичу импонирует его герой, выдержавший тройную проверку на прочность. Придавленного деревом Кузьму Серафимович сравнивает с лисцей: «Как-то случилось – повалилось подрубленное дерево; не успел Кузьма отскочить <...> Он лежал притиснутый как лисица в капкане» [11, т. 1, с. 45]. Этот эпизод наталкивает нас на мысли о возможной переработке автором сюжета рассказа

за «Сон Макара»: герои Короленко сделали капкан из брёвен для лисы, Кузьме такой «капкан» заготовила сама природа. Натуралистическое описание дальнейших действий лесоруба выдаёт в нём звериное начало: «...как-то ухитрился подтянуться к дереву и стал ногтями разрывать смёрзшийся снег и землю. Кожа стала сдираться с рук клочьями, и всё кругом окровавилось. Мороз жёт свежие раны» [11, т. 1, с. 45]. Награждая героя за терпение, «живая» природа человеческим словом будит заснувшего на плоту лесоруба: «Не заметил, как задремал Кузьма. Да кто-то как толкнёт, и ахнул над самым ухом: – Ай спишь!.. Вскочил Кузьма, всё задрожало в нём, а это плот стукнуло об дерево» [11, т. 1, с. 47]. Подчёркивает человеческое начало в окружающей героя природе и сам автор, обозначая дерево, об которое ударился плот Кузьмы, местоимением *кто-то*.

Противостояние человека и природы в рассказе «На плотях» переходит в конфликт Кузьмы с товарищами, то есть в социальный конфликт. Увидев застрявших на реке плотовщиков, герой, испугавшийся сесть на мель, инстинктивно рушит один из плотов, чтобы продолжить спуск по Двине: «С треском раздался шов, брёвна разошлись и всплыли, и <...> быстро прошла, подгоняемая шестом, плитка. Град ругательств посыпался на голову Кузьмы» [11, т. 1, с. 47–48]. Ужаса творимого лесоруб до конца не понимает: «– Ничаво... пущай себе... Под берегом-то мне неспособно... ничаво...» – говорил Кузьма, гоня шестом плитку <...> – Ничаво... пущай... Главное, неспособно под берегом-то...» [11, т. 1, с. 48]. Так победил Кузьма и в социальной схватке.

Кузьма установил с природой прочную внутреннюю связь, он слышит и понимает её, поэтому читателя и не смущает очевидная гиперболичность образа лесоруба, в особенности в той сцене, где он, подобно былинному богатырю, противостоит пароходу, порождению цивилизации: «У него не было никакой <...> осознанной цели, он делал это <...> инстинктивно <...> Крепко нажал бревно одним концом к груди, а другой выпятил вперед» [11, т. 1, с. 49]. Придя в себя, Кузьма понял: «Пароход задел плот бок, а он со своим бревном смягчил удар» [11, т. 1, с. 52]. Заметим, Серафимович машинально пишет не «*своим*», а – «*со своим*»: и этот сугубо лингвистический штрих ещё раз высвечивает подлинный смысл рассказа «На плотях» и эстетическую позицию писателя, последовательно занимающего сторону природы, мира совершенного и идеального. Нельзя провозглашать Серафимовича первооткрывателем подобных идей и образов, но важно понимать, что писатель продолжает традицию своего старшего современника – В.Г. Короленко.

Особняком в СТ Серафимовича стоит рассказ «Снежная пустыня» (1890), впервые появившийся в «Русских ведомостях» под заголовком «В тун-

дре». Здесь писатель обратился к миру души отдельно взятого человека. Его герой – молодой следователь, которого самоед везёт многими километрами тундры к Ламбею – зажиточному крестьянину-самоеду, зверски убившему свою старую жену. В рассказе писатель сталкивает два полярных в культурном отношении мира – интеллигентскую среду (в лице следователя) и среду дикарей-самоедов (в лице Ламбея). Однако $\frac{3}{4}$ текста путевого очерка отводится описанию дороги по «снежной пустыне», что показательно для нас. В СТ мотив *пути* является одним из ключевых. И в «Снежной пустыне» грозящее гибелью пространство тундры описывается и воспринимается героем как прекрасное, очищающее: «Я весь отдавался движению, отдавался пространству, которое, чудилось, поглощало меня <...> Молодость, жажда жизни, жажда счастья, напивавшие силы и какие-то смутные желания приливали в виду этого бесконечного простора...» [11, т. 1, с. 19]. Дорога по тундре ассоциируется у героя с жизненным путём. Сознание следователя настолько устремлено в будущее, что для воспоминаний в нём не остаётся места: «Порой только, по странной ассоциации, в мозгу вспыхивало то или иное воспоминание, тот или другой образ, которые, казалось, совсем не вязались с теперешним состоянием...» [11, т. 1, с. 19–20]. Но тут же состояние эмоционального подъёма героя сменяется по мере приближения ночи чувством страха: «По мере того как сгущалась мгла, в сердце незаметно прокрадывалось острое чувство одиночества и полной отрезанности от всего живого, дорогого, близкого» [11, т. 1, с. 22]. Эта подмеченная Серафимовичем особенность восприятия «несеверным» человеком пространства Севера также позволяет включить «Снежную пустыню» в корпус СТ: «Северная ночь осмысливается как одиночество, тьма, грусть и холод <...> как ситуация разлуки, состояние депрессии, тоски», – замечает Я.Э. Ахапкина [1, с. 220]. Но, несмотря на то что сознание героя раздвоено, он полон оптимизма и дословно цитирует ставшую афористической цитату из романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «“Всё к лучшему в этом лучшем из миров” (В первоисточнике: *Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles.* – А.К.), – подумал я и совсем спрятал голову в капюшон» [11, т. 1, с. 25]. Продолжающееся опасное путешествие по равнине выбивает героя за рамки времени, приобретает вневременной характер: «Казалось, время остановилось в своём непрерывном беге и застыло в неподвижных формах. Это было странное приближение к небытию» [11, т. 1, с. 28].

Хронотоп рассказа «Снежная пустыня» сужается по мере развития сюжета, образуя конусообразную модель: *бескрайнее пространство тундры* → *чум самоеда Ламбея* → «*пятнышко*» на горизонте. Герою довелось столкнуться с двумя колоссаль-

ными силами – беспощадной природной стихией и поражающей своей жестокостью социальной средой, но если природа, не щадившая героя, удивила его своей красотой, то семья самоеда не вызвала у следователя ничего, кроме отвращения. История с Ламбеем реалистична, ведь самоеды действительно отличаются бесчеловечным отношением к женщинам: «Свою жену самоед бьет нещадно за вину и без вины, трезвый и пьяный <...> Самоед считает женщину низшим, нечистым существом <...> Он не задумается прогнать свою старую большую жену и взять другую» [2, с. 233]. Важно понимать, что снова Серафимович соотносит *природное* и *социальное*, представляя в качестве прекрасного стихию (при всей её внешней дисгармоничности) и осуждая социум, поправший все существующие законы мироздания. Подчеркнём, что *мир природы* и *мир людей* и в «Снежной пустыне» противопоставлены, потому герой и стремится скорее покинуть ещё недавно столь желанное и призрачное жилище, преодолевая звучащие за спиной стоны родственников-убийц: «– ...И посмотрит он через каменную стену... оххо, – донеслось до меня и смолкло вдаль. Тёмный конус чума <...> быстро пробежал от нас к самому краю равнины. Сначала он превратился в маленький, игрушечный чум, потом в пятнышко, потом в точку – и исчез на горизонте» [11, т. 1, с. 42].

В настоящем исследовании мы коснулись далеко не всех проблем, связанных со спецификой СТ русской литературы в творчестве Серафимовича 1889–1890 гг., но, как нам видится, смогли доказать, что «северные» рассказы имеют не столько социальную, сколько философскую проблематику. СТ Серафимовича не ограничивается тремя рассмотренными нами произведениями: к теме Севера писатель возвращался позднее в своих воспоминаниях, а также рассказах – «У холодного моря», «Лесная жизнь», «Гуси» и др. Рассказы периода ссылки есть итог эмпирического наблюдения писателя, результат осмысления сущности феноменов общества и природы в условиях суровой действительности. Соотнёсший *природное* и *социальное* и избравший первое в качестве предмета любования и подражания, меры всех вещей, Серафимович выступает прямым продолжателем толстовской традиции постижения сложной диалектики природы и человека; чётко прослеживающаяся

антропоморфизация объектов природы выражает телеологическую устремлённость первых сюжетов русского классика.

Библиографический список

1. Ахапкина Я.Э. Атрибуты «северного времени» в художественном тексте и языковом сознании // Северный текст в русской культуре: Материалы международной конференции, Северодвинск, 25–27 июня 2003 г. / отв. ред. Н.И. Николаев. – Архангельск: Поморский университет, 2003. – С. 216–222.
2. Барсов К. Самоеды // Русская земля. Область крайнего севера. Т. I. – СПб.: Типолитография М.П. Фроловой, 1899. – С. 231–238. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kolamap.ru/library/1899_barsov.htm (дата обращения: 10.11.2015).
3. Гай Г.Н. Творческий путь А. С. Серафимовича: автореф. дис. ... док. филол. наук. – М.: Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького АН СССР, 1951. – 22 с.
4. Галимова Е.Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы: Научная монография. – Архангельск: КИРА, 2013. – 128 с.
5. Концов А.Н. Диалектика взаимодействия природы и человека в рассказе А.С. Серафимовича «На льдине» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 98–102.
6. Короленко В.Г. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1971.
7. Короленко В.Г. А. Серафимович. Очерки и рассказы // Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1955. – С. 313–315.
8. Лепешинская Е.Л. Творческий путь А.С. Серафимовича (до Октября): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1952. – 16 с.
9. Лепешинская Е.Л. Наш Серафимович. Литературно-критический очерк. – Воронеж: Воронежское кн. изд-во, 1963. – 93 с.
10. Серафимович А.С. На льдине. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1916. – 24 с.
11. Серафимович А.С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1940–1948 гг.
12. Филькин С.В. Серафимович – художник революции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1954. – 12 с.

Егоров Михаил Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

michael_egorov@mail.ru

НЕИЗВЕСТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ: КОМЕДИЯ Ю.В. КРОТКОВА «НАПОЛЕОН И АКУЛА»

В статье впервые исследуется творчество писателя-эмигранта третьей волны Ю.В. Кроткова (1917–1982), его пьеса «Наполеон и Акула», опубликованная на русском языке в 1972 году в лондонском сборнике «Новый колокол». В СССР драматург, киносценарист Ю.В. Кротков прославился пьесой «Джон – солдат мира». Писатель в Советском Союзе был сотрудником КГБ. Самая известная операция, в которой он принимал активное участие, – вербовка французского посла М. Дежана в 1958 году. Этот опыт отразился в сюжете комедии. В статье раскрываются все имена реальных прототипов героев пьесы. Ю.В. Кротков изобразил себя как внесценического персонажа Юлия Долгорукова. Если в реальности М. Дежан пошел на сотрудничество с КГБ, то в «Наполеоне и Акуле» посол Рабле сам использует советские спецслужбы в интересах Франции. Меняя финал истории, устраняя свою фигуру из разворачивающегося действия, давая своему герою лестную характеристику, Ю.В. Кротков стремится мифологизировать собственную биографию, снять с себя ответственность за произошедшее. Руководитель указанной операции генерал О.М. Грибанов (в пьесе – А.С. Быстров) является автором нескольких шпионских романов, самый популярный из которых «Ошибка резидента» (в соавторстве с В. Востоковым) появился до публикации пьесы Ю.В. Кроткова, в 1966 году. И в пьесе, и в одной из сюжетных линий романа реализуется ситуация «медовой ловушки». Только в «Ошибка резидента» победителями выходят советские разведчики, одурачивающие иностранную разведку. Пьесу, таким образом, можно рассматривать и как литературный поединок.

Ключевые слова: третья волна эмиграции, русское зарубежье, Ю.В. Кротков, драматургия, КГБ, мифологизация биографии, металитературность.

Несмотря на то что опубликовано множество исследований, посвященных литературе третьей волны эмиграции, эту «область» существования литературы невозможно назвать исчерпывающе изученной. В поле зрения ученых попадают лишь «генералы», наиболее значительные представители эмиграции. Пьесы В.П. Аксенова, И.А. Бродского, Г.Н. Владимирова, Ф.Н. Горенштейна, В.Е. Максимова, А.И. Солженицына не раз становились объектом внимания литературоведов. Однако драматургия третьей волны эмиграции как особая проблема не обсуждалась вовсе.

Среди писателей-эмигрантов есть те, кто в силу разных причин (эстетических, идеологических и т.д.) оказался на обочине магистрального интереса и читателей, и критиков. К их числу принадлежит Юрий Васильевич Кротков (1917–1982), драматург, прославившийся в СССР антиамериканской пьесой «Джон – солдат мира», поставленной в 1950 году на сцене московского Малого драматического театра им. А.С. Пушкина. По сценариям Ю.В. Кроткова снято четыре советских кинофильма: «Рожденные бурей» (1957, реж. Я. Базелян, А. Войтецкий, В. Войтецкий; адаптация одноименного романа Н. Островского), «Капитан первого ранга» (1958, реж. А. Мандрыкин; по мотивам одноименного романа А.С. Новикова-Прибоя), «На пороге жизни» (другое название «Где твое счастье, Мзия?», 1959, реж. К. Пипинашвили), «Дедушка Гигия» (другое название «Дед Гигия», 1960, реж. З. Гудавадзе; по рассказу Г. Чиковани «Вторая семья»).

В 1963 году, отправившись в Великобританию в туристическую поездку, Ю.В. Кротков принял решение не возвращаться на родину и остаться за

границей. Активно печатался в эмигрантской периодике, в основном в «Новом журнале». По данным парижских библиографических указателей «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920–1980» и «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1981–1995», таких публикаций насчитывается 27 [6, с. 268; 7, с. 106, 291]. Выпустил три книги прозы на английском языке («I am from Moscow: A view of the Russian miracle», N.Y., 1967 (британское издание под заголовком «The angry exile: a view of the Russian miracle», L., 1967); «The red monarch: Scenes from the life of Stalin», N.Y., 1979; «The Nobel Prize», L., 1980). Необычный для русского писателя-эмигранта случай: по книге «Red monarch» в 1983 году в Великобритании был сделан одноименный телевизионный комедийный фильм (реж. Джек Голд; роль Берии исполнил Д. Суше, Сталина – К. Блейкли).

Имя Ю.В. Кроткова не упоминается ни в новейшем биобиблиографическом словаре в трех томах «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги» (М., 2005), ни в легендарном «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года» В. Козака (Л., 1988). Нет его и в классической книге Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» (Париж-Москва, 1996). Разве что только в эпохальном сборнике статей под редакцией Н.П. Полторацкого «Русская литература в эмиграции», призванном осмыслить более чем полувековой опыт эмигрантской литературы, Ю.В. Кротков упоминается в ряду других писателей-перебежчиков [5, с. 91, 327, 329, 330].

Пьеса «Наполеон и Акула» была напечатана в 1972 году в лондонском эмигрантском литературно-публицистическом сборнике «Новый колокол».

Сюжет пьесы, связанный с работой советских спецслужб, контрастирует с авторским жанровым определением – «комедия в трех действиях с эпилогом» [4, с. 276]. Офицеры КГБ привлекают для своей работы советскую актрису, нужна ее помощь в осуществлении операции «Робеспьер» – в вербовке французского посла в СССР, которого регулярно в пьесе называют Акулой. «В операционных сводках, которые идут в Кремль, наш подопытный имеет кодовое обозначение «Акула»», – признается генерал КГБ А.С. Быстров [4, с. 281]. Задача актрисы – расположить к себе любвеобильного французского посла в СССР, пригласить к себе в квартиру и завлечь в постель, с чем она успешно справляется. Квартира прослушивается контрразведчиками, и по условному сигналу «любовную сцену» прерывают два офицера КГБ, выдающих себя за мужа актрисы и приятеля. Они применяют физическую силу и в отношении актрисы, и в отношении посла, угрожают последнему, собираясь подать заявление в суд. Испуганный посол ретируется.

В этот же вечер француз идет в гости к своему советскому товарищу, высокопоставленному министерскому работнику, не подозревая, что чиновник носит совершенно другую фамилию и является генералом КГБ (по прозвищу Наполеон), руководящим вышеописанной операцией. Посол по-дружески рассказывает всю историю, надеясь, что приятель поможет решить назревшую проблему. Разумеется, «чиновник» соглашается, но, подчеркивая серьезность проступка посла и суровость советского правосудия, намекает на необходимость дальнейших встреч, разговоров, получения информации.

В эпилоге французский посланник составляет донесение президенту республики. Он прекрасно понимает, что завербован генералом КГБ, но это является продуманным ходом, одним из этапов серьезной миссии: «Рад сообщить вам, господин Президент, что первая ступень в нашей операции “Распутин” осуществлена успешно. ... Таким образом, господин Президент, ваша идея вовлечения СССР в орбиту французского влияния на начальном этапе получила развитие. Повторяю, я в “сетях” КГБ. Возникают секретные отношения и безусловная зависимость, что и открывает поприще для обширных манипуляций...» [4, с. 316, 321].

История, рассказанная в произведении, выглядит простой, созданной словно бы в духе новелл О’Генри с неожиданной и все переворачивающей концовкой. Что могло бы помешать ее публикации на родине автора? Демонстрация некоторых секретов работы отечественных органов безопасности, не чурающихся адюльтерных историй ради вербовки нужных людей, готовность советских актрис участвовать в подобного рода «постановках», сомнительность личностных качеств офицеров КГБ, наконец, проигрыш спецслужб СССР.

Если бы переместить место действия в капиталистическую державу, спецслужбы СССР заменить на спецслужбы западного государства, а на место посла Франции поставить посла Советского Союза, то произведение бы не выглядело «эмигрантским» выпадом против советской власти. Вспомним хотя бы сюжетно схожую пьесу В.С. Высоцкого «Пародия на плохой детектив» (1966), где английский шпион завербовал, «сбил с пути и с панталыку» некоего гражданина Епифана, который «казался жадным, хитрым, умным, плотоядным, меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел», характеристика, сближающая с ним посла из пьесы Ю.В. Кроткова. Схожим окажется и переворачивающий смысл произведения финал: «...Враг не ведал, дурачина: тот, кому все поручил он, был – чекист, майор разведки и прекрасный семьянин».

Дополнительный и очень важный оттенок в понимание «Наполеона и Акулы» вносит тот факт, что Ю.В. Кротков долгое время являлся сотрудником КГБ. В справках об авторах, размещенных в сборнике «Новый колокол», этот факт не упомянут, указано лишь, что «в настоящее время подготавливается к печати его вторая книга на английском языке о деятельности КГБ» [2, с. 473]. Самая знаменитая операция, в которой писатель принимал непосредственное участие, – вербовка посла Франции в СССР Мориса-Эрнеста-Наполеона Дежана в 1958 году (подробности можно обнаружить [9, р. 87–97]). Эти события, таким образом, положены в основу пьесы и подвергнуты некоторым изменениям.

«Ключ» к произведению, список действующих лиц «Наполеона и Акулы» и их прототипов выглядит следующим образом. Место генерала КГБ Быстрова Александра Степановича в реальности занимал Грибанов Олег Михайлович, выдававший себя за министерского работника Горбунова (в пьесе – Кружилин), место полковника КГБ Мартиросяна Тиграна Ивановича – Мелкумов (Мелкумян) Левон Николаевич, подполковника КГБ Сарычева Леонида Федоровича – Кунавин Леонид Петрович, место майора КГБ Литовкиной Веры Петровны – Андреева Вера Ивановна, капитана КГБ Гайдулина Татарбека – некий капитан КГБ Миша из Казани, место киноактрисы Ярецкой Валентины Васильевны – Кронберг-Соболевская Лариса Ивановна, место Чрезвычайного и Полномочного посла Франции в СССР Жана-Филиппа Рабле – Морис-Эрнест-Наполеон Дежан.

Какие еще отличия от действительно случившихся событий можно найти в пьесе? Принципиальных отличий три. Во-первых, посланник М. Дежан был успешно завербован, попав в так называемую «медовую ловушку», устроенную при помощи актрисы Л.И. Кронберг-Соболевской, сотрудничавшей с КГБ. Бегство Ю.В. Кротова, сведения,

которые он предоставил западным спецслужбам, привели к отставке М. Дежана в 1964 году.

Во-вторых, в пьесе Ярецкая погибает в автокатастрофе, виновником был пьяный подполковник Сарычев, севший за руль машины и пригласивший с собой актрису [4, с. 319]. Прототип Сарычева Л.П. Кунавин действительно попадет в аварию в пьяном виде и пострадает сам, но случится это через несколько лет после описанных событий [9, р. 103]. Актриса Л.И. Кронберг-Соболевская, по некоторым сведениям, до сих пор проживает в Москве, информации о ее смерти нет. При этом мотивы действий и персонажа, и реальной женщины совпадают: и та, и другая решаются на соблазнение посла с целью получить в качестве награды от КГБ квартиру.

В-третьих, собственную роль Ю.В. Кротков в описываемых событиях предлагает читателю, зрителю таким образом, чтобы она представлялась незначительной. Персонаж, прототипом которого послужил автор, носит имя Юлий Долгоруков, это внесценический персонаж. Из девяти упоминаний в пьесе восемь раз его имя произносит генерал Быстров, один раз – посол Рабле.

Ю.В. Кротков не раз помогал КГБ проводить операции, подобные описанной. Он подыскивал женщин, как правило актрис, балерин, знакомил их с иностранцами, проводил в Москве вечеринки для таких встреч, а потом собирал информацию, передавал ее в КГБ. Исследователи пишут, что Ю.В. Кротков работал увлеченно, страстно: «С момента окончания войны он попытался завлечь в свои ловушки довольно внушительное количество иностранных дипломатов и журналистов из таких стран, как США, Австралия, Великобритания, Канада, Франция, Индия, Мексика, Пакистан и Югославия» [3, с. 237]. В 1956 году драматург получил задание от Л.П. Кунавина – сделать все возможное, чтобы посол Франции М. Дежан начал сотрудничать с советскими спецслужбами. Ю.В. Кротков стал ухаживать за женой М. Дежана мадам Мари-Клэр. Зная, что француз падок на женщин, генерал О.М. Грибанов, полковник Л.П. Кунавин и Ю.В. Кротков подыскивали подходящую женщину на роль любовницы посла, в конце концов выбор пал на Л.И. Кронберг-Соболевскую.

Ю.В. Кротков приложил максимум усилий для того, чтобы познакомить М. Дежана с советской актрисой, для того, чтобы их отношения сделались максимально близкими. Незначительная «внесценичность» роли Долгорукова в пьесе контрастирует с емкой характеристикой, данной ему генералом Быстрым в разговоре с Ярецкой о заключительной фазе операции: «Все должно быть естественно... и в срок. Об этом я скажу еще Долгорукову. Он будет дирижером (выделено мной. – Е.М.). Вы его слушайте, Валя. Он человек умный, опытный, скоро вот уже двадцать лет, как помогает нам, будучи известным советским сценаристом» [4, с. 285].

Меняя финал истории, устраняя свою фигуру из разворачивающегося действия, давая своему герою лестную характеристику, Ю.В. Кротков стремится мифологизировать собственную биографию, снять с себя ответственность за произошедшее.

К тому же выводу подталкивает избранный Ю.В. Кротковым для воплощения творческого замысла род литературы – драма, хотя в его творческом наследии множество эпических текстов. Драма, по сравнению с остальными родами литературы, предполагает максимальную степень авторской невовлеченности в произведение. Более того, жанр комедии, к которому волей автора приписана пьеса «Наполеон и Акула», призван указать на однозначную «несерьезность» происшествий.

Разведчик, шпион для выполнения своих обязанностей вынужден находиться в ситуации отсутствия тождества предъявляемого им самим образа и подразумеваемого, скрываемого. Ю.В. Кротков заостряет эту ситуацию, показывая двуличность персонажей и в обыденной жизни. Быстров обращается к Ярецкой, когда та начинает говорить о своей порядочности: «Позвольте напомнить вам, что вы все же *не* барышня. Я думаю, барышни не играют ночи напролет в покер и преферанс с толстосумами из промкооперации. А вы с киноактрисой Ноной Крымовой этим занимаетесь регулярно. Барышни не ломают семейную жизнь сценаристу Ардову, актеру Бондаренко, оператору Хмылю почти одновременно» [4, с. 284]. Возникает своеобразно поданная металитературная ситуация, когда перед читателем предстают персонажи, которые разыгрывают неких других «персонажей». В пьесе Мартиросян указывает Литошкиной, по приказу КГБ выдающей себя за жену Кружилина, которого изображает Быстров: «...все наши женщины во Втором Главном завидуют вам. Говорят, шикарно устроилась. Днем майор гос. безопасности, сотрудник генерала Быстрова, а вечером – его *липовая* жена. Веселая жизнь» [4, с. 316]. Литошкина парирует: «Я сына уже сколько времени почти не вижу. Да и не так просто быть *липовой* женой... Ведь *игре* конца не видно. Это надолго, если даже сегодняшняя операция удалась» [4, с. 316].

Неслучайно два ключевых эпизода «Наполеона и Акулы» представляют собой спектакль внутри спектакля. Почти все первое действие (примечательно открывающееся шахматной партией) посвящено подготовке к заманиванию посла Рабле в «медовую ловушку», расписываются роли, обязанности, действия участников. Само это событие произойдет во втором действии. В третьем действии Рабле вновь становится объектом обмана, его пытается завербовать генерал Быстров, выдающий себя за «ответственного работника Совета Министров». Он характеризует свою работу с французом так: «Без угроз, без ссор, на одних подтекстах. По системе Станиславского» [4, с. 317]. Однако и в том, и в другом

случае главным «режиссером» оказывается Рабле. Разгадав планы КГБ, посол разыгрывает свое представление – использует контакты с высокопоставленным советским офицером в собственных целях, о чем читатель узнает только в эпилоге пьесы.

Пьесу можно рассматривать как реализацию (хотя бы частичную) раннего проекта. После завершения операции Л.Н. Мелкумов предложил Ю.В. Кроткову использовать свой писательский талант и создать текст с описанием от начала до конца всего произошедшего, что стало бы учебным пособием для студентов Высшей школы КГБ. Позже спецслужбы передумали, поскольку такой «учебник», содержащий подробности вербовки французского посла, мог попасть на Запад через возможных студентов-перебежчиков [9, р. 97]. Этот биографический момент, привносящий вновь металитературную корректировку, находит воплощение в тексте. Квартира, где происходит соблазнение посла Рабле, оборудована микрофонами, у КГБ есть возможность вести запись. На вопрос одного из офицеров, включать ли магнитофон, Быстров отвечает: «Давай. Будет лента для *потомства*» [4, с. 290]. Сначала зритель будет только слышать то, что происходит в той самой квартире, только затем, согласно ремарке, сценический круг повернется, и появится часть комнаты с Рабле и Зарецкой. Параллельно с этим подслушивающие сотрудники КГБ будут комментировать игру Зарецкой.

Пьесу «Наполеон и Акула» можно рассматривать, в том числе, как отражение литературного поединка. Руководитель операции по вербовке посла Франции генерал О.М. Грибанов под псевдонимом О. Шмелев опубликовал несколько романов шпионской тематики. Самый известный из них «Ошибка резидента» (в соавторстве с В. Востоковым) появился до публикации пьесы Ю.В. Кроткова, в 1966 году [8], в 1968 году по роману был снят одноименный фильм (режиссер В.Д. Дорман).

В романе показана борьба органов безопасности с иностранными шпионами на территории СССР. Ю.В. Кротков выстраивает пьесу словно бы по контрасту с произведением своего бывшего начальника. Представители КГБ на страницах «Ошибки резидента» выглядят образцами для подражания, воплощением всех положительных качеств. Если в «Наполеоне и Акуле» контрразведка СССР оказывается объектом манипуляции со стороны западных спецслужб, то в этом тексте КГБ манипулирует капиталистической разведкой. В центре повествования – судьба иностранного шпиона Михаила Тульева, тайно перешедшего на службу в КГБ и продолжающего работу уже в качестве двойного агента.

Одна из событийных линий «Ошибки резидента» связана с советским молодым ученым Владимиром Борковым, работающим над секретными военными проектами. Во время деловой поездки

в Брюссель он, словно бы повторяя судьбу и Дежана, и Рабле, попадает в «медовую ловушку». Используя компрометирующие Боркова фотографии, иностранная разведка начинает его шантажировать. Молодой кандидат наук вступает в сговор с противником. Сюжетная ситуация схожа с «Наполеоном и Акулой» и тем, что обманщики сами окажутся обманутыми. Все действия В. Боркова, он же лейтенант В. Кустов, связаны с выполнением специального задания по разоблачению шпионской сети. Итак, Ю.В. Кротков, писатель-эмигрант, враг советской власти, использует в пьесе типологически схожий эпизод, но расставит акценты противоположным образом: обманутыми окажутся работники КГБ. У Ю.В. Кроткова, в отличие от О.М. Грибанова, советские граждане никогда победителями не являются.

У Ю.В. Кроткова есть дополнительная «фига в кармане». В «Наполеоне и Акуле» цель всей игры Рабле, выполняющего задание Франции, состоит в вовлечении СССР в европейское содружество: «Я глубоко уверен, господин Президент, что в результате ваших усилий мы заставим СССР войти в европейское содружество, которое будет простираться от Атлантики до Урала» [4, с. 321]. Выигрыш посла в партии с КГБ должен привести по сюжету пьесы к достижению именно этой цели. Долгое время единственным таким содружеством была Организация Североатлантического договора, или НАТО, основанная в 1949 году. Разумеется, в реальности цель достигнута не была. Вместе с тем Ю.В. Кротков не мог не знать, что через несколько лет после описываемых в пьесе событий и за шесть лет до ее публикации (в 1966 году) сама Франция, которая является одной из стран-основательниц Альянса, покинет военные структуры НАТО, принимая участие только в работе политических структур. Весомую роль в выводе Франции из военного альянса сыграли советы друга президента де Голля, бывшего посла в СССР М. Дежана [1, с. 9], который, как было указано выше, послужил прототипом героя пьесы – посла Рабле.

Библиографический список

1. Атаманенко И.Г. КГБ. Последний аргумент. – М.: Вече, 2012. – 288 с.
2. Биографии авторов «Нового колокола» // Новый колокол. – Лондон, 1972. – С. 465–478.
3. Вольтон Т. КГБ во Франции. – М.: Центрполиграф, 2000. – 475 с. – С. 237.
4. Кротков Ю. Наполеон и Акула // Новый колокол. – Лондон, 1972. – С. 276–323.
5. Русская литература в эмиграции / ред. Н.П. Полторацкий: сб. статей. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. – 414 с.
6. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920–1980 / сост. Т.Л. Гладкова,

Д.В. Громб, Е.М. Кармазин и др.; ред. Т.Л. Гладкова, Т.А. Осоргина: сводный указатель статей. – Р.: Institut d'études slaves, 1988. – 664 с.

7. Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1981–1995 / сост. О.Т. Бигар, Т.Л. Гладкова, Д.В. Громб и др.; ред. Т.Л. Гладкова, Т.А. Осоргина: сводный указатель статей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-

СПЭН), 2005. – 348 с.

8. Шмелев О., Востоков В. Ошибка резидента. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 288 с.

9. Testimony of George Karlin [Yuri Krotkov]: Hearings Before the United States Senate Committee on the Judiciary ... on Nov. 3–5, 1969. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1970. – 258 p.

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

Крюков Александр Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
krukovx@mail.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ АВТОРА И ГЕРОЯ В ПРОЗЕ ЮРИЯ ФЕЛЬЗЕНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «НЕРАВЕНСТВО»)

В данной статье рассказ «Неравенство» Юрия Фельзена рассматривается в аспекте проблемы соотношения автора и героя, решение которой позволит найти ключ к пониманию не только художественного мира названного автора, но и феномена младоэмигрантской литературы в целом.

В статье оспаривается точка зрения критиков-эмигрантов 1930-х годов, уравнивавших Ю. Фельзена с его героями-рассказчиками. Такой взгляд на повествовательную манеру Фельзена был мотивирован ошибочным убеждением в том, что писатель лишь переносил на бумагу собственные переживания и впечатления, приписывая их вымышленному персонажу. Кроме того, критики явно преувеличивали влияние на Фельзена творчества М. Пруста.

В работе доказывается, что главное отклонение от прустовской традиции повествования в рассказе «Неравенство» выражается в том, что в нём присутствует не один, а два рассказчика. В статье подчёркивается, что персонажи-рассказчики являются лицами разного пола, поэтому при всём желании достаточно проблематичным становится однозначное отождествление автора и персонажа. В исследовании делается вывод о том, что герой и героиня, играя роль рассказчиков, представляют свои персональные ценностные позиции, которые не равны авторской, но проистекают из неё.

В статье рассказ Фельзена «Неравенство» оценивается в итоге как творческая апробация повествовательной стратегии, реализованной в масштабном прозаическом цикле «Повторение пройденного». Он рассматривается как своеобразный художественный эскиз, предсказывающий образную систему и особенности поэтики романов «Обман» и «Счастье», входящих в упомянутый цикл.

Ключевые слова: Ю. Фельзен, автор, герой, рассказчик, повествование.

В литературной критике русской эмиграции 1930–1940-х годов Юрий Фельзен часто сравнивался с Марселем Прустом, автором модернистского *magnum opus* «В поисках утраченного времени». Критики Фельзена, как и критики Пруста, часто пытались отождествить автора и героя в анализируемых художественных произведениях, апеллируя к сходству реальной биографии автора и вымышленной биографии персонажа. В случае с «Поисками...» литературоведы и критики начнут различать героя (Марселя) и автора-творца (Пруста) ближе к середине XX века, когда придёт осознание того, что «<...> “я” в романах Павезе не идентично самому писателю, как Марсель в “Поисках утраченного времени” не идентичен Прусту, а К. в “Процессе” и “Замке” – Кафке» [6, с. 52].

Подобное отождествление образов автора и героя фельзеновской прозы было обусловлено тем, что творчество Фельзена воспринималось критиками в контексте эстетических исканий кружка писателей (Г.И. Газданов, Б.Ю. Поплавский, В.С. Яновский и др.), группировавшихся вокруг журнала «Числа» и делавших сознательную установку на документальность в литературе. С творчеством Марселя Пруста Юрия Фельзена типологически

сближает ещё один факт: как и французский «коллега по цеху», он воспринимал своё творчество не в виде отдельных произведений, а как единый текст. Лишь некоторые близкие знакомые Фельзена знали, что большая часть написанного им, как и у Пруста, представляет собой не отдельные произведения, а целостный литературный цикл под названием «Повторение пройденного» [10, с. 224].

Когда вышел в свет роман Фельзена «Обман» (1930), первое крупное произведение задуманного цикла, критики откликнулись на его появление не только краткими рецензиями, но и серьёзными разборами. Между тем многие отзывы содержали не только тончайшие и точнейшие наблюдения, но и одно знаменательное заблуждение: неразличение автора и героя. Так, П. Пильский в своей рецензии на «Обман» утверждал следующее: «Кто-то ходит в наглухо застегнутом тесном пиджаке, – все равно кто, – *герой или автор*» (здесь и далее курсив мой. – А.К.) [5, с. 276]. А Г.В. Адамович в своём отзыве, говоря о прозе Фельзена, скептически заключил слово «герой» в кавычки [1, с. 22]. Другими словами, мы наблюдаем синкретичное понимание авторства литературного произведения. При таком подходе не только не разделяются автор как носитель концеп-

ции произведения и герой как действующее лицо, но и уравниваются биографический автор-творец и рассказчик.

Итак, эмигрантская литературная критика начала 1930-х годов не учитывала многоплановости выражения художественного мышления Ю. Фельзена, не осознавала сложной диалектической связи авторского сознания и сознания его героев. Этим мотивируется наше обращение к проблеме соотношения автора-творца и героя-рассказчика в фельзеновской прозе. Решение этой проблемы позволит найти ключ к пониманию не только художественного мира названного писателя, но и феномена младоэмигрантской литературы в целом.

Представляется необходимым раскрыть специфику повествовательной манеры Фельзена, опираясь на современные изыскания и теоретические достижения отечественных литературоведов. В частности, методологическим импульсом наших размышлений станет следующее высказывание В.И. Тютю: «С последовательно эстетической точки зрения ни одно слово художественного текста не следует соотносить с личностью писателя непосредственно. “От себя” писатель высказывается лишь в текстах, лишенных художественности» [7, с. 161].

Чтобы подойти к пониманию генезиса повествовательной стратегии прозы Юрия Фельзена, в данной статье мы обратимся не к первым произведениям цикла «Повторение пройденного», в которых поэтика предстала уже более или менее сформированной, а к рассказу «Неравенство», непосредственно предворявшему цикл. «Неравенство», вышедшее в первой книжке альманаха «Числа» в 1930 году, стало последним в череде рассказов, печатаемых Фельзеном с 1926 года и не входящих в «Повторение пройденного». В то же время рассказ «Неравенство» стал переломным моментом в творчестве писателя, очевидно подготовив его первое произведение крупной формы, открывающее цикл «Повторение пройденного», – роман «Обман».

Именитые критики того времени, такие как В.Ф. Ходасевич и Г.В. Адамович, реагировали, скорее, на прозу Фельзена в целом, чем на сам рассказ. Стиль «Неравенства» рецензенты признавали новаторским и, конечно же, инспирированным М. Прустом. Кроме того, этот рассказ рассматривался как произведение, только иллюстрирующее эстетику «Чисел» и звучащее в его «литературном ансамбле». А сам Фельзен характеризовался как участник некоего «творческого дуэта», в который включался его коллега по сборнику Г.И. Газданов. Вот как откликнулся на альманах «Числа», в первом выпуске которого вышел рассказ, Ходасевич в газете «Возрождение»: «Для “Чисел” как новой группы важнее, что вещи Фельзена и Газданова звучат ново и согласованно. Казалось бы, вот и зародыш

нового направления. Но если эта новизна и нова, то разве для русского слуха, и то, что объединяет Газданова с Фельзеном, не ими добыто: оба автора просто под влиянием Пруста. Лично для них в том беде нет никакой: оба молоды, оба учатся, Пруст – учитель, как всякий другой» [9, с. 3].

Главное отклонение от прустовской традиции повествования в рассказе «Неравенство» выражается в том, что в нём присутствует не один, а два рассказчика. Причём это – единственное произведение Фельзена, где задействована «двухголосная» повествовательная модель. Кроме того, персонажи-рассказчики являются лицами разного пола, поэтому при всём желании довольно проблематичным становится однозначное отождествление автора и персонажа. Несмотря на то что названный рассказ не входит в «Повторение пройденного», его анализ проливает свет на особенности поэтики произведений, входящих в основной цикл, потому что рассказы-сателлиты, подобные «Неравенству», рассматривались Фельзеном, по всей видимости, как некая проба пера, экспериментальная площадка для апробации эстетических идей. Публикатор и главный исследователь творчества Фельзена Леонид Ливак считает, что подобные «произведения даже послужили испытательным полигоном для сюжетного и философского развития “романа с писателем”» [4, с. 5].

Композиционная структура рассказа «Неравенство» двуслойна и практически симметрична: произведение включает в себя три части записок Ольги Муравьевой об Андрее Завидовском, перемежающиеся тремя письмами последнего. В рассказе присутствуют два конфликта, назовём их условно «социально-бытовой» и «творческий». Социально-бытовой конфликт заключается в «материальном неравенстве» героев. Ольга много работает, мало зарабатывает и плохо живёт, к тому же не одна, а со своей мамой. Андрей же, напротив, не работает совсем, живёт один и получает деньги от богатого дядюшки. Данная ситуация материального «неравенства» порождает недомолвки между героями и скрытую агрессию со стороны Ольги. Для того чтобы разрешить этот конфликт, в конце рассказа Андрей предлагает Ольге заключить с ним фиктивный брак, чтобы после его кончины (Андрей предлагает это практически при смерти) она получила приличные средства к существованию. Социально-бытовой конфликт переплетается со вторым конфликтом произведения – творческим. Творческий конфликт заключается в том, что Андрей не признаёт за Ольгой права называть то, что она пишет, настоящей литературой, хотя знакомые литераторы одобряют её творчество: «Другая причина теперешней отчужденности – главная – в моем новом доверии к себе, легко объяснимом: я попала в настоящий хороший круг, сразу была принята как своя и – не хочу скромничать – расхвалена выше

ожиданий. <...> И вот я, его бессловесная ученица, добилась этого “одобрения”, и “сведущие люди” за меня» [8, с. 155].

Андрей, по мнению Ольги, представляет тип подлинного писателя. Даже внешность героя воспринимается ею как облик художественно одарённой личности. Портретная характеристика Андрея дана в рассказе с точки зрения героини: «У него медлительные, немного картинные манеры, и этим еще усилено несомненное впечатление одухотворенности и породы. Я когда-то смеялась: если Андрею взбить локоны, он будет похож на поэта в кружевах со старой английской гравюры <...>» [8, с. 161]. С другой стороны, Ольга угадывает талант писателя в самом стиле писем Андрея. В своём первом письме, помещённом после первой части записок Ольги, Андрей пишет о вечерних романтических сценах в кафе, выстраивая ироническую типологию посетителей кафе. Поэтому письмо представляет собой не просто репортажно-хроникёрское описание, а по-писательски «цепкий» анализ, изобилующий значимыми деталями, позволяющими разгадать психологию людей: «В Париже много таких полупровинциальных кафе, и в них в это время – скоро шесть – у столиков сидят чьи-то подруги и жены и ждут. Сейчас появятся – из контор и банков – мужчины, и у каждой в глазах будет довольное и гордое: “c’est mon homme”» [8, с. 156].

В процессе творческого общения с Андреем Ольга, напротив, находится в позиции писателя-ученика, который ищет внимания и признания у наставника, при этом слегка ему завидуя. Лишь в финале рассказа Ольга осознает причину их с Андреем творческого «неравенства». Причина эта заключалась в предчувствии героем своей близкой смерти. Именно поэтому Андрей воспринимал весь мир совершенно по-иному, весьма обострённо: он точнее подмечал детали и проницательнее видел причины происходящего вокруг него. Об этом свидетельствуют все его письма, где он пытается постичь и описать универсальные законы бытия, выведенные им из наблюдения, казалось бы, мелких ежедневных событий. В итоге Ольга, осознав, что Андрей скоро умрёт, понимает, что чувство близости смерти, позволяющее совершенно по-другому увидеть мир вокруг себя, в её душе только «начинается и будет расти» [8, с. 171]. Важно то, что художественно воплощённый в рассказе «Неравенство» «творческий конфликт» выходит у Фельзена на уровень экзистенциального осмысления.

Итак, наличие двух рассказчиков мешает однозначно идентифицировать кого-либо из них с автором. Если в следующем произведении Фельзена, в романе «Обман», в образе молодого писателя-эмигранта Володи, выполняющего роль рассказчика, можно было найти общие с автором черты, то

в «Неравенстве» подобная «генеалогическая» линия не может быть прочерчена. И всё-таки в рассказе проявляются переклички с будущими произведениями из «Повторения пройденного». Во-первых, Ольга называет Андрея нетипичными уменьшительно-ласкательными формами имени: Аля и Алек. Точно так же будет поступать протагонист в цикле, называя свою Елену Лёлей. Во-вторых, в рассказе подчёркивается некая «женскость» Андрея. Например: «его *не мужская белокурая хрупкость, ленивые, узкие, чересчур выхоленные* руки или манера при всех подолгу лежать, с закрытыми глазами, с выражением какой-то неестественно усталости» [8, с. 154]. Или: «у Андрея необыкновенная внешность: благородный овал, остро-узкий, но смягченный сияющей прозрачностью кожи, *чем-то от белокурой девочки*, высокая тонкая шея, трогательно – *не по-мужски* – нежная, и бледно-голубые, неподвижные, не выпускающие глаза» [8, с. 161]. Это позволяет нам предположить, что Андрей и Ольга стали предшественниками главных героя и героини цикла «Повторение пройденного». Роль по-писательски препарирующего отношения аналитика Ольга «делегировала» Володе, а роль непредсказуемого, подверженного эмоциональным импульсам существа Андрей «передал» Лёле.

И позицию Ольги, выраженную в записках, и позицию Андрея, обозначенную в письмах, объединяет и организует некое сознание более высокого порядка, а именно – автор-творец. Он разрывает цельный текст записок письмами в соответствии с событийной хронологией. Сопологая повествовательные партии персонажей таким образом, автор-творец словно подсвечивает для нас детали взаимоотношений, которых не замечают Ольга с Андреем. Именно акт подобного соположения и представляет собой пример эстетической организации художественного целого, след активности автора-творца. Заслуживает доверия следующее замечание Б.О. Кормана: «<...> автор непосредственно не входит в текст. Он опосредован прежде всего субъектными формами выражения авторского сознания» [2, с. 234].

Такой способ организации текста, подобный опробованному в рассказе «Неравенство», мы встретим в произведениях, составляющих цикл «Повторение пройденного». Несмотря на то что в них читателю представлен лишь один рассказчик, речь которого опосредована дневниками и письмами, эстетическая воля автора-творца, тем не менее, ощущается. Б.О. Корман считал, что первичная повествовательная инстанция (первичный субъект речи, рассказчик) в тексте может быть не только субъектом, но и объектом изображения. Такая ситуация достигается благодаря индивидуализации речи рассказчика, вследствие чего он «<...> со своей речевой манерой, словечками,

выражениями, интонациями» [3, с. 181] становится объектом сознания автора-творца (в терминологии Кормана «концептированного автора»). Именно поэтому в романах «Обман» и «Счастье», во многом «подготовленных» рассказом «Неравенство», дневниковые записи героев воспринимаются как кем-то осуществлённая выборка. Да и «эпистолярные тексты», из которых составлен роман «Письма о Лермонтове», представлены не все, а лишь с пятого по тринадцатое. Причём сама нумерация принадлежит не рассказчику, а является паратекстом – ещё одним индигиальным знаком авторского присутствия. Мы читаем не просто всё, что было написано Володей, а воспринимаем некий дайджест написанного им. Мы слышим один голос, который говорит, но мы чувствуем, что над этим голосом есть ещё одно, более высокое сознание, которое хранит эстетически значимое молчание, оттеняя позицию героя и показывая нам его стереоскопично. Этим более высоким сознанием, в кругозор которого включены все элементы произведения, и является автор-творец.

В итоге мы приходим к выводу о том, что в рассказе «Неравенство» персонажи-рассказчики представляют лишь свои персональные ценностные позиции, которые не равны авторской, но проистекают из неё. Авторское мироотношение и мировоззрение проявляются вследствие соположения этих позиций. Подобным образом и в последующих произведениях, входящих в «роман с писателем», позиция единственного рассказчика Володи ни в коем случае не совпадает с авторской, а объёмляется авторским сознанием во всей её полноте. Таким образом, в рассказе «Неравенство» биографический автор – это Юрий Фельзен со своим собственным взглядом на литературу, выраженным в литературно-критических статьях; автор-творец – носитель концепции произведения, сверхсубъект сознания внутри текста, целокупно объёмлющий жизненный путь протагониста; рассказчики – писатель Андрей и его подруга, начинающая писательница

Ольга, которым Фельзен доверяет некоторые свои мысли и взгляды, в то же время не идентифицируя их с собой.

Библиографический список

1. *Адамович Г.В.* Нобелевская премия. – «Обман» Юрия Фельзена. – «Современные записки». – О Льве Толстом // Иллюстрированная Россия. – 1930. – № 48 (289). – С. 22.
2. *Корман Б.О.* Введение <ко 2-му изданию «Лирики Некрасова»> // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – С. 227–237.
3. *Корман Б.О.* Заметки о точке зрения // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2008. – С. 180–185.
4. *Ливак Л.* «Роман с писателем» Юрия Фельзена // Фельзен Юрий. Собрание сочинений: в 2 т. – Т. 1 / сост., подг. текста, вст. статья и примеч. Л. Ливака. – М.: Водолей, 2012. – С. 3–44.
5. *Пильский П.М.* Юрий Фельзен. Обман // Числа. – 1930. – № 4. – С. 267–269.
6. *Сонтаг С.* Художник как пример мученика // Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – С. 50–59.
7. *Тюпа В.И.* Анализ художественного текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.
8. Фельзен Ю. Неравенство // Фельзен Юрий. Собрание сочинений: в 2 т. – Т. 2 / сост., подг. текста, вст. статья и примеч. Л. Ливака. – М.: Водолей, 2012. – С. 153–171.
9. Ходасевич В.Ф. Летучие листы. «Числа» [№ 1] // Возрождение. – 1930. – 27 марта. – С. 3.
10. Яновский В.С. Поля Елисейские: книга памяти // Яновский В.С. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. По ту сторону времени. Поля Елисейские: книга памяти. – М.: Гудьял-Пресс, 2000. – С. 187–432.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ М. ЕЛИЗАРОВА «МУЛЬТИКИ»

Статья посвящена анализу советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики» (2010). В работе применяется комплексный метод исследования, соединяющий в себе дискурсивный, культурно-исторический, структурно-семантический и концептуальный подходы к изучению текста. Советский дискурс рассматривается не с социально-политического ракурса, а через культурологический код, который реализуется в романе в рамках противостояния двух жанров: школьной повести и романа воспитания. Каждый из жанров выражает определённый тип реальности. Школьная повесть символизирует ситуацию постсоветского идеологического провала, а роман воспитания репрезентирует идеализированную советскую эпоху и вызывает к жизни ключевую социалистическую дихотомию стихийного и сознательного начал. Ключевым воплощением постсоветской реальности становится банда малолетних преступников, куда входит и Герман Рымбаев, главный герой романа. Основным транслятором советских ценностей оказывается Детская комната милиции № 7 на улице Пролетарская, 3. Эзотерический контекст (пушкинский код, сакральные знания педагогов) позволяет столкнуть два литературных жанра и заставить их взаимодействовать между собой. Это взаимодействие двух разнородных жанров и двух типов реальности объясняет множественные сцены насилия в книге. Жанровая стратегия романа воспитания заостряется до предела. Главный герой перевоспитывается и достигает воплощённой сознательности. Итогом столкновения школьной повести и романа воспитания оказывается культурно-символическая ремифологизация советского дискурса и обновление системы советских мифов.

Ключевые слова: М. Елизаров, роман «Мультики», советский дискурс, культурное воображаемое, постсоветское, школьная повесть, роман воспитания, ремифологизация.

Советская тематика, актуальная для всего творчества М. Елизарова, получает раскрытие и в «Мультиках» (2010), третьем по счёту романе прозаика. В произведении прослеживаются черты двух известных жанров – школьной повести и романа воспитания. Определённо подвергнутые писательской рефлексии, они имеют функциональное назначение, заключающееся в том, чтобы представить две модели реальности: феномен советского вступает в напряжённые отношения с постсоветским временем. В системе «Мультиков» школьная повесть призвана репрезентировать постсоветскую действительность, тогда как роману воспитания вменяется трансляция советских ценностей. Иными словами, традиционное для елизаровской прозы столкновение советского и постсоветского изображается посредством столкновения двух жанров с их пересекающимися и исключительными особенностями.

Когда мы говорим о школьной повести в связи с «Мультиками», то имеем в виду прежде всего образцы жанра 1970-х – 1980-х годов. С произведениями А. Алексина, В. Железникова, В. Тендрякова, Ю. Полякова, Г. Щербаковой роман М. Елизарова роднит ряд типологических черт, в частности непреодолимая дисгармония отношений между детьми и родителями, а также между учениками и учителями. В отличие от молодёжной прозы шестидесятников, где конфликт разрешается за счёт утопии теплой мифологии, в школьной повести доперестроечных годов усиливается социальный подтекст и подспудно отмечается ситуация идеологического провала, когда отсутствие убедительной объединяющей идеи ведёт к отчуждению и разобщению. Система среднего образования не справляется с со-

циализацией ребёнка по двум причинам: во-первых, сами учителя не понимают, как теперь воспитывать детей, во-вторых, сами дети не видят необходимости в усвоении общепринятых норм.

В разной степени перечисленные особенности свойственны и роману М. Елизарова, причём социальный подтекст в нём звучит громче, поскольку действие в «Мультиках» разворачивается в конце восьмидесятых годов. Приметы школьной повести в «Мультиках» явственно присутствуют в первой трети романа, когда описываются события, предшествующие задержанию Германа Рымбаева, главного героя, и показу диафильма «К новой жизни!» в Детской комнате милиции. Герман с родителями переезжает из маленького Краснославска в крупный промышленный город. Там он идёт в новую школу и связывается с подростковой группировкой. Уличная жизнь затягивает Рымбаева: он начинает выпивать и курить, с новыми приятелями отбирает мелочь у школьников, организует с приятелями порнографический промысел.

Школьные будни не подвергаются подробному описанию. Из рассказа Рымбаева мы узнаём, что в школе его избегают, но проникаются безмолвным уважением к его силе. Учителя и одноклассники главного героя наделены предельно типизированными чертами, позволяющими разглядеть в них традиционных представителей школьной мифологии: Галина Аркадьевна – лишённый такта педагог-конъюнктурщик, Алфёров – баловень судьбы с раздутым самомнением, Новикова – недалёкая и изнеженная красавица, Лившиц – самодостаточный талант с лёгкими признаками аутизма. Никто из них не побуждает Рымбаева свернуть с кривой дорожки, а школа предстаёт микромоделью пост-

советского общества с непоправимо расшатанными устоями.

На примере «Мультиков» наблюдается привычное для школьной повести отдаление главного героя от классного коллектива и от семьи. Герой прямо заявляет о «духовной дистанции», которая возникла между ним и его родителями. Дистанция зримей всего проявляется в сцене, когда неловкие, по мнению подростка, родительские действия в метро заставляют сына краснеть от стыда за отца и мать [4, с. 62]. Вместе с тем отдаление от семьи в романе М. Елизарова получает нестандартную для школьной повести мотивировку. Ослабленный надзор за сыном объясняется смещением внимания на грядущую политическую катастрофу, затмившую семейные неурядицы. Рассказчик отмечает, что родители шепчутся «о Горбачёве, академике Абалкине, кооперативах» [4, с. 61].

Рубежная эпоха с ситуацией идеологического провала, на фоне которой разворачиваются злоключения центрального персонажа, обрисовывается в тексте ярко. Хотя и наибольшая часть событий происходит до распада СССР, в 1988–1989 годах, М. Елизаров наполняет пространство крупного промышленного города деталями, которые вызывают ассоциации скорее с постсоветской реальностью, чем с поздним советским периодом. В школе царит произвол; бизнес делят между собой криминальные структуры; повсюду функционируют видеосалоны, где показывают боевики и эротику; рынок наводнён электроникой по самым разным ценам; в ходу стилистически маркированные этнонимы вроде «хач» и «чурка», ассоциирующиеся с эпохой 90-х годов [4, с. 65, 80]. У Германа проходит ностальгия по маленькому уютному Краснославску, символизирующему целостность мировосприятия. Школа, утратившая воспитательное назначение, фиксирует слом между эпохами и служит своего рода гарантией невозврата к безоблачному прошлому.

Символический потенциал разрешения постсоветских противоречий заключает в себе жанр романа воспитания. Говоря о нём, необходимо отделить друг от друга две его версии: классическую и соцреалистическую. Зародившись в 20-х годах XIX века, наибольшего расцвета роман воспитания достигает в Германии и Англии. Е. Краснощёкова выделяет приметы романа воспитания, свойственные и западноевропейским литературам и русской традиции: моноцентричность; густая населённость персонажами, каждый из которых по-своему обращён к главному герою; чётко прописанная авторами стадильность пути молодого человека к зрелости [6, с. 14–17].

Эти черты обнаруживаются и в советском романе воспитания, однако в нём они подвергаются трансформации. Если не принимать во внимание идеологические надстройки, то главным разли-

чием между классическим романом воспитания и его советским вариантом видится итог исканий главного героя. В традиционной версии его дорога завершается «рождением баланса между желаниями сердца и требованиями ума» [6, с. 16]. Такое сочетание сенсительного и интеллигентного не наблюдается в соцреалистической художественной системе. В ней, как неоднократно отмечала К. Кларк, имеет место строго направленное движение от стихийного к сознательному, от одного полюса к другому. В рамках советского романа воспитания два полюса на начало повествования представляют главный герой и его наставник, символический отец, ведущий своего подопечного от метафорической тьмы к свету, от стихийного к сознательному [5].

Кроме того, влияние на Германа криминальной среды заставляет проследить генетическую связь «Мультиков» с произведениями детской литературы 20-х годов XX века, где герои также подпадают под обаяние воровского мира с его драконовскими законами¹.

Как и в «Библиотекаре»², советский дискурс получает выражение не через социально-политический, а через символический план. В роман воспитания также вводится эзотерический компонент, успешно выполняющий функцию реабилитации советского дискурса. Если в романе о громовском Семикнижии тайными сведениями прирастают читатели безвестного пролетарского прозаика, то в «Мультиках» эзотеризация раскрывается через хронотоп Детской комнаты милиции №7. Её сотрудники обладают сакральным знанием, как воспитывать порядочных советских людей. В тексте неоднократно обращается внимание на исключительный статус Детской комнаты милиции. Говоря о ней, автор всегда употребляет заглавную букву, тем самым отграничивая от остальных детских комнат милиции. Находится Детская комната милиции № 7 в старом особняке на Пролетарской, 3, причём это единственное дореволюционное здание посреди новоделов-многоэтажек и единственное строение на улице Пролетарской вообще.

Особенное положение Детской комнаты, закреплённое в её пространственной исключительности, получает предельное заострение в хронологическом статусе воспитательного заведения. М. Елизаров фиксирует ситуацию выпадения из исторического контекста: Детская комната продолжает работать в конце восьмидесятых, несмотря на то что остальные детские комнаты милиции упразднили в 1977 году.

Эзотеризация усиливается за счёт кода «Пиковой дамы» и символики лабиринта. Аллюзия на пушкинскую повесть появляется уже в том эпизоде романа, где Рымбаев с уличными друзьями отмечает день рождения Козуба. Лысый дарит имениннику колоду порнографических карт. На «Пиковую

даму» косвенно указывает не только мотив карточной игры, но и переключка имени центрального персонажа елизаровского романа с фамилией героя пушкинской повести. Сам пушкинский код подвергается декодированию: в противовес принципу случайности, определяющему сюжет «Пиковой дамы», в «Мультиках» торжествует закономерность. На Наташу Новикову до крайности похожа Таня Санжеева из диафильма «К новой жизни!», увиденного Рымбаевым в Детской комнате милиции. Санжееву убивают жуткой смертью, и при просмотре диафильма у Германа появляется иррациональная уверенность, что Наташа обречена. Предчувствие сбывается: в финале произведения мы узнаём, что Новикова и Алфёров трагически погибают в автокатастрофе. Таким образом, в произведении звучит мотив предопределённости.

В хронотопе Детской комнаты милиции узнаются приметы лабиринта. Особняк по адресу Пролетарская, 3, словно объятый окружающей его девятиэтажной высотой, производит впечатление сооружения, полного загадок и тайных ходов. Символика лабиринта задействуется автором не случайно: во многих культурах, включая древнеегипетскую и древнегреческую, блуждание по лабиринту – распространённая форма инициации, посвящения в тайное знание. Знаковая модель заранее подсказывает читателю, что задержание Германа – это не очередное испытание, а решающий момент в его судьбе.

Способом инициации для всех малолетних преступников оказывается просмотр диафильма, то есть мультиков, сопровождающийся рассказом педагога. Назначение мультиков в том, что они, как это будет показано ниже, выступают символическим воплощением советского дискурса. Жанр диафильма своим нарочитым отказом от жизнеподобия усиливает метафорический потенциал произведения. Немаловажно, что при просмотре дети вынуждены сидеть в неудобных позах, будто сжимаясь в размерах, отчего кажутся ещё меньше и пассивнее на фоне мудрых и всеведущих мозгоправов-взрослых, обладающих неограниченными наставническими полномочиями³. Поза, похожая на положение эмбриона, в некоторой степени приравнивает инициацию подростков к их символическому рождению.

Боевая педагогика воспитателей из Детской комнаты милиции противостоит «упаднической» книжной педагогике. Сотрудники Детской комнаты обладают тайным умением выправлять искорёженные детские судьбы и наставлять трудных подростков на истинный путь, тогда как учителя, врачи, интеллигентные профессора, слепо следующие методическим предписаниям, бессильно опускают руки.

Так или иначе, задачей каждого инспектора становится пробуждение сознательности в воспитуемом, притом момент полярности стихии и раз-

ума эксплицируется. Так, Сухово считает: «Если только карать – значит толкать человека в пропасть неверия, озлобления, превращать “стихийного” преступника в сознательного!» [4, с. 192]. Гребенюк сходу награждает маленького Разумовского прозвищем «Разум» и заводит разговор о Канте и Декарте. К сознательности же Германа взывает диафильм, выстроенный по принципу матрёшки и тем самым требующий недюжинной рефлексии.

При описании сотрудников Детской комнаты М. Елизаров использует мифологему большой семьи. Герман так характеризует многочисленные фотографии, увиденные им на стене: «Это были коллективные снимки, какие обычно делают в школах в конце учебного года – заключённые в овал портреты, развешанные в несколько рядов, как бусы: вверху – директор, завуч, преподаватели, нижние ряды – бусины-ученики. Только в этих рамках были люди в милицмейской форме, а нижнюю гирлянду составляли перевоспитанные нарушители» [4, с. 101].

Из всех воспитателей наиболее детально представлен Разумовский. Алексей Аркадьевич, чья фамилия уже указывает на воплощённую сознательность, исполняет роль символического отца, одного из ключевых персонажей советского романа воспитания. Разумовский сходу удивляет Германа тем, что вместо напрашивающейся по педагогическим канонам воспитательной беседы устраивает показ диафильма «К новой жизни!». В диафильме странно переплетаются явь и вымысел, а в конце сюжета на экране появляется сам Герман, хотя создание диафильма датируется 1951 годом. Главным героем происходящего на экране оказывается жестокий подросток Алёша (Разумовский в детстве). Совершив три зверских убийства, он попадает в руки медиков и учёных, откуда его забирает Виктор Гребенюк. Бывший беспризорник и преступник, Гребенюк располагает Алёшу к себе и показывает мальчику диафильм о собственных злключениях – пьянство с малых лет, сиротство, бродяжничество, разврат. Из трясины воровского мира юного Гребенюка в начале двадцатых вытащил красноармеец Арсений Сухово, спасителем которого, в свою очередь, некогда выступил Дмитрий Книппен с волшебным фонарём. Диафильм с участием Сухово помещается в диафильм с Гребенюком, который на манер матрёшки вставляется в диафильм Разумовского. Принцип каждого сюжета одинаков: назидательность достигается не через дидактическую риторику, а через пример собственной перековки, который подаёт воспитатель юному правонарушителю, побуждая последнего тоже обратиться к педагогической деятельности.

Герман, наблюдая за происходящим на экране, с трепетом осознаёт, что его прототип, мультипликационный Рымбаев, заметно меньше настоящего: «Я снова поразился нарочито дошкольной ком-

плекции – Герману на картинке можно было дать как десять, так и шесть лет» [4, с. 255]. Поступки экранного Рымбаева гипертрофированны: акцентированная экзальтированность в начале сюжета сменяется преувеличенным раскаянием в конце, что видится «настоящим фарсом» [4, с. 249].

Отход от жизнеподобия вновь подтверждает, что советское традиционно не рассматривается М. Елизаровым через призму социально-политических преобразований⁴. Писателя гораздо в большей степени интересует символический пласт, поэтому советское и постсоветское в «Мультиках» получают воплощение не в конкретно-историческом, а в утопическом измерении. Способ такого воплощения в романе сложен и представляет яркую творческую находку автора.

Как писалось выше, репрезентацией постсоветской реальности выступает жанровая стратегия школьной повести с её атмосферой разлада, социальным неравенством и поколенческим разрывом, изображёнными в ней. Советские ценности, напротив, транслирует соцреалистическая модель романа воспитания с оппозицией стихийного и сознательного, с воспитателями из Детской комнаты милиции, объединёнными в большую семью, которая направляет на истинный путь заблудших подростков. Школьная повесть и роман воспитания, антиутопическое и утопическое, постсоветское и советское отделяются от исторической привязки и сталкиваются в каждом сюжете диафильма «К новой жизни!», в особенности в историях Разумовского и Рымбаева.

Это легко показать на примере Алёшки Разума. Несмотря на то что детство его протекает в середине 1940-х, в рассказе о нём звучат клише, отличающие именно школьную повесть, а не соцреалистические тексты: унижения в семье и школе, чёрствость учителей, социальная разобщённость, самая неприглядная жизнь провинциального городка. Кроме того, возникают детали, присущие отечественной прозе 1990-х годов: ярко выраженная физическая неполноценность героя (Алёша хромым), подробное описание злодеяний с шокирующими натуралистическими подробностями, некрофилия, обценная лексика. Стихийность Разумовского-школьника – это далеко не то же, что безобидная стихийность героя советского романа воспитания, выражающаяся обычно в неумной удалости, но никак не в патологической жестокости ради жестокости, из-за которой Гребенюк называет Алёшу Джеком-Потрошителем. Поступки Алёши вызывающе иррациональны: он душит восьмилетнего мальчика и с хирургической точностью вырезает из трупа нужный состав, словно надеясь излечиться от хромоты [4, с. 149–150]. Позже, в качестве мести, он разделяется с главными обидчиками и, компенсируя прежние обиды, играет в футбол отрезанными у них головами [4, с. 160].

Гиперболизированное насилие, неуместное равно в романе воспитания и в школьной повести, точно сигнализирует о неестественном симбиозе двух жанров, двух типов сознания.

Общие признаки истории Разумовского из диафильма, пусть и не в такой радикальной форме, присутствуют и в рассказах о Гребенюке и Рымбаеве. Что касается физических недостатков, то Герман стесняется низкого роста, а Витя Гребень вынужден скрывать постыдные наколки. Гребенюк сбегает из семьи и пускается по притонам, Рымбаев отдаляется от семьи и прибивается к уличной группировке. Созидательное начало, как и для Разумовского, в их рушащуюся жизнь вносит Детская комната милиции на Пролетарской, 3.

В случае с центральным персонажем, Германом, жанровая стратегия советского романа воспитания схематизируется почти до гротеска. Мелкая группировка, в которую попадает Рымбаев по прибытии в крупный город, символизирует власть тёмной стихии над героем. Силы зла подчиняют себе волю неопытного подростка, дурная компания и лёгкие деньги затуманивают его разум. Кривая дорожка приводит подростка в Детскую комнату милиции, где он встречает символического отца, педагога Алексея Аркадьевича Разумовского. Просмотр диафильма «К новой жизни!» круто меняет судьбу подростка: он порывает со шпаной, с удвоенной энергией берётся за учёбу и поступает в педагогический институт. Наблюдается нарочитое (если не показательное) движение от воплощённой стихии к воплощённой сознательности. Асоциальный герой, несмотря на многочисленные препятствия, встраивается в общество.

Появляющийся в заключительной части романа психолог Артур Сергеевич Божко, использующий в лечении фрейдистские методы, символизирует сверхсознательность, которой достигает Герман. После ночи в Детской комнате милиции у него возникают приступы эпилепсии, побуждающие его постоянно контролировать свои поступки и мысли. В финале Герман умеет отличить явь от вымысла даже во сне. Перейдя с однокурсниками в постсоветскую эпоху, Рымбаев сохраняет, тем не менее, целостную и упорядоченную картину мира, торжествующую в диафильме и являющуюся отличительной чертой советского дискурса в символической организации «Мультиков».

Ностальгический комплекс по несостоявшемуся идеалу, Союзу Небесному, обрисованный писателем в букероносном «Библиотекаре», в «Мультиках» также задействуется в утопическом измерении. В нём СССР мыслится как пространство, где государство искренне заинтересовано в перековке вредных элементов, а преступники в полной мере осознают свои преступления и посвящают себя перевоспитанию других. Несмотря на использование автором игровых приёмов, они

обретают принципиально иное значение, нежели в соц-арте или концептуализме. В отличие от представителей двух последних течений, бесспорно повлиявших на поэтику М. Елизарова, автор «Мультиков» реабилитирует советский дискурс, наделяя его новыми мифами взамен разрушенных прежних. Такая ремифологизация проходит по культурно-символической линии, почти не касаясь социально-политических аспектов, поэтому обладает высокой долей убедительности и менее уязвима перед лицом деконструктивных практик.

Примечания

¹ См. подробно: *Добренко Е.* Школьная повесть в детской литературе социалистического реализма [3]; *Арзамасцева И.* Детская Россия [1]; *Габбе Т.* О школьной повести и о её читателе [2].

² См. подробно: *Ханов Б.* Особенности функционирования советского дискурса в романе М. Елизарова «Библиотекарь» [7].

³ Герман признаётся: «Сидеть на таком стульчике было неудобно, я просто чуть нагнулся, чтобы его не раскачивать» [4, с. 131]. Алёшка Разум описывается так: «Он сидел на кровати, согнувшись, точно шарил руками по полу» [4, с. 189]. С Гребенюком всё аналогично: «Согнувшись, как раздавленный окурок, Витька Гребень наблюдал за детством мальчика Арсения» [4, с. 195].

⁴ Редкие попытки осмыслить конкретно-историческую советскую действительность даже отмечены ироническими оттенками. Так, писатель применяет соц-артовский приём обыгрывания затёртых лозунгов. Слоганы времён индустриализации оживают в ироническом обличье: «Куля и Лысый называли Свету и Аню ударницами порнографиче-

скими труда, шутили, что наши бригады устроят социалистическое соревнование, возьмут новые обязательства и перевыполнят план» [4, с. 63].

Библиографический список

1. *Арзамасцева И.Н.* Детская Россия // НЛЮ. – 2011. – № 111. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/a42.html> (дата обращения: 15.10.2015).
2. *Габбе Т.Г.* О школьной повести и о её читателе // Детская литература. – 1938. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Humanitaria/Gabbe/Povest.htm> (дата обращения: 15.10.2015).
3. *Добренко Е.А.* «...Весь реальный детский мир» (школьная повесть и «наше счастливое детство») // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.) / сост. и ред. М.Ю. Балина и В.Ю. Вьюгин. – СПб.: Алетейя, 2013. – 364 с.
4. *Елизаров М.Ю.* Мультики. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 317 с.
5. *Кларк К.* Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 569–584.
6. *Краснощёкова Е.А.* Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. – СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. – 480 с.
7. *Ханов Б. А.* Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Т. 157. – № 2. – С. 229–238.

ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ СЛОВО- И ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются процессы неологизации в сфере лексикологии и фразеологии, становящиеся все более активными и значимыми в современном русском языке. Несмотря на разногласия в терминологии, в квалификации речевых и языковых единиц, определении места трансформированных и вариантных инноваций в языке, ученые все же единодушны в определении основных признаков новообразований и в признании процессов неологизации определенной языковой системой. Создание окказиональных единиц (и лексем, и фразеологизмов) имеет ярко выраженную прагматическую направленность, «творец» окказионализма, трансформируя имеющуюся в языке единицу, стремится этим усилить оценочность, экспрессию высказывания, выделить, подчеркнуть и передать сущность своего восприятия. Следовательно, использование новообразований в первую очередь связано с формированием такой языковой системы, которая удовлетворяет растущие потребности в новых обозначениях. После своего «появления» окказионализм может остаться принадлежностью индивидуального языка, закрепленного в языке, а может утратить такую индивидуальность и перейти в статус узусального слова. Заполняя лакуны языковой системы, инновации при этом раскрывают и новые возможности в сфере слово- и фразеобразования современного русского языка.

Ключевые слова: неологизация, трансформация, фразеологизм, окказиональный фразеологизм, отфразеологический окказионализм.

На всем протяжении существования языка в нем появляются новые слова и фразеологизмы, что является абсолютно закономерным процессом. Интерес ученых к инновациям в языке только возрастает. При характеристике новых языковых единиц используются разные термины: неологизмы, инновации, новообразования. Наиболее частотен в современной лингвистике термин «неологизм», хотя и он до сих пор не имеет однозначного определения. Н.З. Котелова под новыми словами понимает «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники последних лет)» [9, с. 7]. В.В. Лопатин, характеризуя неологизмы, подчеркивает: «Каждое такое слово – общественное явление, ибо порождено оно потребностями общества» [10, с. 20].

Наиболее активно процессы неологизации проявляются в области лексики, что обусловлено рядом ее особенностей в сравнении с другими языковыми уровнями, в частности, высокой степенью экстралингвистической определенности. Проблемам новообразований в разное время посвящали свои работы И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов. В дальнейшем теорию языковых изменений рассматривают

В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В. Габо, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, А.И. Смирницкий, Л.В. Щерба, И.П. Якубинский и др. В их работах даны первые классификации неологизмов, в основе которых – различные признаки: пути появления в языке, сфера первоначального употребления, причины появления. Современные языковые новообразования анализируют О.А. Александрова, А.А. Брагина, С.С. Волков, О.А. Габинская, А.Б. Гадцалова, Д.В. Гугунава, Е.А. Земская, А.В. Зырянова, В.П. Изотов, Н.З. Котелова, Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, Р.Ю. Намитокова, Н.А. Николина, Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Е.В. Сенько, А.Н. Тихонов, И.С. Улукханов, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая и др. Инновации в сфере лексики рассматриваются лингвистами в различных аспектах, однако признание системности как основного существенного признака требует комплексного исследования, которое способствовало бы выявлению органической обусловленности появления новых слов. Напряженный ритм современной жизни требует экономии времени, а соответственно, и речевых усилий – необходимо создавать новые, емкие высказывания на базе уже имеющихся языковых средств, но при этом наполнять их иным содержанием.

Язык и речь обуславливают специфику проявления нового в двух аспектах одной лингвистической реальности: новое в языке – неологизмы, новое в речи – окказионализмы. Таким образом, языковое в слове – это его стабильность, а речевое – функциональное использование отдельным носителем языка, способность к различным трансформациям. В этой связи необходимо заметить, что до 1960-х годов все речевые новообразования, не-

зависимо от способа их образования и отношения к словообразовательной системе языка, обозначались термином «окказиональное слово».

С введением в область исследований окказиональных слов сюда входят и все вопросы, связанные с их изучением: словообразовательная структура, семантические особенности, статус и степень фиксации в современных словарях, анализ причин появления, механизм формирования значений, функционирование и т. д. [4, с. 79].

Окказионализмам посвящали свои работы О.А. Габинская, Р.Ю. Намитокова, В.В. Лопатин, Н.И. Фельдман, Э. Ханпира и др. Суть их наблюдений сводится к тому, что окказиональное слово (от лат. *occasio* – «случайность») – это «одноразовая» лексическая единица, лишённая воспроизводимости.

Большое значение в теории окказиональности имеют работы А.Г. Лыкова. Его точка зрения несколько иная: он считает, что окказиональные слова не могут быть названы новыми, так как они не «растягиваются по глубине диахронного среза» [11, с. 10]. В качестве основного в сфере окказиональности он выдвигает признак необычности единицы: «Думается, что постоянная новизна слова, пусть даже и окказионального, логически немыслима и лингвистически несостоятельна, его новизна временная. Не новизна, а необычность, диковинность – вот что является главным и постоянным признаком окказионализма». [11, с. 74]. В целом А.Г. Лыков называет девять признаков, отграничивающих русское окказиональное слово от канонического: принадлежность к речи; творимость; словообразовательная производность; функциональная одноразовость; экспрессивность; номинативная факультативность (необязательность); синхронно-диахронная диффузность; индивидуальная принадлежность; ненормативность [11, с. 11–35].

Развивая теорию окказиональности, Е.А. Земская отмечает, что окказиональные слова присущи только определённому контексту, они создаются одномоментно для определённого текста, «окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежавшими отдельным лицам, часто писателям. Они реализуют творческую индивидуальность и живут не сериями, но одиночками» [7, с. 181]. Н.Г. Гольцова вскрывает причины появления окказионализмов: «окказиональность употреблений единиц разных лингвистических уровней является одной из возможностей создания экспрессии, или она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом» [3, с. 82].

Анализируя процессы появления окказионализмов, Е.А. Земская приходит к выводу, что двигателем, порождающим все виды новых слов, является аналогия. Без аналогии не рождается не только

ни одно узуальное, но и ни одно окказиональное слово. «...Если в рождении окказионального слова аналогия часто действует как конкретный образец, то в порождении слов узуальных действуют абстрактные аналогические правила, причём чем продуктивнее тот или иной тип, тем абстрактнее правило, т. е. тем менее оно отягощено лексико-семантической конкретностью» [8, с. 182].

Необходимо отметить, что термин «окказиональное слово» в лингвистической литературе употребляется для обозначения всех речевых инноваций, системных и асистемных; речевых новообразований, созданных с отступлениями от современной словообразовательной системы языка; системных новообразований, являющихся реализацией продуктивной словообразовательной модели в речевой акте.

Несмотря на достаточную разработанность проблемы окказиональности, до сих пор в современной лингвистике существует две точки зрения на понимание сущности окказиональных слов: одна из них – более узкая, другая – широкая. Узкая точка зрения представлена в работах Г.О. Винокура, Е.А. Земской, Р.Ю. Намитковой, А.И. Смирницкого и др. Под окказиональными эти ученые и их последователи понимают только индивидуально-авторские слова, термином «неологизм» они характеризуют потенциальные слова. Потенциальные слова, согласно этой теории, – это слова, которые создаются по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов, они «потенциально» уже существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены.

Широкое понимание окказионализмов представлено в работах В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, Эр. Ханпиры и др. Авторы, стоящие на этой позиции, включают в состав окказионализмов все одноразовые слова, созданные в контексте и для определенного контекста, независимо от того, образованы они по правилам русского языка или же с нарушением правил. В этом случае потенциальные слова относятся к окказионализмам. Суть различия окказионализмов и потенциальных слов в этом случае в том, что первые образуются по малопродуктивным или непродуктивным (иногда окказиональным) моделям, при этом, как подчеркивают исследователи, в структуре окказионализмов нарушаются законы действия словообразовательных типов; а вторые – создаются по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов.

На наш взгляд, объединение двух групп слов (окказионализмов и потенциальных слов) в один разряд (окказиональных слов) кажется наиболее оправданным, поскольку и те, и другие являются словами, отсутствующими в языковой традиции, создаваемыми в момент речи, тогда как все осталь-

ные слова в момент речи воссоздаются. После своего «появления» окказионализм может остаться принадлежностью индивидуального языка, закрепленного в языке, а может утратить такую индивидуальность и перейти в статус узусного слова.

Не остаются без внимания лингвистов и процессы современного окказионального фразеологического образования. О путях возникновения, о способах образования фразеологических инноваций пишут Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, Н.А. Божко, Е.В. Блинова, А.В. Жуков, В.П. Жуков, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, З.Д. Попова, В.Н. Телия, И.Ю. Третьякова и др. Описание трансформаций фразеологизмов способствует выявлению объективных закономерностей развития общезыковой фразеологической системы.

Одним из актуальных направлений фразеологии является изучение фразеологических единиц в функциональном аспекте, так как именно в языке художественной прозы происходят специфические, присущие перу одного автора процессы «переработки» узусных фразеологизмов, что, в свою очередь, приводит к возникновению новых единиц. Причинами, инициирующими стремление автора к преобразованиям узусного использования фразеологизма, является желание избежать традиционности, употребить новые, неожиданные средства и приемы для передачи содержания. Структурные преобразования, семантические сдвиги, необычные связи и отношения в контексте, прагматическая составляющая – всё, что отступает от нормативного употребления, что вступает в противоречие с принятыми в литературном языке способами выражения мысли, приводит к окказиональному употреблению речевых, а в дальнейшем, возможно, и языковых единиц. Кроме того, одна из основных причин использования трансформированных единиц заключается в том, что «преобразование фразеологизмов позволяет вернуть эффект неожиданности и свежесть восприятия, вновь выделить устойчивые образные выражения в контексте обывденной речи» [6, с. 272].

Окказиональные преобразования фразеологических единиц уже давно интересуют ученых. В работах Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельского, А.М. Бабкина, Е.В. Блиновой, А.В. Жукова, В.П. Жукова, А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, З.Д. Поповой, В.Н. Телия, И.Ю. Третьяковой и других рассматриваются приемы и способы трансформации узусных фразеологизмов.

Термин «окказиональный фразеологизм» сравнительно «молодой». Для характеристики подобных новообразований лингвистика вырабатывает следующие наименования: «авторские компликативы» (С.Г. Гаврин), «речевой фразеологизм» (Ю.А. Гвоздарев), «поэтический фразеологизм»

(А.Д. Григорьева). С.И. Алаторцева, анализируя окказиональное фразеологическое сочетание, указывает, что это «индивидуально употреблённый фразеологизм в нестандартном составе (форме) или значении (или и то и другое вместе)». По ее мнению, преобразования такого типа обычно не входят в систему языковых фразеологических единиц [1, с. 87]. Е.В. Блинова предлагает такое определение окказиональным фразеологизмам: «Это сверхсловные речевые единицы, создаваемые посредством различных способов трансформации языковых ФЕ, сохраняющие деривационные связи со своими языковыми прототипами» [2, с. 117]. И.Ю. Третьякова предлагает более дифференцированное определение: «Окказиональный фразеологизм – это речевая единица, образованная на базе языковой ФЕ, но отличающаяся от языкового прототипа (языковой ФЕ) семантикой и/или структурно-грамматическим выражением» [12, с. 9].

Соглашаясь с теми учеными, в работах которых отражено широкое понимание окказиональности, принимаем термин «окказионализм» как рабочий для определения трансформированных фразеологизмов и слов-инноваций, образованных на базе фразеологизмов современного русского языка. Окказиональные преобразования фразеологизмов рассматриваем как явление окказиональной фразеологической деривации, в результате которой образуются окказиональные варианты и окказиональные фразеологизмы, соотносимые со своей деривационной базой – узусными фразеологическими единицами. В соответствии с таким представлением, под **окказиональным фразеологизмом** понимаем фразеологизм, претерпевший структурно-семантические или семантические преобразования, обусловленные коммуникативно-прагматическими задачами автора художественного текста, сохранивший деривационные связи с мотивирующим фразеологизмом.

Рассмотрим пример использования окказионального фразеологизма в языке художественной прозы: *Наиля почувствовала меня и сишла мне сумасшедший пиджак: сочетание шелка, холста и замши. Это называется: в огороде бузина – в Киеве дядька. Казалось бы, несовместимые вещи: где огород, а где Киев? Но еще хуже, когда в огороде бузина – и в Киеве бузина. Именно так – скучно и одномерно – выглядели пиджаки из западных универмагов, даже самых дорогих* (В. Токарева. Казино). В тексте рассказа употреблен языковой фразеологизм *в огороде бузина, а в Киеве дядька*, значение которого – «полная бессмыслица, чепуха (о нелогичности, несообразности чьей-либо речи, рассуждений)». Виктория Токарева весьма нетрадиционно употребляет фразеологизм: она использует его не для характеристики чьей-либо речи, с помощью экспрессивно-окрашенной единицы подчеркивает несочетаемость тканей в одежде. Так как виды

тканей (холст и замша) не используются в одном изделии (так же, как предметы не сопоставимы друг с другом – огород нельзя противопоставить Киеву, а бузину – дядьке), то использование фразеологизма в данном контексте оправдано. Мало того, автор обыгрывает фразеологизм в следующем предложении: *...когда в огороде бузина – и в Киеве бузина*. Сегментированный фрагмент *бузина* становится компонентом-заместителем в преобразованном фразеологизме. В результате окказиональный фразеологизм приобретает другую семантику: значение узуального фразеологизма «нелогичный, несообразный» меняется на значение «однотипный, однообразный, скучный».

Рассмотрим еще пример окказионального преобразования – использование сегмента узуального фразеологизма: *Договорились работать у него в доме. Рабочий день начинался в десять утра. Девушка явилась без опоздания, ровно в десять часов, – милая, тихая. Вера напряглась: в тихом омуте черти водятся. Но никаких чертей не предвиделось. После первого знакомства выяснилось, что девушка замужем, имеет ребенка. Успела окончить педагогический институт. Значит, умная и серьезная. Вера успокоилась и даже расположилась к молодой сценаристке. Звали ее Леонсия, сокращенно Лена* (В. Токарева. Дерево на крыше). В контексте используются и узуальный фразеологизм полностью: *в тихом омуте черти водятся* со значением «тихий, скрытный человек способен на поступки, которых от него, казалось бы, нельзя было ожидать», и в следующем предложении – его «осколок» *черт*. Исключение фразеобразующих компонентов приводит к появлению окказиональной единицы, которая «сохраняет» значение всего фразеологизма. Отделение сегментов и включение их в текст в такой последовательности способствует другому, в данном случае – вопреки всем ожиданиям – неожиданному восприятию персонажа.

Окказиональное употребление фразеологизма несет дополнительный эмоционально-экспрессивный заряд. Проиллюстрируем это на примере языка В. Шукшина. В рассказе «Жена мужа в Париж провожала» читаем: *Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории – мелкие, впрочем, но досадные* (В. Шукшин. Чудик). – *[Колька] пытался воздействовать на нее [жадную жену], но получил железный отпор. – У нас в деревне и то бабы не такие железные... – Заткнись со своей деревней, – посоветовала Валя. – Ехай туда, кому ты здесь нужен! «Ну и влип...» – терзался изумленный Колька. – Как влип!* Процессуальный фразеологизм *влипнуть в историю* имеет значение «оказываться замешанным в каком-либо предосудительном деле, быть причастным к какому-либо неприятному происшествию», образованная на его базе отфразео-

логическая лексема *влипнуть (влип)* сохраняет значение производящего фразеологизма, но это значение получает дополнительную коннотацию. Герой произведения с помощью этой лексемы не только характеризует свое положение, но и ярко выражает свои эмоции.

Но узуальные фразеологизмы являются базой не только для окказиональных фразеологизмов. На их базе образуются и окказиональные лексемы: *испускать бумагу* → *бумагоиспускание*; *глядеть по верхам* → *верхоглядство*; *всё до лампочки* → *всёдолампочкизм*; *вынь да положь* → *выньдаположный*; *до фени* → *дофенечник*; *золотая рота* → *золоторотец*; *не от мира сего* → *неотмирсеогошный*; *от себя* → *отсебятина*. Такое явление, несомненно, имеет право и на свое самоопределение. Считаем, что новообразования-лексемы, возникшие на базе фразеологизмов, можно квалифицировать как «отфразеологические окказионализмы» (неузуальная речевая лексическая единица, образованная на базе фразеологизма, созданная говорящим одно-моментно под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом – для выражения смысла, необходимого в данном случае [6, с. 244]).

Бывшие компоненты фразеологизма теряют свойство быть раздельнооформленными и становятся морфемами производного слова. Проиллюстрируем: *Наметанным глазом отметила белый крахмальный воротник, подпирающий холеные щеки. Подумала: беловоротничковый* (В. Токарева. Все нормально, все хорошо). Фразеологизмом *белые воротнички*, как правило, называют служащих учреждений в некоторых западных странах. Употребление окказиональной лексемы помогает автору охарактеризовать героя как успешного «хозяина жизни», что практически соотносится в сознании обывателей того времени, о котором пишет В. Токарева, с понятием «иностранец». Далее в рассказе отфразеологическая лексема начинает «жить своей жизнью»: герой получает «прозвище» – вместо фамилии его называют *беловоротничковый*. Читаем: *Беловоротничковый взял ключ и отошел*.

Несмотря на то что раздельнооформленность производящего фразеологизма утрачивается, компоненты фразеологизма сохраняются, а значит, сохраняется и основное значение бывшего фразеологизма. Производящая и производная единицы все же семантически соотносятся друг с другом. После образования отфразеологический окказионализм может остаться принадлежностью индивидуально-языка, а может перейти в статус узуального слова.

Учёные приходят к выводу, что основным фактором появления слов, образованных на базе фразеологизмов, является желание автора придать сообщаемому особую выразительность. Произво-

данные неологизмы становятся основным средством экспрессии художественного текста. Процессы создания окказиональных единиц «имеют ярко выраженную прагматическую направленность, главным условием трансформации является желание говорящего использовать имеющуюся в языке единицу в «обновленном виде», тем самым усилить оценочность, экспрессию высказывания.

Изменение лексического и фразеологического составов языка – закономерный и предсказуемый процесс. Необходимость пополнения лексического и фразеологического фондов, в первую очередь, связана с формированием такой языковой системы, которая должна удовлетворять растущие потребности в новых обозначениях. Образование новых номинативных единиц, в том числе и окказиональных, на базе уже существующих в языке фразеологизмов занимает в системе языка особое место и является одним из источников такого пополнения. Отфразеологические окказионализмы придают особую красочность языку, служат для создания ярких образов. Производные единицы (и отфразеологические окказионализмы, и окказиональные фразеологизмы) постепенно заполняют лакуны в лексико-фразеологической системе русского языка.

Библиографический список

1. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неология: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 1998. – 317 с.
2. Блинова Е.В. Окказиональное отфразеологическое слово- и фразотворчество в художественном тексте: на материале художественной литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2005. – 217 с.
3. Гольцова Н.Г. Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма // Русский язык в школе. – 1993. – № 3. – С. 81–86.
4. Ермакова Е.Н. Инновационные процессы в сфере отфраземного словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (24): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 78–81.
5. Ермакова Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: монография. – Тюмень, 2009. – 416 с.
6. Ермакова Е.Н., Проколова М.В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б. Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3. – С. 271–281.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – 2-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
8. Земская Е.А. Активные процессы словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 90–141.
9. Котелова Н.З. Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М., 1971. – С. 5–15.
10. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М., 1973. – 152 с.
11. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
12. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Ярославль, 2011. – 51 с.

Ганцовская Нина Семёновна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
доктор филологических наук, профессор
gantsovsky_n@mail.ru

Веселова Елена Геннадьевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
veselovaelena@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ АВТОРСКИХ ОБЛАСТНЫХ СЛОВАРЕЙ (обновлённый проект создания «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова»)

Лексика костромских говоров неравномерно и количественно недостаточно отражена в уже увидевших свет лексикографических произведениях. Для областных словарей материалом может служить диалектная лексика, собранная как полевым путём, так и извлечённая из различных источников, печатных и рукописных. Последние в настоящее время становятся всё более значимыми в связи с возможностью ввести в научный оборот широкие архетипические пласты, обозначая существенные черты традиционного диалектного континуума. К таким источникам мы относим обильно насыщенные диалектизмами рукописи Е.В. Честнякова. Диалектная лексика этих рукописей легла в основу созданного Н.С. Ганцовской «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» в книге «Живое поунженское слово». Комментарием к нему в пределах данной книги служит словарь «Там, где жил Ефим Честняков». В планах Н.С. Ганцовской и Е.Г. Веселовой – создание тематически расширенной и структурно модифицированной версии «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» на основе недавно расшифрованных материалов. В новом словаре не только количественно увеличится состав поунженских диалектизмов, но также в виде комментария будут представлены примеры их употребления в живых говорах.

Ключевые слова: костромские говоры, поунженские диалектизмы, Е.В. Честняков, живые говоры, словарь.

Лексика костромских говоров неравномерно и количественно недостаточно отражена в уже увидевших свет лексикографических произведениях. Между тем полное словарное описание костромских говоров необходимо для понимания их места в диалектном членении русского языка, точного определения особенностей их внутренней группировки. Эта цель стоит и при создании лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), но она долгосрочна, материал же в атласах всегда представлен выборочно и по своим задачам не в полной мере отражает лексическое богатство говоров. Областные словари полнее по составу, многообразнее по своим содержательным задачам и создаются быстрее, а это важно в связи с нарастающими трудностями полевого сбора диалектных данных из-за ряда объективных и субъективных факторов. Материалом для областных словарей может служить как диалектная лексика, собранная полевым путём, так и извлечённая из различных источников, печатных и рукописных. Последние в настоящее время становятся всё более значимыми в связи с возможностью ввести в научный оборот широкие архетипические пласты, характеризующие наиболее устойчивые и специфические черты традиционного диалектного континуума. К таким источникам мы относим насыщенные диалектизмами рукописи Е.В. Честнякова (1874–1961), коренного жителя д. Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, родившегося и умершего там и почти не покидавшего родины. Тем не менее это был человек, получивший профессиональное образование учителя и некоторое время работавший им в Костромской губернии и за её пределами, учившийся живописи

в Санкт-Петербурге и Казани в академических мастерских, замеченный самим Е.В. Репиным. В Петербурге в начале XX в. в детских журналах были напечатаны единственные его прижизненные издания – три сказочки (факты, касающиеся биографии Е.В. Честнякова, см. в книгах: [1; 5; 6; 7; 8; 9; 10]).

Многочисленные рукописные произведения (зачастую малоразборчивые записи) Е.В. Честнякова сейчас в значительной степени расшифрованы и изданы. Они принесли ему славу не только как художнику, мыслителю, педагогу, но и как писателю. Этот писательский успех складывался из многих составляющих, но, пожалуй, главная из них – свободное и многоплановое владение местными народно-разговорными средствами, из которых на первом месте стоят лексические и фразеологические ресурсы поунженских говоров. Они и придают поэтичность, романтическую привлекательность текстам произведений Е.В. Честнякова: сказкам, стихотворениям, былям и быличкам, драматургическим сочинениям, поэмам, воспоминаниям и другим его произведениям, одновременно раскрывая перед читателями всё богатство поунженских говоров. Он доносит до читателя многообразные, в том числе древнейшие, пласты русского языка, как бы подтверждая этим известные высказывания В. Даля о том, что «наши местные говоры – законные дети русского языка и образования правильнее, вернее и краше, чем наш письменный жаргон [3, с. XVIII], и что устный народный язык «силён, свеж, богат, краток и ясен, тогда как письменный язык наш видимо пошлее, превращаясь в какую-то пресную размазню» [3, с. XVII]. Обстоятельно и точно (это проверено многими полевыми обследованиями кологривских говоров,

в том числе и нашими) Е.В. Честняков отобразил особенности речевого идиoma родного края как исконно русского характера, так и нередко имеющих субстратную угро-финскую основу и одновременные заимствования. Коренной житель деревни и вместе с тем образованный человек, будучи билингвом, он в равной степени активно владел родным диалектом и литературным языком. В зависимости от ситуации Е.В. Честняков пользовался той или иной разновидностью национального языка. В обыденной речи и в своих литературных произведениях о народе он совершенно сознательно, руководствуясь убеждением в необходимости расширить полномочия диалектов как законных представителей национального субъязыка (стандартного, литературного языка), преимущественно пользовался ресурсами местной речи.

З.И. Осипова, кологривский учитель, с детства знавшая Е.В. Честнякова, вспоминает: «Честняков говорил по-разному. С местными – по-деревенски: *здесь, виник...* Е. В. говорил: *Течёт ручей в овраге. Слышишь? Как он шумит, журчит, грохочет. А здесь не так. А почему? А там камушки. А здесь омут.* Я ему говорю: *Здравствуйте, Ефим Васильевич.* А он: *А почему ты говоришь «-те».* Я здесь один. И по его просьбе она здороваётся так: *Здравствуй, Ефимка!* Е. В. *А я ведь не Марфутка. Надо говорить Ефимко... Парасковья, не Прасковья. Не Саша, а Сано, Санюшко. Были имена Марковой, Миколай, Митрий*» [1, с. 136]. Е.В. Честняков, что видно из его <Письма о редактировании> неизвестному адресату (вероятно, конец 1913 – начало 1914 гг.), сохранившегося в черновых записях, сетовал по поводу исправления особенностей народной речи в напечатанных в Петербурге его сказках: «Нет у нас ни одного издания, которое бы печаталось чисто русским языком... Вместо парнеков, как у меня написано, напечатали – паренков... вместо “дедушко” напечатали “дедушка”.. также неправильно, уродливо... Я так не произношу это слово, как женского рода во всех падежах... У нас никогда так не произносят... Это я считаю тоже важным: и так произношу “дедушко” с детских лет, как и все на моей родине...» Он настаивает на необходимости сохранения народной формы «Сергиюшко», а не «Сергеюшко», «баушка», а не «бабушка» и др.

В начале XX в. он произносит горестные слова по поводу отношения общества к народному языку, оставшиеся, к сожалению, актуальными и в начале XXI в.: «Язык вырабатывается великим творчеством народа, и если книжники относятся к нему небрежно, это признак, что они не отличают пшеницы от плевелов. Они тормозят совершенствование языка <...> А родной язык наши учёные комитеты хуже знают: так оно и есть, потому что комитеты эти, исследующие язык, сидят как бы между двумя стульями, но не на стуле, а именно: между своей страной и чужой.. но вполне русской страны не знают» [13, с. 15].

Диалектная лексика расшифрованных рукописей Е.В. Честнякова легла в основу созданного Н.С. Ганцовой «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» в книге «Живое поунженское слово». Комментарием к нему в пределах данной книги служит словарь «Там, где жил Ефим Честняков», составленный на местном материале Е.Г. Веселовой в период с 2003 по 2005 гг. по следам «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» Н.С. Ганцовой. Здесь представлена тематически разнообразная лексика различных частей речи, совпадающая со списком подобной лексики из произведений писателя, с толкованиями и иллюстрацией живой речью уроженцев поунженских деревень – Шаблова, Денюгина, Хапова, Малой Горки, Бурдова, Починка, Вонюха, Хлебородова, Ложкина, Овсяникова и др. Приведём примеры существительных из этого списка. Тема «Человек»: *батька, баушка, братук, дружка, желаночка, молодяжка, парнёк, сваха, тятя.* «Лексика природы»: *брусница, валежины, вереск, вискирь, волнуха, калужина, кокушка, кукушечкин ленок, мокретьина, ронжа, сиверуха, сивун, сухара, сыроеха, чапыга, чересполосье, черница, чилик, шипиришник, явишина, ягиль.* «Лексика, связанная с производственной деятельностью»: *вага, вича, гумённый мешок, пестерушка, пестеревья, вилаха, высевки, житница, зарод, изгреби, кострица, кросна, куделя, куколь, кулига, мякинница, мялка, навой, навина, овин, ондрец, отрепи, полоска, рига, седёлко, соломенник, стлище, стожар, угород, швейка.* Лексика по теме «Пища»: *варево, галанка, испить, крошенина, крупничок.* «Обрядовая лексика и лексика народных развлечений»: *беседки, глинянка, гулевать, гульбище, красный стол, сваребьяна, сговоры, тальяночка, ходить в кругах.* «Устройство жилища, утварь, посуда, одежда»: *бурак, дрян, зыбка, корчага, кутенка, мост, наседадо, опарница, полати, рогожка, секач, сени, шоптаники.* Непредметная лексика: *вопить, гулевать, казать, изладить, испить, нашибиться, рвать (лён), сулить; дородный; завсегда* и др.

Список кологривских слов вместе с иллюстрациями, верифицирующими диалектные данные текстов Е.В. Честнякова, доступных до 2011 г., продолжает пополняться. Активизация этой деятельности возникла в связи с выходом в свет новых произведений писателя. Так, в результате кропотливой работы Т.П. Сухаревой, сотрудника Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, вышел в свет объёмный том трудов Е.В. Честнякова, воспроизведённых в точном соответствии с оригиналами, «с сохранением авторской орфографии и пунктуации» [12, с. 11]. Помощь ей оказывала Е.Г. Веселова, совместно с Т.П. Сухаревой работая в фондах Костромского музея-заповедника над новым изданием рукописей Е.В. Честнякова. К ним она составила краткий словарь диалектных

слов, который теперь апробируется на материале живых кологривских говоров. Вот некоторые слова по алфавиту из этого списка. **Али'** и **аль**. Разве, или. **Аля'па**. Мелкая монета, мелочь, не имеющая большой цены. **Амба'р** и **анба'р**. Сарай для хранения зерна, муки, припасов. **Ба'бки**, мн. Снопья льна, уложенные в виде конуса. **Баранду'к**. Бурундук. **Бара'шки**. Растения. **Ба'рка**. Речное судно для перевозки леса, сделанное из брёвен и досок. **Ба'рочка**. Уменьш. к барка. **Баско'й**. Хороший, красивый. **Батожо'к**. Уменьш. к батог. **Бато'г**. Палка, хворостина, хлыст. **Ба'ять**. Говорить. **Безпере'чь**. Постоянно, всегда. **Без череда'**. Не вовремя, не по порядку. Далее следуют слова по теме «Животный мир», так как ниже некоторые из этих и других слов приводятся с цитатами в составе словарных статей модернизированного варианта «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова», который мы с Е.Г. Веселовой предполагаем создать. **Ве'кша**. Белка. **Застава'ть**. Загонять во двор (о скотине). **Коку'шка**. Кукушка. **Комолу'шка**. Безрогая корова. **Коша'к**. Кот. **Мизгирёвы тенёта**. Паутина. **Митилёк** и **метелёк**. Мотылёк, маленькая бабочка. **Муравы'ше**. Муравейник. **Му'хорка**. Муха, мушка. **Нео'водно**. Нет оводов и мух. **Пе'тенька**. Петушок, петух. **Рябо'к**. Рябчик. **Си'ночка**. Синичка. **Слепу'шка**. Птица поползень. **Тете'ря**. Тетерев. **Че'вкать**. Чирикать, свистеть, попискивать. **Чивили'кать**. Чирикать (о птице). **Чирку'ж**. Птица чирок, разновидность диких уток.

В новой тематически расширенной и структурно модифицированной версии «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» не только количественно увеличится состав поунженских диалектизм, зафиксированных им, но и в виде комментария будут представлены примеры их употребления в живых говорах. По порядку расположения слов это будет алфавитный словарь, по объёму словника – дифференциальный, местами приближенный к словарю полного типа (там, где по некоторым темам мы следуем за установками Программы ЛАРНГ [10], например по теме «Животный мир»). Все слова имеют географические указания на место употребления. Особое внимание в нём планируется уделить отражению этнодиалектных особенностей кологривских говоров, содержащих черты центральных (западных) и периферийных (восточных) костромских говоров, которые можно квалифицировать как говоры Русского Севера, не только в словарном материале, но и по материалу, представленному в иллюстрациях.

Толкование слов в словаре не может быть механически подведено под одну схему, как мы уже сказали выше, но вместе с тем оно будет подано в определённой системе, что проявляется и в отборе описываемых слов. Тут решающую роль играет лексико-тематическое и лексико-грамматическое

деление диалектной лексики и степень информативности имеющегося материала. Так, формируя раздел словника, обозначающего животных и понятия, которые с ними связаны, мы в основном, как уже говорилось выше, пользуемся схемой конкретного представления словарного материала, положенной в основу тематической группы «Животный мир» Программы ЛАРНГ.

Основная часть словарной статьи планируемого нами областного словаря состоит из следующих разделов-зон:

1) заголовочного слова (в данном тексте приведены примеры только на заголовочные слова-существительные) из произведения Е.В. Честнякова в форме ед. ч., им. п. или, реже, мн. ч., выделенные жирным шрифтом, с указанием ударения;

2) грамматической пометы – указание рода существительного у сущ. в ед. ч., данной через запятую и обычным шрифтом; числа, если это слово употребляется только или обычно во мн. числе; указанием части речи неизменяемых слов, наречий, междометия, служебных слов; прилагательные приводятся в форме м. р.;

3) иллюстраций из произведений Е.В. Честнякова, поданных курсивом, с указанием печатного источника их местонахождения.

Дополнительная часть словарной статьи представляет собой комментарий, набранный петитом, в виде иллюстрации значения и употребления слова у Е.В. Честнякова примером из живой речи кологривских жителей по реке Унже, а также, если слово не общераспространённое, комментарием особенностей функционирования слова в говорах русского языка, главным образом со стороны географии, приведённым по данным академического Словаря русских народных говоров (СРНГ).

Таким образом, создаваемый нами словарь будет своеобразным вариантом и областного, и авторского словарей. Принципы создания разнообразных типов последних находятся в стадии разработок (см., например, об авторских словарях статьи Л.Л. Шестаковой [14], Р.Р. Гельгардта [2], Л.А. Дмитрук [4], но эти словари активно выходят (или готовятся к выходу) в свет, и в настоящее время совершенно необходимы.

Приведём примеры лексики по теме «Животный мир» будущего словаря (в примерах из книги «Русь, уходящая в небо...» сохраняется орфография и пунктуация Е.В. Честнякова).

Ве'тю'г, м. Лесной голубь.

Синьки, ве'тюги, дрозды...

Все зверьки лесные, птахи... [1, с. 20].

Ве'тюг пугливо поднялся с полос...

За ним и ещё и ещё полетели

И где-то в лесочке на дерево сели... [13, с. 50].

Ветю'г – это голубь лесной, дикий, у него грудка не такая выпуклая, как у городского голубя (Веселов С.Ф., 1922 г. р., д. Малая Горка, 2006 г.).

В СРНГ слово *ве'тюг* с ударением на первом слоге в значении «дикий лесной голубь, вяхирь, витютень» отмечено в 1858 г. в Кологривском уезде Костромской губернии, а с ударением на втором слоге в Кадниковском уезде Вологодской губернии в 1883–1889 гг. [11, вып. 4, с. 207].

Голубо'к, м. Домашний голубь. *И вот из овина лият голубки* [13, с. 14].

Голубо'чек, м. Уменьш. к голубок. *Из деревни крик слышать.. Дрозд летает по ребинам.. Голубо-чек по овинам Ииут пици и тепла.. Осень серая пришла..* [13, с. 124].

Поди-ка насыпь зерна голубочкам, поди, голодные опять прилетели (Орлова В.И., 1925 г. р., д. Хапово, 2014 г.).

Воробе'й, м. Воробей. *Там воробьи По прутьшкам скачут и чевкают все.. Чивиликают хохлятся взлетывают..* [13, с. 14].

Воро'бышко, ср. Ласк. к воробей. *Поклевал пташечка воробышко зернышков в поле... взлетел на угород... поправил носиком перышки.. посидел сытый на жердочке.. послушал, как поет жаворонок...* [13, с. 57].

Много во дворе у нас воробышков летает, детки любят их шушать. Поиугают, а они опять прилетят (Кудрявцева А.Е., 1923 г. р., д. Шаблово, 2003 г.).

Воробы'ха, ж. Самка воробья. *Да.. и куды моя воробыха улетела... Давечь вместе клевали.. вон на той полосе.. Много нас было.. Да только кто-то напугал нас..* [13, с. 57].

Ципля'та, мн. Птенцы воробья. *В жаркие летние дни и в весенние.. когда время пойдет уже к лету.. воробышки кормят своих ципляток.. то и дело летают по корм.. И живут парочками не собираются в большие стада летать по черемухам.. да по гумнам.. да по дорогам...* [13, с. 57].

Коку'шка, ж. Кукушка. *И кокушка будто знала И в лицо не коковала А в затылок – никогда* [13, с. 14].

Это уж не перед хорошим кокушка кокует (Белова Т.П., 1931 г. р., д. Бурдово, 2013 г.).

Слово в данной форме, начиная с пословицы *Ночная коку'шка денную перекокует* в Слов. Акад. 1847, зафиксировано в говорах: **Яросл., Костром., Влад., Нижегород., Горьк., Мар. АССР, Чуваш. АССР, Казан., Морд. АССР, Куйбыш., Курск., Смол., Твер., Волог., Новг., Арх. Север., Вят., Ср. Урал, Перм., Урал., Сиб., Тобол., Том., Новосибир., Краснояр., Иркут.** [11, вып. 14, с. 107].

Медви'дь, м. Медведь. *Еду гледишь тут медвидь не попал ли. Ставишь кряжи и капканы на зайцев. По путику ходишь.. гледишь по кряжам. Не попал ли где заяц... лисица в капкан Волк не прошел ли где... лоси.. олени.. Медвиди топеречь в берлоге лежат...* [13, с. 14]. *После окончания молотбы овин – менинник, варили кисель и кашу.. ставили в трубу.. баушка вопила: «Медвидь, медвидь, иди кисель исть.. не ешь наш овес.. Седни овин – менинник..* [13, с. 29].

Я по молодости не одинова с медвидем встречался. Как-то шел с работы с Монзы, вижу вдалеке черная точка, а поближе подошел, вижу: огромный он медвидь, вот тогда я напугался (Веселов С.Ф., 1922 г. р., д. Малая Горка, 2014 г.).

Примечание. Примеры из произведений Е.В. Честнякова взяты из следующих изданий: [1; 13].

Библиографический список

1. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
2. Гельгардт Р.Р. Словарь языка писателя. К истории становления жанра // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. Антология / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. – М., 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru>.
3. Даль В.И. Напутное слово. (Читано в Обществе любителей российской словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А–З. – М.: Рус. яз., 1978. – С. XIII–XXIX.
4. Дмитрук Л.А. Диалектная лексика в авторском словаре полного типа (по произведению А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват») // Диалектная лексика. 2013 / отв. ред. О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 119–124.
5. Ефим Честняков. Новые открытия советских реставраторов / сост. С.В. Ямщиков. – М.: Сов. художник, 1985. – 140 с.
6. Игнатъев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. – М.: Теза, 1995. – 128 с.
7. Игнатъев В., Трофимов Е. Мир Ефима Честнякова. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 221 с.
8. Кузьмин Л.И. Чудесное яблоко. Рассказ о художнике Честнякове. – М.: Дет. лит., 1981. – 97 с.
9. Неганова Г.Д. Феномен красоты в творчестве Е.В. Честнякова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 150 с.
10. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1 / отв. ред. И.А. Попов. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – 208 с.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965.
12. Сухарева Т.П. Рукописи Ефима Честнякова – источник духовной и народной мудрости // Честняков Е.В. Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – С. 3–13.
13. Честняков Е.В. Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.
14. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с. – (Studia philologica).

ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: СЛОЖНЫЕ СЛОВА С НАЧАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ ПОЛ-/ПОЛУ-

В русских народных говорах немногочисленную группу составляют сложные слова с начальным компонентом *пол-/полу-* – названия элементов ландшафта. Среди них широкую географию имеют лексемы с корнем *-гор-* во второй части слова: *полгора, полгорка, полугор, полугорка, полугорье* и т. д. Наблюдения показывают, что первоэлемент вносит в их семантику значения, с которыми слово *полъ* употреблялось в русском языке в XI–XVII вв.: ‘подобие при меньших размерах’, ‘сторона’, ‘одна из сторон, примыкающих к чему-л. (реке, границе и т. п.)’. В дальнейшем происходило сужение семантики, но слова с исконным значением, вытесненные из активного употребления, сохранялись в живой народной речи. Более подробно рассматривается семантика народного географического термина *полугора*, в Костромском Поветужье употреблявшегося как название возвышенного берега; определяется изоглосса.

С включением природных объектов в хозяйственно-трудовую деятельность речь местных жителей пополняется новыми словами, в числе которых существительные с *пол-, полу-*. Среди них названия земельных участков: *полдуша, полдуши, полукосье, полчети* и др. В статье рассматриваются слова *полкопейки* и *полупирог*, зафиксированные в юго-западных костромских говорах и обозначающие меры площади земельного участка, занятого хмельниками, и земельные участки определённых размеров, занятые хмельниками. Термины имели узлокальное распространение – бытовали в говорах лишь нескольких селений Костромского района: Мискова, Жарков, Куникова, Спаса, Вёж, Ведёрок, Овинц. Их появление было обусловлено хозяйственно-экономической деятельностью местных жителей – занятием хмелеводством и учётом хмельников в связи с распределением налоговых платежей.

Ключевые слова: русские народные говоры, ландшафтная лексика; сложные слова с *пол-/полу-*; семантика; *полугора*; *полкопейки*; *полупирог*.

В русских говорах нередко сложные слова с начальным элементом *пол-/полу-*. Среди них немногочисленной группой представлена ландшафтная лексика – названия рельефа, почв, водоёмов. В их числе названия элементов как собственно природного ландшафта, так и ландшафта, включённого в трудовую деятельность или возникшего в результате человеческой деятельности:

а) элементы собственно природного ландшафта: *полува'л* – «склон возвышенности; подъём» (Забайкальская обл.), «отлогий холм; некрутая горка» (Южный Урал) [10, вып. 29, с. 138]; *полуостров* – «мыс лопатой» (без географии) [2, т. 3, с. 252]; *полуковре'жка* (Воронежская обл.) и *полукорве'жка* (Юг Среднерусской возвышенности) – «холм, не полностью отделившийся от коренного склона; останец» [10, вып. 29, с. 150]; *полукре'нь* – «негустя заросль тростника, тянущаяся вдоль берегов озера полосой в 300–500 м (Западная Сибирь и Северный Казахстан)» [4, с. 452]; *полубе'лка* – «смесь белой и серой глины» (Шолоховский р-н Ростовской обл.) [1, с. 397];

б) названия элементов ландшафта, включённого в трудовую и хозяйственную деятельность: *полпome'стье* – «половина приусадебного участка (с постройками)» (р. Урал); *полудво'рица* – «половина двора, усадьбы» (южнокрасноярское) [10, вып. 29, с. 131, 142]; *полуме'сто* – «половина усадьбы» (Аксацкий р-н Ростовской обл.) [1, с. 398]; *полупар* – «поле, удобренное одним выгоном на него скота» (без географии) [2, т. 3, с. 252]; *пол-осми'нник* – «участок земли, равный десяти саженям» (Ромодановский р-н Мордовии) [9, ч. 2, с. 893] (ср. в СлРЯ XI–XVII вв.: *пол-осминника*

и *полуосминник* – «мера земельных угодий, равная полусмине (шестнадцатой доли основной единицы измерения); участок земли соответствующего размера» [12, с. 271]); *полста'тка* – «небольшой участок обрабатываемой земли» (Краснослободский р-н Мордовии); *полста'ть* – «небольшой участок земли» (Темниковский р-н Мордовии), «земельный надел крестьянина в дореволюционное время» (Теньгушевский, Темниковский р-ны Мордовии) [9, ч. 2, с. 895];

в) названия элементов ландшафта, возникшего в результате человеческой деятельности: *полуста'нка* – «железнодорожный полустанок» (р. Урал); *полуста'нок* – «небольшое селение на тракте, где изредка останавливались ямские обозы» (Томский р-н Томской обл.) [10, вып. 29, с. 164]; *полусельцо* – «выселок, посёлок» (без географии) [2, т. 3, с. 253]; *полузапру'да* – «невысокая запруда» (Волга); *полудоро'га* – «половина проезжей части дороги» (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.) [10, вып. 29, с. 148, 146]; и др.

В современном русском литературном языке морфема *пол-* как начальный компонент сложных существительных употребляется в значении слова *половина*: 1) «одна из двух равных, вместе составляющих целое, частей чего-л.», а также «с добавочным смысловым оттенком: значительная часть чего-л.»; 2) «середина какого-либо расстояния или отрезка времени» [11, т. 3, с. 270]; морфема *полу-* вносит значения: 1) «половина того, что обозначено второй частью»; 2) «наполовину, пополам с чем-либо другим»; 3) «не совсем, не до конца, почти» [13, т. 10, стб. 1081]. В ряде рассмотренных нами народных географических терминов значения *пол-* и *полу-* зачастую не совпадают

с теми, что представлены в нормативных словарях. Так, в словах *полупо'ле* – «центр, середина поля» (Вологод.) [8, вып. 9, с. 146], *полвода'* – «середина ширины реки» (без географии) [2, т. 3, с. 250], *полурека'* – «середина реки» (Петрозаводский уезд Олонецкой губ., Новгородская губ.), *полусело* «середина, центр села» (Пермский край) [10, вып. 29, с. 161, 164] *полу-* имеет значение 'середина расстояния', тогда как в современном литературном языке в этом значении употребляется *пол-*. Кроме того, рассматриваемые корневые морфемы имеют более широкую семантику. Например, в семантику слова *полуполосье* «небольшой участок пашни среди леса» (Курганская обл.) [10, вып. 29, с. 160] начальный компонент *полу-* вносит значение 'небольшой размер'. Это значение не фиксируется в современных словарях нормативной лексики, но в Словаре русского языка XI–XVII вв., в словарной статье «Поль», представлено толкование «незначительность размеров» [12, с. 259].

Показательны в этом отношении имеющие широкую географию слова с корнем *-гор-* во второй части слова: *полгора*, *полгорка*, *полугор*, *полугорка*, *полугорье* и т. д. В костромском крае, в Поветлужье, было известно слово *полугора*: *Землянка... вырыта в полугоре... (дверкой) на полдень к речке* [3, с. 7]. Термин был зафиксирован в 1914–1916 гг. во время этнографической экспедиции Костромского научного общества по изучению местного края, целью которой был поиск «следов бывших старообрядческих скитов и ям пустынножителей» [3, с. 6].

В современном литературном языке лексема *полугора* толкуется как «половина горы, середина между подошвой и вершиной горы», «невысокая гора, пологий холм» [13, т. 10, стб. 1086]. Эти значения выявляются в семантике ряда фиксируемых в народных говорах слов с *пол-*, *полу-*. Так, лексема *полгора* (существительное *гора* употреблено в *им. п.*, в отличие от литературного, в котором в словах с *пол-* второй частью является имя существительное в *род. п. ед. ч.*) в воронежских, терских говорах употребляется со значением 'середина склона возвышенности, горы'; в говорах Мошковского р-на Новосибирской области – 'небольшая возвышенность, невысокий холм' [10, вып. 29, с. 40]. В словах *полугора* и *полугорки* в говорах донского казачества [1, с. 397], *полгорка* и *полугорка* в говоре казаков-некрасовцев [7, с. 210], *полугорок* в воронежских говорах; *полугорье* в русских говорах Среднего Приобья (Верхнекет., Зырян., Том.) [10, вып. 29, с. 141] корневые морфемы *пол-*, *полу-* актуализируют значение 'подобие при меньших размерах', которое в словарях современного литературного языка не представлено, но даётся в СлРЯ XI–XVII вв., в словарной статье «Поль» [12, с. 188–189]. Слова *полугор* (терские говоры) и *полугорье* (воронежские говоры, говоры донского казачества, говор казаков-некрасовцев)

обозначают 'склон горы, возвышенности'. Это толкование коррелирует со значением слова *поль* (род. п. *полу*) 'сторона', встречающегося в древнерусских письменных памятниках. Это значение отмечал И.И. Срезневский, иллюстрируя примерами из рукописей: *Оустремление... оба полы земля; Яко стѣна бо ѿгоустѣ ѿба полы вода; Перевозися Ярославль съ вои на другиѣ поль Дѣньпра* [14, т. 2, стб. 1145–1146]. В XIX в. в живой народной речи слово *поль* употреблялось со значениями «сторона, бок, край, половина, конец»; пример «оба полы дороги» В.И. Даль представляет с пометой «костромское» [2, т. 3, с. 249]. Сравним также одно из толкований лексемы *половина* в СлРЯ XI–XVII вв.: «одна из сторон, примыкающих к чему-л. (реке, границе и т. п.)» [12, вып. 16, с. 231].

Костромской (поветлужский) термин *полугора* является названием реалии, о которой известно, что она представляет собой берег: дверь вырытой в ней землянке, как говорится в иллюстрации, обращена к реке. Заметим, что одно из значений лексемы *поль*, встречающейся в рукописях X–XI веков, – «берег» [15, с. 473]; кроме того, термин *гора* в костромских говорах повсеместно употребляется со значением 'берег', на Волге – 'возвышенный берег'. Из описания однотипных поветлужских скитов старообрядцев следует, что землянка сооружена в вершинной части полугоры: «...эти землянки ничем не выделялись над поверхностью земли, а наоборот, были в уровень с нею...» [3, с. 7]. Кроме того, рядом с землянкой, вырытой в полугоре, было сооружено, уже на поверхности земли, несколько избушек.

Слово *полугора* как название возвышенного берега реки в известных нам диалектных словарях не выявлено. Однако такое толкование не исключает соответствующая статья в словаре Е.Н. Поляковой. Автор отмечает, что в речи жителей Осинского района Пермского края [как и восточные костромские говоры, в том числе поветлужские, они относятся к Вологодско-Вятской группе. – Г. Н.] термин *полугора* встречается в значении «середина подъёма горы» [6, с. 295]. Имеется комментарий: «Слово *полугора* образовано сложением двух корней: *пол-*... и *гор-* (см. ГОРА)», при этом не указывается значение слова *гора*, к которому дана отсылка. В словаре же термин толкуется как «значительная возвышенность, выделяющаяся над окружающей местностью» и как «сухой и высокий речной берег» [6, с. 93–94].

Как видим, в семантике народных географических терминов с корневыми морфемами *пол-*, *полу-* + *-гор-* сохраняются значения, которые возникали в процессе развития русского языка в XI–XVII вв. В дальнейшем происходило сужение семантики, но слова с исконным значением, вытесненные из активного употребления, сохранялись в живой народной речи.

Семантика народных географических терминов указывает не только на природные особенности местности, но и на особенности культуры живущих или живших здесь людей. С включением природных объектов, в первую очередь земельных участков, в хозяйственно-трудовую деятельность, речь местных жителей пополняется новыми словами, в числе которых существительные с *пол-, полу-*, например: *полдуша* (Ряз.) и *полдуши* (Арх, Костром., Калуж., Свердл., Волго-Камье) – «часть земельного надела на каждого члена семьи мужского пола» [10, вып. 29, с. 44–45]; *полукошь* – «малая мера земли, равная по ширине половине полотна косы» (Иван.) [10, вып. 29, с. 151]; *полчѣти* – «мера земли, равная восьмой части тягла (32 квадратным саженьям)» (Арх.) [10, вып. 29, с. 173]; и др.

В юго-западных костромских говорах, в Мисковской волости Костромской губернии, большая часть которой была затоплена 1950-е гг. в связи с сооружением Костромского разлива Горьковского водохранилища, бытовали термины *полкопейки* и *полупирог*. Их появление связано с хмелеводством – традиционным занятием местных жителей. Для удобства расчёта налогов крестьяне ввели свои, местные меры земельных участков, занятых хмелем. Кроме указанных, это *копейка*, *денежка*, *полушка*. Такие же названия имели хмельники соответствующих размеров. Некоторые из лексем известны в севернорусских говорах, в частности, *копейка* и *пирог* употреблялись для обозначения земельного участка, надела. В вологодских говорах зафиксировано слово *пирог* со значением «в дореформенной России участок земли, приходившийся на одну ревизскую душу» (Кадн. Волог.) [10, вып. 27, с. 40–41]. В картотеке Костромского областного словаря слово *копейка* представлено со значениями ‘земельный надел на одну душу’ – *На две копейки – на две души* (Кологр., д. Маслениха), ‘старая единица измерения площадей, примерно 1 ар.’ (Костромской р-н, п. Молоково). В Мисковском уезде копейка как мера площади хмельников не была одинаковой во всех селениях, в говорах которых термин употреблялся. Так, в Мискове и Жарках пространство одной копейки равнялось 256 квадратным саженьям, в Куникове – 100, в Спасе, Вёжах, Ведёрках и Овинцах – 44 [5, с. 121]. Полкопейки составляли 1/2 копейки, полупирог – 1/16 копейки.

Наблюдения показывают, что слова *полкопейка* и *полупирог* как ‘мера площади земельного участка, занятого хмельниками’ и ‘земельный участок определённого размера, занятый хмельниками’ имели узколокальное распространение – бытовали

в говорах лишь нескольких деревень Костромского района. Появление терминов было обусловлено хозяйственно-экономической деятельностью местных жителей – занятием хмелеводством, учётом хмельников в связи с распределением налоговых платежей. В свою очередь, занятие хмелеводством было возможно благодаря природным особенностям края.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2003. – 608 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880–1882.
3. *Завойко Н.* В костромских лесах по Ветлуге-реке // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 8. – Кострома: Тип. Риттер, 1917. – С. 3–40.
4. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
5. *Павлов Д.П.* Экономическая сторона мисковского хмелеводства // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 12. – Кострома, 1919. – С. 119–138.
6. *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. – 420 с.
7. *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 320 с.
8. Словарь вологодских говоров: в 12 вып. – Вологда: ВГПИ: ВГПУ, 1983–2006.
9. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. – СПб.: Наука, 2013. – (Памятники русского диалектного слова).
10. Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965.
11. Словарь русского языка: в 4 т. – Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16 / гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1990. – 295 с.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965.
14. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1912.
15. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОЙ ОБОРОТ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

В статье рассматривается специфика описательного глагольно-именного оборота как средства выражения оценки в эпистолярных текстах конца XIX – первой половины XX вв. Анализируются письма таких авторов, как А.П. Чехов, М.А. Волошин, В.Т. Шаламов, Б.Л. Пастернак. Выделены основные способы выражения оценочных значений описательных глагольно-именных оборотов. Отмечены продуктивные модальные значения, выражаемые данными конструкциями. Употребление описательных глагольно-именных оборотов в письмах рассматриваемого периода отражает сближение книжно-письменного языка с разговорным. Синкретичная природа писем доказывается и усиливается широкими экспрессивными возможностями описательных глагольно-именных оборотов. Структура рассматриваемых конструкций позволяет включать в их состав стилистически различные и оценочные языковые средства. Анализируются такие виды оценок, как сенсорные, сублимированные. Имена прилагательные в составе описательных глагольно-именных оборотов способны также выражать оценки, связанные с практической деятельностью человека, его повседневным опытом. В определенном контексте оценочные значения способны выражать местоимения, распространяющие описательные глагольно-именные обороты. Особое внимание уделяется отрицательным местоимениям. Одним из способов выражения субъективной оценки высказывания является ироническое употребление описательных глагольно-именных оборотов. В статье отмечены основные способы создания иронии посредством анализируемых оборотов. Самое частое употребление описательных глагольно-именных оборотов в речевом акте иронии основывается на несовместимости соединяющихся в одном контексте стилей. Обозначены характерные особенности эпистолярных текстов конца XIX – первой половины XX вв., отражающие основные направления эволюции русского литературного языка. Специфика эпистолярного феномена заключается в соединении различных жанров и стилей. Отмечена актуальность изучения данных конструкций и важность исследования классического эпистолярного текста.

Ключевые слова: описательный глагольно-именной оборот, оценочные значения, ироническое использование, эпистолярный текст, письмо.

В конце XIX – первой половине XX вв. личная переписка является одним из важнейших способов письменного общения и ярким показателем происходящих в языке изменений: окончательного разрушения книжной системы речи, установления свободной манеры общения. Основные направления эволюции русского литературного языка отражает язык эпистолярных текстов образованных людей, в первую очередь писателей: А.П. Чехова, М.А. Волошина, В.Т. Шаламова, Б.Л. Пастернака.

Именно в эпистолярной переписке звучит образцовый русский язык, происходит отражающее тенденцию демократизации сближение разговорной речи с книжно-письменным языком. В письмах ведется поиск новых средств выразительности и точности [7, с. 31].

В современном мире эпистолярный феномен является уходящим. Если в XIX–XX вв. личные письма совершенствовали литературный язык, то в начале XXI в. заметно негативное влияние электронной переписки на устную разговорную и даже письменную речь. В связи с этим важно сохранить для современников и будущих поколений каноны и особенности классического эпистолярного стиля.

Употребление описательных глагольно-именных оборотов (ОГИО) в эпистолярных текстах конца XIX – первой половины XX вв. отражает сближение книжно-письменного языка с разговорным: обороты исторически закрепились в книжном

стиле речи, по происхождению близки к речевым штампам, но при этом используются как оценочное средство. Синкретичная природа языка писем доказывается и усиливается широкими экспрессивными возможностями ОГИО (*делать ошибку, выражать беспокойство, испытывать сожаление и др.*). Функционирование спрягаемых и неспрягаемых форм описательного оборота в семантической структуре предложения выявляет специфику ОГИО как особой единицы номинации [5, с. 181].

Частные модальные значения зависят от семантики именного компонента и его синтагматических свойств [4, с. 590]. Одним из самых продуктивных модальных значений, связанных с оценкой, является неодобрение. Семантика оценки, осознаваемая в оппозиции «одобрение / неодобрение», признается сопутствующей, недифференцированной, отвлеченной [6, с. 118].

Значение неодобрения изначально может быть представлено в семантике именного компонента ОГИО. Девербативы и деадъективы выражают в большинстве случаев отрицательную оценку поведения человека, его действий, поступков: *Если бы даже двадцать Пастернаков, Маяковских и Цветаевых **творили беззаконие**, расшатывая свои собственные устои и расковырявая враждебные им силы дилетантизма, все равно эта Ваша связь с жизнью, а не их пример, давно должен был подсказать Вам, что Вы себя и Ваши опыты должны подчинять дисциплине более даже суро-*

вой, чем школа жизни, такая строгая в наши дни (Б.Л. Пастернак – В.Т. Шаламову. 9 июля 1952).

Структура ОГИО позволяет включать в его состав стилистически различные и оценочные языковые средства. Например, для ОГИО *иметь значение* характерно распространение прилагательным *большой*: *Для меня слишком большое значение имели те немногие встречи с Вами, чтобы я мог к ним относиться равнодушно* (В.Т. Шаламов – Б.Л. Пастернаку. 22 мая 1955. Туркмен). Прилагательные выражают положительную субъективную оценку, характеризуют ситуацию с точки зрения субъекта – конкретного лица. Н.Д. Арутюнова называет данный тип сенсорными оценками, связанными с ощущениями, чувственным опытом – физическим или психическим. Оценка прямо исходит из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек. Субъект оценки выступает в этом случае как психический или физический рецептор [1, с. 198].

Прилагательные, распространяющие ОГИО, могут содержать сублимированные (эстетические или этические) оценки, которые возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя» их [1, с. 199]: *Есть другая поэзия – оперирующая арифметическими величинами, когда читательской работы не требуется и приводится цифровая выкладка, дается однократное и тем самым не вечное, а временное решение задачи. Примеров этой второй, арифметической поэзии приводить не надо* (В.Т. Шаламов – Б.Л. Пастернаку. 25 мая 1953. Томтор). Тем самым в предложении отражаются субъективные отношения, впечатления, чувства человека по отношению, как правило, к художественному объекту.

Имена прилагательные в составе ОГИО способны выражать оценки, связанные с практической деятельностью человека, его повседневным опытом. Основными критериями будут являться физическая или психическая польза, выполнение некоторой функции, соответствие установленному стандарту [1, с. 200]: *А теперь поблагодарим нацию, школы, миллионные населения городов, тысячи профессий за то, что они создали такие удобные, легко постижимые понятия и, выработав такой точный и содержательный язык, тем самым приняли благосклонное участие в этом интимном объяснении, и принесли, так сказать, посильную помощь, и простимся прежними разбегавшимися родственниками* (Б.Л. Пастернак – О.М. Фрейденберг. 26.VII.1910. Москва). ОГИО *приняли благосклонное участие* можно отнести к оценкам сенсорным, поскольку субъектом выражается положительное отношение к действию. Ср.: *благосклонный* – ‘доброжелательно расположенный к кому-, чему-либо; оказывающий внимание, ласково снисходительный к кому-либо’ [10, т. 1, с. 492]. ОГИО *принесли посильную помощь*

является примером оценок, связанных с практической деятельностью человека, телеологических оценок. Прилагательное *посильный* характеризует действие с точки зрения эффективности, целесообразности, успешности осуществления: ‘со-размерный с силами, возможностями’ [10, т. 10, с. 1473].

В определенном контексте оценочные значения приобретают местоимения, распространяющие ОГИО. В письмах А.П. Чехова употребительно местоимение *какой*, характеризующее именной компонент ОГИО: *Я, повторяю, очень рад, и если бы мы познакомились и поговорили час-другой, то Вы убедились бы, как я высоко Вас ценю и какие надежды возлагаю на Ваше дарование* (А.П. Чехов – А.М. Горькому. 3 декабря 1898. Ялта); *Когда я рассказываю литераторам, которые вообще не избалованы хорошими приемами, о том, какой прием был оказан мне на Сахалине, то они не верят, что я явился на Сахалин, не имея ни одного письма, ни даже карточки* (А.П. Чехов – В.О. Кононовичу. 19 февраля 1891. Москва). Определительное местоимение *какой* выражает высокую степень качества, в него вкладывается большое значение (важность для субъекта), положительная оценка. Это подтверждают другие оценочные слова и сочетания, включенные в контекст высказывания: *очень рад, высоко ценю, хороший прием*.

У отрицательных местоимений способность к выполнению оценочной функции особая: к свойствам местоимений прибавляется изобразительная потенция префикса *ни*, усиливающего отрицание, указывающего на «всеобщность и безысключительность отрицания» (В.И. Чернышев). Отрицательные местоимения относятся к обозначающим «исключение всех элементов из семантического класса, обозначенного в тексте» (М.И. Откупщикова), и являются одним из средств выражения базовой понятийной категории отрицания [8, с. 6]. Основная функция отрицательного местоимения, состоящая в обозначении отсутствия предмета, признака, качества, взаимодействует с оценочной: отсутствие объекта (как предмета потребности субъекта) с точки зрения социального стандарта воспринимается негативно [8, с. 7].

Местоимение *никакой* указывает на отрицаемый признак: *Штольц не внушает мне никакого доверия* (А.П. Чехов – А.С. Суворину. Начало мая 1889. Сумы); *Если мы, следуя доброму примеру «Русских ведомостей», затеяли бы другой «Сборник», то это не принесло бы никакой пользы, так как два сборника, изданных для одной и той же цели, обыкновенно в продаже только мешают друг другу* (А.П. Чехов – В.М. Соболевскому. 7 октября 1891 г. Москва). В предложениях местоимение *никакой* с предшествующим отрицанием *не внушает, не принесло бы* выражает категоричность отрицания [9, т. 1, с. 32].

Ср. также: *Деятельностью я не принимал никакого участия в Революции, если не считать того, что всеми силами, поскольку это было в моих возможностях, мешал истреблению одних русских людей другими* (М.А. Волошин – Б.В. Савинкову. 28 сент<ября> 1920. Коктебель); *Скоро у меня экзамены – 3 или очень 4 трудных. То есть они не доставят мне никакого труда, и они вообще не трудны, но я не посещал лекций, а изданных нет* (Б.Л. Пастернак – Р.И. Пастернак. 19 апреля 1911. Москва).

Оценочное значение, передающее отношение к отрицаемой субстанции, «накладывается» на основное грамматическое значение бытия субстанции, усиливая его экспрессивность и образительность. Оно является добавочным, коннотативным, осложняющим структуру отрицательных высказываний, в которых отрицательные местоимения выражают отрицательное значение [8, с. 7]. Местоимение *никакой* с предшествующим отрицанием *не принимал, не доставят* выражает категоричность отрицания [9, т. 1, с. 32]. В этих примерах местоимение *никакой* можно приравнять к определенно-обобщительным местоименным словам типа *любой, хоть какой, всякий, какой бы то ни было* и т. д., выражающим добавочное, коннотативное оценочное значение отрицания, доходящего до всеобщности [8, с. 12].

Одним из способов выражения субъективной оценки высказывания является ироническое употребление ОГИО. Иронию при этом следует понимать как один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова или целого высказывания в смысле, противоречащем буквальному, с целью насмешки [3, с. 399]. ОГИО приобретают ироническое значение в ограниченном рамками одного предложения либо в расширенном контекстах.

Ирония опирается на небуквальное употребление ОГИО: *Пока в Вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть Вас и предавать Ваши пьесы проклятию* (А.П. Чехов – И.Л. Леонтьеву. 20 декабря 1888. Москва). Ср.: *предать проклятию* – ‘резкое осуждение кого-, чего-либо, возмущение кем-, чем-либо’ [10, т. 9, с. 1155].

Ироническое высказывание возникает на основе противоречия между действием и его характеристикой: *На поездку нужно 100–150 рублей, а я имел удовольствие на днях прокатить сквозь жизненный строй все мои акции* (А.П. Чехов – Н.А. Лейкину. 20 и 21 мая 1884. Москва). ОГИО *имел удовольствие* как положительная характеристика действия не соответствует его отрицательному результату, придавая высказыванию шутливо-иронический тон.

Как правило, употребление ОГИО в речевом акте иронии основывается на несовместимости соединяющихся в одном контексте стилей. Вы-

сказывание строится на несоответствии ОГИО с книжной стилистической окраской общему разговорному стилю текста, обыгрывается неуместность появления книжных оборотов в таком тексте, возникает «стилистическое рассогласование»: *Не ленитесь, голубчик, и не поддавайтесь унынию, а валяйте во все лопатки и повести, и рассказы, и драмы, невзирая ни на что и ни на кого* (И.Л. Леонтьеву. 6 мая 1889. Сумы); *Каждый день все собираюсь задать Вам сии вопросы да все некогда: то лень, то раков ловлю, то задумываюсь над своим больным художником, то чернила высыхают от жары, которая здесь давно уже наступила и обещает стоять долго, долго...* (А.Н. Плещеву. 14 мая 1889. Сумы). В одном логическом ряду объединяются разностилевые единицы: книжные ОГИО наравне с разговорным *во все лопатки*.

Эпистолярный феномен представляет собой соединение различных жанров и стилей. «Существует огромное количество писем, являющихся одновременно реализацией разговорно-бытовой речи, что обусловлено дружескими отношениями отправителя и получателя, стиля научной прозы в силу общей профессиональной ориентации, а также индивидуального стиля автора» [11, с. 108]. По словам исследователя Н.И. Белуновой, письма представляют собой «синтезированный, синкретический тип текста», так как «наряду с элементами разговорного стиля в них существенное место занимают элементы книжных стилей, присутствует некая стилизация, обработка под книжную речь» [2, с. 77].

Таким образом, ОГИО в эпистолярных текстах являются важнейшим средством выражения оценки. Использование стилистических различных и оценочных слов связано с передачей дружеской иронии, с созданием тональности приятельской беседы.

Употребление ОГИО в эпистолярных текстах обусловлено усилением аналитизма в русском языке, наличием когнитивных и коммуникативных задач субъекта высказывания. Эпистолярные тексты сочетают в себе книжность и разговорность, активное употребление ОГИО позволяет совмещать в структуре письма разностилевые элементы. Исследование таких средств выражения, как ОГИО, их роли в совершенствовании эпистолярного стиля важно для решения актуальной проблемы становления норм русского литературного языка в его письменной и устной разновидностях.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и Мир Человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Белунова Н.И. Дружеское письмо в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в школе. – 2000. – № 1. – С. 75–78.
3. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка // Труды регионального конкурса научных

проектов в области гуманитарных наук. – Калуга, 2006. – Вып. 8: Филологические науки. Искусствоведение. – С. 399–410.

4. Лагузова Е.Н. Модально-оценочная семантика высказываний с описательными глагольно-именными оборотами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 590–592.

5. Лагузова Е.Н. О термине описательный глагольно-именный оборот // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 178–181.

6. Лекант П.А. Речевая реализация модального значения неодобрения // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 117–124.

7. Лешутина И.А. Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Московский гос. обл. ун-т. – Москва, 2006. – 34 с.

8. Пачина Н.Н. Развитие оценочных значений в отрицательных местоименных словах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский педагогический ун-т. – Москва, 1998. – 22 с.

9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2002. – Т. 1. – 807 с. (РСС).

10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. – М.; Л.: АН СССР, 1948–1965 (БАС).

11. Цыцарина О.Ф. О понятии «эпистолярный жанр» в современной лингвистической литературе // Функционально-семантические аспекты языковых явлений. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1989. – С. 103–110.

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИОННОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)

В статье рассматриваются особенности композиционного развёртывания многокомпонентных сложноподчинённых предложений (далее МСПП), широко представленных в речи Андрея Болконского, одного из главных героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Объёмные (от трёх до одиннадцати предикативных единиц) и сложные по составу МСПП обладают определённым потенциалом в аспекте книжное / разговорное и активно вводятся писателем как для оформления реплик, так и для организации внутренней речи персонажа. Несмотря на то, что МСПП разнообразны по своей структуре, большинство из них – это конструкции неконтаминированного типа: предложения с соподчинением и последовательным подчинением компонентов. Продуктивность данных конструкций можно объяснить тем, что они являются наиболее удобной формой для функционирования таких стилистических фигур, как параллелизм, амплификация и др., что во многом способствует гармоническому построению МСПП. Однородность структурно параллельных придаточных, повтор / пропуск союза, введение antecedentes в главную часть упрощает конструкции, делает их более доступными для смыслового восприятия. В статье анализируются экспрессивные возможности данных конструкций. МСПП более сложной контаминированной структуры вводятся автором во внутреннюю речь героя. Они позволяют обнаружить тайные мысли и настроения персонажа, изобразить процесс развёртывания мысли. МСПП наблюдаются и во французской речи Андрея Болконского. Объединяясь в смысловые блоки, они сближаются с двухкомпонентными предложениями и не выглядят громоздкими, тем самым приближаясь к условиям устного речевого общения.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, художественный текст, речь персонажа, композиция, стилистические фигуры, структурный параллелизм, разговорная речь.

Известно, что произведения Л.Н. Толстого характеризуются сложным синтаксическим строем. Так, синтаксическую основу романа-эпопеи «Война и мир» составляют объёмные и сложные по составу предложения, предикативные части которых осложняются обособленными оборотами и объединяются в одно целое союзной связью. Однако, по мнению ряда исследователей, такая синтаксическая осложнённость не только не означает хаотического нагромождения речи, но и таит в себе стройную организованность [11, с. 263]. Отметим, что сама мысль о хаосе случайностей, об отсутствии разумно-сообразной высшей цели у всего живущего непереносима для Толстого, глубоко враждебна его сознанию, строю его убеждений [4, с. 139]. Это мировидение писателя отразилось и на принципах построения многокомпонентных конструкций, а именно многокомпонентных сложноподчинённых предложений (далее МСПП), конструируемых более чем из двух предикативных единиц.

МСПП в тексте романа «Война и мир» демонстрируют высокую степень структурной организации. Их многомерная иерархическая структура органично служит передаче сложной мысли автора, её тончайших оттенков. Обладая определённым стилистическим потенциалом в аспекте книжное / разговорное, МСПП широко употребляются в тексте романа не только в авторской речи, но и в речи персонажей. Наша задача – рассмотреть способы композиционного развёртывания МСПП и проследить особенности их употребления в речевом репертуаре героев романа.

Язык Толстого, как известно, отразил важный этап в становлении современного русского литературного языка. Со второй половины XIX века в связи с ростом национального самосознания продолжают расширяться и углубляться национально-демократические основы русского литературного языка [2, с. 385]. Процесс демократизации литературного языка находит своё отражение и в речевом репертуаре героев художественных произведений. Так, Толстой достаточно активно вводит МСПП в реплики действующих лиц, приспособивая эту книжную конструкцию к условиям устного речевого общения [3, с. 72].

В романе «Война и мир» общая представленность МСПП в речи персонажей составляет 12% от всего числа подобных предложений [5, с. 213]. В речевой характеристике героя писатель обобщает такие особенности речи, которые говорят читателю об уровне культуры персонажа и его принадлежности к определенной социальной среде, исторической эпохе, раскрывают его духовный мир, особенности характера, что в совокупности находит отражение в усложнённых синтаксических единицах. В тексте романа МСПП встречаются в речи представителей самых разных слоёв общества. Однако в основном это люди «европеизированного стародворянского круга», принадлежащие к высшему обществу, придворно-аристократической среде, хорошо владеющие языками, в том числе и русским литературным языком.

Несмотря на равный интерес ко всем персонажам (что в целом свойственно для романа-эпопеи), обилие речевых характеристик, писатель выделяет

ряд героев со сложным душевным миром, нередко противоречивым характером. Их речь, как правило, характеризуется широкой представленностью МСПП. Наиболее высокой частотность данных построений оказывается в речи Андрея Болконского, Пьера Безухова, Николая Ростова, княжны Марьи, Наташи Ростовой.

Несомненный интерес вызывает богатый речевой репертуар Андрея Болконского, одного из центральных персонажей романа. Анализ материала показал, что в целом на речь князя Андрея приходится 68 употреблений МСПП, что составляет 20% от всего числа подобных предложений, зафиксированных в речи действующих лиц романа. МСПП представлены как во внешних репликах, так и во внутренней речи героя, разнообразны по своей структуре и функциям. Высокую фреквенцию и многообразие МСПП в речи Андрея Болконского можно объяснить тем фактом, что этот герой хорошо образован, в совершенстве говорит и пишет не только на литературном русском, но и французском языке. Его речь всегда продумана, неоднократно внутренне проговорена: *Князь Андрей высказывал свои мысли так ясно и отчётливо, что видно было, он не раз думал об этом...* [9, т. 2, с. 546]. Аристократ, интеллигент, князь Андрей предстает в романе полностью сформированным человеком в отличие, например, от Пьера Безухова, становление которого происходит на протяжении всего романа. Именно таким человеком проводит Толстой своего героя через главные события истории, через узловые эпизоды его жизни, что в определённой степени обуславливает и «стройную организованность» его речи.

Толстой широко пользуется выразительными (коммуникативными) и изобразительными (экспрессивными) возможностями конструкции МСПП [3, с. 77]. В некоторой степени МСПП в речи Андрея Болконского можно считать стилистически значимой экспрессивной конструкцией. Известно, что в создании экспрессивной синтаксической фигуры важную роль играет способ построения, взаиморасположение, соотношение элементов [10, с. 190]. Для речевой характеристики своего героя Толстой привлекает всё разнообразие вариантов композиционного развёртывания МСПП: последовательное подчинение, соподчинение (однородное и неоднородное) и контаминированное подчинение компонентов, включающее в себя одновременно как последовательно подчинённые, так и соподчинённые придаточные. Большинство МСПП, представленных в речи князя Андрея – это конструкции неконтаминированного типа: модели с соподчинением (30,9%) и последовательным подчинением компонентов (33,8%). МСПП с контаминированным подчинением придаточных в два раза меньше – 35,3%. Предельным по количеству компонентов является МСПП, включающее в себя одиннадцать предикативных частей.

Продуктивность предложений с соподчинением и последовательным подчинением компонентов в речи героя связана с тем, что они являются в наивысшей степени адекватной и удобной формой для функционирования таких стилистических фигур, как параллелизм, градация, амплификация, хиазм и др. Подобные конструкции в речи персонажа, реализуя свои экспрессивные потенции, способствуют гармоническому (тема-рематическому) построению МСПП и поддерживают грамматически выраженную идею МСПП как микротекста, своего рода произведения.

Так, структурный параллелизм даёт возможность гармонического выстраивания компонентов, что способствует центростремительности конструкции, смысловому объединению его предикативных частей: 1) *Я испытал то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета* [9, т. 3, с. 441]; 2) *Как хорошо бы было знать, где искать помощи в этой жизни и чего ждать после неё там, за гробом!* [9, т. 1, с. 418]; 3) – *Передай графине Ростовой, что она была и есть совершенно свободна и что я желаю ей всего лучшего* [9, т. 2, с. 836]; 4) – *Теперь ездят и обвиняют его (Сперанского) все те, которые месяц тому назад восхищались им, – говорил князь Андрей, – и те, которые не в состоянии были понимать его целей* [9, т. 2, с. 834]. Из примеров видно, что компоненты МСПП находятся в особой симметрии. Основа гармонического построения здесь – однородность структурно параллельных придаточных частей, расположенных постпозитивно по отношению к главной части: присубстантивно-атрибутивных, изъяснительно-объектных, а также повтор средств связи: относительного местоимения *который*, союза *что* (см. примеры 1 и 3). Нередко в главной части таких предложений употребляется указательное местоимение *тот* (*та, те*) либо в роли выделительной частицы, либо в качестве соотносительного слова при пропуске существительного (см. пример 4). Небезынтересно отметить, что конструкции с антецедентом *тот* (*те*) распространены во французском языке, который, как известно, был в широком употреблении у дворянского общества первой четверти XIX века и оказал определённое влияние на русский синтаксис. По мнению Е.А. Реферовской, исследовавшей сложное предложение в современном французском языке, введение антецедентов – указательных местоимений значительно упрощает конструкции, делает их легче и доходчивей, чем и сближает их с живой разговорной речью [8, с. 232].

Рассмотрим более детально МСПП с последовательным подчинением компонентов, характерные для речи Андрея Болконского: 1) – *Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь – не по мне!* [9, т. 1, с. 52]; 2) *Потом вот этот дом, который надо было построить, чтобы*

иметь свой угол, где можно быть спокойным [9, т. 2, с. 547]; 3) *А нужно это для тех людей, которые гибнут нравственно, наживая себе раскаяние, подавляют это раскаяние и грубеют оттого, что у них есть возможность казнить право и неправо* [9, т. 2, с. 548]; 4) *Какая же может быть наука в таком деле, в котором, как во всяком практическом деле, ничто не может быть определено и всё зависит от бесчисленных условий, значение которых определяется в одну минуту, про которую никто не знает, когда она наступит* [9, т. 3, с. 66]. Подавляющее большинство МСПП с последовательным подчинением придаточных в речи князя Андрея – трёхкомпонентно (91%). Наиболее частотны предложения, абсолютная главная часть которых распространяется присубстантивно-атрибутивным придаточным с помощью универсального средства связи, в данном случае относительного местоимения *который*. В подавляющем большинстве случаев между предикативными частями возникают атрибутивно-выделительные отношения, поскольку придаточная часть распространяет сочетание существительного с препозитивными указательными местоимениями *этот, тот*, выступающими в роли усилительно-выделительных частиц. Так, местоимение *этот* подчёркивает связь предмета с ближайшим контекстом, ситуацией (см. примеры 1 и 2). Наблюдаются также МСПП, придаточная часть которых распространяет сочетание существительного с препозитивным указательным местоимением *такой*, имеющим добавочное значение степени качества (см. пример 4). Находясь в главной части, указательные слова формально завершают её. Не выражая самого смысла, они лишь сигнализируют о том, что этот смысл выражен в идущей далее придаточной части. Они являются как бы предвестниками и посредниками придаточной части в главной [7, с. 40]. В речи Андрея Болконского нередко можно встретить МСПП с постпозитивными придаточными причины, которые присоединяются синтаксическим союзом *что*, а обязательные для конструкции слова *потому, оттого*, указывающие на причину, входят в главную часть как соотносительные указательные слова (см. примеры 1 и 3).

Стоит отметить, что наряду с наиболее востребованным у Толстого (как в авторском повествовании, так и в речи персонажей) условным союзом яркой книжной окраски *если* (84,6%), в речевом репертуаре Андрея Болконского фигурирует разговорный союз *коли*: – *Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет*, – говорил князь Андрей, видимо смущённый [9, т. 1, с. 165];

Итак, несмотря на то, что МСПП с последовательным подчинением компонентов в целом не являются типичными для разговорной речи, писатель активно вводит их в реплики своего героя. Указательные местоимения, делающие конструк-

ции МСПП более удобными для восприятия, союзы с налётом просторечия и др. свидетельствуют о том, что данные усложнённые книжные конструкции начинают проникать и в живую разговорную речь.

Толстой активно вводит МСПП и для организации внутренней речи персонажа. Несмотря на тот факт, что чаще всего подобные предложения используются в звучащей прямой речи (69%), именно «скрытое внутреннее проговаривание» князя Андрея характеризуется наличием МСПП более сложной структуры с контаминированным подчинением придаточных частей. Это можно объяснить тем, что именно такие конструкции позволяют автору обнаружить сокровенные мысли и настроения своего героя, изобразить реальный процесс мышления, развёртывания мысли.

Рассмотрим примеры более объёмных МСПП с контаминированным подчинением придаточных во внутренней речи Андрея Болконского: 1) *Этого они не могут понимать, что все эти чувства, которыми они дорожат, все наши, все эти мысли, которые кажутся нам так важны, что они – не нужны* [9, т. 4, с. 523]; 2) – *Мало того, что я знаю всё, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: и Пьер и эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!* [9, т. 2, с. 597]. В приведённых примерах предпосылкой стройного построения конструкции является не только однородность структурно параллельных частей в составе МСПП, но и пропуск союза (асиндетон) в первом предложении и повтор связочного средства (полисиндетон) во втором предложении. Это создаёт представление о более тесной связи частей МСПП. Кроме того, многосоюзие, как и опущение союза, несёт в себе экспрессивную информацию, которая содержит сигнал эмоционального состояния персонажа [10, с. 197]. Автор привлекает внимание к каждой из частей предложения, актуализирует находящуюся в них информацию. Кроме того, во втором примере повтор союза *чтобы* сопровождается повтором слова *надо*, что повышает экспрессию МСПП. В составе конструкции второго предложения налицо признаки так называемого «гребёночного» повтора, при котором каждый повторяющийся элемент прикрепляется к своей точке, напоподобие зубьев гребёнки, создавая прерывистый повтор [10, с. 205]. Данный повтор характеризуется параллельным сопоставлением: *мало того, что – надо, чтобы*, что также делает конструкцию МСПП более удобной и лёгкой для восприятия. Несмотря на кажущуюся громоздкость данного предложения, оно отличается логичностью, структурной стройностью и прозрачностью, в нём чётко просматривается цепочка структурно-смысловых звеньев. Компоненты МСПП выстроены по принципу нарастания

их значимости. Таким образом, введение структурно параллельных частей в состав МСПП, повтор / пропуск связочного средства способствует гармоническому выстраиванию компонентов МСПП, «скрепляет структурную и смысловую сторону сегмента в монолитное целое» [10, с. 189].

Известно, что у дворянского общества первой четверти XIX века в широком употреблении был французский язык, с помощью которого Толстой передаёт в романе особенности речи дворянской аристократии. Князь Андрей Болконский является ярким представителем своей эпохи, одним из тех людей, которых называли «*comme il faut*». Его французский безупречен. Например, произнося фамилию Кутузова, князь Андрей делает ударение «на последнем слове *zoff*, как француз» [9, т. 1, с. 37].

Интересно отметить тот факт, что МСПП представлены и во французской речи героя: – *Il faut que vous sachiez que c'est une femme*, – сказал Андрей Пьеру [9, т. 2, с. 554]. Несмотря на изысканность французского языка, французские выражения и обороты речи стали привычными штампами, употребляемыми в светской беседе для любого случая. Во французской речи князя Андрея показательно то, что он не говорит заученными фразами, не употребляет речевые штампы. Напротив, виден процесс развёртывания мысли, подобный тому, который наблюдается в МСПП в русском языке.

Конструкция МСПП не выглядит громоздкой, поскольку главная и следующая за ней придаточная части представляют собой единый смысловой блок, что сближает эти конструкции с двухкомпонентными предложениями и делает ясной их тема-рематическую организацию. Высокая степень спаянности двух частей обусловлена наклонением глагола в придаточной части, а именно субъюнктивом (*que vous sachiez*). В отличие от формы индикатива, которая констатирует действие во времени, форма субъюнктива во французском языке служит для обозначения второстепенного действия, не имеющего чёткого временного выражения. Главная часть в таких предложениях содержит оценку факта, фигурирующего в придаточной части. Если во втором придаточном с глаголом в форме индикатива (*que c'est une femme*) действие предстаёт полноценным, самостоятельным, то содержание первого придаточного служит лишь поводом для высказывания в главной части. Значимо именно высказывание главной части, тогда как содержание придаточной находится на втором плане, заслонено содержанием главного. По мнению Е.А. Реферовской, придаточная часть, в которую входит форма субъюнктива, не обладает самостоятельностью содержания, оно не содержит отдельного сообщения, а включается в главное как его органическая неотторжимая часть [8, с. 31].

Итак, грамматическая организация речи персонажа является важной составляющей его образа.

Синтаксические структуры во всём своём многообразии способны создавать художественный образ [1, с. 32]. МСПП в тексте романа «Война и мир» служат ярким средством речевой характеристики героев, участвуют в создании сложных характеров. Даже при значительном композиционном усложнении МСПП обладают высокими перцептивными свойствами. Экспрессивные фигуры делают конструкцию МСПП чётко членимой, структурно обозримой, то есть более удобной для смыслового восприятия. Тем самым данные конструкции «повышенной книжности» приспосабливаются к условиям устного речевого общения, что позволяет установить живую связь между формами разговорного и книжного литературного языка.

Библиографический список

1. Беднарская Л.Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий: монография. – Орёл: ОГУ, 2012. – 392 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: пособие для высш. пед. учеб. заведений. – М.: Учпедгиз, 1938. – 448 с.
3. Ганцовская Н.С. Особенности употребления сложноподчинённых предложений с несколькими придаточными в пьесах Л.Н. Толстого // Язык и стиль Л.Н. Толстого: межвуз. сб. науч. трудов. – Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1984. – С. 72–78.
4. Жук А.А. Русская проза второй половины XIX века: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
5. Ивкова Е.Ю. Особенности функционирования многокомпонентных сложноподчинённых предложений в коммуникативном пространстве художественного текста (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: материалы XXXIV Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. – С. 211–216.
6. Калашикова Г.Ф. Многокомпонентные сложные предложения с союзной связью в современном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1981. – 43 с.
7. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
8. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка: Сложное предложение. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 240 с.
9. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 кн. Кн. 1, 2. – М.: Эксмо, 2012. – 1856 с.
10. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. – М.: КомКнига, 2007. – 240 с.
11. Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. – М.: Художественная литература, 1977. – 445 с.

Крапивкина Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Иркутский национальный исследовательский технический университет

koa1504@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ОШИБОК В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются ошибки в переводе, вызванные деструктивной лингвистической интерференцией. Целью работы является определение причин языковой интерференции в научно-техническом переводе. Исследование основывается на материале перевода аннотаций к научно-техническим статьям, опубликованным в ведущих российских журналах. Актуальность работы обусловлена повышающимися требованиями к качеству научно-технического перевода в связи с интеграцией российского научного сообщества в международное научно-информационное пространство. В работе применяется метод сопоставительного анализа переводов с русского языка на английский. Автор рассматривает определения языковой интерференции, предложенные отечественными и зарубежными исследователями. Основываясь на данных определениях, под языковой интерференцией автор понимает перенос фонетических, лексических, грамматических, культурных и стилистических особенностей исходного языка, являющегося родным для переводчика, на язык перевода, вызывающий отклонения от языковых норм последнего. В статье подвергаются анализу два основных вида интерференции – лексическая и грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная). В публикации отмечается, что среди лингвистических причин возникновения интерференции наиболее частыми являются различия в системах исходного и переводящего языков, а психологическим основанием служит подмена перцептивных эталонов переводящего языка перцептивными эталонами исходного языка. Негативное влияние интерференции на качество перевода требует изучения данного феномена и развития переводческих компетенций, которые позволяют ее избежать.

Ключевые слова: языковая интерференция, грамматическая интерференция, лексическая интерференция, перевод, качество перевода, ошибки в переводе.

Предметом исследования настоящей статьи является проблема языковой интерференции и ее влияние на качество перевода аннотаций к научным публикациям с русского языка на английский. Материалом послужили переводы аннотаций к статьям, опубликованным в ведущих российских журналах. В работе применялся метод сопоставительного анализа переводов.

Актуальность работы обусловлена важностью качественного перевода аннотаций к научным статьям в связи с интеграцией российского научного сообщества в международное научно-информационное пространство. Ошибки в переводе аннотаций не только снижают качество статей, но и оказывают негативное влияние на имидж научного журнала.

Вопросы интерференции привлекают внимание российских и зарубежных исследователей начиная с 30-х годов XX века [1; 3; 4; 6; 9; 11; 13 и др.]. Одним из первых мысль о взаимовлиянии языков высказал И.А. Бодуэн де Куртенэ, который под интерференцией понимал конвергентную перестройку языков в ходе контактов [Цит. по: 5, с. 317]. Он предположил, что в результате взаимного влияния языков друг на друга происходит не только заимствование языковых единиц, но и сближение языков в целом. Теоретической базой для исследований интерферентных явлений в языке послужили труды Л.В. Щербы, который утверждал, что в результате взаимного влияния языков друг на друга происходит изменение норм обоих контактирующих языков [13, с. 42–46].

С тех пор было написано множество работ, посвященных интерференции. Данное явление изучают с разных сторон – педагогической, лингвистической, социологической, психологической,

психолингвистической, переводческой. Только в 2008 году насчитывалось более 650 работ, в которых затрагивалась проблема интерференции в переводе. Большинство этих исследований ставили своей целью выработку рекомендаций, позволяющих избежать деструктивной интерференции и использовать конструктивную интерференцию в межкультурной коммуникации и переводе.

Интересно отметить, что не все исследователи относили интерференцию к негативным явлениям в переводе. Так, переводчики периода романтизма настаивали на использовании метода, который позволил бы читателю получить впечатление от оригинала во всей его «инокультурности» – форенизации, которая, по определению Ф. Шлейермахера, представляет собой «этнотерминологическое сопротивление ценностям культуры переводящего языка, фиксирующее лингвистические и культурные отличия оригинального текста» [14]. Форенизация в переводе меняет традиционно негативное представление об интерференции, то есть влиянии исходного языка на язык перевода, и превращает ее в ценность [7, с. 91].

Обратимся к сущности данного феномена и его определениям в российских и зарубежных лингвистических исследованиях.

Как отмечает У. Вайнрайх, после выхода работы которого в 1953 году термин «лингвистическая интерференция» получил широкое научное распространение, условием возникновения языковой интерференции является контакт языков, которыми владеет говорящий [4]. Как следствие, имеют место отклонения от норм каждого языка. Похожее определение мы находим у российского исследователя Л.И. Баранниковой, которая пишет, что

интерференция – это «изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого» [3]. Э.М. Ахунзянов к приведенному выше определению добавляет, что не имеет значения, идет ли речь о родном для говорящего языке или о втором языке, так как интерференция может осуществляться в обоих направлениях» [2].

Приведем определения понятия интерференции, предложенные иностранными исследователями. Э. Хауген определяет языковую интерференцию как «частичное языковое совпадение, при котором языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно», как «наложение двух языковых систем» [9]. А. Дибольд считает, что интерференция – это «языковое изменение, которое является результатом контакта двух языков» [12, р. 37]. Ч. Хокетт под интерференцией понимает «индивидуальный эффект заимствования» [13, р. 85]. По определению Р. Скиба, интерференция представляет собой перенос фонологических, грамматических, лексических и орфографических элементов из одного языка в другой язык [15].

Исходя из приведенных выше дефиниций, определим языковую интерференцию в переводе как перенос фонетических, лексических, грамматических, культурных и стилистических особенностей исходного языка, являющегося родным для переводчика, на язык перевода, вызывающих отклонения от языковых норм и системы последнего и чуждых ему. Переносу, который может быть как сознательным, так и случайным, подвергаются слова и словосочетания (лексическая интерференция), грамматические формы (грамматическая интерференция), культуронимы, включая имена собственные (культурная интерференция), жанровые конвенции (жанрово-стилистическая интерференция).

Чаще всего языковую интерференцию рассматривают как негативное явление, причину нарушения норм одного языка под воздействием другого [6]. Однако следует отметить, что в ряде исследований выделяют и конструктивную языковую интерференцию, под которой понимают «положительное воздействие явлений, функций и средств другого языка при их контакте (при изучении иностранного языка, общении и при переводе с одного языка на другой)» [1, с. 187]. В.И. Черемисин называет конструктивную интерференцию «трансференцией» [10, с. 8]. Конструктивная интерференция проявляется, как правило, если переводчик или иной говорящий владеет несколькими иностранными языками. Если знать схожие феномены (особенности словообразования, синтаксиса и т. п.) на различных языковых уровнях, их можно применять при переводе с одного языка на другой. Так, русской лексеме *отличный* соответствует английская *different* и французская *différent*. Соответственно, *безразличный* – *indifferent* (англ.) и *indifférent* (фр.).

Деструктивная языковая интерференция, которая является объектом нашего исследования, может проявляться на различных языковых уровнях. В данной работе мы рассмотрим перенос языковых особенностей на уровне лексики и грамматики. Следует отметить, что грамматическая интерференция может проявляться на трех уровнях – морфологическом, синтаксическом и пунктуационном. Как пишет В.В. Алимов, «морфологическая интерференция проявляется при переводе на уровне морфем и частей речи, особенно там, где есть существенные различия между частями речи и их употреблением в русском и иностранном языках» [1, с. 118]. Синтаксическая интерференция выражается в замене правил синтаксического оформления, свойственных каждому из контактирующих языков, правилами общими, оформляющими те же смысловые отношения. Пунктуационная интерференция проявляется в неправильном употреблении знаков препинания по аналогии с родным языком переводчика.

Среди лингвистических причин возникновения интерференции наиболее часто называют различия в системах исходного и переводящего языков. Как пишет В.В. Алимов, основными механизмами языковой интерференции являются отождествление и перенос элементов контактирующих языков. Несовпадение лексических, грамматических, семантических, стилистических элементов с эталонами, хранящимися в памяти переводчика, приводит к тому, что он пытается найти похожую, по его мнению, конструкцию в переводящем языке для выполнения перевода. Но, как пишет А.А. Леонтьев, «подавляющее большинство ситуаций восприятия речи связано не с формированием эталона, а с использованием эталона уже сформированного» [8, с. 9]. Если перцептивный эталон не совпадает с исходным текстом на лексическом уровне, появляется лексическая интерференция, на грамматическом – грамматическая интерференция, на фонетическом – фонетическая и т. п.

Рассмотрим примеры неверного перевода, вызванные влиянием языковой интерференции на лексическом и грамматическом уровнях:

Объект исследования – свинцово-цинковая сульфидная руда одного из месторождений Красноярского края.

Object of research – lead-zink sulphidic ore of one of Krasnoyarsk Territory's entrails.

В данном примере мы видим проявление деструктивной грамматической интерференции. Переводчик, которым, возможно, был автор статьи или лицо, владеющее языком на базовом уровне, забыл, что в каждом английском предложении должен быть глагол, и сохранил тире, не заменив его глаголом-связкой *is*. Кроме того, отсутствие артиклей в русском языке также повлияло на их неправильное употребление в английском.

Проведен отбор штаммов микроорганизмов (бактерий) по способности к росту на дизельном топливе.

The selection of strains of microorganisms on ability to growth on diesel fuel is made.

Под влиянием русского языка переводчик буквально перевел выделенные словосочетания, в то время как словосочетание *по способности к росту* корректнее было бы передать как *based on growth ability*. Неверно был использован и предлог *on*, который следует заменить предлогом *in*, а предложение в целом лучше было бы передать как *The selection of bacterial strains based on growth ability in diesel fuel*.

Похожим примером проявления лексической интерференции, обусловившей неверное употребление предлогов, служит перевод следующего высказывания:

На материале писем, дневников путешественников и периодики показано формирование двух версий образа Сибири.

On the materials of the travelers' letters, diaries and periodicals, the author of the article shows the formation of two versions of Siberia's image.

В данном случае правильнее было бы перевести словосочетание *На материале* как *based on* или *case study of*, прибегнув к соответствующим трансформациям.

Стенд разработан и создан в рамках выполняемой студенческой научной работы.

Stand was developed and constructed within the frames of the students' research work.

Под воздействием русского языка переводчик передает словосочетание *в рамках* как *within the frames*, которое правильнее было бы перевести как *as part of*.

В связи с повышением требований к качеству выплавляемого кремния необходимо осуществлять поиск новых путей снижения содержания примесей.

Due to the increasing demands to the melted silicon quality is necessary to search a new ways to decrease the impurities content.

В данном примере мы видим, как была ошибочно передана на английский язык лексическая единица *требований*. В данном контексте правильнее было бы перевести обозначенную конструкцию *в связи с повышением требований к качеству* как *due to increased smelted silicon quality requirements...* Пропущенное безличное местоимение *it*, предлог *for* после глагола *search*, лишний неопределенный артикль *a* перед существительным во множественном числе *ways*, употребление множественного числа *impurities* вместо единственного *impurity* – все это проявления грамматической интерференции. И если пропуск *it* – пример синтаксической интерференции, все остальные случаи можно отнести к морфологическому типу.

Одной из распространенных переводческих ошибок является нарушение тема-рематической организации предложения, которая не совпадает в русском и английском языках. Приведем пример:

Для расчета оптимальных значений параметров шлифования в представленной модели были использованы методы нелинейного программирования.

For calculating the optimum grinding parameters nonlinear programming methods are applied to the grinding model.

Рема в русской письменной речи всегда находится в конце фразы, а в английской она может быть и в конце, и в начале высказывания. При переводе данного предложения переводчику не удалось избежать синтаксической интерференции. Предложение следовало бы начать с сочетания *nonlinear programming methods*:

Nonlinear programming methods are applied to the grinding model for calculating the optimum grinding parameters.

Нередко морфологическая интерференция проявляется в неверном употреблении частей речи в переводе:

Предложено использование ферментов для снятия слоя желатина по технологии снятия эмульсионного слоя и извлечения серебра.

The author suggests to use enzymes for the removal of gelatin layer by removing the emulsion layer technology and silver extraction.

Под влиянием морфологической интерференции переводчик употребляет после глагола *suggests* инфинитив *to use*, хотя, следуя правилам грамматики английского языка, после данного глагола может стоять существительное, герундий или придаточное предложение с союзом *that*. Словосочетание *для снятия* корректнее было перевести инфинитивной конструкцией *to remove*.

В результате эксперимента было выявлено равномерное распространение теплового потока.

In the result of the experiment, uniform heat flow distribution has been revealed.

В данном примере переводчик необоснованно калькирует конструкцию *в результате эксперимента* как *in the result of the experiment*. Корректнее было бы перевести данное предложение как *The experiment has revealed uniform heat flow distribution*. Переводчику следовало бы прибегнуть к трансформации – замене члена предложения (обстоятельства подлежащим). Ошибка, связанная с переносом на уровне словосочетания, имеет место и в следующем предложении:

В данной статье влияние дефекта Стоуна – Уэльса было определено в рамках теории функционала плотности.

In the framework of density functional theory the author determines the influence of Stone-Wales defect.

Переводчик допустил перенос русскоязычной морфологической особенности в английский язык. Правильнее было бы перевести данное предложение как *The article determines the effect of Stone-Wales defect based on density functional theory*.

Под влиянием русского языка начинающие переводчики нередко сохраняют типичную для род-

ного языка конструкцию с нулевым подлежащим. Данная интерференция распространена в переводах аннотаций, особенно в сочетании с *in the article*. Приведем несколько примеров:

The author's approach to creation of stage-by-stage algorithm of performance appraisal is given in the article.

Thus, several arguable points connected with interpretation of morphemic structure of compound names of the person are discussed in the article.

In this connection such concepts as law institution, law system and legislative system are disclosed in the article.

Данные предложения необходимо начинать с подлежащего *the article*: *The articles suggests..., The article discusses..., The article discloses...*

Очень часто интерференция обнаруживается на пунктуационном уровне при переносе правил пунктуации с русского языка на английский:

Описано аналитическое и технологическое оборудование, используемое при разработке новых сплавов, а также режимы их получения.

Here are described analytical and technological-mechanical equipment, which is used in the development of new alloys and modes of their production.

Следуя пунктуационным правилам английского языка, запятая после относительного местоимения *which* не требуется.

Нередко в переводах аннотаций к научно-техническим статьям можно встретить неправильное употребление знаков препинания с числительными, что также можно отнести к влиянию норм русского языка: *1,500 – в английском = 1500 в русском, 0.5 – в английском = 0,5 в русском*. Приведем пример ошибки, допущенной в переводе аннотации:

Определено, что добавка машинного масла в процесс флотации позволяет снизить потери металлов с хвостами на 1,5-2 %.

It is defined that the additive of engine oil in process of flotation allows to reduce losses of metals with tails by 1,5-2 %.

Правильно: **1.5-2 %**.

В работе не были проанализированы примеры стилистической и культурной интерференции, хотя при переводе аннотаций возникают как стилистические переносы, так и переносы культуронимов и жанровых конвенций. Данная проблема, возможно, станет объектом будущих исследований.

Итак, в результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что среди лингвистических причин возникновения интерференции наиболее частыми являются различия в системах исходного и переводящего языков, а ее психологическим основанием является подмена перцептивных эталонов переводящего языка перцептивными эталонами исходного языка.

Негативное влияние интерференции на всех языковых уровнях на качество перевода требует изучения данного феномена и развития переводче-

ских компетенций, которые позволят ее избежать. Исследование лингвистической интерференции в переводе помогут уменьшить влияние деструктивной интерференции и использовать конструктивную ее разновидность.

Библиографический список

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2004. – 260 с.
2. Ахунзянов Э.М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1978. – 187 с.
3. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее появления // Проблемы двужычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 88–98.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 25–60.
5. Верецагин Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. – 1968. – № 4. – С. 103–110.
6. Комиссаров В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // Проблема интерференции при переводе. *Interferenz in der Übersetzung*. Herausgegeben von Heide Schmidt VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1989. – P. 103–108.
7. Корнаухова Н.Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 3 (15). – С. 90–96.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Психология для студента. – М.; СПб.: Смысл.; Лань, 2003. – 288 с.
9. Хауген Э. Проблемы двужычного описания // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 277–289.
10. Черемисин В.И. Лексико-семантическая интерференция при переводе как особом виде языкового контакта (на материале англо-русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1992. – 25 с.
11. Шевченко В.Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография. – Самара: СамГУПС, 2008. – 194 с.
12. Diebold A. Incipient bilingualism // *Language*. – 1961. – V. 37. – No 1. – P. 98.
13. Hockett Ch. A Course in Modern Linguistics. – N.Y., 1958. – 621 p.
14. Schleiermacher F.D.E. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens // Friedrich Schleiermacher's sämtliche Werke. Dritte Abtheilung. Zur Philosophie, Zweiter Band. – Berlin, 1838. – P. 207–245.
15. Skiba R. Code Switching as a Countenance of Language Interference // *The Internet TESL Journal*. – V. III. – No 10 [Electronic resource]. – URL: <http://iteslj.org>.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

На основе сравнительно-сопоставительного и компаративного анализа оригинала и его нескольких переводов, находящихся в синхронических и диахронических отношениях с подлинником, проводимого с целью вскрытия лексико-семантических и стилистических переводческих преобразований исходного текста, делается попытка выявления тенденций и дивергенций в сфере современного языка переводной литературы и преобладания тех или иных переводческих стратегий, обуславливающих эти трансформации. С этой целью рассматривается взаимосвязь выбора переводчиком той или иной стратегии перевода с осмыслением им функциональной доминанты текста оригинала. В результате анализа автор приходит к выводу, что эпизоды отклонения переводчика от литературной нормы подлинника обусловлены рядом факторов: стремлением осовременить лексику оригинала, подвергнушуюся процессу естественной архаизации, ориентацией на особенности контекста определенной речевой ситуации, необходимостью обращения к переводческой стратегии декомпрессии оригинала, стилистической интенсификацией некоторых лексем вследствие обращения переводчика к стратегии воссоздания жанрово-стилевой принадлежности текста, попытки компенсировать текстовую метафору через усиление экспрессивно-образной метафорической направленности подлинника посредством маркированной лексики. В результате использования переводчиками нелитературных средств как литературных посредством стилистических приемов происходит «олитературирование» и нейтрализация сознательно вводимой переводчиками маркированной лексики.

Ключевые слова: переводческая стратегия, синхронность и диахронность перевода, языковые изменения, тенденции, сравнительно-сопоставительный анализ, модификации, нейтрализация.

Актуальные для своего времени тенденции и трансформации, наблюдаемые в языке на том или ином этапе его становления, находят свое воплощение в литературных произведениях, создаваемых в какой-либо период развития национального языка. Сравнительно-сопоставительный и компаративный анализ формы выражения памятников художественной литературы позволяет выявить изменения в языке на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях с древнейших времен до наших дней. Данные характерные особенности языка художественной литературы определенного периода, в частности его лексико-грамматического аспекта, могут быть очевидными даже в пределах таких временных рамок, как сто или даже пятьдесят лет.

Переводная литература, в свою очередь, также отражает языковые изменения, происходящие в языке. Подобно сравнительно-сопоставительному и компаративному анализу оригинала, анализ переводов одного и того же произведения, выполненных в разное время, может быть ценным средством вскрытия преобразований, имеющих место в языке, на который создается перевод. Переводные версии произведений художественной литературы являются, таким образом, индикатором текущих тенденций в языке. Однако всестороннее воссоздание картины качественных характеристик языка определенного периода зависит от переводчика и избранной им переводческой стратегии.

В этой связи уместным будет упомянуть о таком явлении, как синхронность и диахронность перевода, где под синхронностью понимается создание подлинника и перевода в одну истори-

ческую эпоху. В этом случае автор и его переводчик являются современниками, а среда оказывается для них исторически единой, объединенной многими культурными, научно-техническими, социальными и духовными общностями. В данной ситуации возникновение каких-либо противоречий между темпоральными параметрами лексико-грамматического воплощения художественного оригинала и его перевода невозможно. Диахронный перевод представляет собой перевод произведений прошлых веков. Здесь временная дистанция между созданием оригинала и перевода значительна, интралингвистические характеристики и экстралингвистические параметры соответствующих эпох отличны друг от друга. Естественная архаизация лексико-семантических, синтаксических и других уровней художественного произведения является неизбежной. Данный процесс влияет на восприятие произведения и создает особые переводческие проблемы. Переводчику, который обязан воссоздать с наименьшими потерями коммуникативно-прагматическую направленность оригинала, сохранив при этом его смысловую структуру и архитектуру, приходится решать сразу несколько вопросов: переводить ли языком той эпохи, в которую было создано оригинальное произведение? Соблюдать ли историческую дистанцию, отказываясь от модернизированных лексических единиц, эквивалентов устаревшей лексики языка перевода, избегая ненужного «осовременивания» [1, с. 143]? Сохранять ли колорит эпохи создания оригинала, одновременно создавая актуальный и нацеленный на современного читателя перевод и т. д.?

Выбор стратегии перевода обусловлен правильным и полным пониманием переводчиком всех аспектов функциональной доминанты текста. Так, в художественном тексте, где основными компонентами его направленности являются предметно-содержательный компонент, а также специфическое эстетическое воздействие, основными стратегиями по воссозданию лексики оригинала в переводе будут «стратегия жанрово-стилевой принадлежности текста», «стратегия определения доминантной плотности», «стратегия компрессии/декомпрессии», «стратегия компенсирующих модификаций» и «стратегия передачи мироощущения» [2, с. 162].

Бесспорным является воссоздание в переводе лексических, грамматических и морфологических структур, характеризующихся отклонениями от языковой и литературной норм, которые были сознательно введены автором в ткань произведения с целью создания определенных стилистических эффектов. Прием компенсации, используемый при этом переводчиком для воссоздания утраченных при переводе элементов значений, позволяет передавать содержание оригинала, «компенсируя» утраченный смысл. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот [3, с. 94]. В то время как самопроизвольно вводимые переводчиком в текст перевода модные, сленговые, разговорные и нелитературные слова и выражения зачастую вызывают вопросы с точки зрения верности переводческой концепции.

XX–XXI вв. характеризуются тем, что в процессе глобализации культуры и коммуникации эпохальные произведения мировой художественной литературы обретают все новые и новые переводы на другие языки. В формате данного исследования феномен переводной множественности интересен с точки зрения возможности комплексного диахронного анализа малейших дивергенций в сфере языка переводной литературы и преобладания тех или иных переводческих стратегий как на уровне переводческой деятельности в целом, так и в пределах определенной литературной работы в частности. В нашей статье обратимся к роману немецкого поэта и прозаика Р.М. Рильке «Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge» («Записки Мальте Лауридса Бригге»), написанному в 1910 г. и трем его английским переводам. Автор перевода-открытия, опубликованного в 1930 г. и, следовательно, наиболее синхронного по темпоральным параметрам оригиналу, является Дж. Линтон. Два других перевода были выполнены в 2009 г. Автор одного из них – У. Нидэм, второй перевод принадлежит перу писателя, критика, редактора и переводчика М. Халса. Два последних перевода, таким образом, находятся в диахронических отношениях с подлинником, поскольку их разделяет около ста лет. Следует сказать о том, что факт активного издания

переводов этого романа является свидетельством неослабевающего интереса читательской публики и переводчиков к этому модернистскому реакционному произведению. Таким образом, анализ данного романа в аспекте заявленной проблематики представляется нам обоснованным для получения актуальных выводов по результатам исследования.

В ходе проведения сравнительно-сопоставительного анализа оригинала романа Р.М. Рильке и его переводов, выполненных ранее, нами было выявлено, что переводчики (Дж. Линтон, М. Д. Хертер Нортон, Ст. Митчелл) использовали следующие стратегии: «стратегию уяснения жанрово-стилевой принадлежности текста», «стратегию передачи мироощущения», а также «стратегию компрессии и декомпрессии оригинала». В более поздних переводных версиях романа наряду со стратегией «компрессии и декомпрессии оригинала» значительно выдвигается вперед «стратегия компенсирующих модификаций»¹, состоящая в том, чтобы «содержательно-структурное отражение ИТ (исходного текста), содержащееся в ПТ (переводном тексте), определенным образом отклонялось от оригинала – так, чтобы эти отклонения «компенсировали» принадлежность носителей ПЯ (языка перевода) к иной лингвоэтнической общности и создавали для них приблизительно те же лингвоэтнические предпосылки для восприятия текста и реакции на него, которые характерны для носителей ИЯ (языка-источника)» [4, с. 92–93].

Перейдем к рассмотрению седьмого фрагмента романа Р. М. Рильке, не превышающего по объему одной страницы машинописного текста. Данный отрывок является достаточно показательным в аспекте исследуемой проблематики, поскольку около 50% текста двух современных переводов «Записок Мальте Лауридса Бригге» имеют те или иные отклонения от литературной и лексико-семантической нормы оригинала.

Natürlich fabrikmäßig (R.M. Rilke).

Of course the whole business is mechanical (Дж. Линтон).

It is a factory production line, of course ... (М. Халс).

It's natural mass-production (У. Нидэм).

В данной группе примеров словосочетания *production line* и *mass production*, использованные для описания всей безликости и масштабности явления смерти, являются современными эквивалентами лексемы *фабрика* и больше напоминают терминологическое употребление лексических единиц в контексте экономического характера, обусловленное стремлением переводчиков осовременить описание «фабричного способа» смерти. Предложение, использованное в переводе Дж. Линтоном, носит нейтральный характер.

Wer giebt heute noch etwas für einen gut ausgearbeiteten Tod? (R.M. Rilke)

Who cares anything today for **a well-finished death?** (Дж. Линтон).

Who cares about **a well-made death** these days? (М. Халс).

Who today still cares whether or not **a death has been well put together?** (У. Нидэм).

Употребляемые в языке повседневного общения конструкции *well-made* и *well put together* привносят в перевод ноту непринужденности и простоты. Их выбор вызван, вероятно, ориентированием переводчика на контекст данной речевой ситуации, одной из черт которого является изображение обыденности смерти.

Gott; das ist alles da. Man kommt, man findet **ein Leben, fertig**, man hat es nur anzuziehen (R.M. Rilke).

Heavens! it is all there. We come and find **a life ready for us:** we have only to put it on (Дж. Линтон).

Dear God, it is all there waiting for us; along we come and find **a life ready to wear on the rail**, and all we have to do is put it on (М. Халс).

God! It's all there waiting for us. We come along, we find **a life, ready-made, off the peg**, and all we have to do is put it on (У. Нидэм).

В вышеприведённом примере интересно употребление восклицательного *God!* в переводе У. Нидема. Данный вариант является наиболее современным и разговорным из всех предложенных. В этом случае уместно будет сказать о диахроничности отношений между данным переводом и исходным текстом. Так, употреблённое в переводе Дж. Линтона *Heavens!* более поэтично и архаично по сравнению с предложенным У. Нидэмом *God!* Кроме того, в двух последних переводах налицо переводческая стратегия декомпрессии оригинала, выражающаяся в употреблении распространенного, отсутствующего в оригинале определения к слову *ein Leben*. В переводе у Дж. Линтона подобной экспрессивной семантики не наблюдается.

Man stirbt, wie es gerade kommt; man stirbt den Tod, der zu der Krankheit gehört, die man hat (denn seit man alle Krankheiten kennt, weiß man auch, daß **die verschiedenen letalen Abschlüsse** zu den Krankheiten gehören (R.M. Rilke).

We die the best we can; we die the death that belongs to the disease from which we suffer (for since we have come to know all diseases, we know, too, that **the different lethal endings** belong to the diseases... (Дж. Линтон).

You die as you happen to die; you die the death that comes with your illness (and now that we are familiar with every disease, we know too that **the various terminal issues** are peculiar to those diseases... (М. Халс).

You die as and when you die; you die the death that belongs to the sickness you have (for all sicknesses are known; what is also known is that **the different fatal endings** belong to the sickness... (У. Нидэм).

Обращает на себя внимание перевод М. Халса, поскольку словосочетание *the terminal issues*,

употребляемое для придания более интенсивной эмоциональной окраски и без того выразительно-му *die letalen Abschlüsse* (летальный исход), носит также терминологическую окрашенность медицинской сферы словоупотребления. Аргументировать переводческий выбор можно утверждением о том, что здесь используется стилистическая интенсификация, обусловленная прагматически и ситуационно обращением переводчика к стратегии воссоздания жанрово-стилевой принадлежности текста. Исследуемый переводной вариант Дж. Линтона в плане словника полностью накладывается на оригинал.

In den Sanatorien, wo ja so gern und mit so viel Dankbarkeit gegen Ärzte und Schwestern gestorben wird, stirbt man einen von den an **der Anstalt angestellten Toden** (R.M. Rilke).

In sanatoria, where people die so willingly and with so much gratitude to doctors and nurses, they die from one of **the deaths assigned to the institution...** (Дж. Линтон).

In sanatoriums, where people die so readily and with so much gratitude towards their doctors and nurses, you die one of **the deaths available at the institution...** (М. Халс).

In sanatoriums, where people die so gladly and with so much gratitude toward doctors and nurses, **the death which is died is one that is utilized by the institution...** (У. Нидэм).

Коннотацию рыночно-торговых отношений несут характерологические лексемы *available* и *utilized*, введенные переводчиками в словосочетания с элементом *death*. В данных примерах, скорее всего, продолжается тенденция семантического осложнения переводчиками исходных нейтральных лексем по причине все той же стратегии воссоздания жанрово-стилевой принадлежности текста, их стремления заострить экспрессивно-образную метафорическую направленность подлинника. Переводной эквивалент Дж. Линтона является нейтральным, созвучным оригиналу.

Da stehen dann die Armen vor so einem Haus und sehen sich satt (R.M. Rilke).

Poor folk stand outside a house where **this** has taken place and surfeit themselves with **the spectacle** (Дж. Линтон).

The poor stand and gape at a house where these **rites are in train** (М. Халс).

The poor stand in front of such a house and watch until they've seen **all they want to see** (У. Нидэм).

В приведенных выше трех переводных версиях используется стратегия декомпрессии текста, включения пояснительных элементов в текст перевода. В переводе У. Нидема используется нейтральная лексика, несмотря на помпезность описываемых автором ритуалов.

Nur wenn er **nicht zugeht über der Brust** oder würgt, dann hat es seine Not (R.M. Rilke).

The trouble comes when it **doesn't meet round the chest**, or when it strangles (Дж. Линтон).

But it's bothersome if **the front won't do up** or it's tight at the throat (М. Халс).

...it's only if it **doesn't meet across the chest** or if it chokes that something has to be done to it (У. Нидэм).

Текстовая метафора данного примера претерпевает качественные изменения на лексико-грамматическом уровне в переводе М. Халса. Кроме того, переводчик прибегает к генерализации при переводе данного элемента текста. Разговорная стилистика доминирует в приведенном примере, успешно создавая у читателя картину мирских проблем бедняков по контрасту с сытой и беззаботной жизнью богачей. Простая небрежная речь противопоставлена помпезной речи представителей более высокого социального круга. Оборот *the front won't do up* является сленговым и присущ лексикону рядовых граждан. Дж. Линтон в очередной раз в нейтральном ключе воссоздает лексико-грамматический аспект текста-источника.

В процессе сравнительно-сопоставительного исследования оригинала и указанных переводов романа Р.М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» на лексическом уровне было выявлено, что переводчики обращаются к маркированной лексике в тех случаях, когда это требуется для верного воспроизведения функциональной доминанты текста. Обращение к приему компенсации при передаче специфических для одного языка элементов носит избирательный характер и мотивируется прагматикой оригинала.

Интересующие нас лексические ресурсы сравниваемых с оригиналом переводов, иллюстрирующие отклонение от нормы оригинала и устремленность к специализированной лексике одной из сфер человеческой деятельности, опосредуют некую направленность на модернизацию оригинального текста в переводах М. Халса и У. Нидэма. В то же время в синхронном переводе Дж. Линтона выявить ярко выраженные лексико-грамматические и логико-семантические расхождения с оригиналом, обусловленные стилистическими трансформациями подлинника переводчиком, как мы и предполагали, не удалось.

Отклонения от литературной нормы, увлечение современным английским языком повседневного общения объясняется тем, что переводчики, помимо прочего, руководствуются принципом воссоздания оригинала в соответствии с его актуальными стилистическими и лексическими параметрами, трансформированными сквозь призму диахронического анализа. Безусловно, случаи лексического

несоответствия в переводе У. Нидэма иногда приводят к смысловой девиации и урезанию смысла подлинника. Однако при общем рассмотрении можно предположить, что стилизация речи, позиционирование переводчиками нелитературных средств как литературных посредством стилистических приемов ведет, в некоторой степени, к стиранию границ между лексическими пластами, что, в свою очередь, способствует олитературированию и нейтрализации сознательно вводимых переводчиками отклонений от общепринятого литературного языка. Однако не стоит забывать о том, что коммуникативно-прагматическая структура оригинала требует четкой и осторожной работы переводчика при ее передаче.

Примечание

¹ Более подробно о переводческих стратегиях, используемых при переводе текстов различной функциональной направленности см.: Дьяконова Н.А. Функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2004. – С. 91–166.

Библиографический список

1. Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.
2. Дьяконова Н.А. Функциональные доминанты текста как фактор выбора стратегии перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2004. – 185 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
5. Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге / пер. Е. Суриц. – М.: FreeFly, 2005. – 192 с.
6. Rilke R.M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. – 176 S.
7. Rilke R.M. The Notebook of Malte Laurids Brigge. Transl. by John Linton. – London: The Hogarth Press, 1930. – 243 p.
8. Rilke R.M. The Notebooks of Malte Laurids Brigge. Transl. by Michael Hulse. – Suffolk: Penguin Books, 2009. – 180 p.
9. Rilke R.M. The Notebooks of Malte Laurids Brigge. Transl. by William Needham [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onread.com/book/The-Notebooks-of-Malte-Laurids-Brigge-1072015/> (дата обращения: 04.01.2013).

Маник Светлана Андреевна
кандидат филологических наук, доцент
Ивановский государственный университет
Svetlana_manik@yahoo.com

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ (на материале употребления слов «to annex» и «annexation» в английских медиатекстах)

*Статья посвящена вопросу оценки как составной части семантической структуры слова. В процессе формирования и в некоторой степени «перекраивания» языковой картины мира оценочная семантика общественно-политического слова играет значительную роль, что позволяет выделять идеологическую оценку (или иначе идеологический оценочный компонент, идеологический аспект оценочной семантики), когда оценка дается денотату с точки зрения соответствия или несоответствия идейным и политическим принципам некоего социума (класса, общественной группы). Значительная часть слов приобретает сему идеологической оценки в конкретных культурно-исторических условиях в ходе «идеологического освоения действительности», под прямым или косвенным воздействием СМИ. Целью данного исследования является рассмотрение оценочной семантики общественно-политической терминологии, в частности актуализации идеологической оценки на примере употребления слов *to annex* и *annexation* в английских медийных текстах, посвященных присоединению Крыма к РФ. В статье представлены наиболее интересные контексты употребления анализируемых слов из авторского электронного корпуса медиатекстов. Данные обобщены в таблице основных случаев употребления и сочетаемости слов «to annex» и «annexation», а также синонимических замен данных лексем. Рассматриваются принципы актуализации идеологических оценочных значений.*

Ключевые слова: семантическая структура слова, оценочная семантика общественно-политической терминологии, идеологическая оценка, медиатекст, манипулятивное воздействие.

Язык располагает различными способами выражения оценки, что обуславливает многообразие подходов к оценочному значению в лингвистике. Традиционно выделяют два основных подхода, взаимодополняющих друг друга: коммуникативный (или прагматический) и когнитивный [3]. Такая корреляция, на наш взгляд, неизбежна, поскольку статус языковой и речевой оценки (как универсального явления, а также одного из основных механизмов познания мира и формирования языковой картины мира) предполагает участие данной категории мышления и коммуникации в решении различных актуальных проблем современной лингвистики. Как справедливо отмечает И.В. Чекулай, «с одной стороны, оценка является инструментальным средством или основанием описания явлений, рассматриваемых в рамках сложившихся традиционных научных парадигм лингвистического исследования (семантической структуры слова и словаря, компонентного состава лексических единиц, глубинно-синтаксических феноменов), и, с другой стороны, она выполняет аналогичные задачи и функции в таких относительно новых направлениях лингвистических исследований, как когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, межкультурная коммуникация, диалог языковых культур и т.п.» [4, с. 24].

По мнению многих ученых (М.С. Ретунская; А.А. Ивин; Н.Д. Арутюнова; А.С. Герд; В.Г. Гак; Е.М. Вольф; И.А. Стернин; Т.В. Писанова; Н.Н. Болдырев) оценка является составной частью семантической структуры слова, имеет тесную связь с эмотивным компонентом и понятийным ядром слова, реализует оценочное отношение языкового коллектива к соотносительному со словом по-

нятию или предмету по типу хорошо/плохо в диапазоне от «очень хорошо» до «очень плохо».

Оценка как составная часть мышления зачастую отождествляется с ценностью. В свою очередь ценности совместно с оценочной деятельностью носят социальный характер, соотносятся и взаимодействуют с общественной практикой, индивидуальной деятельностью человека и обусловлены определенными историческими условиями. Они обладают динамическим характером, поскольку формируются в процессе социализации. В ходе существования, социальных взаимоотношений людей и на базе человеческих потребностей возникают интересы, которые непосредственно обуславливают заинтересованность человека в чем-то. Оценка как явление мыслящего ума отражает, прежде всего, его характеристики как субъекта и объекта действия, как статического потенциала и динамического механизма преобразования мира и собственной судьбы [4, с. 20].

В процессе формирования и в некоторой степени «перекраивания» языковой картины мира оценочная семантика общественно-политического слова играет значительную роль. В создаваемых в контекстах номинациях исходное (словарное) значение, не имеющее прямо выраженного оценочного потенциала, довольно часто может его приобретать; слово начинает функционировать как оценочная лексическая единица в речи. Это позволяет конструировать бессознательное и сознательное отношение к подобным фрагментам обновляемой картины мира. Также данное явление мотивирует поступки, манипулятивно ориентирует на создание обусловливаемой социальной природой общественного устройства «шкалы оценок», оценочных стереотипов, существующих в обще-

ственном сознании социума. Таким образом, возможно говорить об идеологической оценке (или иначе идеологическом оценочном компоненте, идеологическом аспекте оценочной семантики).

Б.Ю. Норман и Х. Джакнай под идеологическим компонентом понимают «оценку, даваемую денотату с точки зрения соответствия или несоответствия идейным и политическим принципам того социума (класса, общественной группы), к которому причисляет себя говорящий» [8]. Идеологический компонент в семантической структуре слова способен продвигаться с периферии в центральную, ядерную часть. В таком случае сема идеологической оценки попросту вытесняет или заменяет собой предметно и понятийно мотивированные ядерные семы. По мнению ученых со временем идеологический компонент в семантике слова может ослабевать, стираться или коренным образом трансформироваться – оценка меняется с «минуса» на «плюс» или наоборот. Значительная часть слов приобретает сему идеологической оценки в конкретных культурно-исторических условиях в ходе «идеологического освоения действительности» [1], под прямым или косвенным воздействием государственной пропагандистской машины. Такие слова несут в себе отпечаток конкретной эпохи и конкретного общества [2]. Так, например, исследуемое слово *annexation* по-разному использовалось в медиатекстах и воспринималось в зависимости от тех событий, по отношению к которым оно употреблялось, иногда заменялось синонимом: *German occupation of parts of Czechoslovakia in 1938, which became one of the causes of World War II; the French annexation of Madagascar as a colony in 1896; annexation of the two parts of the Bronx in 1874 and 1895 gave New York City the last of its five boroughs; city initiated annexation; voluntary annexation; annexation of Texas; Houston annexation; subnational annexation; Crimea/Crimean annexation* и т.п. С одной стороны, *annexation* приравнивается и заменяется словом *occupation* (оккупация), когда речь идет о военных событиях и захватнических действиях немецкой армии, предшествующих Второй мировой войне. С другой стороны, многочисленны случаи употребления слова в контексте «аннексия (=присоединения) городов, штатов». Интересен тот факт, что в истории во многих случаях захвата, присоединения, перехода части земли в другую юрисдикцию данное событие не называется «аннексией», но «оккупацией».

Представляется необходимым отметить, что в лингвистической литературе наряду с идеологической оценкой при описании особенностей общественно-политической терминологии (ОПТ) также используется термин *социально-политическая оценка* (А.А. Карамова), *социальная оценочность*, *идеологизированная оценка* (В.В. Федоров), *идеологизированная эмоциональная оцен-*

ка (М.С. Ретунская). Важно подчеркнуть, что ученые употребляют термины *оценка* и *оценочность* в синонимичном плане. На наш взгляд, эти наименования объединяет то, что они, как оценочный компонент коннотации, отражающий ценностный подход к действительности, являются важнейшей формой проявления идеологических воззрений в семантической структуре языковой единицы. Оценочные коннотации, в свою очередь, являются результатом соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями, устоями общества и т.п. Оценочность в широком смысле понимается как способ реализации оценки.

Целью данного исследования является рассмотрение оценочной семантики общественно-политической терминологии, в частности актуализации идеологической оценки на материале англоязычных медийных текстов (CNN, RT, Euronews, the Telegraph, Ukrainian Journal), посвященных присоединению Крыма к РФ. Выбор новостных агентств обусловлен стремлением рассмотреть круг лексем, отражающих основные идеологические точки зрения на смену политического статуса данной территории, а также способы их реализации в медиатекстах. Безусловно, ключевым понятием в этой ситуации является английский глагол *to annex* и существительное *annexation*.

В 2015 г. совместно со студенткой 4 курса факультета Романо-германской филологии Е. Коллюкиной на платформе SketchEngine были составлены электронные корпуса медиатекстов, охватывающих период с 24 февраля 2014 (начало конфликта, первое появление термина «to annex» и «annexation» в отношении рассматриваемых событий в СМИ) по 28 февраля 2015 (окончание исследования). В результате сплошной выборки были отобраны статьи за 12 месяцев, по 4 статьи на каждый временной период (2 статьи в начале месяца и 2 статьи в конце) из 5 различных изданий. Общий корпус исследования составляет 240 медиатекстов. Для каждого из изданий был создан отдельный лингвистический корпус. В результате получилось пять корпусов со следующим количеством входных единиц: Russia Today – 10737; CNN – 22727; Euronews – 10889; The Telegraph – 34023; Ukrainian Journal – 12834.

Как показывает анализ словарных дефиниций в семантике слов «to annex» и «annexation» присутствует оценочный элемент. Под *аннексией* понимают формальный акт слияния, вхождения некой территории в другое геополитическое образование; односторонний акт захвата одним государством некой территории, легитимизация которого осуществляется через его признание международным сообществом. Важно подчеркнуть, что с политической точки зрения аннексия в английском языке предполагает определенные силовые мероприятия

(которые в открытом виде не свойственны современному миру, за исключением ряда государств, в нем нет официальных межгосударственных войн, но только вооруженные конфликты), поэтому английский словарь рекомендует пользователю более позитивные термины *political union* (политическое объединение) или *reunification* (воссоединение, реинтеграция). Следовательно, само понятие, реализуемое лексемами *to annex* или *annexation*, предполагают негативную оценку в современном гуманистическом мире, в котором нет межгосударственных войн. Факт необходимого и обязательно-го признания такого захвата мировым сообществом также регистрируется в текстах словарной дефиниции. Это объясняет официальные заявления американской и европейских сторон в СМИ о непризнании легитимности референдума в Крыму.

При анализе электронных корпусов отобранных согласно тематике текстов представляется возможным обобщить основные случаи употребления и сочетаемости слов «to annex» и «annexation»,

а также синонимические замены данных лексем в следующей таблице. Так, согласно отобран-ным в таблице контекстам слово *annexation* имеет довольно обширный синонимический ряд, что создает возможность варьирования оценочных нюансов значения в непосредственной оценочно-речевой квалификации этого факта действительности в устах субъекта оценки. Такое многообразие позволило выделить лексические единицы в отдельную колонку Collocations.

При семантическом анализе оценочной семантики рассматриваемых слов и их синонимов в составе медиатекста очень важно и необходимо учитывать влияние контекста, поскольку в некоторых случаях оценочность проявляется только в определенном семантическом окружении. Основной акцент традиционно приходится на определения, выраженные в большинстве случаев прилагательными. Безусловно, в английском языке имя прилагательное с его инвариантным грамматическим значением качества неразрывно связано с оценкой,

Таблица

Употребление слов «to annex» и «annexation» в английских СМИ

To annex	Annexation	Collocations
Russia Today		
Illegally <i>annex to</i> To seek <i>to annex</i> Be <i>annexed by</i>	<i>Annexation</i> with Russia Subsequent (Russian) <i>annexation</i> of (the) Crimea Crimean <i>annexation</i> Illegal <i>annexation</i> of the Crimean peninsula <i>Mass murder</i> and forcible <i>annexation</i> Russia's numerous <i>annexations</i> (or <i>mass murder cases</i>) To lead up to <i>annexation</i>	<i>Violation of international law</i> <i>Military occupation</i> of Ukrainian territory <i>To violate the territorial integrity</i> of Ukraine
CNN News		
<i>To annex</i> a strategic territory <i>To annex</i> Ukraine's Crimea region <i>To annex</i> the region to Russia Territory/region to be subsequently <i>annexed by</i> Russia <i>To annex</i> Crimea using military force Putin's move <i>to annex</i> Crimea To contemplate another <i>intervention</i> like the one that <i>annexed</i> Crimea	<i>Annexation</i> by Russia De facto <i>annexation</i> of the region To condemn/reject/recognize Russian (Russia's) <i>annexation</i> of Crimea as illegal Illegal and illegitimate <i>annexation</i> of Crimea <i>Annexation</i> of Ukraine's Crimea region	<i>A robbery on an international scale</i> <i>Return of the peninsula to the motherland</i> <i>Disturbing pattern</i> <i>Interference and aggressive actions</i> in Ukraine
Euronews		
<i>To annex</i> Crimea <i>To annex</i> part of another state <i>To annex</i> from Ukraine To use force <i>to annex</i> To be <i>annexed by</i>	A back door <i>annexation</i> of Crimea Russia's <i>annexation</i> of Ukraine's Crimea peninsula <i>Annexation</i> by Moscow is considered illegal <i>Annexation</i> of the Crimea region De-facto <i>annexation</i> of Crimea Recent <i>annexation</i> of Crimea The <i>occupation</i> or <i>annexation</i> of Crimea To openly condemn/recognize/support Russia's <i>annexation</i> of Crimea	<i>To break/violate international law</i> <i>Cynical act of treachery</i>

The Telegraph		
<i>To annex</i> Crimea <i>To annex</i> the area for anauthorised considerable physical development <i>To annex</i> the Crimean peninsula <i>To annex</i> part of another country <i>Crimea was annexed</i> <i>To formally annex</i> Crimea ... in a largely bloodless takeover A newly <i>annexed</i> region <i>To annex</i> Crimea so effortlessly <i>To justify annexing</i> Crimea from Ukraine The plan for <i>annexing</i> Crimea <i>To try to annex</i> Crimea	The <i>annexation</i> of Crimean territory Putin's <i>annexation</i> of Crimea Subsequent <i>annexation</i> of Ukraine's Crimean Peninsula Russia's <i>annexation</i> of the Crimea region in Southern Ukraine <i>Blitz annexation</i> of Crimea Russia's illegal <i>annexation</i> of Crimea Kremlin's lightning <i>annexation</i> of Crimea To release an ode to the <i>annexation</i> US anger of Russia's <i>annexation</i> of the Crimea region	<i>A largely bloodless takeover</i> <i>To change borders by the use off force to destabilize Ukraine</i> <i>Putin's military occupation</i>
Ukrainian Journal		
The Ukrainian Black Sea peninsula had been <i>annexed</i> by Russia <i>To annex</i> its Southern Crimea region	A plan on <i>annexation</i> of Crimea To call for <i>annexation</i> to Russia Moscow's <i>annexation</i> of Ukraine's Crimea region <i>Annexation</i> of the Black Sea peninsula of Crimea Crimean <i>annexation</i> losses Crimean/Crimea <i>annexation</i> Russia's <i>annexation</i> of Crimea Invasion/occupation and annexation of Crimea To reverse Crimean <i>annexation</i> To charge it (Russia) an economic price for the <i>annexation</i> of Crimea	<i>A gross violation of international law and destabilizing the existing system of international relations</i> <i>An act of aggression</i>

а, следовательно, с эмоциональностью и экспрессивностью. Более того, в семантике прилагательных соединены семантический и прагматический планы высказывания, поскольку им свойственно наличие субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций. Как видно из данной таблицы, лексема «аннексия» (*annexation*) в рассматриваемых СМИ обычно выступает в комплексе с такими зависимыми словами как *Crimea/Crimean* (крымская), *illegal* (незаконная), *illegitimate* (нелегитимная), *forcible* (насильственная), *subsequent* (последующая или последовательная), *recent* (недавняя), *Russia's* (российская), *Putin's* (путинская), *Kremlin's* (кремлевская), *Moscow's* (московская), *de facto* (фактическая), *back door* (тайная, скрытая), *blitz* (молниеносная). Важно подчеркнуть, все эти слова функционируют в предложениях в качестве определения, хотя не все из них являются прилагательными. Так, интересным представляется использование имени существительного в притяжательном падеже (*Russia's*, *Putin's*, *Kremlin's*, *Moscow's*), что согласно правилам английской грамматики, подчеркивает деятеля (в данном случае ответственного за аннексию/присоединение). Также привлекает внимание пара лексем *Crimea* – *Crimean*, что тоже вносит вклад в рассматриваемую парадигму оценочной презентации аннексии/присоединения. На русский язык данное словосо-

четание возможно перевести как «аннексия Крыма» и «Крымская аннексия», что, на наш взгляд, накладывает отпечаток на восприятие политического события. Например, первое словосочетание предполагает безучастность территории, ее граждан, отсутствие волеизъявления народа, а лишь направленность действия на полуостров. Вместе с тем, реализация сложного комплекса ассоциаций с ним размывает границы семантического значения, вызывая некую имплицативную связь с другими концептами этого плана.

В настоящее время становится очевидным тот факт, что идеологическая оценка может быть связана не только с идеологией тех или иных классов, но и определенных социально-политических групп. С.Л. Рубинштейн отмечает, что психологически в значительной мере именно посредством оценки осуществляется социальное воздействие на деятельность личности. Поэтому практически очень важно правильно ее организовать, теоретически – раскрыть ее тонкий и лабильный механизм» [5, с. 468]. Безусловно, переориентация индивидуальных ценностей, а также ценностей носителя определенной социальной группы осуществляется под влиянием внешних обстоятельств. Поэтому различные способы репрезентации лексических фактов широко используются в современных СМИ. Это возможно в том числе благодаря употреблению

того или иного предлога. Например, *annexation with Russia – annexation to Russia – annexation from Ukraine*. В первом случае *with* подчеркивает идею объединения, желаемого обеими сторонами соединения, некоего созидательного события. Предлог *to* предполагает лишь направленность действия к чему-либо, в свою очередь *from* – от чего-либо, что несет в себе идею приобретения/лишения.

Яркой иллюстрацией идеологического аспекта оценочной семантики являются различные отношения и интерпретации общественно-политических событий в обществе в зависимости от принадлежности к той или иной группе. Сравни *de facto annexation of the region* (фактическая аннексия) – *robbery on an international scale* (грабёж в международных масштабах) в американских выпусках; *back-door annexation* (тайная, скрытая аннексия) в медиатекстах Euronews; *blitz annexation* (молниеносная аннексия) в The Telegraph; *forcible annexation* (принудительная, насильственная аннексия) – на страницах Russia Today.

Идеологическая оценка предполагает всестороннее рассмотрение предметов и явлений, более глубокое проникновение в их сущность, чем это происходит в раках обыденного сознания, что позволяет оказывать манипулятивное воздействие на слушателя/читателя, вызывать желаемые эмоции. Лексема *annexation* оказывается фактически в одном ряду со словами *mass murder* (массовое убийство), *(military) occupation/invasion* (военный захват, вторжение), *violation of international law and territorial integrity* (нарушение основ международного права и территориальной целостности), *bloodless takeover* (переворот без пролития крови) и т.п. Например:

The Monitoring Committee considers that the actions of the Russian Federation leading up to the annexation of Crimea, and in particular the military occupation of Ukrainian territory and the threat of the use of military force... (Russia Today).

He also vowed to stand with Ukraine, which is not a member of NATO, in the face of Russian «aggression», including its annexation of Ukraine's Crimean region in March (CNN News).

The occupation or annexation of Crimea is also No Go (Euronews).

Whether Russia's illegal annexation of Crimea is comparable with Hitler's military occupation of the Sudetenland – which was possibly the point Prince Charles was trying to make – is a moot point (the Telegraph).

Подобные стилистические обороты и сравнения вызывают отрицательную оценку у читателей этих медиатекстов, манипулятивным образом подводят к созданию образа России-захватчика, попирающего международное право.

Другая особенность социально-политической оценки заключается в ее подвижности и неустой-

чивости, поскольку ОПТ в наибольшей мере подвержена влиянию экстралингвистических факторов [2]. Так, например, за рассматриваемый период поменялся настрой медиатекстов, в основном европейских, от радикально негативных и отрицательных до сдержанно нейтральных: *Russian-occupied Crimea* (захваченный Россиянами Крым), *Crimea takeover* (захват Крыма), *first anniversary of Crimea becoming part of the Russian Federation after its annexation* (первая годовщина становления Крыма частью Российской Федерации после его аннексии) (Euronews) и т.п. Следовательно, коренные реформы и программы развития общества влекут за собой оценочное переосмысление многих реалий, событий и последствий политических шагов, что отражается на количественном и качественном составе оценочных единиц. Первое предполагает пополнение словаря, а второе – оценочные трансформации в пределах лексического значения.

В заключении важно подчеркнуть, что при изучении политического дискурса и особенностей терминологии общественно-политической жизни необходимо обращаться к идеологическим аспектам оценочной семантики. Настоящее исследование проиллюстрировало лишь некоторые случаи подобной оценки на материале узкого корпуса текстов по теме «Присоединения Крыма к России» и отношение к этому явлению западных СМИ, реализующееся при использовании лексем *to annex* и *annexation*. Представляется целесообразным продолжить такую работу и в дальнейшем попытаться классифицировать случаи актуализации идеологической оценочной семантики.

Библиографический список

1. Бантышева Л.Л. Идеологизированность как особое свойство политического слова (на материале словарей конца XIX – начала XX веков) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2006. – Серия Филология. – Том 19 (58) №1. – С. 127–134.
2. Маник С.А. Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии: монография. – М: ИИУ МГОУ, 2014. – 278 с.
3. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. – М.: Издательство ИКАР, 1997. – 320 с.
4. Принцип оценочной актуализации в современном английском языке: Монография / И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова, Ж. Багана, И.А. Куприева. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 160 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
6. Fries N. Bewertung. Linguistische und konzeptuelle Aspekte des Phnomens // Sprache und Pragmatik. – 1991. – Lund. – S. 1–31.

7. Havryliv O. Pejorative Lexik. Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders sterreichischen Literatur. – Peter Lang: Frankfurt a. M., 2003. – 155 S.

8. Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung / H. Jachnow, A. Kiklevič, N. Mečkovskaja, B. Norman B., etc. – Wiesbaden, 2005. – 230 p.

9. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. – Tbingen u. Basel: A. Francke Verlag, 2007. – 401 S.

УДК 81'282

Смерчинская Анастасия Александровна

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
ms.smerchinskaya@inbox.ru

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОНСТРУКТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ИМПЛИЦИТНЫМИ ТЕОРИЯМИ ОБЩЕНИЯ

Статья посвящена изучению феномена имплицитных теорий речевого общения в рамках когнитивной семантики организации диалогического дискурса. Имплицитные теории речевого общения представляют особый интерес для исследователей с практической точки зрения, так как их применение позволяет составить более полное представление об их функциональной значимости в организации диалога как интерактивной знаковой конструкции, направленной на обеспечение успешного речевого взаимодействия. Явление вербального обозначения элементов имплицитной теории общения в конструктивной семантике диалогического дискурса рассматривается как статус особого способа знаковой координации поведения участников речевого общения. В статье исследуется соотношение элементов имплицитных теорий общения и их влияние на организацию диалогического дискурса. Раскрываются механизмы речевого воздействия говорящего на коммуникативное поведение реципиента. Кроме этого, в статье приводится обзор научных изысканий выдающихся отечественных и зарубежных ученых, отражающих современный взгляд на исследуемую проблему. Чтобы наглядно продемонстрировать применение имплицитной теории общения, предлагается к рассмотрению ряд высказываний диалогического дискурса из художественной литературы. Каждый пример анализируется в рамках исследуемого вопроса.

Ключевые слова: диалогический дискурс, конструктивная семантика, имплицитные теории речевого общения, знаковая координация, речевое взаимодействие.

В настоящее время в рамках психолингвистики отмечается возросший интерес к изучению вопроса речевого взаимодействия людей, связанного с порождением, восприятием и пониманием речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются и участвуют в процессе ментальной переработки получаемой информации. Нередко мы не можем выразить в доступной форме не только то, о чем не хотим говорить прямо, но и то, что не можем выразить точно и полно эксплицитно. Передавая сообщение с намеренно скрытым смыслом, говорящий оказывает речевое воздействие на слушающего. Это значит, что воспринимаемая информация подвергается дополнительной ментальной обработке со стороны реципиента, то есть интерпретации услышанного, что способствует пониманию того, что именно говорящий хотел донести в имплицитной форме. Кроме этого, следует отметить, что в процессе интерпретации имплицитного содержания высказывания в сознании коммуникантов создается целостная совокупность психических образов, возникающая в связи с производством и восприятием высказываний участников диалогического дискурса в ходе речевого взаимодействия.

Высказывания диалогического дискурса как фрагменты интерактивной знаковой конструкции для управления действиями коммуникантов соотносятся в той или иной степени с элементами имплицитных теорий общения, семантическое со-

держание которых определяется представлениями о природе общения. Добавим, что феномен имплицитных теорий речевого общения и его влияние на организацию семантики диалогического дискурса, реализуемого в определенной коммуникативной ситуации, тесно связаны со знаковой координацией деятельности участников диалога [7, с. 40].

Особое место в целостной семантике диалогического дискурса занимают понятия, представления, образы как элементы знаковой конструкции, связанные с имплицитными теориями речевого общения (англ. implicit – невыраженный, греч. theoria – исследование), свойственными человеку. Имплицитная теория общения содержит совокупность ментальных представлений субъекта об окружающей действительности, позволяющих воспринимать и домысливать невыраженный прямо смысл сообщения на семантическом уровне, что способствует общему пониманию или прогнозированию коммуникантами того, как должно происходить речевое взаимодействие. Поэтому можно предположить, что семантика высказываний диалогического дискурса обусловлена имплицитными теориями общения говорящего и потенциального реципиента. Например:

–...Until I get some answers that make sense, there is no way I will raise any sort of alarm. Vigilance and discretion are my duty... [9, p. 70]. (...До тех пор, пока я не получу от вас ответов, в которых будет хоть какой-то смысл, тревоги я не стану под-

нимать. Моя служба требует как бдительности, так и сдержанности...¹⁾ Семантика данного высказывания определена представлениями говорящего о том, как осуществляется общение между начальником и его окружением в силу своих (начальника) должностных обязанностей.

– *You know, it's good to be around people, Hol. Friends and family can help you* [8, p. 20]. (*Знаешь, тебе надо чаще бывать с людьми, Хол. Друзья и семья – хорошая поддержка.*) Семантика данного высказывания определена представлениями говорящего о нормах речевого поведения между друзьями и родственниками в сложных жизненных ситуациях.

Однако следует также отметить, что семантика высказываний диалогического дискурса обусловлена представлениями об элементах имплицитной теории общения не только говорящего, но и адресата как потенциального реципиента. Кроме этого, учитываемые коммуникантами правила речевого поведения происходят на определенном социальном фоне и в силу этого сопровождаются правилами социального поведения коммуникации.

Механизм речевого воздействия в первую очередь определяется прагматикой номинации. Как отмечает О.С. Иссерс, феномен речевого воздействия, главным образом, связан с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия – значит регулировать деятельность партнера по коммуникации (как физическую, так и ментальную). При помощи речи говорящий побуждает собеседника начать, изменить, закончить какую-либо деятельность, влияет на его представления о мире или на принятие им решений [2, с. 284].

Следовательно, анализ речевого воздействия в большинстве случаев проводится с позиции одного из коммуникантов в отношении партнера по коммуникации. Поэтому можно предположить, что речевое воздействие представляет собой однонаправленное речевое действие. Аналогичной точки зрения придерживается Р. Лакофф, полагая, что персуазивный дискурс следует рассматривать лишь в том случае, когда он неравноправный, то есть когда один из коммуникантов осознанно осуществляет попытку воздействия на другого [4, с. 354].

Для понимания того, какое место занимают элементы имплицитных теорий общения в персуазивной коммуникации, необходимо кратко охарактеризовать имеющиеся классификации речевого воздействия: 1) волеизъявление; 2) разъяснение, информирование; 3) социальный; 4) оценочный и эмоциональный типы речевого воздействия. Все речевые действия, направленные на то, чтобы объект выполнил волю говорящего, Р. Лакофф относит к волеизъявлениям, т. е. речевые акты, представляющие собой просьбы, приказы, советы, отказы и т. д. Замечено, что в одном ряду могут быть пе-

речислены не совсем равнозначные по установке речевые действия (например, для реализации такого речевого акта, как молитва, наличие реального собеседника вообще не предполагается, поэтому в ней используются стандартные модели речевого воздействия, точнее речевые формулы).

Согласно предложенной классификации, к социальному относится воздействие в таких ситуациях, когда присутствуют определенные социальные акты (прощание, приветствие, клятва, молитва), но фактически передача информации не осуществляется. Такие типы речевого воздействия, как оценочный и эмоциональный, связаны либо с принятыми в обществе морально-правовыми установками, либо с областью межличностных субъективно-эмоциональных отношений (оскорбление, угроза, порицание, обвинение, похвала). К типу «разъяснение и информирование» относят доклад, сообщение, объяснение, признание.

Из представленной классификации становится очевидным, что ее основой является не способ воздействия на партнера, а определенный тип речевых действий, исследуемый в рамках иллокуции. Как и многие лингвистические классификации, эту типологию можно назвать условной, так как в реальном речевом общении часто бывает сложно разграничить эмоционально-оценочные и информационные типы воздействий (например, сложно представить себе признание без эмоций и оценивания).

Анализ речевого воздействия также необходимо рассмотреть в рамках перлокутивного аспекта в отношении реакции адресата на соответствующую коммуникативную деятельность: 1) изменение отношения к определенному объекту, изменение коннотативного значения объекта для субъекта (к примеру, в лозунгах, призывах, рекламе); 2) создание общего эмоционального настроения (лирика, политическое воззвание, гипноз); 3) введение в категориальную структуру индивидуального сознания новых категорий, ее перестройка. Несмотря на то, что все приведенные виды воздействия имеют стандартные образцы, используемые в качестве способа более оригинальной «обработки» собеседника, большая часть коммуникативных действий предполагает применение целого комплекса перлокутивных реакций, включающих и изменение когнитивных значений, и формирование общего эмоционального настроения, и коррекцию категориальной структуры, существующей в сознании реципиента.

Отмечается несомненная значимость такого фактора, как положительный эмоциональный настрой в ходе речевого общения. Это находит отражение в специальных речевых стратегиях, нацеленных на создание эффекта «добрых отношений». В узком смысле речевое воздействие находит свое применение в сфере так называемых координативных отношений, когда коммуникантов объединяют отношения равноправного сотрудничества, а не

отношения субординации (формальные или неформальные). Данный тип речевого воздействия предполагает, что один из коммуникантов – субъект речевого воздействия – регулирует деятельность другого, в приведенном контексте он (субъект) поступает в соответствии со своими потребностями и в определенной степени свободен в выборе своих действий. Пример подобного типа отношений можно найти в средствах массовой информации, в агитационном выступлении в рамках предвыборной кампании непосредственно перед аудиторией и т. д.

В широко известной работе «Лингвистическая семантика» Дж. Лайонз отмечает, что интерпретация большинства высказываний, как устных, так и письменных, зависит, в разной степени, от контекста, в котором они употребляются. А в контекст высказывания включаются убеждения собеседников, многие из которых определены фактором культурологическим и, хотя они воспринимаются как обычное явление, могут подвергаться сомнению или же отвергаться. Подавляющее количество высказываний в естественных языках обладают более широким диапазоном значений и интерпретаций, чем те, что приходят нам в голову, когда они представлены нам вне контекста [3, с. 12]. Это одна из проблем, которой не всегда уделяется достаточное внимание в семантике.

В ходе нашего исследования замечено, что особенными значениями и интерпретациями наделены высказывания, обозначающие элементы имплицитной теории общения. Используя данные вербальные обозначения, коммуникант принимает во внимание некоторые знания (допущения) в отношении личности и деятельности партнера. Говорящий намерен побудить реципиента как к желаемому внутреннему действию понимания и разделения точки зрения, так и к внешнему действию – реализации соответствующей линии поведения реципиентом. Ответная реплика партнера с вербальными обозначениями фрагментов имплицитной теории общения выражает внутреннее согласие и является завершением элементарного цикла знакового согласования деятельности коммуникантов в диалоге. В совместной деятельности партнеры действуют на основании индивидуальных мотивов и преследуют индивидуальные цели, – отмечает К. Менг, – но при этом, по крайней мере в определенной степени, у них должны совпадать цели. В противном случае индивидуальные действия не смогут быть скоординированы в коллективную деятельность [5, с. 224]. Рассмотрим пример:

– *У тебя такой счастливый вид!*

– *Есть причины: нижнюю комнату только что сняла Мария Дэвис, знаменитый повар, автор самых популярных кулинарных книг! Я в восторге, она пообещала готовить для нас, когда мы захотим* [8, с. 88].

Первый коммуникант демонстрирует свое удивление относительно «счастливого вида» своего собеседника, ожидая объяснений от собеседника, так как у него нет представления о причине хорошего настроения и ему сложно понять ситуацию в целом. При этом вопроса как такового нет. Реципиент и так понимает, что должен ответить. Он рассказывает о новом жилье и делится своими впечатлениями о нем. При этом актуализируется такая устойчивая когнитивная модель как элемент имплицитной теории речевого общения, при которой объяснение причины находит свое отражение в желании адресата поделиться радостной новостью, своим знанием с собеседником, позволяет построить дальнейшую линию речевого поведения и снимает возможное непонимание или эмоциональное напряжение в процессе общения. Вербализация когнитивных элементов имплицитной теории речевого общения в данном высказывании предполагает создание семантической базы для формирования представления говорящего о ситуации и определенному типу обработки формируемых смыслов.

По мнению Е.В. Сидорова, феномен речевого воздействия следует рассматривать в качестве фрагмента знаковой координации коммуникативных деятельности говорящего и адресата (реципиента) [7, с. 40]. Мы полагаем, что знаковое управление деятельностью партнеров осуществляется через вербальное обозначение элементов имплицитной теории общения партнера по диалогическому взаимодействию. Наиболее ясно это назначение просматривается в императивах и пропозитивах. Однако тот же принцип управления интерпретативным, а впоследствии и общим поведением реципиента выявляется в констатативных высказываниях.

Таким образом, высказывания с семантикой имплицитных теорий общения партнера по диалоговому взаимодействию представляют собой коммуникативную реализацию концептуальных систем особого рода – систем представлений о структурах и нормах общения, специфических коммуникативных знаний. Говорящий действует под влиянием представлений о личности и деятельности адресата; он производит высказывание, которое побуждает адресата совершить интерпретирующую, а вслед за ней и в связи с ней и моторную деятельность, в которой он (говорящий) заинтересован. Обозначение элементов имплицитной теории общения также обусловлено со стороны адресата, поскольку говорящий допускает, что приводимый им аргумент будет убедительным для данного адресата с его жизненным опытом, склонностями, ценностями и знаниями. Однако остается открытым вопрос о том, в чем состоит мотивация вербального воплощения этих знаний. Объяснение, состоящее в утверждении прямо отражатель-

ного характера дискурсивной (речевой) семантики, представляется неудовлетворительным.

По-видимому, описание значения высказываний подобного рода возможно в рамках «семантического апрагматизма», состоящего в истолковании значения высказываний в плане его строгой соотносительности с действительностью, без вовлечения каких бы то ни было субъективных, ценностных отношений и оттенков, а также избирательности по отношению к референтной ситуации [1, с. 830]. Типичные примеры апрагматизма в семантике можно найти в работе Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека», которой она пишет следующее: «предложение в норме должно быть максимально адаптировано к тому, что оно обозначает. Это касается двух его аспектов: выбора номинаций по их соответствию предмету мысли и выбора модальности по ее соответствию знаниям говорящего о положении дел» [1, с. 830]. В рамках семантического апрагматизма смысл высказываний (как собственно говорящего, так и партнера) с обозначением элементов имплицитной теории общения может быть истолкован только как констатация объективного положения дел: предполагается, что партнер по диалогу будет предпринимать определенные действия.

Представленный вариант интерпретации смысла данных высказываний, отражающий, как отмечает Дж. Остин, одно из направлений современного критического осмысления сложившегося на протяжении веков философского допущения, согласно которому сказать что-то всегда означает попросту утверждать это [6, с. 30], оставляет чувство неудовлетворенности, поскольку в высказываниях подобного рода помимо того, что утверждается, чувствуется нечто еще, а именно побуждение партнера к определенному типу речевого и, как правило, неречевого поведения. По-видимому, мотивом высказывания с обозначениями элементов имплицитной теории общения является не просто констатировать положение дел, но через это констатирование – побудить партнера к определенному действию, например, к тому, чтобы осознать целесообразность, уместность или неуместность («релевантность») своих действий и действий партнера.

Во всяком случае, в понятия «предмета мысли» и «знания говорящего о положении дел», составляющих то, что определяет в высказывании выбор номинации, следует, так или иначе, включить идею побуждения партнера к определенному поведению. Что же касается вербального обозначения элементов имплицитной теории общения, то номинации, выбираемые для этого, нередко обозначают то, чего еще нет, например: «...until I get some answers that make sense, there is no way I will raise any sort of alarm. Vigilance and discretion are my duty...» [9, р. 70]. (...До тех пор, пока я не получу от вас ответов, в которых будет хоть какой-то смысл,

тревоги я не стану поднимать. Моя служба требует как бдительности, так и сдержанности...)

В данной ситуации общения начальник не может сразу отдать своим подчиненным приказ о дальнейших действиях по устранению угрозы жизни людей в связи с тем, что ему не было представлено достаточно реальных доказательств о том, что она существует. Речь идет о «положении дел», которого к моменту речи еще не существует (доказательства угрозы жизни людей) и относительно которого нельзя с полной уверенностью утверждать, что оно сложится как ментальная реальность. Аналогичным образом во втором примере:

– *You know, it's good to be around people? Hol. Friends and family can help you* [8, р. 20]. (Знаешь, тебе надо чаще бывать с людьми, Хол. Друзья и семья – хорошая поддержка.)

Партнер по диалогу (Хол), к которому обращается говорящий, переживает сложный период в своей жизни и отстраняется от друзей и членов своей семьи, отказываясь от их помощи и поддержки. Семантика данного высказывания определена представлениями говорящего о нормах речевого, а также неречевого поведения между близкими людьми и обозначает то, чего в самой ситуации общения еще нет, но что должно быть.

Итак, приведенные выше примеры использования элементов имплицитной теории общения в семантике высказываний указывают на то, что имплицитные теории речевого общения – это психическая структура, основанная на создании целостного образа представлений коммуникантов. Явление вербального обозначения элементов имплицитной теории общения заслуживает того, чтобы ему был присвоен статус особого способа знакового управления поведением партнера по диалоговой интеракции, так как понятие имплицитных теорий речевого общения и его влияние на организацию семантики диалогического дискурса имеют общее назначение – осуществлять знаковую координацию деятельности коммуникантов, направленную на обеспечение успешного речевого взаимодействия.

Примечание

¹ Здесь и далее перевод мой. – А.С.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
3. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: пер. с англ. – СПб.: Языки славян и культур, 2003. – 398 с.
4. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Линг-

вистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350–368.

5. Менз К. Семантические проблемы лингвистического исследования коммуникации // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 221–238.

6. Остин Дж.Л. Слово как действие: пер. с англ. / Теория речевых актов / Новое в зарубежной лингвистике / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Гордеецкого. –

Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 30.

7. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

8. Стил Д. Чарльз-стрит, 44 / пер. с англ. У.В. Сапциной. – М.: АСТ, 2015.

9. Ahern C.P.S. I Love You. – London: HarperCollins Publishers, 2004.

10. Brown D. Angels and Demons. – New York: Pocket Books, 2000.

УДК 811.112.2'366

Аверина Анна Викторовна

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Anna.averina@list.ru

СОЧЕТАЕМОСТЬ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ JA С МОДАЛЬНЫМИ СЛОВАМИ И ОЦЕНОЧНЫМИ НАРЕЧИЯМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются возможности сочетаемости модальной частицы ja с модальными словами и оценочными наречиями в немецком языке. Показано, что модальная частица ja занимает позицию преимущественно в верхней части среднего поля немецкого предложения. Она может сочетаться с модальными словами с эпистемической и эвиденциальной семантикой, а также с оценочными наречиями, обнаруживая в этой сочетаемости ряд особенностей. Если модальная частица ja стоит после модальных слов с эпистемической семантикой, то в высказывании зачастую дополнительно включаются частицы doch, auch, eben. В случае употребления частицы после модальных слов с эвиденциальной семантикой имеет место тенденция к включению отрицательных компонентов, что позволяет в ряде случаев подчеркнуть контраст между очевидным положением дел и ожиданиями некоего третьего лица, о котором идет речь. Модальная частица ja сочетается преимущественно с теми оценочными наречиями, в семантике которых содержится положительная коннотация. В случае использования модальной частицы ja после оценочных наречий в большинстве случаев наблюдается соблюдение закона триады, описанного В.Г. Гаком.

Ключевые слова: модальная частица, эпистемическая модальность, эвиденциальность, оценочные слова, сочетание, среднее поле, высказывание.

В немецком языке существуют разнообразные средства выражения модальной семантики, что получило детальное рассмотрение в целом ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов, например в исследованиях Л.Н. Ваулиной [3], А.В. Авериной [1], М. Турмэр [15], В. Абрахама [5], Э. Лайс [12], М. Конильо [8] и других ученых. Однако вопрос о возможностях сочетаемости модальных частиц с модальными словами еще не был предметом лингвистического анализа ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании. Особенности комбинации модальных частиц подверглись детальному анализу в монографии М. Турмэр [15], где она показывает как возможные, так и неприемлемые, то есть грамматически невозможные, сочетания. Наблюдения М. Турмэр имеют большое значение для понимания семантики так называемых комплексов частиц и обнаруживают их ранги, что очень важно для построения высказывания. Мы полагаем, что выявление возможных комбинаций модальных частиц с модальными словами также имеет немалое значение. Это позволит лучше понять скрытые семантические составляющие компонентов сочетаний.

Особое место занимают и наречия с оценочной семантикой. Под оценкой нами понимается «суж-

дение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение – как одна из основных частей стилистической коннотации» [2, с. 305]. Выявление сочетаемости частицы ja с оценочными элементами также позволяет дополнить наше представление о ее семантических особенностях.

Таким образом, цель нашей статьи состоит в выявлении возможных и невозможных сочетаний модальных частиц с модальными словами и оценочными наречиями. Мы ограничились в нашей статье анализом сочетаемости лишь одной модальной частицы – частицы ja – с модальными словами и наречиями с оценочной семантикой из-за объемности данного исследования. В качестве материала для лингвистического анализа послужил корпус DeWaC Гумбольдтовского университета.

Прежде всего нам хотелось бы обратиться к вопросу о семантических и синтаксических особенностях частицы ja, которая указывает на уже известное знание [15, S. 104] и, отсылая к уже известному, подтверждает, усиливает это знание [11, S. 59; 7, S. 97]. К. Ринас выделяет следующие семантико-прагматические свойства частицы ja: известность, то есть говорящий подразумевает, что слушателю знакома та или иная информация; обоснование и аргументация – обстоятельство может

служить обоснованием; опережение знания: через использование частицы *ja* говорящий сигнализирует, что собеседник не будет возражать [14, S. 140–159]. Модальная частица *ja* может стоять только в среднем поле предложения, на что уже не раз обращалось внимание [5; 8; 9].

Мы проанализировали возможности сочетаемости частицы *ja* с модальными словами и оценочными наречиями, взятыми нами из книги Г. Хельбига «Lexikon deutscher Modalwörter» [10]. Мы полагаем, что объединение этих слов в одну группу под названием «Modalwörter», как это сделано Г. Хельбигом, не совсем справедливо, поскольку семантически эти слова неоднородны. В сущности, эти слова можно было бы разделить на три группы: 1) модальные слова, в семантике которых содержится оценка степени вероятности того или иного факта, как например: *bestimmt*, *vielleicht*, *wahrscheinlich*, *womöglich*, то есть модальные слова с эпистемической семантикой; 2) модальные слова с эвиденциальной семантикой (при этом эвиденциальная семантика «переплетается» с эпистемической, на что было указано в работе А.В. Авериной [1]), например: *augenscheinlich*, *angeblich*, *offenbar*; 3) наречия с оценочной семантикой, когда речь идет о характеристике действия как такового, например: *glücklicherweise*, *sinnvollerweise*, *sinnloserweise*. Всего в книге Г. Хельбига представлена характеристика свыше 160 слов. При анализе их сочетаемости мы учитывали неоднородность данных слов и старались найти закономерности, которые имеют место в этих группах. Анализ фактического материала позволил нам сделать целый ряд интересных наблюдений по обозначенным выше аспектам. Рассмотрим варианты подобных сочетаний.

1. Сочетание частицы *ja* с модальными словами с эпистемической семантикой. Как показывает анализ корпусных данных, частица *ja* вполне может сочетаться с модальными словами с эпистемической семантикой. При этом, как показывает анализ фактического материала, подобное сочетание касается в первую очередь модальных слов, указывающих на высокую степень вероятности. Рассмотрим примеры:

(1) Also vier Wochen damit sind nicht schlimm, Du lässt Dir das **ja bestimmt** im Herbst oder Winter machen.

(2) Sie mussten sich im Eilzugstempo akklimatisieren. Und die Ex-DDR **ist ja natürlich** im Eilzugstempo wie mit einer Zeitmaschine in eine ganz andere Epoche geraten, in ein weitaus moderneres, hoch industrialisiertes Staatswesen, denn – Sie wissen es ja – die DDR hatte ja einen ganz anderen Lebensrhythmus, einen ganz anderen Arbeitsrhythmus, sie war ja in vieler Hinsicht.

(3) Sie sagten von sich, dass es schlimmer wäre, schlechter, als man geglaubt würde, zu sein, ferner, dass Sie charakterlos wären; ich **kann ja freilich**

nicht darüber urteilen, da ich so wenig von Ihren Lebensverhältnissen weiß, denke aber, dass es doch eher möglich sein muss, gut zu sein, wenn man eben für gut gehalten und demnach behandelt wird...

В примере (1) модальная частица *ja* сочетается со словом *bestimmt*, при этом вторая часть сложного предложения, содержащая это сочетание, выступает в роли аргументации предыдущего. То есть в данном случае частица *ja* выступает в роли каузального коннектора, см. подробнее [6]. В следующем фрагменте (2) частица *ja* сочетается с модальным словом *natürlich*, предложение с этим сочетанием служит обоснованием для высказанного в предыдущем высказывании предположения посредством сочетания модального глагола *müssen* с формой *Infinitiv I*. В отрывке (3) предложение, содержащее комбинацию частиц *ja* и *freilich*, передает семантику уступки; не в последнюю очередь она формируется посредством включения отрицания *nicht* в ту часть предложения, где содержится эта комбинация, и союза *aber* – в последующую часть сложносочиненного предложения.

В работах В. Абрахама [5; 8; 13] указывается на то, что модальные частицы занимают позицию в верхней части среднего поля топологической схемы немецкого предложения. И действительно, как показывает анализ корпусных данных, частица *ja* стоит сразу после изменяемой формы глагола, за ней следует, как правило, модальное слово и/или обстоятельство и дополнения. Тем не менее изменение порядка следования модальных слов и модальных частиц возможно, хотя такая перестановка встречается намного реже и имеет место, как правило, в том случае, если после частицы *ja* следуют другие модальные частицы или слова с уточняющей либо с ограничительной семантикой, например *nur*. Рассмотрим примеры:

(4) Lokale Ereignisse sind **natürlich ja auch** Konzerte hochkarätiger Künstler in München!

(5) Auf der anderen Seite unterstützen wir **tatsächlich ja eben** nicht die Arbeitgeber, sondern wirklich nur die Praktikanten.

(6) Warum stellst Du diese Frage in der TENNIE-ECKE!? Da gehört sie eigentlich nicht hin! Diese Frage stellen sich **vielleicht ja auch** erwachsene Hobbyhalter!

(7) Das Urteil hat ja sehr grundsätzlichen Charakter, hat den Charakter eines Musterprozesses und ist **keineswegs ja nur** eine Berliner Angelegenheit.

(8) Die beiden Dörfer, die **möglicherweise ja doch** niedergebrannt waren, lagen vierzig bis fünfzig Kilometer von meinem Standort entfernt.

В высказываниях (4) и (6) частица *ja*, стоящая после модальных слов, выступает в сочетании с частицей *auch*. Как показывают наблюдения М. Турмэр, подобное сочетание позволяет показать, что, во-первых, обстоятельства, о которых идет речь, хорошо известны, а, во-вторых, высказывание вы-

ступает в роли аргументации предыдущего [15, S. 209]. Как видно из фрагмента (4), сочетание *ja* + *auch* указывает на хорошо всем известную информацию; аналогичную ситуацию мы можем проследить на примере высказывания (6), где, наряду с выделением хорошо известной информации, в предложении дана аргументация установки говорящего, высказанной в предыдущих предложениях. В предложении (7) после модальной частицы *ja*, следующей за модальным словом *keineswegs*, стоит наречие *nur*. В высказывании (8) используется сочетание частицы *ja* с частицей *doch*, в отрывке (5) – с частицей *eben*.

По наблюдениям Й. Майбауера, ударная частица *ja* всегда стремится к правой периферии предложения [13]. Возможно, это и объясняет тот факт, что безударная модальная частица *ja* занимает позицию после модального слова преимущественно в том случае, если она выступает в комбинации с другими частицами, например *auch* или *eben*.

2. Сочетание частицы *ja* с модальными словами с эвиденциальной семантикой. Модальные слова с эвиденциальной семантикой, такие как, например: *angeblich*, *augenscheinlich*, *offenbar*, *faktisch*, *scheinbar* и т. д., также вполне могут сочетаться с модальной частицей *ja*, как это можно проследить на следующих примерах:

(9) Denn wir gehören **ja angeblich** alle zum selben Team, das sich Nafta nennt.

(10) Dabei hat es **ja augenscheinlich** irgendeine Dynamik geschafft, dass alleine das Wort Verschwörungstheorie bereits Land auf Land ab als ein «Totschlagsargument» verwendet wird.

(11) Außerdem hat er **ja offenbar** sein Patenamt verraten.

Использование модальной частицы *ja* после модальных слов с эвиденциальной семантикой в ряде случаев возможно. Так же как и в случае сочетаемости с модальными словами с эпистемической семантикой, после модальной частицы *ja* зачастую употребляется частица *auch*. Примечательно то, что в высказываниях с модальными словами с эвиденциальной семантикой и частицей *ja* в постпозиции используется отрицание. Мы полагаем, что подобная комбинация частицы с модальными словами, с одной стороны, и употребление отрицательных компонентов, с другой стороны, позволяет подчеркнуть контраст между позицией говорящего и иного лица, в роли которого может быть собеседник или некое третье лицо, о котором идет речь в высказывании. Рассмотрим примеры:

(12) Leider ist es sehr naheliegend, dies aus den Formulierungen zu vermuten, aber **offenbar ja auch nicht** für jeden zwingend, wie Donata zeigt.

(13) Aber dies ist von Seiten der USA **offenkundig ja gar nicht** gewünscht.

(14) Zu befürchten ist **scheinbar ja nichts**, denn beide Plattformen sollen für längere Zeit unterstützt werden.

(15) Der Nutzer des Programms merkt davon **gar nichts**, weil **scheinbar ja** alles «richtig» läuft mit dem Programm.

(16) Eigentlich betrifft es **scheinbar ja gar nicht** Sie, sondern Ihren Mann.

(17) Nicht nachvollziehbar sei auch, warum man einen Standort in Walchstadt verhindern wolle, obwohl die Sender **angeblich ja nicht** gefährlich seien.

Конечно, данная закономерность не носит абсолютного характера: употребление частицы *ja* после модальных слов с эвиденциальной семантикой при отсутствии отрицательных компонентов в предложении вполне возможно, например:

(18) Jupiter ist **offenbar ja** schon bekannt.

3. Сочетание частицы *ja* с оценочными наречиями. Определенные закономерности можно проследить, анализируя сочетаемость частицы *ja* с оценочными наречиями. По семантическому критерию эти слова можно разделить на две группы: 1) наречия с положительной коннотацией, такие как, например, *vernünftigerweise*, *erfreulicherweise*, *glücklicherweise*, *interessanterweise*, когда говорящий дает позитивную оценку событий, о которых идет речь, и 2) наречия с отрицательной коннотацией, когда происходящее оценивается негативно, например: *widersinnigerweise*, *beschämenderweise*, *dummerweise* и т. д. Анализ корпусных данных показал, что частица *ja* довольно часто сочетается с оценочными словами с положительной коннотацией:

(19) Sie haben sich **dankenswerterweise ja schon** längst seitens der Bundesregierung deutlich für eine Beendigung der Verfolgung und den Schutz der Glaubensfreiheit ausgesprochen.

(20) Der Kanzler hat sich Ihnen gegenüber **ja freundlicherweise sehr** pädagogisch verhalten nach dem Motto: Lernerfolge unterstützen.

(21) **Tatsächlich** wird **ja sinnvollerweise** im Landtagswahlrecht von Bayern ein Direktmandat nicht zugeteilt, wenn die Liste keine 5 % geschafft hat.

(22) Man wolle **ja klugerweise** die Entstehung von krebserregenden Rußpartikeln **schon** bei der Verbrennung verhindern – dann erübrige sich ein Filter.

(23) Filme wie Howards End müssen **ja verständlicherweise auch** nicht finanziell gefördert werden.

В приведенных высказываниях частица *ja* стоит в верхней части среднего поля, занимая позицию перед оценочным наречием. Интересно заметить, что в рассматриваемых нами отрывках помимо оценочных наречий и модальной частицы *ja* используются другие слова, усиливающие экспрессивность высказывания: в предложении (19) и (22) используется наречие *schon*, в отрывке (20) – наречие *sehr*, в высказывании (21) – модальное слово с эпистемической семантикой *tatsächlich*, в отрывке (23) – наречие *auch*. По всей видимости, в данных предложениях проявляется закон триады, описанный

В.Г. Гаком: при выражении эмоций и оценок зачастую наблюдается трехкратное повторение одного и того же состояния, указывающее на особенности предмета, которому дается оценка [4, с. 649]. По нашим наблюдениям, эта закономерность проявляется довольно часто, хотя использование только двух элементов, усиливающих экспрессивность высказывания, вполне возможно:

(24) Frau Staatsministerin hat **ja dankenswerterweise** darauf hingewiesen – in zahlreichen KZ-Gedenkstätten Hinweise und Ehrungen für die homosexuellen Opfer des Nationalsozialismus.

Как показал анализ корпусных данных, частица *ja* крайне редко употребляется с теми наречиями, в семантике которых содержится отрицательная коннотация. Так, нам совсем не встретились случаи употребления модальной частицы *ja* с такими оценочными наречиями, как, например, *schändlicherweise*, *widersinnigerweise*, *schlauerweise* и т. д. Из наречий с отрицательной коннотацией мы нашли лишь три в сочетании с частицей *ja*: *dummereise*, *fälschlicherweise*, *unklugerweise*. Рассмотрим примеры из корпуса:

(25) In der Militärshow steckt **ja dummerweise** auch eine Schönheit und Ordnung.

(26) Manager Beisersdorfer und Konsorten haben **ja unklugerweise** auch schon lauthals überall rumerzählt, dass man die 7,5 Millionen Euro aus dem Ujfalusi-Verkauf in die Mannschaft reinvestieren will.

Анализ фактического материала показал, что модальная частица *ja* может занимать позицию и после оценочных слов, хотя такие случаи встречаются намного реже. Мы нашли случаи употребления этой частицы после слов *freundlicherweise*, *sinnvollerweise*, *klugerweise*, *vernünftigerweise*, *dummerweise*, *gerechterweise*, *konsequenterweise*, *notwendigerweise*, *dankenswerterweise*, *logischerweise*, *leider*, *glücklicherweise*, *interessanterweise*, *komischerweise*. В предложениях, содержащих частицу *ja* и оценочные наречия, имеют место и другие слова-уточнители, усиливающие экспрессивность высказывания. Рассмотрим в качестве примеров ряд фрагментов:

(27) Zu welche Absurditäten dieses Förderprogramm führt, hat **dankenswerterweise ja gerade** vor einer Woche die SZ dargestellt.

(28) Denn alles was in einer Hohlwelt existiert, kann **logischerweise ja nur** kleiner sein als die Hohlwelt selber.

(29) Entsprechend war **leider ja auch** dein Feedback.

(30) Weitere Vergleiche aber mit den USA möchte ich mir lieber ersparen, und die «Mini-Nukes» (mittv. Nov. 2004) habe ich **glücklicherweise ja gar nicht** hier erwähnt.

(31) Entsprechend war **leider ja auch** dein Feedback.

(32) Wobei **interessanterweise ja auch** Kaisers Heinrichs Sternemantel aus Süditalien kommt.

В предложении (27) наряду с оценочным наречием и частицей используется наречие *gerade*, усиливающее выразительность высказывания. В отрывках (29), (31) и (32) сразу после частицы *ja* используется частица *auch*, что позволяет подчеркнуть известность факта как для говорящего, так и для собеседника. В предложении (30) используется наречие *nur*, в (30) – *gar* в сочетании с отрицанием *nicht*, что позволяет, в свою очередь, усилить отрицание.

В корпусе достаточно много примеров употребления частицы *ja* в сочетании с оценочными наречиями в парантезах. Рассмотрим пример:

(33) Schon Stunden bevor die Entscheidung verkündet wurde, hatten sich tausende von Briten auf dem Londoner Trafalgar Square versammelt – **der bezeichnenderweise ja an einen der bedeutendsten Schlachtensiege über Frankreich erinnert** – und fieberten dem Ausgang entgegen.

Использование частицы *ja* после оценочных наречий в парантезах мы объясняем тем, что, во-первых, парантезы как интертекстуальные включения создают некий фон повествования, а, во-вторых, тем, что через использование частицы *ja* в этих включениях автор как бы обращается к читателю, приводя информацию, известную не только ему, но и окружающим.

Итак, анализ фактического материала позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Модальная частица *ja* занимает позицию преимущественно в верхней части среднего поля немецкого предложения. Она может сочетаться с модальными словами с эпистемической и эвиденциальной семантикой, а также с оценочными наречиями, обнаруживая в этой сочетаемости ряд особенностей.

2. Модальная частица *ja*, употребленная после модальных слов с эпистемической семантикой, зачастую сочетается с другими частицами, например: *doch*, *auch*, *eben*. Случаи ее употребления после слов *bestimmt*, *freilich*, *jedenfalls*, *höchstwahrscheinlich*, *keinesfalls*, *unbedingt*, *unbestreitbar*, *zweifelhaft*, *unzweifelhaft*, *schwerlich*, *selbstredend*, *fraglos*, *kaum*, *mitnichten*, *vermeintlich*, *wahrlich* фактически не встречаются, хотя в препозиции к этим словам частица *ja* может использоваться, о чем свидетельствует анализ корпусных данных.

3. Модальная частица *ja* возможна как перед словами с эвиденциальной семантикой, так и после них. В случае употребления частицы после модальных слов имеет место тенденция к включению отрицательных компонентов, что позволяет в ряде случаев подчеркнуть контраст между очевидным положением дел и ожиданиями некоего третьего лица, о котором идет речь.

4. Обнаруживается тенденция к сочетаемости модальной частицы *ja* с оценочными наречиями, в семантике которых содержится положительная коннотация. Очень редко наблюдается комбина-

ция с оценочными наречиями с отрицательной семантикой. Это можно было бы объяснить тем, что в семантике частицы *ja* содержится компонент некоего «одобрения» говорящим действий собеседника либо третьего лица. В случае использования модальной частицы *ja* после оценочных наречий в большинстве случаев наблюдается соблюдение закона триады, описанного В.Г. Гаком.

Перспективным представляется нам анализ сочетаемости других модальных частиц с модальными словами и оценочными наречиями, что, в свою очередь, позволит лучше понять скрытый инвариантный компонент в семантике этих маленьких, но очень значимых слов.

Библиографический список

1. *Аверина А.В.* Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). – М.: УРСС, 2010. – 192 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. *Ваулина Л.Н.* Синтаксические конструкции, выражающие предположение (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук / МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1989. – 152 с.
4. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
5. *Abraham W.* Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // *Modalität und Evidentialität*. – Trier, 2011. – S. 125–147.
6. *Averina A.* Phorik bei den Epistemizitätsmarkern im Deutschen // *Die Sprache in Aktion: Pragmatik – Sprechakte – Diskurs*. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter. – S. 33–45.
7. *Bublitz W.* Ausdrucksweisen der Sprechereinstellung im Deutschen und Englischen. Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik der deutschen Modalpartikeln und Vergewisserungsfragen und ihrer englischen Entsprechungen. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1978. – 245 S.
8. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. – Berlin: Akademie Verlag, 2011. – 222 S.
9. *Eroms H.-W.* Syntax der deutschen Sprache. – Berlin: de Gruyter, 2000. – 513 S.
10. *Helbig G., Helbig A.* Lexikon deutscher Modalwörter. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. – 300 S.
11. *Hinrichs U.* Partikelgebrauch und Identität am Beispiel des Deutschen ja // *Die Partikeln der deutschen Sprache*. – Berlin; New York: de Gruyter, 1979. – S. 256–268.
12. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // *Modalität und Evidentialität*. – Trier: Focus, 2011. – S. 149–170.
13. *Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. – 246 S.
14. *Rinas K.* Die Abtönungspartikeln *doch* und *ja*. Semantik, Idiomatisierung, Kombinationen, tschechische Äquivalente. – Peter Lang, 2006. – 472 S.
15. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. – 314 S.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ «АКЦЕНТИРОВАНИЯ ВНИМАНИЯ НА ОСОБО ЗНАЧИМОЙ ДЛЯ АВТОРА ИНФОРМАЦИИ» (на примере речи носителей мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch)

В статье рассматриваются особенности реализации тактики «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации» носителями мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch в рамках актуализации стратегии воздействия на получателя текста. Речевое поведение представителей различных социальных групп, в частности особенности коммуникации в кругу мультиэтнической молодежи, всегда вызывали интерес у лингвистической общественности. Известно, что в каждой ситуации речевого общения говорящий реализует свои коммуникативные намерения, используя для этого различные стратегии и тактики. В данной статье автор анализирует речевое поведение мультиэтнической молодежи Германии, характеризует особенности тактики «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации», приводит подробное описание основных маркеров выражения данной тактики и их функции в процессе коммуникации. Автор статьи обращает внимание на то, что акцентирование важной информации осуществляется отправителем текста на разных языковых уровнях – лексико-семантическом и синтаксическом. Частотность употребления маркеров тактики акцентирования облегчает восприятие информации адресатом путем эксплицитно выделенного важного, существенного для адресанта.

Ключевые слова: коммуникативная тактика, отправитель текста, получатель текста, маркер, интенсификатор, риторический вопрос, Kiezdeutsch.

Любая ситуация речевого общения предполагает реализацию тех или иных коммуникативных намерений говорящего, то есть посредством речевого воздействия адресант может изменить мнение или поведение собеседника в нужном ему направлении. Практически говорящий реализует коммуникативные намерения, прибегая к использованию коммуникативных стратегий и тактик.

Целью данной статьи является анализ маркеров тактики «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации» в рамках реализации носителями мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch стратегии манипулятивного воздействия на адресата.

Актуальность исследования обусловлена активным интересом лингвистической общественности к изучению аспектов речевого поведения представителей различных социальных групп, в том числе мультиэтнической молодежи.

Под мультиэтнOLEKТОМ понимается вариант языка, возникший в мультиэтнических районах и включающий говорящих различного этнического происхождения, а также говорящих из коренного населения страны. Kiezdeutsch, вслед за Н. Wiese, мы понимаем как молодежный мультиэтнOLEKТ немецкого языка, который развился в результате взаимодействия различных языков, культур и этносов в городских микрорайонах с высокой долей иммигрантского населения (например, Берлин, Гамбург, Маннхайм, Нюрнберг, Мюнхен) [8, с. 25].

Тактика «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации» представляет совокупность практических ходов в процессе речевого взаимодействия, с помощью которых адресант выражает намерение подчеркнуть, выделить наиболее существенные моменты своей речи с целью

обратить на них внимание адресата. Поставленной задачи говорящий может достичь посредством языковых маркеров. Под адресантом в работе мы понимаем отправителя текста, под адресатом – получателя текста.

В ходе исследования удалось выявить, что акцентирование значимой информации осуществляется носителями Kiezdeutsch прежде всего на лексико-семантическом уровне с помощью маркеров, в роли которых выступают:

1. Интенсификаторы, передаваемые наречиями меры и степени: *krass, total, voll, unglaublich, extrem, sehr*. (Под лексическими интенсификаторами понимают слова, которые усиливают значение ключевого слова и в той или иной степени утрачивают свое собственное семантическое значение. Для них характерно преобладание эмоционального, усилительного значения над семантическим [4, с. 151]). Например:

(1) Ali: *Lan, ich kann nicht. Ich flieg heute Abend Türkei.*

Muhamet: *Voll krass, ich war noch nie Türkei. Gibs noch Neuigkeiten über Faruk und Ufuk?* (1).

В этом примере один из коммуникантов выражает свое восхищение тем, что его собеседник летит в Турцию. Для выражения восхищения адресант использует наречие *krass*, что в Kiezdeutsch означает «особенно хорошо, классно» [5]. Усилению значения наречия *krass* используется лексический интенсификатор *voll*.

(2) *Hat sie gefunden so krass den MultiethnOLEKT. Wird gesprochen im Kiez mit divers... ähm, also so mit so viele ethnische Wurzeln. So voll ohne 'der' und 'die' und 'das'. Aber voll mit 'so'. So total einfach eben. (Sie hat den MultiethnOLEKT erfunden. Er wird im Kiez mit sehr vielen ethnischen Wurzeln gesprochen. Es gibt*

keine Artikelwörter «der», «die», «das», aber man benutzt oft «so». Das ist sehr einfach) (2). Автор этого текста с восторгом рассказывает о Kiezdeutsch, об отсутствии артиклей, что делает мультиэтнлект очень простым. С целью выразить восторг автор активно использует наречия *viel, einfach, krass* вместе с лексическими интенсификаторами *voll, total*. В литературном немецком языке интенсификация информации таким образом используется довольно редко.

(3) *Jetzt hab ich noch so einen komischen brief von der polizei bekommen und ich hab voll angst das die denken ich habe die karten gefelscht.* (3). С целью продемонстрировать получателю текста страх и тревогу перед полицией, отправитель употребляет выражение *ich hab voll angst*, где лексема *voll* способствует интенсификации всего выражения.

(4) *Halt ich das hier noch so lang durch ohne dich!!! Hab dich nämlich voll fett und extrem doll lieb gaaanz dicka.* (1). Выражения, содержащие лексические интенсификаторы *voll fett* и *extrem doll* в этом тексте используются автором, чтобы выразить глубину своих чувств по отношению к адресату. В литературном немецком языке данную функцию обычно выполняет усилительное наречие *sehr*.

2. Дискурсивные слова и сочетания, такие как *vor allem, und zwar, wirklich*. Под дискурсивами принято понимать лексические единицы, выполняющие вспомогательную функцию в дискурсе, помогающие коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия [2, с. 13]. Вышеуказанные дискурсивные слова и сочетания относят к дискурсивам-акцентам. Акценты играют важную роль в реализации стратегии воздействия на аудиторию. Посредством акцентов автор может выделить важную часть сообщения, зафиксировать внимание слушателя на главном, создать нужную эмоциональную атмосферу [2, с. 15].

(5) *Ich freue mich schon sehr auf die Reise nach Kreisau, vor allem aber auf euch!* (4). В этом примере автор при помощи дискурсивного сочетания *vor allem* акцентирует внимание на том, что с нетерпением ждет встречи с адресатом.

(6) *Unser Wetter hier ist wirklich fantastisch... das ist sehr ungewöhnlich für April, dass es schon so warm ist. Aber da hab ich natürlich nichts dagegen* (4). Автор данного текста акцентирует внимание на том, что рад хорошей погоде. Для характеристики погоды говорящий использует прилагательное *fantastisch* в сочетании с дискурсивом-акцентивом *wirklich*.

3. Усилительная частица *so*. Употребление частицы *so* является характерной чертой мультиэтнлекта Kiezdeutsch и используется говорящими с целью обратить внимание слушателя на важную информацию в предложении [9, с. 994]. Частица *so* в Kiezdeutsch утрачивает свое привычное значение

«так, такой» и становится семантически пустой. В Kiezdeutsch у нее появляется новая функция в организации самого предложения: *so* стоит перед той частью предложения, которая несет наиболее важную информацию (так называемый «фокус» предложения). Как демонстрируют примеры, приведенные ниже, *so* может стоять как перед, так и после высказывания, на котором говорящий хочет сделать особый акцент, а также обрамлять его с обеих сторон. Например:

(7) *Die hübschesten Fraun komm'n von den Schweden. Also ich mien so blond so* (11). В этом примере адресант указывает на то, что самые красивые девушки живут в Швеции. Чтобы подчеркнуть, что привлекательными для него являются именно девушки со светлыми волосами, автор использует частицу *so*, которая обрамляет прилагательное *blond*.

(8) *Arabisch ist eigentlich meine Muttersprache, aber zu Hause spreche ich so deutsch so* (11). Автор этого текста сообщает, что арабский является его родным языком, тем не менее для общения в кругу семьи используется немецкий. В данном примере частица *so* используется для того, чтобы подчеркнуть, что в ситуациях бытового общения адресант использует именно немецкий язык.

Реализации тактики «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации» на синтаксическом уровне способствуют следующие маркеры: 1) риторические вопросы; 2) конструкция *war so*; 3) конструкция *weiß(t) du*. Рассмотрим каждый из маркеров более подробно.

1. *Риторические вопросы*. Несмотря на то, что формально риторические вопросы представляют собой вопросительные предложения, коммуникативной целью таких вопросов является не запрос информации и побуждение адресата к ответу, а привлечение его внимания к информации, представляющей часто ответ на сам вопрос. Иными словами, с риторическим вопросом связывается осуществление другого речевого акта, например акт сообщения информации, акт выражения негодования, удивления, создания определенного настроения и т. д. Функции риторического вопроса в литературном немецком языке и мультиэтнлекте Kiezdeutsch схожи. Сознательный выбор носителями Kiezdeutsch риторического вопроса, возможно, связан с тем, что имплицитный способ выражения своего намерения (утверждение, побуждение, требование под видом вопроса) является более экспрессивным и эффективным средством, вызывающим у получателя текста определенную реакцию, побуждающим его к определенным действиям для достижения желаемой цели [3, с. 79].

(11) *Aber ist Liebe real? Gibt es sie wirklich? Oder bilden wir uns nur ein, dass wir jemanden lieben? wenn man noch jung ist und eine Freundin oder Freund hat, kann man doch nicht wirklich von Liebe sprechen. Liebe als gesteigerte Freundschaft zu bezeichnen ist rein*

biologisch schon Quatsch: Wenn man liebt, will man auf kurz oder lang auch Sex haben. Ist Liebe vielleicht bloß ein Gefühl, dass 2 Menschen zusammen schweift, damit sie sich näher kommen und sich vermehren können? (8). Автор данного текста при обсуждении темы взаимоотношений и любви активно использует риторические вопросы как средство привлечения внимания адресата. Автор задает вопрос и сам дает на него ответ, как бы убеждая адресата в правильности своих суждений.

(12) *Warum ich dich so anguck? Will dich in meinen Traum nehmn. Ich will dich bei mir haben. Ich will dich in jedem Traum sehn* (8). В этом тексте автор при помощи риторического вопроса стремится привлечь внимание адресата на последующую информацию. Кроме того, акцентирование важной информации достигается посредством повтора конструкции *ich will* в начале каждого предложения, что помогает автору убедить получателя текста в правдивости своих слов и намерений.

(13) *Weiß der teufel, was all den weichhirnis fehlt und nicht richtig tickt, sicher ist, daß die schon 'n eigenes volk von spinnern bilden... was erwartest du von ollen krämern? Die alemannen hassen sich und jeden, der ihnen über 'n weg läuft (Der Teufel weiß, was allen diesen Weichhirnis (=Blöden) fehlt und womit sie nicht zufrieden sind, sicher ist, dass ihr eigenes Volk (=deutsches Volk) aus Spinnern besteht... was kann man von diesen ollen Krämern (пренебр. мелочный, корыстный человек) erwarten? Die Deutschen hassen sich und jeden, der ihnen über den Weg läuft...)* (10). Иллокутивная цель риторического вопроса «Что можно ожидать от этих мелочных, корыстных людей?» в данном тексте – выразить свое негодование по отношению к немцам, усилить воздействие сообщаемого на получателя текста.

2. Конструкция «*war so*». Для привлечения внимания к сказанному и с целью убедить адресата носители Kiezdeutsch активно используют конструкцию «*war so*». В литературном немецком языке данное сочетание существует и буквально может быть переведено на русский язык «так и было». В Kiezdeutsch по сравнению с литературным немецким языком сочетание «*war so*» используется довольно часто и имеет прагматическое значение, состоящее в привлечении внимания к сказанному отправителем текста ранее и акцентировании достоверности сообщаемой информации.

(14) *Jedenfalls fing ich an unbewusst zu rennen und fiel über iwelche Wurzeln und dachte dieses Gestrüpp würde mich festhalten war so Alder dabei bekam ich richtig Panik* (9). Автор данного примера использует конструкцию *war so* с целью убедить получателя текста в том, что он говорит правду.

(15) *Ich wollte die (die Kinokraten) eben denn einlösen mit mein atzen auf einmal meinte die kassierein da das es nur solche fake karten wären.. isch schwör ich musste denn noch da die polizei anzeige machen*

und alles.. Alder war so was (3). В этом примере отправитель текста рассказывает о том, как выиграл фальшивые билеты в кино и к каким последствиям это привело. Заканчивая свой рассказ выражением *war so*, автор убеждает адресата в достоверности своих слов.

3. Конструкция «*weiß du*». Данная конструкция в различных вариантах: *weissu / weisstu* – довольно часто используется носителями мультиэтнOLEKTA Kieudeutsch, может занимать любое место в высказывании и служит, как правило, для акцентирования внимания адресата на сказанном.

(16) *Man kann über alles spreschen, aber wenn man spreschen will, muss einer ers mal Meinung haben, weissu! Wenn du keine Meinung hast, und isch hab keine Meinung, dann sitzen wir da und sagen nichts und nichts passiert!* (3).

В данном примере автор делает акцент на мысли, что каждый должен иметь собственное мнение. Для привлечения внимания адресата к сообщаемой информации автор завершает предложение лексемой *weissu*. Эта лексема характерна только для мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch. В литературном немецком языке существует конструкция *weißt du*, которая буквально переводится как «знаешь ли ты» и используется в вопросительных предложениях. В Kiezdeutsch она утрачивает свое семантическое значение и приобретает скорее прагматическое значение акцентирования внимания адресата на сообщаемой информации.

(17) A: *Weisstu bin isch Disco gefahren mit krassen Benz, weissu meine krassem Benz.*

B: *Un?*

A: *Dem Tussen haben geredet mit sich ubern krassem Benz von misch.*

B: *Un, ham disch angemacht, oder was?*

A: *Dem haben gesagt, dem Benz is scheissn, weil hat krasse Spoiler.*

Isch versteh dem net, aber scheiss mir egal, Alder, isch schwör!

B: *Alder, dem hat gar keinem Ahnung von Auto, weissu?*

A: *Isch weiss, Alder. Benz is krasse Auto, weissu. Ferrarikiller, isch schwör dir!* (7).

Участники данного диалога практически в каждой реплике используют конструкцию *weissu*, что придает информации более эмоциональное звучание, и таким образом происходит акцентирование внимания адресата на том, что говорит собеседник.

Принимая во внимание изложенное выше, можно сделать вывод, что акцентирование особо значимой информации осуществляется носителями мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch на разных языковых уровнях – лексико-семантическом и синтаксическом – посредством целого ряда языковых маркеров. Ряд маркеров не употребляется в литературном немецком языке и характерен только для мультиэтнOLEKTA Kiezdeutsch. Употребление мар-

керов тактики акцентирования облегчает восприятие текста адресатом путем эксплицитно выделенного важного, существенного для адресанта.

Список источников

1. Berufliche Schule Parchim // Regionales Berufliches Bildungszentrum des Landkreises Ludwigslust-Parchim. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bs-parchim.net/Gaestebuch.107+M5a5ec78696f.0> (дата обращения: 16.03.2015).
2. Das Tagesspiegel // E-Paper. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/jugendsprache-so-voll-krass/6121766.html> (дата обращения: 11.03.2015).
3. Die Welt // Elektronische Tageszeitung. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.welt.de/vermischtes/article129589372/Gehst-du-Bus-Kiezdeutsch-gibts-bald-ohne-Kiez.html> (дата обращения: 12.03.2015).
4. Facebook // Social Networking Service. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/messages/search/deborah.finck.3?query=deboradf> (дата обращения: 15.03.2015).
5. Ghostwriting-Agentur Business and science // Das Infoportal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://business-and-science.de/wp-content/uploads/2013/11/Kiezdeutsch-in-der-Schule—Grundlagen-eines-Ethnolekts-für-den-bilingualen-Fremdsprachenunterricht-in-der-Oberstufe.pdf> (дата обращения: 13.03.2015).
6. Information structure in different variants of written German // Interdisciplinary Studies on Information Structure: № 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/files/4712/isis14.pdf> (дата обращения: 12.03.2015).
7. Kleines Maeusel // Chat Service. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kleinesmaeusel.de.tl/Kanakisch.htm> (дата обращения: 13.03.2015).
8. Kwick // Social Networking Service. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kwick.de/Mirkos_xo/portrait (дата обращения: 10.03.2015).
9. Meet-teens // Chat service. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.meet-teens.de/>

small-talk/71164-unheimlichste-je-erlebt-habt.html (дата обращения: 10.03.2015).

10. Parapluiе // Elektronische Zeitschrift für Kulturen, Künste, Literaturen. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parapluiе.de/archiv/generation/kanaksprak/> (дата обращения: 16.03.2015).

11. Russkaja Germanija // Die Wochenzeitung. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg-rb.de> (дата обращения: 12.03.2015).

Библиографический список

1. *Викторова Е.Ю.* Роль устной и письменной формы речи в использовании вспомогательных коммуникативных единиц (на материале научной речи русского и английского языков) // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 218–225.
2. *Викторова Е.Ю.* Синкретизм дискурсивных слов // Известия Саратовского университета. – 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 10–15.
3. *Кильмухаметова Е.Ю.* Риторические вопросы как косвенные речевые акты (на материале французского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 4. – С. 77–82.
4. *Шинунова Н.Б.* К проблеме семантического значения интенсификаторов // Логико-семантическая структура текста: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 151–157.
5. Duden Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung/krass#Bedeutung2a> (дата обращения: 3.10.2015).
6. *Androutsopoulos J.* Online-Gemeinschaften und Sprachvariation: Soziolinguistische Perspektiven auf Sprache im Internet // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. – 2003. – № 31. – S. 173–197.
7. *Auer P.* «Türkenslang»: ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen // Basler Studien zur deutschen Sprache und Literatur. – 2003. – № 81. – S. 255–264.
8. *Wiese H.* Ein neuer Dialekt entsteht / H. Wiese. – München: CH Beck Verlag, 2006. – 280 S.
9. *Wiese H.* So as a focus marker in German // Linguistics. – 2011. – № 49. – S. 991–1039.

ФУНКЦИИ РЕМАРОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

В статье рассматриваются структура, семантика и функции ремарок в исторической хронике А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Ремарки в современном языкознании недостаточно изучены. Ремарки (сценические указания) – особый тип композиционно-стилистических единиц, включённых в текст драматического произведения и наряду с монологами и репликами персонажей способствующих созданию его целостности. Ремарка обладает важными функционально-коммуникативными признаками, позволяющими определить достаточно жёсткие нормы в построении произведения. В исторической хронике А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» используется большое количество ремарок. Автор хроники часто создаёт ремарки к репликам тех персонажей, которые играют главную роль в сюжетной линии произведения. Количество ремарок возрастает к финалу драматического произведения и увеличивается в массовых сценах, так как ремарки передают динамику событий, показывают развитие действия. Концентрация ремарок к репликам конкретного персонажа свидетельствует о том, что для раскрытия внутреннего мира именно этого героя драмы требуется «голос» автора. Ремарки в хронике Островского подразделяются на несколько типов и служат раскрытию образов персонажей, характеризуют драматическое действие хроники. С помощью ремарок раскрывается авторская позиция, создаётся текстовая модальность.

Ключевые слова: историческая хроника, ремарка, авторская позиция, речевая характеристика, языковые средства, лексика и синтаксис.

Ремарки в современной лингвистике изучены недостаточно. Назовём имена учёных, которые занимались изучением функций ремарок в драматических произведениях. Анализом семантических возможностей ремарок в лингвистическом аспекте посвящены диссертационные исследования К.К. Асановой, В.А. Безрукова, А.В. Хижняк, В.П. Ходуса, а также научные статьи, посвящённые некоторым аспектам бытования ремарки в художественном контексте (Е.К. Абрамовой, К.Ф. Баранова, М.Б. Борисовой, Н.С. Ганцовской, О.В. Гладышевой, П.С. Жуйковой, И.П. Зайцевой, Л.В. Ильичевой, И.Н. Левиной, Е.А. Покровской, Т.В. Седовой, Г.А. Устименко, М.Ю. Хватовой, Л.А. Шуваловой и других).

Среди литературоведческих работ разного характера, касающихся этой темы, выделяются исследования С.Д. Балухатого, Т.Г. Ивлиевой, С.Н. Кузнецова, Н.К. Пиксанова, А.П. Скафтымова, В.В. Сперантова С.В. Шервинского. Анализ формальных функций ремарок предложен в монографии немецкой исследовательницы Г.Х. Дамс, преимущественно на сценическом опыте основаны эссе С.В. Кржижановского «Театральная ремарка» и Б.В. Голубовского «Читайте ремарку!», есть ряд публикаций и наблюдений над частными ремарочными конструкциями в пьесах отдельных драматургов.

В нашем исследовании мы ориентируемся на определение и классификацию ремарок, которые приводятся в книге Н.А. Николиной «Филологический анализ текста» [2]. Автор приводит систему ремарок и прослеживает их эволюцию, начиная от XVIII века и заканчивая XIX веком. Ремарки (сценические указания), по Н.А. Николиной, – особый тип композиционно-стилистических единиц, включённых в текст драматического произведения и наряду с монологами и репликами персонажей способствующих

созданию его целостности. Основная функция ремарок – выражение интенций автора. Одновременно это средство передачи авторского голоса служит способом непосредственного воздействия на режиссёра, актёров и читателя драмы [2, с. 63].

Основные типы ремарок сложились в русской драматургии XVIII – начала XIX вв. (под влиянием западноевропейской драматургии). В этот же период определились и их ведущие функционально-коммуникативные признаки, позволяющие определить достаточно жёсткие нормы в построении ремарок. Перечислим эти нормы, характерные для драматических произведений XVIII–XIX вв.

1. Ремарки непосредственно выражают позицию «всеведущего» автора и коммуникативные намерения драматурга. Авторское сознание при этом максимально объективировано. В ремарках не употребляются формы 1-го и 2-го лица.

2. Время ремарки совпадает со временем сценической реализации явления (сцены) драмы (или его чтения). Несмотря на то, что ремарка может по длительности соотноситься с действием целой картины или акта, доминирующим для неё временем является настоящее, так называемое настоящее сценическое.

3. Локальное значение ремарки обусловлено характером сценического пространства и, как правило, им ограничено.

4. Ремарка представляет собой констатирующий текст. В ней, соответственно, не используются ни вопросительные, ни побудительные предложения. Ремарки избегают оценочных средств, средств выражения неопределённости и тропов, они нейтральны в стилистическом отношении.

5. Для ремарок характерна стандартизированность построения и высокая степень повторяемости в них определённых речевых средств [2, с. 63–65].

Ремарки в драме достаточно разнообразны по функции. Они моделируют художественное время и пространство произведения, указывают на:

- место или время действия: *19 июня 1605 года* (здесь и далее приводятся примеры из пьесы А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»);
- действия героев или их интенции: *даёт серебряную копейку юродивому*;
- особенности поведения или психологического состояния персонажей в момент действия (интроспективные ремарки): *в раздумье останавливаясь перед Осиновым*;
- невербальную коммуникацию: *пожимая плечами*;
- модуляции голоса героя: *тихо, сквозь зубы* и др.;
- адресата реплики: *Дмитрий (Басманову)*;
- реплики в сторону, связанные с саморефлексией персонажа, принятием им решения и т. п.: *Повар (сам с собою)*.

Отметим, что в пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» содержится большое количество ремарок (160 единиц), которые представлены глаголами и глагольными формами, выражающими семантику процессуальности. Большую часть всех ремарок составляют ремарки-глаголы (46 единиц) и ремарки-деепричастия (32 единицы). Следовательно, мы видим, что в хронике больше динамики, чем статистики.

Автор хроники часто использует ремарки лишь к репликам тех персонажей, которые играют главную роль в сюжетной линии произведения. Например, ремарки чаще всего встречаются рядом с высказываниями Василия Шуйского, Дмитрия Самозванца, Калачника, Басманова. И читатель ощущает внимание автора к изображённым персонажам. Интересно, что количество ремарок возрастает к концу произведения и увеличивается в массовых сценах. Это можно объяснить тем, что ремарки придают произведению динамику, показывают развитие действия. Рассмотрим наиболее интересные ремарки, которые анализируются нами с учётом их взаимодействия с репликами персонажей.

Куракин

(*тихо Голицыну*)

А Бельский все Ивана вспоминает;
Кому что мило, тот про то и грезит...

Масальский

(*тихо Басманову*)

А Шуйский все родней своей кичится...

Дмитрий Шуйский

(*тихо Василию Шуйскому*)

Голицыным все воли

Недостаёт [3, с. 37].

В данном эпизоде ремарки похожи по структуре: они содержат указание на адресата в сочетании

с наречием *тихо*. В этом отрывке бояре говорят о приходе к власти Дмитрия Самозванца, они боятся чем-то прогневить его, и поэтому разговаривают шепотом. Благодаря ремарке *тихо* в сцене создается особая, заговорщическая атмосфера.

Маржерет

Vive l'empereur!

(*Солдатам.*)

Ruft: «Hoch! vivat der Kaiser!»

Немцы

Vivat! hoch! hoch!

Калачник

Заохали, собаки.

В народе смех [3, с. 39–40].

Ремарка *в народе смех* показывает читателю ироничную реакцию народа на речь немцев, которая для русского человека похожа на лай собаки. Островский сумел изобразить речь немцев в виде звукоподражания. Слово *собака* имеет отрицательную коннотацию. Тем самым мы видим негативное отношение народа к иноземным интервентам.

Бельский

(*берёт бердыш у немца*)

Нельзя терпеть! Освободи нам руки,
И мы его на части разнесем!

Басманов

(*берёт бердыш у другого*)

Изменник тот, кто может равнодушно
В глазах царя такие речи слушать! <...>

Басманов

(*занося бердыш*)

Не изрыгай своих ругательств скверных,
А то убью!

Бельский

(*занося бердыш*)

Молчи! Ни слова больше! [3, с. 98].

Эта сцена нам интересна тем, что повторяется ремарка *берёт бердыш*, которая объясняет действия героев. *Бердыш* – это широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке. Можно предположить, что бердыш в данной сцене является символом наказания и суда. Действие этой сцены происходит в палатах Дмитрия Самозванца, где он пытается осудить Осипова за организацию народного бунта. Басманов с Бельским, верные слуги Самозванца, с помощью бердышей пытаются запугать персонажа и хотят добиться признательных показаний. Следовательно, ремарка в данном контексте приобретает символический смысл и добавляет сцене дополнительную эмоциональность.

Купец

Да вон бегут! Родную

К себе тащат.

Поляки с девушкой у ворот дома,
где стоит Вишневецкий

Калачник

Денной разбой, робята!

На выручку! Работай чем попало.

Разбивают разножки, на которых ставят лотки,
и обломками дерутся с поляками. Отбивают девушку.
Из ворот выходят люди Вишневецкого с ружьями.

Калачник

С пищалями?! Скликай народ, робята!

Голос

Вались, народ! Обидели поляки! [3, с. 130].

В последней сцене происходит восстание народа и свержение Дмитрия Самозванца. Здесь преобладают массовые сцены, встречаются почти все ключевые персонажи и, чтобы точнее передать динамику, показать актёрам последовательность действий, Островский вводит большое количество ремарок, которые представляют собой целые предположения.

Таким образом, количество ремарок, сопровождающих монологи и реплики персонажей, связано с образами персонажей, на которых Островский хотел обратить внимание читателя и зрителя. Например, много ремарок в монологах Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского, в то время как реплики других персонажей оформляются минимальным количеством ремарок. Ремарки, вводящие реплики Самозванца и Василия Шуйского или указывающие на их действия, разнообразны по лексическому наполнению, называют различных адресатов речи или отмечают факт самоадресации, подчёркивают быструю смену эмоций героев. Концентрация ремарок, вводящих или сопровождающих речь определённых героев, свидетельствует о том, что для раскрытия внутреннего мира именно этого персонажа драмы требуется «голос» автора. Как показало наше исследование, ремарки в хронике А.Н. Островского подразделяются на не-

сколько типов, которые выполняют в произведении различные функции. Прежде всего, они служат раскрытию образов персонажей, характеризуют драматическое действие хроники. С помощью ремарок выражается авторская позиция, создаётся текстовая модальность.

Библиографический список

1. *Ивлиева Т.Г.* Автор в драматургии А.П. Чехова. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2001. – 124 с.
2. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
3. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1973.
4. Островский А.Н. Энциклопедия / гл. ред. [и сост.] И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – 660 с.
5. *Пиксанов Н.К.* Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А.С. Горе от ума. – М.: Наука, 1987. – 478 с.
6. *Скафтымов А.П.* К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова // Чехов А.П. Три сестры: пьесы. – СПб.: Азбука-Классика, 2008. – 544 с.
7. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2008. – 512 с.
8. *Фокина М.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 140 с.
9. *Ходус В.П.* Ремарка в драматургическом тексте А.П. Чехова: стереотипичность и новые модели // Изменяющийся языковой мир: тезисы докладов междунар. науч. конф. – Пермь, 2001. – С. 34–36.

Иванова Ольга Святославовна

кандидат юридических наук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

ktgp@syktsu.ru

Чалых Ирина Сергеевна

кандидат юридических наук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

kgpd@syktsu.ru

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье представлены результаты комплексного анализа доктринальных интерпретаций категории «правовой мониторинг» и смежных понятий, их структуры и содержания, обозначены перспективные для практического применения правовые конструкции. Исследование института правового мониторинга является относительно новым направлением в отечественной правовой науке, ориентированным на решение проблем эффективности системы права Российской Федерации и оценки качества нормативных правовых актов. Данный комплекс проблем обусловил выработку научно обоснованного подхода к выбору путей совершенствования законодательства, как на стадии правотворчества, так и в аспекте правоприменения, с целью обеспечения внутренней согласованности системы права, оптимизации правового регулирования в государстве. Первичным результатом реализации такого подхода стало доктринальное обоснование и фактическое внедрение в практику института правового мониторинга. Однако до сих пор данный институт не получил системного законодательного оформления, полноценной структуризации, а базовое понятие – единообразной интерпретации, что привело к многообразию в толковании его содержания, введению в научно-правовой оборот ряда понятий, раскрывающих отдельные аспекты правового мониторинга, не позволяющих достоверно оценить эффективность его осуществления в масштабах государства. На основе полученных выводов авторами систематизированы основные структурные элементы института правового мониторинга, представлены практические предложения по его перспективной оптимизации.

Ключевые слова: правовой мониторинг, интерпретация, структура, правотворчество, правоприменение, оптимизация, методика.

Правовой мониторинг – относительно новая область научных исследований, сопряженная с решением проблем эффективности системы права Российской Федерации в неразрывной связи с оценкой качества нормативных правовых актов. Данный комплекс проблем обусловил выработку научно обоснованного подхода к выбору направлений совершенствования законодательства, ориентированных, в конечном счете, на внутреннюю согласованность системы права в целом, обеспечение эффективности правового регулирования в государстве. При этом указанный процесс должен включать в себя не только разрешение вопросов нормотворчества, но и проблем правоприменения, действия правовых норм. Цели выявления недостатков в правовой системе призван служить институт правового мониторинга, рассматриваемый в качестве одного из ключевых инструментов повышения уровня эффективности правового регулирования, обеспечения должного качества принимаемых нормативных правовых актов и их реализации [1, с. 2]. Однако, несмотря на то, что вопросами эффективности правовых норм в юриспруденции так или иначе уделялось внимание всегда, фокусные исследования указанного правового института в отечественной правовой доктрине появились сравнительно недавно.

Общая (базовая) концепция правового мониторинга разрабатывалась в рамках Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Впервые этим вопросом занялись такие ведущие правоведы, как И.Л. Бачило, Ю.А. Тихомиров, продолжили разработку темы В.В. Лапаева, Д.Б. Горохов, М.Д. Чеснокова и др. В дальнейшем эта концепция нашла отражение в ряде научных публикаций сотрудников Института, а также в общих чертах была воспринята российскими органами государственной власти. К примеру, на основе рекомендаций сотрудников Института при Совете Федерации был создан центр мониторинга права. Между тем, несмотря на актуализацию тематики правового мониторинга и попытки нормативного регулирования соответствующего института, сами разработчики концепции признают, что до сих пор не сформулирована единая позиция по вопросу определения понятия «правовой мониторинг» [3, с. 26].

Так, в юридической литературе мониторинг рассматривается как организационный, правовой институт информационно-оценочного, управленческого характера, проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права [12, с. 13], как способ рационализации законодательства, устранения пробелов и противоречий в нем [5, с. 463], как научно и методически обоснованная система

комплексной оценки форм, содержания и реализации нормативных актов с целью реальной оптимизации нормотворческого и правоприменительного процесса [7, с. 15], как система информационных наблюдений, дающая возможность анализировать и оценивать: результаты законопроектной деятельности (правотворческий процесс), качество нормативных правовых актов, принятых тем или иным правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией, эффективность их практического действия, реализации (правоприменительный процесс) [3, с. 31–32]. Некоторые авторы расширяют понятие мониторинга, включая в него также контроль, прогнозирование, разработку приемов и способов обеспечения оптимального состояния правового пространства, корректировку нежелательных тенденций развития законодательства и т.д.

Более того, в отечественной правовой доктрине отсутствует и единый подход к формулировке исследуемого понятия. Учеными предлагаются дефиниции «мониторинг правового пространства», «мониторинг правоприменительной практики», «мониторинг нормативных правовых актов», «правовой мониторинг», «коллизийный мониторинг» и пр. При этом следует согласиться с мнением ряда исследователей, что применение различных понятий мониторинга или сужает, или излишне расширяет деятельность по его проведению, а для обеспечения терминологического единства следует использовать понятие «правовой мониторинг», включающее оценку качества и эффективности нормотворческого процесса, действующих нормативных правовых актов и правоприменительной практики. В свою очередь универсальный характер данного понятия позволит не только единообразно толковать мониторинговую деятельность различными субъектами, но и использовать общую терминологию в нормативных правовых актах, которые устанавливают основы, порядок организации и проведения правового мониторинга [11, с. 11].

В данной связи можно согласиться с точкой зрения, согласно которой правовой мониторинг, выступающий в качестве родового понятия для разного рода действий по сбору и систематизации юридической информации, наблюдений, анализа и оценок явлений правовой действительности, фактически охватывает все основные виды юридической деятельности: правотворчество, правоинтерпретацию, правоприменение, надзор и контроль, обеспечение прав и свобод личности, правосудие, юридическое образование [2, с. 79]. Вместе с тем, сравнительный анализ объема и содержания понятий мониторинга в юридической сфере позволяет выделить их общий признак – правовой мониторинг есть систематическая деятельность, которая на практике сводится к мониторингу законодательства (процесса и результатов правотворчества)

и правоприменения [11, с. 12]. Именно эти аспекты правового мониторинга нашли сегодня свое нормативное закрепление [14].

Таким образом, правовая сущность исследуемого явления, несмотря на значительное исследовательское внимание, не изменилась – это, в первую очередь, система наблюдения и оценки явлений и процессов. Особенность ее в том, что данные явления и процессы имеют единую правовую природу, что и определяет специфику объектов, субъектного состава, а также методики мониторинга. Результаты правового мониторинга дают возможность обнаружить, спрогнозировать и скорректировать негативные тенденции в правовом регулировании, подобрать эффективные способы обеспечения оптимального состояния правового пространства. Представляется, что использование этих результатов вполне можно было бы рассматривать как развитие, продолжение отношений в рамках правового мониторинга (на это, несмотря на фрагментарный характер, ориентируют и результаты правового регулирования процесса мониторинга).

Объектами правового мониторинга зачастую выступают нормативные правовые акты, их совокупности или структурные части, отдельные статьи, нормы права. В то же время, в зависимости от целей мониторинга, к числу его объектов можно отнести и правовое пространство в целом, правовые отрасли и институты, регулирующие соответствующие сферы общественной жизни, комплексы нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные сферы общественных отношений [6, с. 162]. Особыми объектами мониторинга являются и акты правоприменения, а также отношения, связанные с реализацией правовых норм.

Также следует акцентировать внимание на субъектах правового мониторинга, в перечень которых, ввиду разноаспектной включенности такового в их деятельность, входят Президент Российской Федерации, органы прокуратуры, органы юстиции, суды, особенно Верховный Суд и Конституционный Суд России, законодательные органы, ряд государственных органов исполнительной власти, создаваемые последними центры мониторинга [4, с. 25–26], а также такие негосударственные институты, как: экспертные советы при высших органах государственной власти; научные организации и объединения; образовательные учреждения высшего образования, корпоративные объединения, правозащитные организации, политические партии и др. Однако некой целостной, упорядоченной, скоординированной системы субъектов правового мониторинга пока не сформировано. При этом необходимо особо подчеркнуть, что механизм правового мониторинга полноценно не охватывает органы судебной власти. Данные инициативные участники не имеют обязанности по проведению мониторинговых исследований

на постоянной (в том числе плановой) основе, но могут оказывать влияние на формирование проектов ежегодного плана мониторинга правоприменения и итогового доклада, формируемого по результатам проведения мониторинга, путем направления своих предложений непосредственно в Министерство юстиции Российской Федерации либо в иные федеральные и региональные органы государственной власти, а также посредством представления в Министерство юстиции материалов, отражающих результаты самостоятельно проведенных мониторинговых исследований [8, с. 58]. Кроме того, высшие суды России компетентны определять направления совершенствования федерального законодательства – по предметам своего ведения – в соответствии с положениями ст. 104 Конституции Российской Федерации, наделяющей их правом законодательной инициативы. Представляется, развитие института правового мониторинга как системы научно-теоретической и практической деятельности, основанное на привлечении к участию в ней профильных органов и организаций, квалифицированных специалистов, общественности позволило бы повысить качество и результативность такой деятельности.

В качестве целей правового мониторинга в литературе называют: рационализацию и повышение социально-экономической эффективности нормативно-правовых актов, оптимизацию нормотворческого процесса, систематизацию действующего законодательства; совершенствование законодательства и устранение пробелов в нем [5, с. 463; 7, с. 15]. В свою очередь Ю.А. Тихомиров, подчеркивая деятельность составляющую мониторинга, определяет в качестве его целей: обеспечение систематического наблюдения, анализ, оценку и корректировку деятельности органа публичной власти [12, с. 13]. Также к основным целям правового мониторинга относят: оценку эффективности функционирования всей правовой системы; создание постоянно действующей системы обратной связи между субъектом нормотворческой деятельности и правоприменителем; подготовку предложений по совершенствованию законодательства. Конечной же целью правового мониторинга признается создание эффективного механизма правотворчества, отражающего общественные потребности на следующих стадиях: правотворческой деятельности по законодательному обеспечению государственной политики; подзаконного правотворчества; правоприменительной деятельности; осуществления правосудия [3, с. 35].

При этом контент-анализ доктринальных позиций по данному вопросу позволяет прийти к выводу, что ключевым элементом понятия правового мониторинга и его основной целью выступает определение эффективности принятых и реализуемых правовых норм. Действительно, право со-

храняет свою социальную ценность, может быть эффективным регулятором общественных отношений только в том случае, если его нормы реализуются в действительности и реально влияют на общественные отношения. Право – один из наиболее эффективных способов управленческого воздействия на общественные отношения, имеющего конкретные цели и задачи, реализация которых существенно затрудняется, если правовые нормы по тем или иным причинам не могут оказывать эффективного регулирующего воздействия.

Правовое регулирование достаточно сложный процесс, являющийся одной из форм воздействия на общественные отношения наряду со многими другими. Поэтому, как справедливо отмечено в юридической литературе, при осуществлении управленческого воздействия часто бывает трудно вычлнить собственно нормативный аспект воздействия на объект управления [13, с. 5]. Это затрудняет и определение критериев для оценки эффективности правового воздействия.

В отечественной доктрине предлагаются различные критерии определения эффективности правового регулирования, детальное обобщение которых приводится в работах Ю.А. Тихомирова. Так, часто эффективность правовых норм определяется как соотношение между фактическими результатами их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты. Формулирование целей правовых норм предопределяет определение показателей их эффективности. Поэтому эффективность действия нормы рассматривается и как количественный показатель, отражающий степень соответствия реальных отношений типовой мере, содержащейся в конкретном акте. При этом ряд авторов справедливо отмечают, что эффективным регулирование является в том случае, если достижение этих задач обеспечивается при минимально возможных для всех членов общества издержках [13, с. 6].

Проблема оценки и повышения эффективности действия правовых норм нашла свое отражение и в ряде правовых актов. Многие из них содержат достаточно конкретные, чаще всего экономические, показатели эффективности реализации государственной политики в тех или иных сферах жизни общества, включая показатели эффективности правового регулирования этих сфер, рекомендации по повышению эффективности и рациональности управленческих решений, в том числе, правового характера.

Данные показатели содержатся в основном в нормативных правовых актах подзаконного характера. В качестве таковых можно рассматривать: Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [14], Постановление Правительства Российской Федерации от 19 ав-

густа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» [9] и др. Действующие федеральные целевые программы, программы субъектов Федерации и муниципальных образований также, как правило, имеют систему индикаторов, позволяющих определить степень реализации заложенных в них целей и задач. Систему критериев, позволяющих спрогнозировать и выбрать наиболее эффективный механизм реализации соответствующих программных мероприятий, могут включать и сопровождающие их нормативные правовые акты [10].

При этом следует подчеркнуть, что в отдельных субъектах Российской Федерации – г. Москва, Вологодская область, Липецкая область, Московская область, Нижегородская область, Самарская область, Ставропольский край, Ямало-Ненецкий автономный округ и др. – приняты системные меры к осуществлению правового мониторинга, причем и в аспекте нормотворчества, и относительно правоприменения. Свое выражение они нашли, в частности, в закреплении нормативных основ проведения правового мониторинга. Однако следует согласиться с Л.М. Усмановой [15, с. 32–33] в том, что данная деятельность регионов достаточно разрознена и осуществляется на основе неоднородных показателей, затрудняя обобщение результатов проведенного мониторинга, выявление типичных проблем правотворчества и правоприменения, выработку предложений по их оптимизации на общегосударственном уровне.

Дополним, что необходимым элементом института правового мониторинга выступает и его методология, представляющая собой совокупность способов, методов и средств, обеспечивающих рациональную и эффективную организацию деятельности субъектов мониторинга по осуществлению инвентаризации прогноза, по оценке эффективности и действенности законодательных актов и правоприменительной практики. Ввиду комплексного характера, правовой мониторинг предполагает использование самых различных приемов и способов в зависимости от характера анализируемых правовых норм и результатов их применения. В то же время важнейшими методами правового мониторинга являются такие классические их виды, как: наблюдение, анализ, синтез и оценка полученных сведений. При этом, уточняя характер средств правового мониторинга, Ю.А. Тихомиров справедливо указывает на необходимость использования их в комплексе [13, с. 7].

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что в современных условиях для эффективного осуществления правового мониторинга требуется унификация и формализация данного института, его структуры и содержания на общегосударственном уровне, сопряженная с последующим

разделением на два ключевых вектора – правотворчество и правоприменение – и опосредованным внедрением в правовую практику всех субъектов Российской Федерации.

В данной связи наиболее перспективными представляются следующие направления оптимизации института правового мониторинга. Во-первых, требуется оперативная разработка и принятие базового федерального закона (что неоднократно, но разноаспектно предлагалось в юридической литературе [15, с. 32]), устанавливающего общие принципы и универсальные методологические основы осуществления правового мониторинга в Российской Федерации, применимые и к сфере правотворчества, и к области правоприменения. В частности, в основу таких принципов должна быть положена конституционность правовых актов [4, с. 26], определяющая оценку соответствия принимаемых и применяемых федеральных и региональных законов, подзаконных актов, включая муниципальные, российской Конституции и, соответственно, конституциям (уставам) субъектов Федерации.

Во-вторых, необходимо унифицировать и нормативно закрепить на федеральном уровне методики мониторинга правотворчества и мониторинга правоприменения, взаимосвязанные между собой контрольными индикаторами и выступающие в качестве «рамочных» для единообразной организации и реализации правового мониторинга в субъектах Российской Федерации. Представляется, что в целях соблюдения принципа разделения властей универсальная методика мониторинга правотворчества должна быть формализована посредством федерального закона, а соответствующая методика правоприменения – в указе Президента России, фактически выступившего в авангарде институционализации данного правового процесса.

Дополним, что в аспекте формирования универсальной методики мониторинга правоприменения достаточно перспективным видится подход, основанный на выработке и систематизации комплексных критериев эффективности функционирования публично-властных институтов в современном российском государстве, исходя из адаптивного соотношения универсальных и специальных показателей результативности их деятельности, уровня организации публичной власти и профильной компетенции соответствующих органов. Представляется, что результаты применения такой методики позволят выявить типично проблемные аспекты в организации и деятельности публично-властных институтов, влияющие на результативность последней, и определить первоочередные задачи по системной оптимизации функционирования публично-властных институтов в современном российском государстве.

Итак, правовой мониторинг сегодня становится одним из приоритетных направлений государ-

ственной деятельности, необходимой для эффективной организации публичного управления. На сегодняшний день сформирована концепция организации правового мониторинга, есть положительный опыт ее реализации. Однако необходимо дальнейшее развитие этого института, в том числе, его правовой регламентации.

Библиографический список

1. *Алексеев А.Н.* К вопросу о понятии и сущности правового мониторинга // *Российская юстиция*. – 2011. – № 10. – С. 2–6.
2. *Баранов В.М., Мушинский М.А.* Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2011. – № 1. – С. 79–88.
3. *Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е.* Правовой мониторинг: концепция и организация // *Журнал российского права*. – 2007. – № 5. – С. 25–38.
4. *Капицына Д.В.* Правовой мониторинг (понятие, направления, субъекты, уровни) // *Конституционное и муниципальное право*. – 2012. – № 8. – С. 25–28.
5. *Малько А.В., Соломатин А.Ю.* Социально-правовой мониторинг как инструмент продвижения российской правовой реформы // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 6. – С. 463–464.
6. *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2015. – 448 с.
7. *Наконечный Я.Е.* Значение и роль мониторинга нормативных актов для систематизации российского законодательства // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2009. – № 9. – С. 14–17.
8. *Павлушкин А.В., Глазкова М.Е., Черепанова Е.В.* Судебная практика в механизме правового мониторинга // *Журнал российского права*. – 2014. – № 8. – С. 57–67.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // *Российская газета*. – 2011. – 24 августа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2015).
10. Приказ Минэкономразвития Республики Коми от 24 декабря 2012 г. № 502 «Об утверждении форм документов, необходимых для предоставления государственной поддержки инновационной деятельности в форме финансирования инновационных проектов, отобранных на конкурсной основе» (ред. от 19.08.2014) // *Бюллетень органов государственной власти Республики Коми*. – 2013. – № 2. – Ст. 25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2015).
11. *Сологуб А.Ю.* Правовой мониторинг: понятие и значение // *Российская юстиция*. – 2015. – № 8. – С. 11–13.
12. *Тихомиров Ю.А.* Организация и проведение правового мониторинга // *Право и экономика*. – 2006. – № 10. – С. 11–15.
13. *Тихомиров Ю.А.* Эффективность закона: от цели к результату // *Журнал российского права*. – 2009. – № 4. – С. 3–9.
14. Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (вместе с «Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации») (ред. от 25.07.2014) // *Российская газета*. – 2011. – 25 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2015).
15. *Усманова Л.М.* Проблемы нормативного закрепления концептуальных основ правового мониторинга в Российской Федерации // *Юридический мир*. – 2011. – № 7. – С. 31–33.

СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию нового для российской правовой системы юридического свойства Конституции Российской Федерации – стабильности. Долгие годы глава государства четко придерживался позиции неизменности и стабильности Конституции Российской Федерации, а потому в первую очередь возникает вполне логичный вопрос даже не о том, какие именно изменения были внесены в Конституцию, какова их содержательная составляющая, а о том, чем это было обусловлено, каково научное обоснование необходимости внесения изменений в главный источник российского права. Проводится анализ внесенных в Конституцию Российской Федерации изменений со дня ее принятия и по настоящее время, отмечается их недостаточное научное обоснование, которое изложено в пояснительных записках к законопроектам. Дается анализ мнений конституционалистов на исследуемое понятие. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о стабильности основного закона. Затронутые в статье вопросы представляют научный и практический интерес.

Ключевые слова: конституция, поправки к конституции, юридические свойства конституции, стабильность, пояснительная записка.

По прошествии более чем двадцатилетнего периода времени претворения в жизнь Конституции Российской Федерации можно проводить анализ и давать оценку организации и функционирования нашего государства. Конституцию Российской Федерации можно характеризовать по-разному: можно ее восхвалять, отмечая достижения и основные достоинства, а можно, наоборот, критиковать, пытаясь найти недостатки, а также указывая на нереализованность некоторых ее положений.

Однако особое внимание хотелось бы уделить не эффективности положений нашего главного документа страны, а взглянуть на него с точки зрения единства и целостности, а также тех изменений, которые пришлось ему претерпеть за годы российской государственности, сказать о значении нашего основного закона для страны, общества и каждого гражданина в частности.

Действующей Конституции РФ 12 декабря 2015 года [7] исполнится 22 года, что, конечно, является особым поводом для обсуждения итогов конституционного развития России, а также определения дальнейших путей развития и совершенствования основного закона нашего государства. Собственно именно с Конституции РФ начиналось государственное строительство современной России.

Стоит отметить, что по общемировым меркам двадцатилетний возраст является небольшим для основного закона страны, так как речь идет об источнике права, определяющем основы государственного и общественного строя, правовой статус личности, систему высших органов государственной власти. Не все провозглашенные в ней цели и задачи воплощены и достигнуты. Интересно также заметить, что целый ряд преобразований в системе государственного управления происходил без необходимости изменения положений Конституции РФ (тип избирательной системы при проведе-

нии выборов депутатов Государственной Думы, порядок формирования Совета Федерации, порядок избрания (назначения) глав субъектов РФ и т.д.).

Любое государство, стремящееся обеспечить стабильность экономического, социального, культурного развития, заинтересовано в неизменности конституции. В настоящее время в качестве одного из характерных юридических свойств основного закона государства называется его стабильность [9, с. 13]. При этом стоит отметить, что данному признаку в настоящее время в научной литературе [1; 9; 11] уделяется особое внимание, что связано как с тем, что стабильность конституции в качестве юридических свойств стала выделяться недавно, так и с тем, что в Конституции РФ о стабильности ничего не говорится (в отличие, например, от таких юридических свойств, как высшая юридическая сила, прямое действие и другие).

Вместе с тем, в научной литературе стабильность как свойство правовых явлений в целом и в частности конституции трактуется по-разному.

С.Ф. Литвинова проводит широкий анализ представлений о категории «стабильность» применительно к правовым явлениям, отмечая, что она употребляется в следующих значениях: возможность общественного правосознания усвоить основные правовые предписания; предсказуемость изменения права; отсутствие частых, поспешных изменений; определенность; традиционный характер; хорошая известность для населения; измеримость и предсказуемость государственной хозяйственной деятельности; порождение чувства безопасности у субъектов и т.д. [9, с. 13]. Автор приходит к выводу, что стабильность правовых явлений – положительное свойство, основанное на их однозначном толковании субъектами права, вытекающем из научно обоснованной и обнародованной доктрины государственной правовой политики, фундаментом которой являются социальные

ценности общества. При этом справедливо отмечается, что термин «стабильность» не означает простую неизменность конституции как нормативного правового акта. Изменения общественных отношений могут потребовать периодического приведения конституционных предписаний в соответствие с происходящими изменениями, когда такие изменения затрагивают основы конституционного строя [9, с. 15].

Н.А. Михалева отмечает, что стабильность проявляется в сохранении высокой степени устойчивости конституционных норм, постоянном целенаправленном воздействии на общественные отношения, составляющие объект конституционного регулирования, на правосознание граждан [10].

Сказанное позволяет заметить, что нельзя сводить стабильность Конституции РФ только к неизменности ее текста, а также важно учитывать характер вносимых изменений. В этой связи остановимся на тех изменениях, которые претерпела Конституция РФ с 1993 года и по настоящее время.

Конституция РФ с момента ее принятия и на протяжении 15 лет была неизменна, если не брать во внимание вносимые в ст. 65 Конституции РФ изменения, касающиеся количества и наименований субъектов Российской Федерации.

До декабря 2008 года отечественной правовой системе не было известно, каким образом может и должен выглядеть закон о поправках к Конституции РФ. В настоящее время можно говорить о четырех поправках, которые были внесены в Конституцию РФ. Учитывая, что долгие годы глава государства четко придерживался позиции неизменности и стабильности Конституции РФ, в первую очередь возникает вполне логичный вопрос даже не о том, какие именно были внесены изменения, их содержательная составляющая, а о том, чем это было обусловлено, каково научное обоснование необходимости внесения изменений в главный источник российского права.

В такой ситуации, надо полагать, ответ на данный вопрос может быть найден из единственного содержательного документа, сопровождающего законопроект – пояснительной записки. Однако и тут дела обстоят не так, как этого бы хотелось. К сожалению, зачастую пояснительные записки большей частью являются формальностью, подход к их составлению не преследует главную цель – научное обоснование необходимости и целесообразности предлагаемых изменений. К сожалению, пояснительная записка к законопроекту в большинстве случаев не дает возможности получить действительный смысл изменений, так как теоретическое обоснование как таковое отсутствует. Следует полагать, что это не способствует достижению легитимности принимаемых изменений и является поводом для сеяния сомнений в их действительной необходимости. В такой ситуации возникает мысль

о существенной «политизированности» отрасли конституционное право.

Остановимся на характеристике изменений, которые были внесены в Конституцию РФ за годы ее существования.

Первые законы о поправках к Конституции РФ были приняты 30 декабря 2008 года [3; 5]. Данными изменениями был увеличен срок полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также расширены контрольные полномочия Государственной Думы в отношении Правительства РФ.

Увеличение срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы обосновывалось тем, что это позволит более эффективно избранным органам реализовать свои идеи в течение одного срока полномочий. Тем самым повышается ответственность главы государства и парламента перед гражданами и обществом за результаты своей деятельности. При этом изменение сроков полномочий данных органов было направлено на избежание ситуации, когда бы выборы происходили в рамках одного календарного года, чтобы не было смены всей федеральной власти в течение одного года.

Законом о поправках к Конституции РФ, предусматривающем новые контрольные полномочия Государственной Думы в отношении Правительства РФ, закреплена обязанность Правительства РФ представлять Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой. При этом данные изменения обусловлены повышением в государственной и общественной жизни страны роли демократических институтов, важнейшим из которых является российский парламент.

Стоит отметить, что данные преобразования при всей их значимости не изменили существующей системы государственных органов, порядка формирования государственных органов, их полномочия. В этой связи данные изменения Конституции РФ не являются столь существенными для организации и взаимодействия системы органов государственной власти, не меняют соотношение сил в государственном аппарате.

Более значительными стали изменения, внесенные поправкой к Конституции РФ, принятой 5 февраля 2014 года [2]. Они коснулись уточнения предметов ведения Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ), изменения высших звеньев судебной системы путем упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ, а также порядка формирования органов прокуратуры (ст. 129 Конституции РФ).

Создание объединенного Верховного Суда РФ направлено на укрепление единства судебной системы, чему будет способствовать, по мнению законодателя, единый высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным де-

лам, по разрешению экономических споров и по иным делам, подсудным судам.

В научной литературе отмечается, что одной из главных причин создания единого Верховного Суда РФ является то обстоятельство, что судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, применяющих при рассмотрении дел одни и те же законодательные нормы, может порой кардинально различаться [8, с. 8], что негативно сказывается на складывающейся судебной практике, на обеспечении защиты прав и интересов физических и юридических лиц, а также не способствует повышению авторитета судебной власти. В этой связи анализируемые изменения направлены на обеспечение единства подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, исключении возможности отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установления общих правил организации судопроизводства, создания единообразия в судебной практике [12, с. 3].

Оценивая характер данных преобразований, стоит отметить, что они носят существенный характер, так как направлены на изменение конституционных основ судебной власти и структуры судебной системы.

Последними из изменений, которые были внесены в Конституцию РФ, стали изменение положений ст. 83 и новая редакция ст. 95 Конституции РФ [4]. Данные преобразования не получили столь широкого обсуждения среди общественности, однако при этом имеют большое значение, так как касаются Федерального Собрания РФ.

Из текста пояснительной записки следует, что предложенные поправки направлены на достижение целей совершенствования принципов формирования верхней палаты российского парламента. Предусматривается расширить представительство в Совете Федерации, включив в состав палаты представителей Российской Федерации. Реализация данного предложения создаст дополнительные условия для достижения баланса полномочий и законных интересов Российской Федерации и ее субъектов, что является одной из основных целей деятельности Совета Федерации как конституционного органа Российской Федерации, призванного отражать ее федеративное государственное устройство.

Несмотря на указанные выше изменения, которые в последние годы вносились в Конституцию РФ, можно говорить о ее стабильности.

Н.С. Бондарь справедливо отмечает, что значимым является способность конституции «быть восприимчивой к конкретно-историческим, социокультурным условиям и соответственно возможность всегда, в разные времена по-современному быть прочитанной, понятой и воспринятой современниками как акт своей, а не прошлой эпо-

хи. Гениальность Конституции не в неизменности смысла, который она имела в мире, ныне ушедшем в далекое прошлое, но в способности ее основных принципов приспосабливаться к текущим проблемам и нуждам» [1, с. 12].

Говоря о стабильности конституции, важно учитывать не простую неизменность текста нормативного правового акта, а именно характер общественных отношений, которые регулируются основным законом, приводятся в определенный порядок. Вполне очевидно, что не все изменения конституции обусловлены объективными изменениями общественных отношений. В такой ситуации изменение текста основного закона не свидетельствует о нестабильности конституции.

Действующие механизмы охраны Конституции РФ направлены на обеспечение ее стабильности. В российской Конституции установлен «жесткий» порядок ее изменения.

Стабильности Конституции РФ как нормативного правового акта, по мнению ряда авторов, способствуют следующие факторы: наличие в их тексте более общих, гибко применяемых положений; установление запрета изменения отдельных положений, усложненная (жесткая) процедура внесения поправок и пересмотра Конституции, создание системы мониторинга Конституции РФ [9, с. 15].

Таким образом, анализ положений Конституции РФ свидетельствует о том, что одним из ее юридических свойств является стабильность, которая имеет очень важное значение, направлена на упрочение основополагающих положений Конституции РФ, «цементирование» ключевых норм, принципов.

Проведенный анализ действия российской Конституции с момента ее принятия и по настоящее время показывает, что Конституция РФ как правовое явление и как нормативный правовой акт является стабильной.

Подводя итог оценке двадцатилетнего периода действия российской Конституции, говоря о ее значении для нашего государства, хотелось бы привести слова Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, по праву сказавшего, что «Конституция – самое большое достижение всего постсоветского развития, основа стабильности и динамизма России» [6, с. 30].

Библиографический список

1. Бондарь Н.С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. – 2013. – № 12. – С. 10–20.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.
3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях

Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 2.

4. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4202.

5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1.

6. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2008. – 591 с.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от

21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

8. Лейба А. Лучше меньше, да лучше! // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 13. – С. 8.

9. Литвинова С.Ф. Оценка Конституции Российской Федерации 1993 г. через категорию «стабильность» // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5. – С. 13–15.

10. Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). – М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. – 366 с.

11. Фадеев В.И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности // Lex russica. – 2013. – № 12. – С. 1292–1306.

12. Фоков А.П. О поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российский судья. – 2013. – № 11. – С. 2–6.

Крючков Роман Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент

*Нижегородский институт управления Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте Российской Федерации
communservis@list.ru*

ПРАВОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ

Автор статьи обращает внимание на актуальность изучения темы риска в праве, необходимость теоретического обоснования правового управления рисками, разработки понятийного аппарата и практического инструментария оперирования рисками. В статье раскрывается степень разработанности проблемы рисков, перечисляются основные направления исследования рисков, формирования правовой рискологии, дается авторское определение института риска, раскрывается его сущность. Риск носит двойственный субъектно-объектный характер, соответственно, элементы риска подразделяются на объективные (факторы и ситуация риска) и субъективные (субъект и волевое регулирование). Названы основные функции риска. Автор считает недопустимым сводить понятие риска ни к опасностям, ни к неопределенности, ни к ошибке. Подчеркивается важность риска как самостоятельного понятия, имеющего содержательную целостность. Рассмотрено право на риск как обеспеченная правовыми средствами возможность рискованного поведения общего или специального субъекта. Субъективное право на риск охарактеризовано включенностью в общественные отношения и рассмотрено как состав правомочий, обусловленных ситуацией риска. Правовая оценка риска определена в установлении качественных и количественных параметров рисков, и, по мнению автора, может быть предварительной, оперативной и осуществленной постфактум. Постулируется социальная значимость права как универсального средства правового управления рисками.

Ключевые слова: риск, правовое управление рисками, фактор риска, вероятностные концепции риска.

Развитие, усложнение и нестабильность общественных связей и институтов, применение опасных производственных и социальных технологий, эксперименты, продвигающие научно-технический прогресс, катастрофы разнообразного генезиса, упущения в принятии управленческих и правовых решений, кризисные явления в ходе нормального хозяйствования и многие другие факторы предопределяют актуальность правового управления рисками. Считается, что не существует свободной от рисков деятельности, а человеческое общество превращается в «общество рисков» [4, стр. 175–176; 27, стр. 34]. Среди множества социальных регуляторов (экономических, политических, психологических, морально-нравственных, религиозных и прочих), право, как инструмент, специально нацеленный на системное урегулирование общественных отношений, играет важнейшую роль в деле по управлению рисками. В то же время, само право и юридическая деятельность подвержены разнообразным факторам риска. Всё большее практическое значение приобретают вопросы выявления рисков законотворческой и правореализационной деятельности, их глубокого анализа и поиска путей минимизации.

Об актуальности изучения проблем риска свидетельствует наблюдаемое в последнее время значительное увеличение числа правовых норм, регламентирующих общественные отношения, сопряженные с риском. В условиях рыночной экономики в России появляются новые организационно-правовые формы хозяйствования, развиваются инновационные процессы, воплощаются венчурные проекты. Разрабатываются и реализуются концепции экологической, экономической, информационной, военной, национальной безопасно-

сти. Очевидно, что концептуальные и прикладные решения облекаются в правовые формы на основе идентификации и предварительного анализа рисков. В свою очередь, столь плотная включенность рисков в общественную практику не может оставить в стороне необходимость теоретического обоснования правового управления рисками, разработки понятийного аппарата и практического инструментария оперирования рисками. Долгое время правовое регулирование рисками строилось на фактических основах, без надлежащего доктринального фундамента. В современных условиях следует систематизировать научные знания о феномене риска в праве для повышения эффективности управления рисками.

В настоящий момент правовая теория риска находится в стадии формирования, структурирования и внутреннего обогащения. Теоретическая проработанность проблемы риска в рамках общей теории права является недостаточной. Хотя имеется ряд статей теоретико-правового характера, раскрывающих с философско-правовых позиций проблематику риска [11] и с позиций исторических [12]. Элементы рискованных явлений раскрыты в цивилистических исследованиях. В.А. Ойгензихт [17] в ряде работ анализировал соотношение риска и воли, риска и юридической ответственности. Он же впервые исследовал риск за пределами гражданского права, отмечая общетеоретическое значение рискованных явлений. Изучению хозяйственного (предпринимательского) риска посвящены труды Д.И. Мейера [15, с. 225–227], О.С. Иоффе [7], В.А. Ойгензихта [17], А.П. Альгина [2, с. 20]. Страхование, как один из самых популярных способов передачи риска, исследовалось И.А. Покровским [19], В.И. Серебровским [21, с. 95],

Ю.Б. Фогельсон [23, с. 120] и др. К категории риска в уголовном праве обращались М.С. Гринберг [5, с. 25], В.И. Михайлов [16, с. 74], А. Шурдумов [24, с. 60–62], Н.Ш. Козаев [9, с. 42], В.И. Самороков [20, с. 109] и др. В настоящее время рисковые явления изучаются в контексте отраслевой специфики административного, внешнеторгового, налогового, экологического, финансового права [13; 18, с. 50–51; 23, с. 10–13; 27].

Попытки обобщения научного знания о рисках в рамках теории права совершаются в тесной взаимосвязи с элементами и стадиями механизма правового регулирования. Так, В.В. Мамчун [14] выделяет правоприменительные риски и рассматривает их в правоприменительной стадии реализации права. Более пространно теория риска формулируется Ю.А. Дятловым, который рассматривает риски в процессе реализации права [6]. Интерпретационный риск в юридической деятельности и правореализационной практике исследовал Д.В. Александров [1, с. 23].

Заслуживает отдельного внимания работа А.А. Арямова, который рассматривает риск в контексте правовых, психологических и экономических аспектов [3]. Несмотря на то, что далеко не все положения, формулируемые А.А. Арямовым, можно считать бесспорными, представляется значительным достижением само направление на универсализацию проблемы риска в праве.

Анализ риска в праве нашел отражение в трудах зарубежных авторов, в частности У. Лейс, С. Руди [25, с. 1–19], Д. Мак Алистер [26, с. 20–49], Д. Скотт [28, с. 50–58], М. Вальверде, Р. Леви, Д. Мур [29, с. 86–120] и др. Элементы правовой теории риска в зарубежной литературе базируются на социологической и философской основах, что несколько отличается от праксиологической направленности отечественных исследований, осуществленных с привязкой к действующему законодательству. Между тем, единства мнений относительно теории риска в праве не наблюдается, зачастую говорится лишь о конкурирующих концепциях риска.

Учитывая актуальность исследования рисковых явлений, следует обратить внимание на проблемы, в недостаточной степени исследованные правоведом, в частности, вопросы происхождения и имплементации в правовую материю понятия риска, соотношения риска со смежными понятиями, управления рисками посредством права. Необходимо отметить также недостаточную теоретическую проработанность вопросов, связанных с применением инструментария правового управления рисками. Сохраняется необходимость в рассмотрении актуальных теоретико-правовых вопросов, связанных с риском, а также в разработке и обосновании основных элементов и юридических средств управления рисками. Важно сфор-

мулировать понятие и признаки права на риск, его субъектный состав и соотношение с другими правами и свободами; рассмотреть риск в контексте юридической ответственности и обосновать состоятельность концепции позитивной ответственности через понятие риска.

Для практического использования знаний об управлении рисками необходимо сначала определить понятие правового управления рисками, охарактеризовать его стадии, а также универсальные и специально-юридические средства. Учитывая, что большой массив знаний о рисках содержится в экономической науке, следует вначале исследовать проблему имплементации неюридического знания о риске в правовую материю, рассмотреть варианты её разрешения.

Феномен риска в научном знании и практической деятельности носит разноплановый характер, влекущий множественность определений риска в различных областях приложения. Несмотря на отсутствие единого подхода к формированию понятия риска, можно сделать вывод, что вероятностные концепции преобладают в современном понимании рисков и именно они выступают ориентиром для доктринальных и законодательных дефиниций риска.

Правовое регулирование рисками долгое время осуществлялось в контекстном поле парадигмы детерминизма и выступало составной частью юридического прагматизма. До возникновения вероятностных концепций (эпоха Просвещения), риски воспринимались как опасности, а не как вероятности опасностей. Исторические формы фиксации рисковых явлений в праве эволюционировали от простых запретов к более гибким вариациям, доступным участникам правоотношений и правоприменителям.

Давая авторское определение понятию риск с правовой точки зрения, можно сформулировать такую дефиницию. Риск есть присущая человеческой деятельности объективно существующая и в определённых пределах способная к оценке и волевому регулированию вероятность несения субъектами правоотношений негативных последствий вследствие наступления неблагоприятных событий, закономерно связанных с разнообразными предпосылками (факторами риска) [12]. Риск носит двойственный субъектно-объектный характер, соответственно, элементы риска подразделяются на объективные (факторы и ситуация риска) и субъективные (субъект и волевое регулирование).

Функционал риска диалектичен и включает в себя инструментальную, прогнозную, регулятивную, новаторскую, дестабилизирующую функции. Противоречивые функции риска проявляются через право на риск (новаторская функция) и ответственность за риск (дестабилизирующая функция).

Анализ нормативно-правовых актов демонстрирует, что в ряде случаев понятие «риск» под-

меняется понятиями «ошибка», «опасность», «угроза». Это является следствием отсутствия целостного доктринального понятия риска в праве, непоследовательности в принятии рискологической терминологии на уровне нормативного правового регулирования, нечеткости приемов и средств юридической техники. Риск недопустимо сводить ни к опасностям, ни к неопределенности, ни к ошибке, так как он совершенно самостоятельное и самоценное понятие, имеющее содержательную целостность.

Отдельного внимания заслуживает формулирование понятия «право на риск». Право на риск формулируется как обеспеченная правовыми средствами возможность рискованного поведения общего или специального субъекта и выступает признанием позитивного потенциала риска. Субъективное право на риск характеризуется включенностью в общественные отношения и может быть рассмотрено как состав правомочий, обусловленных ситуацией риска. Несмотря на то, что право на риск предусматривает правомочие бездействия (отказ от риска), основным содержанием права на риск выступает правомочие действия (право на эксперимент).

Постепенное введение рискологической терминологии в действующее законодательство подтверждает обоснованность научной концепции позитивной ответственности. С одной стороны, риск непосредственным образом связан с предположительными негативными последствиями, что всегда предполагает их оценку со стороны рискующего субъекта перед принятием риска, с другой стороны, ответственное отношение к собственному поведению составляет содержание перспективной ответственности.

Если говорить о возможной правовой оценке рисков, то необходимо отметить, что таковая оценка заключается в определении качественных и количественных параметров рисков, и может быть предварительной, оперативной и осуществленной постфактум. Изначально юридическая оценка определяет предположение о рисковом характере деятельности, закрепленное в правовых нормах. При реализации права оценка риска обуславливает правовые возможности управления рисками. При привлечении к юридической ответственности за совершение правонарушения, сопряженного с рисковым поведением, оценка риска позволяет определить обоснованность (разумность) поведения субъекта правонарушения. Комплексность оценки определяет причинно-следственные связи между риском и возможными или состоявшимися юридическими последствиями.

Таким образом, можно заключить, что право выступает универсальным средством правового управления рисками и действует двойственным образом: стабилизирует ситуацию выбора (например, между правомерным и неправомерным риском),

или же, наоборот, обогащает выбор рискующего субъекта различными вариантами, диверсифицирует риски, предоставляет свободу в принятии риска (право на риск).

Библиографический список

1. *Александров Д.В.* Интерпретационный риск в юридической деятельности и правореализующей практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 23 с.
2. *Альгин А.П., Озрих М.Ф.* Перестройка и хозяйственный риск: социально-правовые аспекты // Правоведение. – 1989. – № 5. – С. 20–27.
3. *Арямов А.А.* Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. – М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.
4. *Бек У.* Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
5. *Гринберг М.С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963. – 131 с.
6. *Дятлов Ю. А.* Правореализующий риск (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 189 с.
7. *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. I. – Л.: ЛГУ, 1975. – 160 с.
8. *Кастрюлин Д.Ф.* Переход риска утраты товара по договору международной купли-продажи. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2006. – 158 с.
9. *Козаев Н.Ш.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. – 112 с.
10. *Крючков Р. А.* Риск в праве: генезис, понятие и управление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – 27 с.
11. *Крючков Р.А., Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В.* Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – №10. – С. 60–63.
12. *Крючков Р.А., Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В.* Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 60–63.
13. *Лифиренко С.А.* Проблемы риска и пути их решения в управленческой деятельности // Административное право и процесс. – 2010. – № 3. – С. 50–51.
14. *Мамчун В.В.* Правоприменительный риск: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 27 с.
15. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. В 2-х ч. (по исправленному и дополненному 8-му изд. 1902 г.). – М.: Статут, 2003. – 831 с.
16. *Михайлов В.И.* Обоснованный риск в уголовном праве // Законодательство. – 2001. – № 7. – С. 32–43.

17. *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972. – 224 с.
18. *Пименов Н.А.* Фискальные риски в системе налоговой безопасности предприятий и государства // *Налоги*. – 2010. – № 4. – С. 10–13.
19. *Покровский И.А.* Страхование. – М., 1930. – С. 123.
20. *Самороков В.И.* Риск в уголовном праве // *Государство и право*. – 1993. – № 5. – С. 103–112.
21. *Серебровский В.И.* Страхование. – М.: Финиздат НКФ СССР, 1927. – 144 с.
22. *Фаддеев А.О.* О проблеме правового отношения к научной деятельности при оценке факторов экологического риска // *Экологическое право*. – 2006. – № 3. – С. 23–24.
23. *Фогельсон Ю.Б.* Введение в страховое право. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 222 с.
24. *Шурдумов А.* Обоснованный риск // *Уголовное право*. – 2002. – № 3. – С. 60–62.
25. *Leiss W. and Hruddy S. E.* On Proof and Probability: Introduction to “Law and Risk” / edited by the Law Commission of Canada. – Vancouver: UBC Press 2005. – Pp. 1–19.
26. *MacAlister D.* Use of Risk Assessments by Canadian Judges in the Determination of Dangerous and Long-Term Offender Status, 1997–2002 / Law and risk / edited by the Law Commission of Canada. – UBC Press, 2005. – Pp. 20–49.
27. *Rasmussen M.V.* The Risk Society at War: Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Pp. 34–40.
28. *Scott D.N.* Shifting the Burden of Proof: The Precautionary Principle and Its Potential for the “Democratization” of Risk / Law and risk / edited by the Law Commission of Canada. – UBC Press, 2005. – Pp. 50–85.
29. *Valverde M., Levi R., and Moore D.* Legal Knowledges of Risks. Law and risk / edited by the Law Commission of Canada. – Vancouver: UBC Press, 2005. – Pp. 86–120.

УДК 342.55

Артюшина Ольга Николаевна

*Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
PeOIN@yandex.ru*

АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

На основе изучения и анализа теоретической базы и практики применения населением права на местное самоуправление, в статье рассматривается один из значимых факторов, влияющих на реализацию законодательства о местном самоуправлении. Идёт второе десятилетие с момента принятия базисного закона, регламентирующего право граждан на местное самоуправление, и практики реализации его норм, поэтому особо актуальными становятся итоги продолжающегося реформирования местного самоуправления и анализ проблем на местном уровне в современном обществе. Существенным является то, что местное самоуправление представляет собой самостоятельно реализуемое гражданами право на решение вопросов местного значения. При этом местное самоуправление будет эффективным лишь тогда, когда государство создаст реальные условия для самостоятельного функционирования муниципалитетов. В ином случае останется лишь признать отсутствие местного самоуправления как такового. Отсутствие же местного самоуправления приведёт к тому, что этими вопросами придётся заниматься государству, что вряд ли будет эффективным. Международный опыт и современная российская практика указывают на то, что именно в корнях местного самоуправления, непосредственно опирающегося на инициативу и активность граждан в решении конкретных местных проблем, кроется потенциал, способный обеспечить устранение многих кризисных явлений в жизни российского общества, придать ему дополнительные стимулы для развития.

Ключевые слова: местное самоуправление, фактор, активность граждан, население, правовая культура.

На состояние законности на местном уровне большое влияние оказывают определённые факторы. В рамках рассматриваемой темы фактор можно определить как значимые условия, влияющие на исполнение и соблюдение законодательства о местном самоуправлении.

Одним из таких факторов, влияющих на реализацию местного самоуправления, выступает уровень самостоятельности и активности самого населения муниципальных образований.

Конституция Российской Федерации [5], определяя основы конституционного строя России,

называет единственным источником власти в Российской Федерации её многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Именно поэтому можно говорить, что деятельность, активность и самостоятельность самого населения оказывает огромное влияние на реализацию местного самоуправления.

В части 1 ст. 130 Конституции России назван субъект местного самоуправления – население. Под населением понимается население, проживающее на территории данной местности. Население

самостоятельно решает вопросы местного значения, под которыми понимаются все вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности местного населения. Именно населению в целом принадлежит право самостоятельно решать данные вопросы.

Существенным является то, что местное самоуправление представляет собой самостоятельно реализуемое гражданами право на решение вопросов местного значения. При этом право граждан осуществлять местное самоуправление выражается в полномочиях граждан реализовывать функции местной власти непосредственно.

Как показывают исследования, в обществе отсутствует единое понимание сущности местного самоуправления. Характеристика местного самоуправления как независимого от государственной власти народного управления не является преобладающей. Большинство граждан местное самоуправление воспринимается как продолжение государственной власти, её низовой уровень. Так, например, в сознании граждан глава муниципального образования и губернатор считаются представителями единой ветви власти.

Как отмечает И.Н. Трофимова, одним из важных показателей отношения граждан к местному самоуправлению является уровень их доверия данному институту публичной власти. Если Президенту России сегодня в целом доверяет 60% наших сограждан, губернаторам – 42%, то органам местного самоуправления – лишь 32% [8, с. 19].

Проблема восприятия населением местного самоуправления состоит в восприятии себя отторгнутым от властных структур (часто люди просто не знают, к кому они могут обратиться со своей проблемой), а также в трудности «диалога» властных структур с населением, в выяснении потребностей данного населения [2]. Результатом закрытости местной власти является отчуждение органов местного самоуправления от простых жителей. Результаты опроса показывают, что 78% опрошенных полагают, что в их регионе, городе, поселке граждане не способны влиять на решение властью важных для них проблем. В свою очередь, среди жителей малых городов и поселков городского типа этой точки зрения придерживаются только 15% [8, с. 21].

Большее понимание сущности местного самоуправления свойственно жителям сельских поселений и небольших городов. Население крупных городов гораздо хуже знакомо с этим понятием.

Глава 5 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9] закрепляет 12 форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, оставляя при этом данный перечень открытым. Что касается практического участия граждан в данных формах реализации

местного самоуправления по месту жительства, то лишь около 2% респондентов заявили об опыте такого участия и еще 5% опрошенных выразили свою готовность к участию [8, с. 23].

Отметим, что редко применяются местные референдумы, нормотворческие инициативы, конференции граждан. Низок уровень доверия граждан к муниципальным выборам, что влияет на явку избирателей. Определённым выходом из данной ситуации может служить возвращение политической конкуренции на местном уровне, упрощение реализации права граждан на референдум, усиление активного взаимодействия между муниципальной властью и местным сообществом. Необходимо также повышать правовую культуру населения [1, с. 53].

В работе органов местного самоуправления готовы принять участие 9% сельчан и 7% жителей поселков городского типа, а также 8% респондентов в возрасте 41–50 лет, 10% людей с высшим образованием и 8%, имеющих очень хорошее материальное положение. Заметно меньше потенциальных желающих среди жителей районных центров (5%), людей старше 61 года (4%) и имеющих только среднее образование (3%) [8, с. 24].

Безусловно, это является важными предпосылками для развития гражданской самоорганизации на местах. Гражданская активность в муниципальных образованиях представляет собой огромный, но при этом невостребованный и слабо реализованный потенциал развития местного самоуправления. При этом до тех пор, пока «готовность к участию» не перейдёт на уровень активных действий, сложно говорить о существовании местного самоуправления в отдельных муниципальных образованиях, да и государстве в целом.

По справедливому замечанию С.Г. Дырды, из этого следует, что большинством респондентов местное самоуправление не воспринимается по содержанию и назначению как комплексный социальный институт, который в действительности представляет собой многоаспектное социальное явление, например, как основа конституционного строя и разновидность публичной власти, в том числе и как форма народовластия (только 10% из числа опрошенных указали на мнение, соответствующее указанному выше пониманию) [3, с. 53].

Представляется, что одним из факторов, влияющих на низкую активность населения на местах, является слабая информированность о праве на местное самоуправление.

Так, на вопрос, в каком нормативно-правовом акте прописаны права граждан на самоуправление – почти каждый второй (42%) не смог указать этот правовой акт, в том числе респонденты сельских поселений (51%), городских поселений (42%) и городских округов (33%) [3, с. 55].

Л.В. Каткова справедливо отмечает, что возможность приблизить демократические процедуры

к населению, сделать их более доступными в современных условиях обеспечивается широким распространением информационно-коммуникативных технологий. Последнее, в свою очередь, становится качественной характеристикой демократии в современном государстве. Необходимы специальные организационные усилия по формированию и поддержанию информационных связей между субъектами демократического процесса [4, с. 28].

Согласимся с А.Ф. Палагнюк, что местному самоуправлению принадлежит важная роль в соединении в единое целое интересов государства, общества и личности [7].

Развитие форм непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения, выстраивание отношений органов местного самоуправления с населением на основе принципов открытости, доверительности и честности позволит повысить общественную и правовую активность со стороны граждан и в целом населения муниципального образования по реализации и защите прав.

Прежде всего, это предполагает значительную работу по повышению уровня правовой культуры населения городских и сельских поселений [6, с. 15].

На сегодняшний день остро стоит вопрос о механизмах, которые способствовали бы тому, чтобы хотя бы часть из заинтересованных граждан стали использовать различные формы реализации местного самоуправления, став активной основой местного сообщества.

Таким образом, необходимо разработать программу правового воспитания граждан. В результате правового воспитания у гражданина формируются правовые потребности, установки, интересы, ценностные ориентации, которые предопределяют выбор соответствующих действий и поступков. Правовая потребность активизирует субъекта, побуждает оценивать правовую действительность. И эти шаги необходимо делать именно на местном уровне, так как каждый из нас, будучи гражданином, на этом уровне находится.

Главной на сегодняшний день представляется задача выработки потребности у населения в ре-

ализации права на местное самоуправление. Пока граждане нашего общества не будут чувствовать ответственность за судьбу отдельно взятого муниципального образования, своего муниципального образования, нельзя говорить и о перспективах развития всего государства, нашего государства.

Библиографический список

1. Антипов К.А. Проблема реализации гражданами права на местное самоуправление // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 2. – С. 51–55.
2. Дутов А., Елизаров А. Местное самоуправление в зеркале общественного мнения // Городское управление. – 1998. – № 8.
3. Дырда С.Г. Местное самоуправление и права граждан на его осуществление: общественное мнение населения Дальневосточного региона // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 3. – С. 51–57.
4. Каткова Л.В. Взаимодействие населения и органов местного самоуправления (на примере о. Муром) // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2014. – № 3. – С. 27–30.
5. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 21.01.2009. – № 7.
6. Корсакова С.В. Местное самоуправление как основа развития гражданского общества // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2012. – № 4. – С. 15–16.
7. Палагнюк А.Ф. Принципы централизации и децентрализации публичной власти в современной России // История государства и права. – 2007. – №1. – С. 4.
8. Трофимова И.Н. Местное самоуправление как форма и практика гражданской активности россиян // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – №7. – С. 18–22.
9. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 08.10.2003. – № 202.

Бытко Сергей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент

Поволжский юридический институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции, г. Саратов

sergej-bytko@yandex.ru

БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В представленной статье анализируется эффективность предупредительного воздействия уголовных наказаний, предусмотренных ст. 264 УК РФ. В ходе проведенного исследования установлено, что законодатель за время действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. последовательно ограничивал сферу уголовной репрессии в области безопасности дорожного движения и снижал размеры уголовных наказаний за нарушение правил дорожного движения водителями. Указанные изменения привели к качественному ослаблению уголовно-правовой охраны безопасности дорожного движения, жизни и здоровья водителей, пешеходов и иных участников дорожного движения. После изменений, внесенных в ст. 264 УК РФ в 2003 г., число осужденных по этой статье существенно снизилось. Однако к 2014 г. это количество практически восстановилось до уровня 2003 г. При этом вред, причиненный ими, существенно возрос.

Об ухудшении ситуации свидетельствует и рост общего числа пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях, а также увеличение количества погибших по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения.

Установление уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, ранее подвергавшемся административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, не способно полностью исправить ситуацию. В статье показано, что прогнозируемое снижение смертности при абсолютной эффективности этой меры не превысит 10%, чего явно недостаточно для улучшения ситуации.

Ключевые слова: уголовное наказание, эффективность уголовного наказания, безопасность дорожного движения.

Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения определяется, в первую очередь, тяжестью вызываемых ими последствий. По данным Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России, в 2014 году на дорогах страны совершено 25552066 нарушений правил дорожного движения, которые привели к совершению 199720 ДТП. Число погибших при этом составило 26963 человека, еще 251785 получили ранения различной степени тяжести [6].

По своим негативным последствиям правонарушения в данной сфере сопоставимы с преступлениями против личности. При этом причиняемый ими ущерб вообще плохо поддается подсчету, так как его составляют не только прямые, но и косвенные демографические потери (нерожденные дети, чьи потенциальные родители погибли или вследствие травмы лишились способности к деторождению), огромный материальный ущерб, вызванный задержками движения автотранспорта, затратами на лечение пострадавших, потери работодателей в связи с гибелью и лечением работников, социальные конфликты, порожденные резонансными ДТП с участием представителей различных социальных групп, и т. д.

Государство принимает меры к обеспечению безопасности дорожного движения, к числу которых можно отнести и активное реформирование ст. 264 УК РФ, которое вопреки ожиданиям, свелось к последовательному ослаблению уголовной репрессии в данной сфере.

Федеральным Законом № 92-ФЗ 1998 г. из числа последствий данного преступления было исключено причинение крупного ущерба [2], а в 2003 г. – причинение средней тяжести вреда здоровью [3].

В первом случае уровень уголовно-правовой охраны прав и свобод существенно не изменился, поскольку осталась возможность привлекать виновных в причинении крупного ущерба по совокупности по статье 264 УК РФ и статье, предусматривающей причинение вреда по неосторожности, например, по ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности». Однако декриминализация причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, как в рамках ст. 264 УК РФ, так и в масштабах всего Уголовного кодекса, серьезно ослабила уровень уголовно-правовой охраны граждан. В теории такая мера была воспринята негативно. Так, О.А. Ростовская указывает, что количество зарегистрированных преступлений по ч. 1 ст. 264 УК РФ, повлекших причинение по неосторожности вреда здоровью средней тяжести, в 2002 году только на территории Тамбовской области составляло 337, а в 2003 году – 324 преступления [5]. Полагаем, что в масштабах страны речь идет о десятках тысяч таких случаев. Кроме того, вред здоровью средней тяжести сопряжен со значительной (до 30%) утратой общей трудоспособности, что чревато для потерпевшего потерей рабочего места, дохода и значительного ухудшения имущественного и социального статуса.

Отмечается, что такое частое последствие ДТП, как закрытый перелом костей скелета, может быть отнесено к вреду здоровью средней тяжести, хотя в дальнейшем может привести и к общей стойкой утрате трудоспособности, относящейся к тяжкому вреду. В ряде случаев степень тяжести причиненного по неосторожности вреда здоровью зависит не только от виновного, но и квалификации врачей, устранивших повреждения [1; 12].

При столь существенных последствиях декриминализация причинения средней тяжести вреда здоровью влечет еще и другие негативные последствия. В частности, исключается мощный стимул для оказания виновными материальной помощи пострадавшим, что обычно делалось для достижения примирения с потерпевшим и дальнейшего освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 78 УК РФ.

Полагаем, что в данном случае изменения диспозиции ст. 264 УК РФ значительно снизили эффективность уголовно-правовой охраны прав и свобод граждан.

Одновременно законодатель принял ряд мер по смягчению наказания за данное преступление. Так, с 10 до 7 лет лишения свободы был понижен верхний предел за нарушение правил дорожного движения, повлекшее гибель двух и более человек (ч. 3 ст. 264 в первоначальной редакции) [3], в ч. 2 ст. 264 УК РФ верхний предел наказания был снижен с 5 до 3-х лет лишения свободы [4].

В новой редакции ст. 264 законодатель дифференцировал уголовную ответственность в зависимости от нахождения виновного в момент совершения преступления в состоянии опьянения. Однако даже по ч. 6 ст. 264 УК РФ с учетом всех изменений, наказание мягче, чем за аналогичное преступление по данной статье в первоначальной редакции.

Полагаем, что настало время оценить эффективность таких изменений. Разумно предположить, что целевые показатели эффективности в данном случае будут связаны с количеством пострадавших в ходе ДТП, ведь именно для предупреждения травматизма и гибели людей на дорогах законодатель конструирует соответствующую норму. Для наших целей приемлемым критерием эффективности будет количество погибших. Показатели, связанные с причинением вреда здоровью, менее информативны в силу декриминализации деяний, повлек-

ших причинение средней тяжести вреда здоровью в 2003 г., что отразилось и на показателях уголовной статистики в последующие годы. В таблице 1 приведены сведения о количестве погибших в ДТП по вине водителей по данным ГОУБДД РФ.

Также на рисунке 1 отражены сведения о количестве погибших в ДТП, в том числе, по вине водителей.

Представляется чрезвычайно важным то обстоятельство, что кривые на рисунке 1 демонстрируют сходное поведение. Это свидетельствует о том, что причины дорожно-транспортных происшествий являются сходными для водителей, пешеходов и других участников дорожного движения. Кроме того, в данном комплексе уголовное наказание не играет заметной роли. Этот вывод следует из того, что размеры наказаний за нарушения правил дорожного движения пешеходами и водителями отличаются, кроме того, ст. 269 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, не дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от состояния опьянения субъекта.

Водители, пешеходы и прочие участники дорожного движения строят свое поведение с учетом сиюминутных потребностей, обстановки на дороге, эмоционального фона, погодных условий, наличия или отсутствия на дороге сотрудников ГИБДД или средств фото- и видеофиксации правонарушений. Но вероятность привлечения к уголовной ответственности, по всей видимости, в этом ряду если и присутствует, то учитывается далеко не в первую очередь.

Отдельного внимания заслуживает и негативная динамика числа погибших по вине нетрезвых водителей (таблица 1). Полагаем, что это свидетельствует о неверном выборе законодателем точки приложения уголовно-правового воздействия. Состояние алкогольного опьянения сопровожда-

Таблица 1

Сведения о количестве погибших в ДТП по вине водителей

Погибло в ДТП	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
по вине водителей	27575	27623	26776	27729	24900	23146	22221	23471	24040	23092	23143
в т.ч., нетрезвых	3645	3170	2673	2555	2383	2310	1954	2103	2103	2314	3420

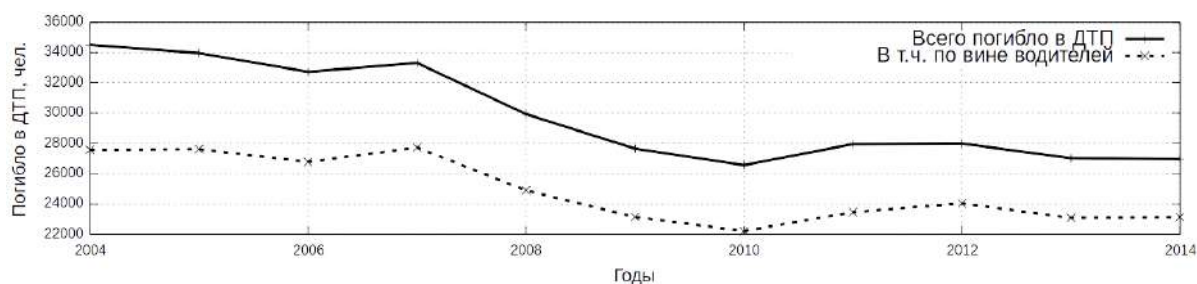

Рисунок 1. Сведения о погибших в ДТП в 2004–2014 гг.

ется ослаблением самоконтроля, поэтому предупредительное воздействие уголовного наказания на таких лиц представляется ничтожным. На наш взгляд, момент окончания преступления в данном случае необходимо перенести на более ранний срок, чтобы водитель, еще до употребления алкогольных напитков принимал меры к недопущению возможности дальнейшей поездки в состоянии опьянения.

Здесь напрашивается очевидное решение – установление уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения. И законодатель начинает двигаться в этом направлении, установив в ст. 264¹ УК РФ уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, ранее подвергавшемся административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Насколько такая мера будет способствовать снижению смертности по вине пьяных водителей, можно будет судить после наработки практики ее применения. Здесь же следует обратить внимание на тот факт, что даже при ее абсолютной эффективности смертность на дорогах по вине водителей снизится не более чем на 10% (в 2010 г. число погибших по вине нетрезвых водителей было минимальным – 1954 или 7,3% от всего числа погибших в ДТП по вине водителей). Очевидно, что полностью острота проблемы снята не будет, хотя, несомненно, сохранение жизни нескольких тысяч граждан в год – это достойный желаемый результат внедрения законодательной новеллы.

Из графика на рисунке 1 видно, что количество погибших в ДТП в последнее время стабилизировалось, что может свидетельствовать об исчерпании предупредительного потенциала предусмотренных ст. 264 УК РФ санкций и о необходимости их ужесточения.

В таблице 2 мы обобщили сведения о судимости по ст. 264 УК РФ, на основании статистических отчетов Верховного Суда РФ. Сведения по осужденным до 2009 г. по старой редакции статьи 264 (состоящей из 3-х частей) адаптированы к последней редакции.

Обращает на себя внимание то, что за период с 2003 по 2013 г. общее число осужденных по данной статье снизилось незначительно – с 15940 до 15267 человек (на 4,9%). Однако это снижение не свидетельствует об улучшении ситуации с безопасностью дорожного движения, поскольку оно достигнуто за счет уменьшения числа осужденных по ч. 1 и 2 ст. 264 УК РФ. Однако в 2003 г. в это число входили лица, совершившие преступление по ч. 1 ст. 264, сопряженное с причинением средней тяжести вреда здоровью. Резкое снижение числа не квалифицированных случаев совершения преступления по данной статье в 2004 году объясняется выпадением таких лиц из числа осужденных по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Разница в показателях 2003 и 2004 г. в 6262 человека и дает нам ориентировочное количество лиц, совершающих ежегодно ДТП с причинением средней тяжести вреда здоровью. Таким образом, количество пострадавших на дорогах по вине водителей за последние 10 лет значительно

Таблица 2

Сведения о судимости по ст. 264 УК РФ

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Осуждено по ст. 264 УК РФ	15940	10283	10269	10066	10518	11011	11534	13217	13170	14436	15267
Осуждено по ч. 1, 2 ст. 264 УК РФ	10330	4068	4046	3946	3965	4143	6150	5792	7471	8047	8653
<i>Из них:</i>											
к лишению свободы	376	264	304	319	335	719	687	384	733	699	886
условно с испытательным сроком	9616	3699	3521	3493	3491	3303	5260	4819	5849	2828	2082
к исправительным работам и штрафу	234	105	54	74	70	82	129	59	66	328	255
другим видам наказания	0	0	7	14	25	35	63	508	800	4156	5357
Осуждено по ч. 3, 4 ст. 264 УК РФ	4892	5358	5391	5239	5677	5953	4419	3351	4914	5576	5813
<i>из них:</i>											
к лишению свободы	1324	1 619	1715	1869	2003	2820	2041	1322	2421	2 890	3234
другим видам наказания	3293	3 693	3663	3352	3659	3130	2374	2023	2487	2681	2572
Осуждено по ч. 5, 6 ст. 264 УК РФ	718	857	832	881	876	915	965	1429	785	813	801
<i>из них:</i>											
к лишению свободы	400	516	507	558	592	690	642	1049	568	599	638
другим видам наказания	306	341	322	316	281	224	323	378	216	210	162

выросло (если предположить, что количество случаев причинения средней тяжести вреда здоровью при ДТП остался прежним, то рост составит порядка 6000 человек). При этом выросло число осужденных при отягчающих (ч. 3, 4) и особо отягчающих обстоятельствах (ч. 5, 6) ст. 264 УК РФ.

Таким образом, видимое статистическое благополучие в данной сфере обеспечивается не реальным улучшением обстановки, а существенным ослаблением уголовно-правовой охраны здоровья граждан. Ограничив сферу уголовной репрессии, мы получили кратковременное снижение числа преступлений по ст. 264 УК РФ, которое в итоге обернулось восстановлением численности этих преступлений на качественно другом уровне, а общее количество пострадавших в ДТП только возросло. Полагаем, что в данном случае жизнь преподносит нам наглядный урок: либерализация уголовного законодательства, подаваемая как гуманизация отношения к осужденным, совершившим неосторожные преступления, приводит лишь к ухудшению защиты граждан.

Библиографический список

1. *Елисеева Н.* Водитель, пешеход и Уголовный кодекс // Бизнес-адвокат. – 2004. – № 3. – С. 12.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 1998. – № 92-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 26. – Ст. 3012.
3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 8.12.03 № 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
4. О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 13.02.2009 N 20-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 7. – Ст. 788.
5. *Ростовская О. А.* Уголовно-правовая оценка декриминализации состава преступления связанного с причинением средней тяжести вреда здоровью по неосторожности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.org/text/77/324/48174.php> (дата обращения 10.11.2015 г.).
6. Сведения о показателях безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения 01.11.2015 г.).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принятый в 2010 году Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» регламентирует правовой статус самостоятельного федерального государственного органа – Следственного комитета Российской Федерации. Одной из главных характеристик правового положения данного государственного органа являются принципы организации и деятельности. Однако законодатель использовал термин «принципы деятельности». В статье автор проводит анализ указанных принципов, среди которых принципы единства; централизации; независимости; информирования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, населения о результатах следственной деятельности; беспартийности; гласности; недопустимости совмещения службы в Следственном комитете Российской Федерации с другими видами возмездной деятельности, за исключением преподавательской, научной, творческой; обязательности исполнения требований сотрудников Следственного комитета Российской Федерации. Отмечается, что проведенный анализ указанных принципов свидетельствует о том, что целесообразно законодательно закрепить термин «принципы организации и деятельности», как это сделано применительно к другим правоохранительным органам (например, прокуратуре). Закрепленная законодателем система принципов ограничена и не охватывает ряд принципов, обусловленных требованиями демократического правового государства, среди которых принципы законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина и другие.

Ключевые слова: принципы, организация, деятельность, принципы организации и деятельности, Следственный комитет, гласность, независимость, беспристрастность.

Любой государственный орган, являясь элементом механизма государства, наделен определенными властными полномочиями и осуществляет присущие государству функции. Успешная организация и функционирование любой системы невозможно без установления основ, выраженных в принципах, которые будут определять построение соответствующей системы, взаимодействие образующих ее элементов, их структуру и полномочия, а также общие правила реализации функций всех звеньев системы. Стоит согласиться с тем, что «организация и деятельность каждого государственного органа строятся на определенных основах (принципах), предопределяющих особенности его статуса и индивидуализирующих среди прочих государственных органов» [4].

С 15 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Закон о Следственном комитете РФ), который определил, что Следственный комитет Российской Федерации (далее – Следственный комитет РФ) является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства [9].

Одной из главных характеристик правового положения данного государственного органа являются принципы организации и деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Это следует из положений ст. 5 Закона о Следственном комитете РФ, которая называется «Принципы деятельности Следственного комитета». В связи с тем, что законодатель понятие принципов деятельности данного органа не закрепляет, необходимо опре-

делить, каким образом данный термин трактуется в юридической науке.

Более общим понятием является термин «принципы права». Принципы права определяются как основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора. Они воплощают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения. Принципы – это своего рода отправные пункты, показывающие вектор правового регулирования [3, с. 264].

Принципы деятельности Следственного комитета РФ в научной литературе определяются как «совокупность выработанных практикой и содержащихся в правовых нормах правил поведения, сопоставляющих ее с закономерностями развития современного российского общества» [2].

Стоит отметить, что законодатель закрепил только принципы деятельности Следственного комитета РФ. Представляется, что разумно говорить и о принципах организации данного органа. Аналогичным образом раскрываются принципы в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», статья 4 которого закрепляет принципы организации и деятельности [4].

Сказанное позволяет отметить необходимость совершенствования положений ст. 5 Закона о Следственном комитете РФ, закрепив не только принципы деятельности, но и принципы организации, учитывая, что законодатель закрепляет и их в том числе.

Представляется, что принципы организации и деятельности Следственного комитета РФ следует определить как основополагающие и руководящие начала построения системы органов и функционирования Следственного комитета РФ как

федерального государственного органа, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

Анализ положений Закона о Следственном комитете РФ позволяет выделить три последовательно идущих одна за другой статьи, посвященных принципам организации и деятельности данного органа.

Статья 5 Закона о Следственном комитете РФ закрепляет, что Следственный комитет РФ является единой федеральной централизованной системой следственных органов и учреждений Следственного комитета РФ и действует на основе подчинения нижестоящих руководителей вышестоящим и Председателю Следственного комитета РФ. Как видим, законодатель в данном положении закрепил принципы единства и централизации Следственного комитета РФ.

Другим принципом является принцип независимости. Следственные органы и учреждения Следственного комитета РФ осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, иных органов и в соответствии с законодательством Российской Федерации. Руководство деятельностью Следственного комитета РФ осуществляет Президент РФ.

Принцип гласности в Законе о Следственном комитете РФ определяется соблюдением прав и свобод личности. Так, в Законе о Следственном комитете РФ закреплено, что следственные органы и учреждения Следственного комитета РФ действуют гласно в той мере, в какой это не нарушает права и свободы человека и гражданина, не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, законодательства Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне. При такой формулировке принципа выглядит уместным замечание А. Верещагиной о том, что любое ограничение гласности будет объясняться благими намерениями соблюдения прав и свобод [1, с. 122].

В современных условиях принцип гласности деятельности Следственного комитета РФ заслуживает особого внимания. Открытость в работе ведомства снижает вероятность ошибки, гарантирует независимость следствия, способствует росту его авторитета у граждан и иных ветвей власти. Традиционно этот принцип называют определяющим в организации процесса предварительного следствия, принятия процессуальных решений. Однако в современных условиях он приобретает особое значение и в аспектах организации работы ведомства. Это вопросы доступности и открытости всевозможной информации о работе Следственного комитета РФ, о времени работы и приема населе-

ния, его полномочиях, подследственности, порядке приема и рационального рассмотрения обращений, о принятых к производству делах, получивших наиболее широкий общественный резонанс, о принятых постановлениях, их исполнении.

Вместе с тем, не совсем понятно разграничение законодателем принципа информирования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, населения о результатах следственной деятельности от принципа гласности. Информирование указанных органов и населения о результатах следственной деятельности является неотъемлемой частью принципа гласности. Кроме того, принцип гласности ограничивается ст. 6 Закона о Следственном комитете РФ, в которой закреплено, что воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, иных органов, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на сотрудника Следственного комитета РФ в целях оказания влияния на принимаемое им процессуальное решение или воспрепятствования в какой-либо форме его процессуальной деятельности влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Сотрудники Следственного комитета РФ не обязаны давать какие-либо объяснения по существу находящихся в их производстве дел и материалов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Принцип беспартийности закреплен в ч. 4 ст. 5 Закона о Следственном комитете РФ: «Сотрудники Следственного комитета не могут являться членами политических партий и иных общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности. Создание и деятельность общественных объединений, преследующих политические цели, и их организаций в следственных органах и учреждениях Следственного комитета запрещаются. Сотрудники Следственного комитета в своей служебной деятельности не связаны решениями политических партий и иных общественных объединений».

Следующим принципом, указанным в Законе о Следственном комитете РФ, является недопустимость совмещения службы в Следственном комитете РФ с другими видами возмездной деятельности, за исключением преподавательской, научной, творческой. Предусмотренный законодателем запрет на совмещение основной деятельности с иной деятельностью действует с оговоркой, если последняя носит возмездный характер. Таким образом, сотрудники Следственного комитета, в отличие от иных федеральных служащих, вправе самостоятельно или через доверенных лиц

принимать участие в управлении организациями, оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении такой деятельности, действуя при этом на безвозмездных началах. Такое положение является недопустимым. На сотрудников Следственного комитета РФ (федеральных государственных служащих) должны распространяться соответствующие правила и принципы поведения, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [7], а также Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [8]. Однако законодатель, традиционно из установленного запрета предусматривает исключение, допуская возможность совмещения основной деятельности с преподавательской, научной, творческой, в том числе осуществляемой на возмездной основе [2].

Принцип обязательности исполнения требований сотрудников Следственного комитета РФ является гарантией беспрепятственного осуществления процессуальных полномочий. Их реализация напрямую связана с осуществлением сотрудниками Следственного комитета РФ проверки сообщений о преступлениях и предварительного расследования по уголовным делам, она имеет целью создание условий, облегчающих выполнение возложенных на них задач.

Проведенный анализ положений Закона о Следственном комитете РФ позволяет обобщить, что в нем нашли закрепление следующие принципы организации и деятельности Следственного комитета РФ:

- 1) единства Следственного комитета РФ;
- 2) централизации Следственного комитета РФ;
- 3) независимости;
- 4) информирования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, населения о результатах следственной деятельности;
- 5) беспристрастности;
- 6) гласности;
- 7) недопустимости совмещения службы в Следственном комитете РФ с другими видами возмездной деятельности, за исключением преподавательской, научной, творческой;
- 8) обязательности исполнения требований сотрудников Следственного комитета РФ.

Представляется важным обратить внимание на то, что, к удивлению, в анализируемом законе не нашли своего закрепления такие основополагающие конституционные принципы, как принцип законности и принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [5] (далее – Закон о полиции), принятом вслед за Законом о Следственном комитете РФ, рассматриваемые принципы нашли свое законодательное закрепле-

ние. Указанные нормативные правовые акты схожи тем, что определяют основополагающие начала построения и функционирования двух важнейших правоохранительных органов Российской Федерации. Представляется целесообразным внести изменения в Закон о Следственном комитете РФ, закрепив в нем принцип законности и принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Не смотря на то, что данные принципы закреплены в Конституции РФ, их закрепление в законе, регламентирующем основополагающие начала построения и функционирования такого властного правоохранительного органа как Следственный комитет РФ, к основным задачам которого, среди прочего, относится, оперативное и качественное расследование преступлений, является обязательным, отвечающим высоким требованиям правового государства.

Обращаясь вновь к Закону о полиции, необходимо отметить актуальность закрепления в его нормах принципа беспристрастности. Представляется целесообразным закрепить указанного принципа аналогичным образом и в Законе о Следственном комитете РФ, изложив его в следующей редакции: «Следственный комитет защищает права, свободы и законные интересы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование принципов организации и деятельности Следственного комитета РФ нуждается в совершенствовании.

Библиографический список

1. *Верещагина А.* Несколько замечаний по поводу Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» // Уголовное право. – 2011. – № 3.
2. *Егоров Ю.В., Соколов Д.В.* Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Р.Ш. Валиева // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс].
3. *Комаров С.А., Малько А.В.* Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.
4. *Шобухин В.Ю.* Принципы организации и деятельности российской прокуратуры в условиях современных законодательных изменений // Налоги. – 2008. – № 12.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 02.04.2014) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

8. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

9. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

УДК 343.98

Хижняк Денис Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

denis_khizhnyak@mail.ru

РОЛЬ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ВЫЯВЛЕНИИ ХАРАКТЕРА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ (на материале стратегических документов Великобритании и США)

Следственные ситуации определяют информационное своеобразие процесса расследования преступлений, в том числе транснациональных, представляющих собой особую категорию преступлений. В свою очередь криминальная ситуация во многом обуславливает содержание следственной ситуации. Следственная ситуация – разновидность информационной модели, используя которую следователь выбирает направления реализации стратегии расследования, всецело на нее опираясь. В связи с определяющим методологическим значением двух ситуаций целью статьи является рассмотрение соотношения понятий «криминальная ситуация» и «криминалистическая (следственная) ситуация» применительно к сфере борьбы с транснациональными преступлениями. Источником информации о транснациональной криминальной ситуации в ряде стран являются документы с родовым названием «стратегия», которые обуславливают транснациональную криминалистическую (следственную) ситуацию и являются источником моделирования информации о конкретных проявлениях транснациональных преступлений. Существующие национальные стратегии по борьбе с транснациональными преступлениями тесно связаны с другими политико-правовыми актами (концепциями, другими стратегиями) и нормативно-правовыми актами. Хотя сами они и не содержат конкретных указаний на методы расследования транснациональных преступлений, они, тем не менее, обладают значительной методологической ценностью для наук уголовно-правового цикла, в том числе и для криминалистики, так как определяют наиболее общие направления расследования транснациональных преступлений и борьбы с ними.

Ключевые слова: методология криминалистики, криминальная ситуация, криминалистическая (следственная) ситуация, стратегия, транснациональные преступления.

Приоритетные направления развития стратегии расследования транснациональных преступлений определяются характером транснациональных криминалистических (следственных) ситуаций и транснациональных криминальных ситуаций. Г.А. Зорин предложил следующую классификацию криминальных ситуаций транснациональных преступных групп: 1) ситуации организации транснациональных преступлений и отдельных элементов транснациональной криминальной деятельности; 2) ситуации транснациональных инсценировок; 3) ситуации тактического и стратегического противодействия расследованию; 4) транснациональные ситуации, возникающие в ходе совершения отдельных видов транснациональных преступлений [1, с. 126–129].

Транснациональная криминалистическая (следственная) ситуация традиционно складывается при расследовании таких преступлений, как террористические акты, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, торговля людьми и использование рабского труда и др. Од-

нако при определенных условиях она может возникать и в ходе расследования общеуголовных дел, поскольку такие преступления, как грабежи, убийства, должностные преступления и многие другие, могут являться сопутствующими и составляющими криминальную деятельность транснационального организованного преступного формирования. Криминалистическая (следственная) ситуация по сути является отражением уже сложившейся криминальной ситуации (обстановки реально совершенного преступления), поэтому следователь имеет дело с уже сформировавшимися отношениями и, таким образом, криминальная ситуация определяет содержание ситуации криминалистической. В ходе криминалистической (следственной) ситуации следователь прогнозирует обстоятельства, исходя из преступных закономерностей, моделирует реальность совершенного преступного деяния, рефлексивирует действия преступника.

В настоящее время многие страны принимают стратегические политико-правовые документы, в том числе и посвященные борьбе с организованной преступностью (в зарубежной практике часто ставят знак равенства между организованной

и транснациональной преступностью), транснациональными преступлениями и их видами, одной из целей которых является характеристика особенностей криминальной ситуации, относящейся ко всей совокупности или отдельным транснациональным преступлениям, совершаемым на территории данного государства [2; 4]. Анализ стратегических документов свидетельствует о том, что при значительном сходстве криминальные ситуации имеют свою специфику проявления в каждом государстве. Такие сходства и различия необходимо учитывать при расследовании транснациональных преступлений, поскольку они предопределяют специфику каждой сложившейся криминалистической (следственной) ситуации в определенном государстве, что обусловлено сущностным характером транснациональных преступлений.

Рассмотрим опыт создания стратегических документов, направленных на борьбу с транснациональными преступлениями в Великобритании и США с точки зрения определения в них криминальной ситуации, дающей следователю понимание того, в каком направлении должны быть приложены его усилия по расследованию транснациональных преступлений на фоне сложившейся транснациональной криминалистической (следственной) ситуации.

Так, в Великобритании в 2011 г. была принята новая «Стратегия борьбы с терроризмом» (CONTEST), особенностью которой был учет наиболее значимых угроз безопасности Великобритании. В Преамбуле содержится анализ криминальной ситуации террористической деятельности в стране, особое внимание уделяется транснациональной преступной деятельности Аль-Каиды и терроризму в Северной Ирландии. Это вполне понятно, так как еще с 2003 г. Аль-Каида совершала террористические акты в Великобритании. В Преамбуле также отмечается активизация террористических актов в Северной Ирландии, где только в 2010 г. было совершено 40 террористических актов. Такой анализ угрозы со стороны конкретных террористических организаций имеет большое значение для целей расследования преступлений, так как указывает основные угрозы, а, следовательно, определяет характерные особенности сложившейся транснациональной криминальной ситуации [3, р. 6–7].

В Стратегии CONTEST Великобритании была разработана и принята Превентивная стратегия (PREVENT Strategy). В Стратегии анализируется степень активности разных типов транснациональных преступлений (наркотрафик, киберпреступность, отмывание денежных средств и др.), характеризуются транснациональные преступные связи в Великобритании с разными регионами мира (Афганистаном, Западной Африкой, США, Европой), выявляются районы Великобритании с высоким и низким уровнем преступности, а в зависимости

от этого формулируются задачи государства по борьбе с преступностью на разных уровнях (местном, региональном, приграничном, международном). Анализируются преступления, совершаемые гражданами других государств в Великобритании, и гражданами Великобритании в других государствах; подчеркивается необходимость сотрудничества с Европолом, Интерполом, G 8. [10, р. 13–23].

Основные направления борьбы с транснациональными преступлениями в США и меры по их предупреждению представлены в «Стратегии по борьбе с транснациональной организованной преступностью». Во Введении отмечается, что транснациональная преступность значительно изменила свой характер в последние годы: ранее она имела региональный характер и редко была связана с терроризмом; в настоящее время эта преступность характеризуется более сложной организацией, имеет прочные связи с киберпреступностью и терроризмом, осуществляет торговлю наркотиками, занимается контрабандой оружия массового уничтожения и т.д. [11, р. 3–4]. В связи с этим в Главе II, озаглавленной «Транснациональная организованная преступность: растущая угроза национальной и международной безопасности», содержится перечисление основных угроз, включая рассмотрение особенностей различных транснациональных преступлений, совершаемых на территории США. Среди таких угроз выделяются проникновение транснациональной организованной преступности (ТОП) в государственные учреждения, коррупция, угрозы управлению и экономике США, а также конкурентоспособности стратегических рынков страны, взаимосвязи преступлений с терроризмом и восстаниями. Далее перечисляются наиболее часто совершаемые транснациональные преступления: наркотрафик, незаконная перевозка людей через границу или пересечение границы с целью незаконного въезда в страну (human smuggling), торговля людьми, торговля оружием, кража интеллектуальной собственности, киберпреступность. В качестве отдельного аспекта криминальной ситуации отмечается возрастающая роль пособников (координаторов и посредников) в совершении транснациональных преступлений [11, р. 5–12]. Существенным структурным элементом Стратегии является достаточно подробный анализ региональных различий проявления транснациональной организованной преступности (ТОП) и национальных типов организованных преступных группировок (ОПГ). Среди таких регионов Стратегия упоминает особенности ТОП и ОПГ в западном полушарии (в США, Мексике, Колумбии), юго-восточной Азии и особенно в Афганистане, России и ее регионе Евразии, на Балканах, в Западной Африке, в Азии и Тихоокеанском регионе [11, р. 5–12].

Антинаркотические стратегии США — особые документы, представляющие собой систему

стратегий, пополняемую ежегодно в соответствии с появлением новых угроз и достигнутых успехов в борьбе с преступностью. Первая такая стратегия была принята в 2010 г. В ней отмечалось, что транснациональные преступные организации и сети незаконного оборота наркотиков постоянно расширяют сферы влияния, что создает значительные проблемы для национальной безопасности Соединенных Штатов и стран-партнеров [5, р. 1]. Меры, перечисленные в Стратегии 2011 г., основываются на Стратегии 2010 г. с указанием успехов наркополитики, достигнутых за год. В Стратегии проанализирована обстановка с потреблением наркотиков и наркотрафика в разных районах США, отмечено, что особое внимание уделяется охране юго-восточных границ страны [6, р. 1–3]. В Стратегии 2012 г. отмечены достижения в сфере борьбы с наркотиками и иными преступлениями [7, р. 6–9]. В Национальной стратегии по борьбе с наркотиками 2013 г. вновь анализируется ситуация с потреблением наркотиков [8, р. 1–3]. Стратегия 2013 г. включает в себя и некоторые новые элементы, которые отражают реализацию взаимодействия широкого круга заинтересованных сторон, расширение диалога с лидерами в Пуэрто-Рико (неинкорпорированной организованной территории США), которое привело к признанию общей проблемы, связанной с употреблением наркотиков, торговлей людьми и их последствиями Содружеством [8, р. 38]. Стратегия 2014 г. включает в себя новый элемент действий, направленных на борьбу с наркотиками, – привлечение внимания к угрозе новых синтетических наркотиков таких, как К-2, Spice и «соли для ванн»). Обсуждается работа вновь созданных приграничных сил для борьбы с коррупцией (National Border Corruption Task Forces), для лучшей координации действий по расследованию фактов коррупции на границах, а также координации действий органов власти разных уровней. Отмечается необходимость усиления борьбы с наркотрафиком в почтовых отправлениях и др. [9, р. 41].

Характеристика криминальной ситуации не только обуславливает характер криминалистической следственной ситуации в сфере транснациональной преступности, но и составляет основу модели формирования криминалистической информации о конкретном транснациональном преступлении, которая состоит из двух содержательных частей:

1. Информация, относящаяся к личности участников преступных группировок и их структуре. К данной группе относят информацию о: численности транснационального организованного преступного формирования (ТОПФ); структуре ТОПФ; личности лидеров ТОПФ; роли каждого члена ТОПФ в его иерархии; данных, характеризующих преступное поведение членов ТОПФ; образе жизни и возможных связях; базовой направленности криминальной деятельности ТОПФ; сферах кри-

минальной деятельности; склонности отдельных членов ТОПФ к побочной криминальной деятельности и возможности совершения ими конкретных преступлений; коррупционных связях ТОПФ.

2. Информация, относящаяся к механизму совершения и сокрытия преступлений участниками транснациональных организованных преступных формирований. К данной группе относится информация о: способах подготовки, совершения, сокрытия преступления; закономерностях, обусловивших возникновение материальных и интеллектуальных следов; обстоятельствах, благоприятствующих или препятствующих реализации преступления; последствиях преступной (криминальной) деятельности.

Таким образом, рассмотренные стратегические документы не только устанавливают наиболее общие цели и задачи, а также перспективы борьбы с транснациональными преступлениями. Их значение носит методологический характер, так как вооружает следователя системой знаний о криминальной ситуации и ее изменении для анализа конкретной криминалистической (следственной) ситуации и расследования преступлений. Методологическое значение установления взаимосвязей между криминальной и криминалистической ситуациями дает возможность построения научно и практически обоснованных информационных моделей в сфере транснациональной преступности.

Библиографический список

1. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Минск: ООО «Амалфея», 2000. – С. 126–129.
2. Australia's National Drug Strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationaldrugstrategy.gov.au> (дата обращения: 02.10.2015).
3. CONTEST: The United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism. July 2011. – London: HM Government, 2011. – 125 p.
4. Crime Prevention Strategy Czechs Republic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url> (дата обращения: 02.10.2015).
5. National Drug Control Strategy 2010. – Washington: The White House, 2010. – 117 p.
6. National Drug Control Strategy. – Washington: The White House, 2011. – 108 p.
7. National Drug Control Strategy. – Washington: The White House, 2012. – 61 p.
8. National Drug Control Strategy. Washington: – The White House, 2013. – 104 p.
9. National Drug Control Strategy. – Washington: The White House, 2014. – 93 p.
10. PREVENT Strategy. July 2011. – London: HM Government, 2011. – 116 p.
11. Strategy to Combat Transnational Organized Crime. July 19, 2011. – Washington: The White House, 2011. – 28 p.

К ВОПРОСУ О ДАРЕНИИ ПРЕДМЕТОВ РОСКОШИ, КАК ИЗМЕНЧИВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ПОДАРКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

Актуальным вопросом современности является получение подарков государственными служащими. Повышенное внимание к данному вопросу со стороны общест­венности ставит законодателя перед необходимостью правового регулирования данной сферы правоотношений.

В статье приведена правовая конструкция норм, раскрывающих как возможность получения подарков государственными служащими, так и ограничения, налагающие на них определенные запреты. При этом запрет на получение подарков, установленный законодательством о государственной службе, имеет свои исключения в виде обычных подарков и подарков, полученных в связи с протокольными мероприятиями. Причем отдельно раскрыт вопрос о совершенно новом порядке сообщения нанимателю отдельными категориями лиц о получении подарка, возможности сдачи и оценки подарка для последующей реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации. В работе также рассмотрены примеры ограничений, связанных с получением подарков в зарубежных странах.

Противопоставление понятий «подарок» и «предметы роскоши», как и отсутствие по данным понятиям законных определений, позволило найти их общие черты, признаки, а также их схожесть. На основе проведенного анализа установлено, что контроль со стороны государственного регулятора за получением подарков есть ни что иное, как контроль за предметами роскоши. В связи с чем предложено на законодательном уровне предусмотреть декларирование полученных роскошных подарков государственными служащими.

Ключевые слова: подарок, запрет на дарение, предметы роскоши, излишество, сообщение о получении подарка, исключительность, демонстративное получение, государственный служащий, противодействие коррупции, договор дарения, государственный контроль, взятка, декларирование.

Весьма волнующим для общества и немаловажным для государства является вопрос о дарении предметов роскоши. Именно данный предмет дарения в силу своей притягательности был интересен на протяжении всех этапов развития общества. При этом, как и раньше, определить признаки, в частности, размер, стоимость, содержание предметов роскоши, входящих в состав дарения, довольно сложно.

Так, в действующем законодательстве отсутствует единое определение предметов роскоши. На практике роскошью считается что-то, без чего вполне можно обойтись, а когда это становится широкодоступным, оно теряет значение исключительности. Казалось бы, определить роскошь довольно просто и легко, но это далеко не так. Ведь понятие роскоши является относительным и зависит от того, кто мы, где мы находимся, и кто нас окружает.

Так, например, кофе и шоколад сейчас могут находиться на столе у каждого человека, однако, к примеру, во время Великой Отечественной войны они были труднодоступны и считались продуктами класса «люкс». Некоторое время назад было распространено мнение, что роскошная жизнь не может быть достигнута в результате упорного труда, даже при условии наличия таланта, считалось, что роскошь не может быть завоевана справедливым образом [7]. То есть можно сказать, что ранее преобладала такая закономерность получения предметов роскоши, как переход её в собственность по наследству либо, в редких случаях, обретение по счастливой случайности.

В последнее время восприятие роскоши изменилось, и то, что было роскошью для поколения

XX века, в XXI веке уже не роскошь. Это результат роста уровня жизни, ведь те же импортные продовольственные товары (манго, бананы, киви) для современного человека вполне привычны и не считаются экзотикой.

На каждом этапе человеческой жизни были свои предметы роскоши. Современный мир невозможно представить без роскоши. «Роскошь есть всякая трата, выходящая за пределы необходимого», – считал немецкий философ Вернер Зомбарт, посвятивший роскоши целый научный труд под названием «Любовь, роскошь и капитализм» [4]. «Роскошь – это излишество удобств, хвастливой тороватости, расточительность на насущное, на убранства, пищу, на все жизненные потребности», – так определял это понятие выдающийся русский лингвист и этнограф В. Даль. Судя по этим толкованиям, к роскоши следует относить все, без чего можно прожить. Однако это совсем не значит, что все предметы, без которых человек может обойтись, можно отнести к предметам роскоши. Для того чтобы прослыть «роскошником», недостаточно просто сверхпотреблять – нужно делать это демонстративно [16].

Одним из признаков роскоши, помимо исключительности, является демонстративное получение предмета. Смоделируем ситуацию, в которой чиновник на торжественном мероприятии демонстративно получает подарок. Причем не простой подарок, а весьма дорогостоящий, обладающий признаками роскоши, например, картину известного художника, часы известного бренда, бронзовую статуэтку, гаджеты и пр. То есть данный дорогостоящий подарок обладает признаками роскоши.

В российском законодательстве по этому вопросу имеется правовая коллизия, которая заключается в том, что, с одной стороны, законодательство в области гражданской службы устанавливает запрет на получение подарков, с другой стороны, гражданское законодательство содержит исключение из общего правила и позволяет получать обычные подарки, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Остановимся подробнее на нормах указанного законодательства.

Запрет на получение подарков зафиксирован и в законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [12] (ст. 12.1), и в законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ [13] (ст. 17). Этими законами установлен запрет для должностных лиц государственных и муниципальных органов на получение подарков от физических и юридических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения).

Подобные ограничения существуют и в других странах. Для чиновников установлены четкие правила, по которым они принимают презенты не дороже определенной суммы. Все иные предметы заносятся в декларацию. Причем сами госслужащие знают четкую грань между подарком и взяткой, и стараются эту грань не переступить. [1]

Например, во Франции предельная стоимость подарка, который не может считаться взяткой, составляет 35 евро (более дорогие презенты предписано возвращать дарителю), в Великобритании – 140 фунтов (если министр захочет оставить подарок себе, он обязан выплатить в казну разницу между его реальной стоимостью и 140 фунтами), в США и Молдавии – 50 долларов, на Украине – 100 гривен [1; 3; 15].

К примеру, в Молдавии государственным служащим вообще запретили принимать подарки во время исполнения служебных обязанностей. Об этом говорится в кодексе поведения госслужащего, который принял парламент республики. На Западе система контроля за подарками госслужащим действует давно. К примеру, в США любой подаренный чиновнику сувенир стоимостью свыше 50 долларов считается взяткой. Если же служащий желает взять презент себе, ему необходимо обратиться за специальным разрешением к сотруднику своей организации, занимающемуся вопросами деловой этики. Во Франции предельная стоимость подарка составляет всего 35 евро. Более дорогие презенты предписано возвращать дарителю. В Великобритании стоимость «безвозмездного» подарка члену правительства не может превышать 140 фунтов (примерно 250 долларов). Если министр захочет оставить подарок себе, он обязан выплатить в казну разницу между его реальной сто-

имостью и 140 фунтов. Премьер-министр Латвии может получить свои подарки лишь после ухода с поста и только на условии выкупа. Но более радикальными методами действуют в Китае. Там законодательно установлен перечень предметов, запрещенных к дарению. Принятие входящих в него подношений расценивается как взятка и карается смертной казнью [1; 14].

Интересен опыт Сингапура, где чиновники могут принимать презент определенной стоимости, свыше которой подарки полагается отправлять на аукцион, а полученные деньги сдавать в бюджет. «Это одна из мер борьбы с коррупцией, и такая мера позволила Сингапуру стать одним из наименее коррумпированных государств» [3].

Примечательно, что еще десять лет назад, после посещения Сингапура Министр финансов России заявил, что для борьбы с коррупцией необходимо системно контролировать, какие подношения получают чиновники. С его слов, любой госслужащий может принимать подарки, однако если их стоимость превышает установленную сумму, презенты придется отдать в пользу государства [3]. Интересно, что спустя как раз 10 лет мы пришли к тому, о чем сказал Министр финансов России.

Итак, многие положения законодательства о государственной службе, в том числе предусматривающие рассматриваемый запрет, должны анализироваться во взаимосвязи с положениями других законодательных актов. Поскольку подарки передаются на основании договора дарения, необходимо обратиться к рассмотрению специальных положений, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации [2].

В статье 575 ГК РФ предусматриваются запреты на дарение. Так, в силу подп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ, не допускается дарение подарков лицам, замещающим государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Однако в абзаце 1 п. 1 ст. 575 ГК РФ указывается, что данный запрет не распространяется на обычные подарки, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей.

Таким образом, на сегодняшний день финансовый предел разрешенного чиновникам подарка определен ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, подарки, полученные чиновниками (лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащими, муниципальными служащими, служащими Банка России), в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных

обязанностей, стоимость которых превышает 3 тыс. руб., признаются не личной собственностью госслужащего, а собственностью Российской Федерации.

Толкование положений ст. 575 ГК РФ позволяет сделать однозначный вывод о том, что согласно положениям гражданского права, допускается преподнесение подарков государственным и муниципальным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей, но в пределах указанной выше стоимости.

Следует отметить, что изначально стоимость обычных подарков не должна была превышать пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда. Учитывая, что до настоящего момента минимальный размер оплаты труда, установленный для исчисления размеров гражданских обязательств, составляет 100 руб. (абз. 2 ст. 5 Федерального закона от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» [10]), то максимальная стоимость допустимого подарка не могла превышать 500 руб. [9].

Однако в законодательстве в области гражданской службы имеется исключение. Так, запрет на дарение указанным лицам не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями.

Так, в Законе № 79-ФЗ отмечено, что подарки, полученные гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственной орган, в котором он замещает должность гражданской службы, за исключением случаев, установленных ГК РФ. В данном случае гражданский служащий, сдавший подарок, полученный им в связи с протокольным мероприятием, служебной командировкой или другим официальным мероприятием, может его выкупить в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В 2014 году вышло в свет постановление Правительства Российской Федерации от 09.01.2014 № 10 [6], которым утверждено типовое положение о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации.

Так, чиновники обязаны в течение трех рабочих дней после получения подарка на официальном мероприятии или в командировке уведомить об этом руководство и сдать подарок, если его стоимость превышает 3 тыс. руб. Если стоимость презента неизвестна, рекомендуется также сдавать его.

Подарки сдаются «ответственному лицу уполномоченного структурного подразделения, которое принимает его на хранение по акту приема-передачи» [6]. «Сведения о рыночной цене подарка подтверждаются документально, а при невозможности документального подтверждения – экспертным путем», – говорится в типовом положении [6]. Подарок возвращается, если его стоимость не превышает 3 тыс. руб.

Если подтверждается, что стоимость подарка превышает 3 тыс. руб., то он может быть продан на аукционе с зачислением средств от продажи в бюджет. Дорогой подарок также может быть безвозмездно передан в благотворительную организацию. За несоблюдение этой нормы одаренный чиновник должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения. Если чиновник утаил дорогое подношение, такие действия могут быть квалифицированы и как получение взятки (ст. 290 УК РФ [10]) или посредничество при взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ [10]).

Как известно из средств массовой информации, в ходе официальных мероприятий между чиновниками высшего ранга разных стран зачастую происходит обмен подарками. На практике чиновникам дарят мобильные телефоны, различные гаджеты, часы, картины и пр. Многие считают, что регламентация процедуры получения подарков – мера необходимая, но работать она будет в ограниченных случаях, когда подарок вручен публично, на официальном мероприятии. Однако есть вероятность, что подарки будут брать тайно или получать подношения при посредничестве родственников, ведь это и сейчас является обычной практикой.

Итак, мы видим, что «официальные» подарки делятся на те, которые чиновники должны сдать государству, те, с которых должны заплатить подоходный налог, и те, которые могут со спокойной душой оставить себе [8]. Согласно нормам закона о государственной службе, подарки, полученные «во время протокольных мероприятий, служебных командировок, других официальных мероприятий, признаются федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в госорган, в котором он занимает свою должность, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом» [13]. При желании чиновник может выкупить свой подарок, но только в порядке приватизации, то есть на аукционе. В то же время ГК РФ позволяет чиновникам брать подарки, врученные даже за рамками протокольных мероприятий. Но только если их стоимость не превышает трех тысяч рублей. Также в законе о государственной службе допускаются «поощрения и награждения за безупречную и эффективную гражданскую службу» [13]. Одной из форм такого поощрения может стать вручение ценного подарка. Но грань

между подарками и различными формами поощрения, как правило, является довольно иллюзорной, и, значит, риск остаться без сувениров добросовестным чиновникам практически не грозит.

В современном быту сложилось несколько мнений относительно возможности и особенностей получения подарков государственными служащими. Так, одни специалисты считают, что подарки, получаемые чиновниками, необходимо унифицировать с точки зрения налогообложения, другие предлагают запретить принимать подарки вовсе [8].

Таким образом, предлагается в качестве меры, послужившей бы унификацией происхождения подарков, в том числе роскошных презентов, декларировать материальные блага для объяснения происхождения богатства. Финляндия и Швеция сделали доходы своих граждан прозрачными, и теперь жители этих стран просто не хотят давать взятки [5].

Следует отметить, что ввиду отсутствия в действующем законодательстве Российской Федерации понятия «предметы роскоши», в его содержание вкладываются на каждом этапе человеческой жизни различные ориентиры, предметы, вещи, представления. В связи с этим следует констатировать, что правовое регулирование процесса дарения подарков государственным служащим, содержащих, в том числе, предметы роскоши, является определенным видом контроля со стороны государства за роскошью. Определяя границы дозволенного содержания подарков государственных служащих, государственный регулятор координирует данное направление правоотношений и, тем самым, делает определенные шаги к определению признаков, размера стоимости «современных» предметов роскоши. Однако предусмотрев на законодательном уровне декларирование подарков, возможно будет еще более усилить со стороны государства контроль за содержанием подарков и источником их получения.

Библиографический список

1. Взятка в красивой обертке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprnou.ru/article.php?idarticle=002983/> (дата обращения: 5.10.2015).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Елена Панфилова: Косметика против коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ulitskaya.viperson.ru/wind.php?ID=457692&soch=1/> (дата обращения: 10.10.2015).
4. Налог на роскошество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fingazeta.ru/taxes/nalog-naroskoshestvo-174755/> (дата обращения: 01.10.2015).
5. О вопросе отношений к подаркам в системе противодействия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-notabene.ru/pr/article_827.html/ (дата обращения: 01.10.2015).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.01.2014 № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 3. – Ст. 279.
7. Предметы роскоши [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vkalach.ru/page.php?829/> (дата обращения: 01.08.2015).
8. С подарком к чиновникам вход запрещен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawlinks.ru/view_data.php?id=153413/ (дата обращения: 01.10.2015).
9. Степанюк А.В. Запрет на получение подарков государственными гражданскими служащими: некоторые вопросы и недостатки регламентации // Степанюк А.В., Степанюк О.С. Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2013. – С. 29–43.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
11. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 26. – Ст. 2729.
12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
13. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
14. Цена подарка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ridcom.ru/publications/37/> (дата обращения 23.07.2015).
15. Чиновники, получившие подарки дороже 3000 рублей, должны сдавать их государству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2014/01/10/5843157.shtml/> (дата обращения 03.07.2015).
16. Что относится к роскоши (налог на роскошь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.torglocman.com/folders/po-viedieniubukhghaltierskogho-uchieta-i-naloghooblozhieniudocuments/chto-otnositsia-k-roskoshi-nalogh-naroskosh/> (дата обращения 03.08.2015).

КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ (СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ) ОРГАНЫ ПРИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО ВЕТЕРИНАРНОМУ И ФИТОСАНИТАРНОМУ НАДЗОРУ

Статья посвящена исследованию организационно-правовых основ деятельности совещательных (консультативных) органов, функционирующих при территориальных органах Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору. Автором статьи предлагается классификация совещательных структур, их общие признаки и различия. Освещение деятельности совещательных (консультативных) органов в свете принятых подходов к определению их функциональной значимости позволило выявить как положительные стороны в работе совещательных структур, так и обратить внимание на проблемы эффективности в их работе, сводящие в некоторых случаях деятельность совещательных структур к формальности с точки зрения учета мнения представителей негосударственных структур и соблюдения принципа их реальной репрезентативности. В заключение выдвигаются предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования, в частности, предполагается целесообразным принятие подзаконных правовых актов, что позволит создать унифицированную нормативную основу функционирования совещательных (консультативных) органов и устранить противоречия и пробелы в области регламентации периодичности заседаний и уточнения их компетенции в целях предотвращения дублирования полномочий, а также внести изменения в целях установления действенных рычагов, приводящих к достижению поставленных перед совещательными структурами задач.

Ключевые слова: Управления Россельхознадзора, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, консультативные (совещательные) органы, комиссия, общественный совет, координационный совет, функциональная значимость.

Усложнение задач, стоящих перед государством в целом и системой федеральных органов исполнительной власти в частности, породило потребность привлечь представителей общества к процессу подготовки и выработки решений. Конечной целью выдвигалась идея информационной открытости органов власти, обеспечение проведения публичных обсуждений общественно значимых решений и формирования общественных советов [3]. Впоследствии совещательные (консультативные) органы появились при большинстве государственных структур и «стали значительным элементом системы принятия решений» [2]. Кроме того теме совещательных (консультативных) органов уделено значительное внимание в трудах видных ученых [14]. Подобные органы были учреждены и в составе Управлений Россельхознадзора.

На сегодняшний день совещательные (консультативные) органы функционируют при территориальных органах Россельхознадзора в следующих формах: Комиссия, Общественный совет, Координационный совет, Рабочая группа. Перечисленные совещательные (консультативные) органы обладают рядом основных общих признаков:

1. Совещательные структуры действуют на основании Положений о них, в которых определяется компетенция, состав, порядок формирования, права и обязанности председателя (его заместителей) и членов, порядок проведения заседаний и прочие вопросы функционирования совещательных структур.

2. Положения о них, структуру и персональный состав утверждает Управление Россельхознадзора самостоятельно.

3. Как правило, совещательные (консультативные) органы состоят из лиц, выполняющих свои функции в силу должностного положения.

4. Они вправе формулировать рекомендации для принятия решения Управлением Россельхознадзора.

5. Совещательные структуры осуществляют свою деятельность на постоянной основе.

6. Отсутствие права издания от своего имени правового акта (тем не менее, принимаемые решения могут быть реализованы в правовых актах в рамках исполнения возложенных полномочий, либо в целях осуществления территориальным органом Россельхознадзора своей деятельности).

7. Коллегиальность в принятии решений.

8. Привлечение к участию в заседаниях в составе совещательных (консультативных) органов иных лиц, не являющихся государственными гражданами служащими территориального органа Россельхознадзора.

9. Добровольность и безвозмездная основа осуществления полномочий членов рассматриваемых органов.

В настоящий момент в ряде Управлений Россельхознадзора функционирует Комиссия по лицензированию фармацевтической деятельности, отнесение которой к числу совещательных (консультативных) органов видится нецелесообразным в свете указанных выше признаков, а также ввиду характера осуществляемых ею полномочий: в отличие от остальных комиссий (советов) она призвана выполнять функции исключительно в одном из установленных направлений деятельности территориальных органов Россельхознадзора – в сфере выдачи (переоформления) лицензии на осуществ-

вление фармацевтической деятельности в области обращения лекарственных средств для ветеринарного применения. Деятельность Комиссий осуществляется в соответствии с Административным регламентом исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору государственной функции по лицензированию фармацевтической деятельности в сфере обращения лекарственных средств, предназначенных для животных, и в ее состав входят только сотрудники соответствующих Управлений Россельхознадзора. Подобные совещательные структуры учреждены приказом от 12.12.2014 г. №787 в Управлении Россельхознадзора по Брянской и Смоленской областям [4], а также приказом от 07.11.2011 г. №169 – в Управлении Россельхознадзора по Мурманской области [5].

Вместе с тем, рассмотрение Положений об организации деятельности аналогичных (однотипных) совещательных (консультативных) органов в разных Управлениях Россельхознадзора позволяет выявить дифференциацию по различным основаниям:

1) в зависимости от численного состава (количество членов Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов при Управлении Россельхознадзора по Самарской области составляет 5 человек, а в аналогичной Комиссии при Управлении Россельхознадзора по Республике Коми – 8 человек);

2) в зависимости от периодичности проведения заседаний (Общественный совет при Управлении Россельхознадзора по Кемеровской области проводит заседания не реже 1 раза в год, а аналогичный орган при Управлении Россельхознадзора по Челябинской области – не реже 2 раз в год);

3) в зависимости от срока осуществления полномочий членами таких органов (четыре года с даты проведения первого заседания для Общественного совета по взаимодействию с субъектами малого и среднего предпринимательства и их общественными объединениями при Управлении Россельхознадзора по Свердловской области. В аналогичном Совете при Управлении Россельхознадзора по Курганской области срок осуществления полномочий не указан, но увязан с наступлением конкретных юридических фактов).

Однако различия в организационно-правовом аспекте между однотипными (аналогичными) комиссиями (совета) указывают на недостаточность нормативно-правовой регламентации их статуса в области:

1) регламентации периодичности заседаний. Отсутствие указания на периодичность может привести организацию проведения заседаний комиссии (совета) к минимуму (например, одному раз в год), а, значит, свести концепцию учета мнения

общественности при обсуждении ряда вопросов к формальности.

2) уточнения компетенции совещательных (консультативных) органов, что позволит избежать дублирования полномочий. Так, компетенция Общественного совета при Управлении Россельхознадзора по Челябинской области включает функцию по осуществлению поддержки общественно значимых инициатив субъектов малого и среднего предпринимательства, направленного на реализацию государственной политики в сфере развития малого и среднего предпринимательства, обеспечение его прав и законных интересов, в том числе при осуществлении государственного контроля и надзора, что, на наш взгляд, относится к сфере деятельности Комиссии по взаимодействию с субъектами малого и среднего предпринимательства и их общественными объединениями.

При всем многообразии совещательных (консультативных) органов, на что ранее обращал свое внимание и К.В. Черкасов [13, с. 20–33] и А.К. Гаджиев [1, с. 11–14], их можно условно разделить на следующие группы:

1. Совещательные (консультативные) органы, чья организация и функционирование в императивном порядке предусмотрены и регламентированы действующим федеративным законодательством, а территориальные органы Россельхознадзора принимают, соответственно, опосредованное участие в их учреждении. К числу таких совещательных структур относятся, например, Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению, которые создаются и осуществляют деятельность на основании указа Президента Российской Федерации от 01.07.2010 г. №821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» [11] и приказа Россельхознадзора от 9.11.2010 г. №438 «Об утверждении Порядка формирования и деятельности Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих территориальных управлений Россельхознадзора и урегулированию конфликта интересов» [7].

Кроме того, к этой группе относятся Координационные советы по вопросам, затрагивающим интересы малого и среднего предпринимательства. Формируются они на основании Федерального закона от 24.07.2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [12], Указа Президента Российской Федерации от 15.05.2008 № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» [10] и приказов непосредственного территориальных органов Россельхознадзора. Их специфика заключается в том, что персональный

состав, структура, порядок деятельности и полномочия определяются непосредственно Управлениями Россельхознадзора ввиду отсутствия нормативных указаний по этому поводу со стороны Россельхознадзора. Возможно, по этой причине в различных субъектах Российской Федерации наименования таких совещательных (консультативных) органов могут отличаться: при Управлении Россельхознадзора по Челябинской области действует Координационный Совет по вопросам взаимодействия с представителями малого и среднего предпринимательства, а при Управлении Россельхознадзора по Свердловской области – Общественный Совет по взаимодействию с субъектами малого и среднего предпринимательства и их общественные объединения.

2. Совещательные (консультативные) органы, чья организация и функционирование предусмотрены федеральным законодательством, но при этом требование о возможности их формирования носит диспозитивный характер, а вопросы деятельности определяются Россельхознадзором и (или) его территориальными органами. В эту группу входит Общественный совет, например, при Управлении Россельхознадзора по Кемеровской области или по Челябинской области, учрежденный на основании постановления Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. №481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных служб и федеральных агентств, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» [6].

3. Совещательные (консультативные) органы, чья организация не предусмотрена нормативными правовыми актами на федеральном уровне, однако они были учреждены в целях исполнения поставленных перед Управлением Россельхознадзора задач и (или) осуществления возложенных полномочий по его собственному усмотрению. Так, к этой категории следует отнести Рабочую группу, организованную при Управлении Россельхознадзора по Брянской и Смоленской областям. Создание совещательных (консультативных) органов обусловлено субъективным видением существующих проблем и стоящих перед территориальным органом Россельхознадзора задач.

В юридической литературе для понимания функциональной значимости совещательных (консультативных) органов используются три подхода: «лоббистский», определяющий совещательные (консультативные) органы как институт продвижения частных интересов; «административный», рассматривающий их как средство для сбора необходимой информации, которая будет исполь-

зоваться для принятия управленческих решений; «делиберативный», определяющий совещательные (консультативные) органы как инструмент достижения компромисса. Озвученные подходы являются не взаимоисключающими, а позволяющими рассматривать деятельность совещательных структур с различных позиций.

Деятельность совещательных (консультативных) органов поддается рассмотрению отчасти с точки зрения «лоббистского» подхода в свете их кадрового состава. Так, особый интерес представляет соотношение численности сотрудников Управлений Россельхознадзора и представителей сторонних общественных, коммерческих и некоммерческих организаций в составе совещательных структур. Например, состав Общественного совета по вопросам взаимодействия с представителями малого и среднего предпринимательства при Управлении Россельхознадзора по Свердловской области насчитывает 11 членов, из которых лишь один человек является сотрудником Управления; в аналогичном совете при Управлении Россельхознадзора по Курганской области числится 19 членов, 6 из которых является сотрудником Управления. Состав Общественного совета при Управлении Россельхознадзора по Челябинской области, как и по Кемеровской области, полностью формируется за счет сторонних представителей общественности: работников СМИ, научных организаций, представителей коммерческих организаций. Положением о Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Управления Россельхознадзора по Республике Башкортостан и урегулированию конфликта интересов предусмотрен пункт, определяющий, что число членов Комиссии, не замещающих должности государственной службы в Управлении, должно составлять не менее одной четверти от общего числа членов Комиссии. Подобная практика встречается в большинстве Управлений Россельхознадзора. Исключение составляет, например, деятельность Совещательного органа Управления Россельхознадзора по Курганской области по вопросам, затрагивающим интересы малого и среднего предпринимательства, в подходе к формированию кадрового состава которого отмечается некий формализм, поскольку из 11 утвержденных членов только 3 (а фактически присутствует на заседаниях 1–2 члена) являются представителями коммерческих организаций, что сводит к минимуму возможность учета их интересов.

Периодичность проведения заседаний (1 раз в квартал, а иногда и реже) на основе изучения протоколов позволяет усомниться в эффективности внедрения концепции публичных обсуждений общественно значимых решений, реальности поддержания диалога с общественностью. Подобные выводы напрашиваются ввиду отсутствия пред-

ложений со стороны представителей коммерческих и некоммерческих организаций по совершенствованию законодательства, сведению заседаний к формальному освещению итогов контрольно-надзорной деятельности Управлений Россельхознадзора, ознакомлению с изменениями в действующем законодательстве и так далее.

Факт обязательного наличия на должности председателя совещательных структур представителя территориального органа Россельхознадзора свидетельствует о возможности рассмотрения совещательных (консультативных) органов в свете «административного» подхода (исключение составляют Общественные советы Управлений Россельхознадзора). Так, согласно п. 3.2 Положения о Совете по взаимодействию субъектов малого и среднего предпринимательства при Управлении Россельхознадзора по Курганской области председателем Совета является по должности руководитель Управления, а заместителем председателя – заместитель руководителя. Количественный и персональный состав, как правило, утверждается приказом соответствующего управления. Таким образом, руководство территориальных органов Россельхознадзора имеет определяющее значение при подборе кадрового состава совещательных структур. Отсутствие четких критериев отбора кандидатов порождает проблему реальной представительности заинтересованных групп общественности.

В пользу «делиберативного» подхода свидетельствует декларирование в официальных документах, например, в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах [8], направленности на получение обратной связи со стороны общественности, обсуждения общественно значимых решений. Анализ Положений, утверждающих регламент деятельности совещательных (консультативных) органов, позволяет сделать вывод о стремлении Управлений Россельхознадзора наладить диалог с представителями общественности. Кроме того, Положения обычно позволяют представлять в письменном виде особое мнение по решениям Совета.

Таким образом, можно сделать вывод, что совещательные (консультативные) органы более всего тяготеют к «административному» подходу, несмотря на возможную применимость всех подходов в оценке функциональной значимости. В зависимости от желания руководства территориальных органов Россельхознадзора, совещательные структуры способны продвигать значимые для себя решения. Так, Управлением Россельхознадзора по Курганской области было внесено предложение в областной законодательный орган о разработке руководящих правил.

Ввиду утверждения текста Концепции, открытости федеральных органов исполнительной вла-

сти [9], в целях совершенствования системы государственного управления в перспективе ожидается учреждение Комиссии по реализации Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти. К ее задачам будет относиться обеспечение предоставления в понятной и доступной форме полной и достоверной информации о целях, задачах, планах деятельности территориальных органов Россельхознадзора и ходе их исполнения, совершенствование технологии предоставления и разъяснения информации путем расширения способов и форм ее получения разными пользователями и группами пользователей и прочее.

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы и правоприменительной практики, отраженной в виде протоколов заседаний совещательных (консультативных) органов позволяет выявить ряд общих черт и условно разделить их на три группы: совещательные (консультативные) органы, чья организация и деятельность строго регламентирована на федеральном уровне; совещательные (консультативные) органы, чья деятельность диспозитивно предусмотрена, но необходимость учреждения отнесена к ведению Россельхознадзора и (или) его территориальных органов и совещательные (консультативные) органы, образованные непосредственно руководством Управления Россельхознадзора по своему усмотрению ввиду субъективного видения проблем и стоящих задач.

Дифференциация в организации деятельности однотипных совещательных (консультативных) органов указывает на недостаточность нормативно-правовой регламентации их статуса. Думается, принятие подзаконных правовых актов позволит создать унифицированную нормативную основу функционирования совещательных (консультативных) органов и устранить противоречия и пробелы в области регламентации периодичности заседаний и уточнения их компетенции в целях предотвращения дублирования полномочий.

Освещение деятельности совещательных (консультативных) органов в свете принятых подходов к определению их функциональной значимости позволило выявить как положительные стороны в работе совещательных структур, так и обратить внимание на проблемы эффективности в их работе, сводящие в некоторых случаях деятельность совещательных структур к формальности с точки зрения учета мнения представителей негосударственных структур и соблюдения принципа их реальной репрезентативности. Ввиду указанных замечаний, видится целесообразным внести изменения в федеральное законодательство и ряд подзаконных актов, регламентирующих деятельность совещательных (консультативных) органов в целях установления действенных рычагов, приводящих к достижению поставленных перед совещательными структурами задач.

Библиографический список

1. *Гаджиев А.К.* К вопросу об организационно-правовых основах обеспечения деятельности полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 6. – С. 11–14.
2. *Гарифуллина Г.А.* Совещательные органы при исполнительной власти – институт диалога с бизнесом? // Бизнес. Общество. Власть. – 2011. – № 6. – С. 29–41.
3. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах (одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. №1789-р) (с изменениями от 9 февраля, 28 марта 2008 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ar.economy.gov.ru/ru/about/el_russia/documents/?id20=745&i20=5 (дата обращения 23.09.2015).
4. Официальный сайт Управления Россельхознадзора по Мурманской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsnmurm.ru/> (дата обращения 14.10.2015).
5. Официальный сайт Управления Россельхознадзора по Брянской и Смоленской областям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rshn32.ru/> (дата обращения 14.10.2015).
6. Постановление Правительства РФ от 2 августа 2005 г. №481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» // Российская газета. – 09.08.2005. – № 173.
7. Приказ Россельхознадзора от 09.11.2010 г. №438 «Порядок формирования и деятельности Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих территориальных управлений Россельхознадзора и урегулированию конфликта интересов» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 20.12.2010 г. – № 51.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 года №93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. – № 5 – Ст. 547.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. №1789-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 ноября 2005 г. – № 46 – Ст. 4720.
10. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» // Российская газета. – 17.05.2008. – № 105.
11. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 г. №821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» // Российская газета. – 07.07.2010. – № 147.
12. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. – 31.07.2007. – № 164.
13. *Черкасов К.В.* Консультативные и совещательные органы при полномочных представителях Президента в федеральных округах // Гражданин и право. – 2007. – № 10. – С. 20–33.
14. *Черкасов К.В.* Государственное управление на уровне федерального округа: административно-правовое исследование: дис ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 600 с.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ И ПРАКТИКИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ**

В статье анализируется применение норм права и практические вопросы возбуждения дел об административных правонарушениях в таможенных органах. Многолетняя практика применения КоАП России в деятельности таможенных органов выявила ряд проблем, которые пока не позволяют реализовать весь его правоохранный потенциал в полном объеме. Необходимо уточнение некоторых законодательных норм при возбуждении дел, отнесенных к компетенции таможенных органов. В статье рассматривается вопрос предварительной проверки, предшествующей возбуждению дела об административном правонарушении, и обосновывается необходимость изменения нормы, определяющей срок возбуждения дела об административных правонарушениях. Предлагается классифицировать в КоАП все виды правонарушений на несколько категорий и отнести правонарушения в сфере таможенного дела к категории правонарушений повышенной опасности. Также предлагается наделить должностных лиц, непосредственно обнаруживающих признаки административного правонарушения, правом принимать самостоятельное решение о малозначительности правонарушения. Предлагаются меры, направленные на улучшение правовой и методической подготовки должностных лиц таможенных органов. Затронут вопрос несовершенства правоприменительной практики таможенных органов как социально-правового феномена. Подробно проанализирован вопрос применения системы контрольных показателей эффективности, рассмотрены недостатки существующей модели, предложены принципы совершенствования этой системы.

Ключевые слова: возбуждение дела, таможенные органы, административное правонарушение, малозначительность, показатели эффективности.

В числе процессуальных норм, получивших значительное развитие в связи с принятием в 2001 г. нового КоАП России, а также в связи с принятием Таможенного кодекса Таможенного союза, находятся нормы, регламентирующие порядок возбуждения дел об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов. Положения КоАП России позволили таможенным органам, наряду с другими органами исполнительной власти, стать равноправными правоприменителями, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях, расширить арсенал средств борьбы с правонарушениями. При этом правоприменителями КоАП России являются практически все должностные лица таможенных органов, так или иначе участвующие в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации – от любого инспектора таможенного поста до руководителя Федеральной таможенной службы.

Однако многолетняя практика применения КоАП России в деятельности таможенных органов выявила ряд проблем как объективного, так и субъективного порядка, которые пока не позволяют реализовать весь его правоохранный потенциал в полном объеме. К таковым относятся:

1. Возбуждение дела об АП в отсутствие лица, привлекаемого к ответственности, а также в отсутствие сведений, свидетельствующих о его надлежащем уведомлении.
2. Несвоевременное возбуждение дел об административных правонарушениях.
3. Возбуждение дела об административном правонарушении в отношении ненадлежащего субъекта.

4. Отсутствие у должностных лиц, непосредственно обнаруживающих признаки административного правонарушения, возможности самостоятельно принимать решение о малозначительности.

В этой связи назрела необходимость принятия некоторых законодательных решений, которые позволили бы более эффективно реализовывать предписания особенной части КоАП России в деятельности таможенных органов. Прежде всего, это касается неточностей и пробелов в совокупности норм, регулирующих стадию возбуждения дела об административном правонарушении, поскольку именно этот вопрос в наибольшей степени влияет как на эффективность всего производства по делам об АП, так и на конечный, стратегический результат правоохранительной работы – уменьшение числа правонарушений. Поэтому представляется необходимым уточнение некоторых норм законодательства и критериев законности осуществления процессуальных действий при возбуждении дел, отнесенных к компетенции таможенных органов.

Одним из самых дискуссионных вопросов среди ученых-административистов и практиков на сегодняшний день является вопрос сроков проведения проверки на предмет установления наличия достаточных данных, указывающих на событие административного правонарушения и, соответственно, сроков возбуждения дел об АП. Своевременное возбуждение дела об АП способствует наиболее полному выявлению и закреплению необходимых доказательств, а также является гарантией выполнения таких принципов назначения наказания, как актуальность и полнота. Часть ученых, затрагивающих в своих работах данную проблему, высказывает мнение о том, что предварительная

проверка, предшествующая возбуждению дела об административном правонарушении, не является процессуальной деятельностью, а осуществляется, например, сотрудниками конкретных функциональных подразделений в порядке осуществления их основной деятельности, и находится за рамками производства по делу об АП. Существует также мнение, что сущность возбуждения дела об административном правонарушении сводится лишь к составлению единственного процессуального документа – протокола (определения) о возбуждении дела об АП.

Однако стадию возбуждения дела об административном правонарушении нельзя выводить за рамки административного производства. Во-первых, одним из актов возбуждения дела об АП может являться протокол о применении мер обеспечения производства по делу, которые зачастую ограничивают права лица, привлекаемого к ответственности. Такие действия являются процессуальными и не могут применяться вне производства по делу. Во-вторых, возбуждение дела об АП сотрудниками функциональных отделов не является поводом для исключения этих действий из производства, так как каждая стадия производства по делам об АП предусматривает участие различных субъектов правоприменения.

Рассматривая данную проблему, следует также отметить тот факт, что для стадии возбуждения дела АП не определены ее процессуальные сроки. Под сроком данной стадии следует понимать установленный законом отрезок времени, который начинается с момента обнаружения деяния, содержащего признаки административного правонарушения, и заканчивается направлением дела по подведомственности. В отличие от уголовного процесса, в административном производстве законодатель не закрепил указанный срок.

С целью устранения данного пробела и с учетом потребностей практики, следует внести в КоАП России изменения в части, касающейся определения срока возбуждения дела об административных правонарушениях. Такие изменения необходимы именно для производства по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела, в связи с повышенной опасностью данной категории нарушений и недостаточностью отведенного времени для составления протокола, равного двум суткам.

Помимо этого, учитывая особую сложность дел об АП, отнесенных к компетенции таможенных органов, а также повышенный размер применяемых при этом санкций, целесообразно дополнить КоАП России статьей, классифицирующей все виды правонарушений на несколько категорий. В частности, правонарушения в сфере таможенного дела необходимо отнести к категории правонарушений повышенной опасности. В соответствии

с этим существующий в ныне действующем Кодексе срок составления протокола, равный двум суткам с момента выявления административного правонарушения, по аналогии с уголовным процессом следует принять за срок возбуждения дела об АП не только в общем, но и в особом порядке, и увеличить для данной категории до 5 суток. А в случае необходимости, стоит предусмотреть возможность продления срока составления протокола не более чем на 15 суток во избежание затягивания сроков производства по категориям дел, по которым на практике осуществляется административное расследование, но никаких процессуальных действий, кроме опросов свидетелей и лица, привлекаемого к ответственности, не проводится.

Существенно затрудняет возможность реализации обязанности сотрудников функциональных отделов таможенных органов по возбуждению дел об административных правонарушениях отсутствие у должностных лиц, непосредственно обнаруживающих признаки административного правонарушения, права принимать самостоятельное решение о малозначительности обнаруженного ими деяния, что также является пробелом в правовом регулировании данного вопроса. В целях его устранения следует рекомендовать изложить статью 2.9 КоАП России в следующей редакции: «При малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченное решить дело об административном правонарушении, а также должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием». Предлагаемое изменение позволит существенно сократить издержки, возникающие при производстве по делам об административных правонарушениях, достичь значительной экономии финансовых и трудовых ресурсов, ощутимо повысить эффективность правоохранительной деятельности таможенных органов. То есть, принимая решение о малозначительности правонарушения на начальной стадии производства, должностные лица функциональных отделов снижают нагрузку на сотрудников специального подразделения – отдела административных расследований, тем самым позволяя им сосредоточить усилия на осуществлении расследования по иным делам об АП, требующим больших временных затрат.

В совершенствовании нуждаются не только предписания КоАП России, но и практика их реализации в деятельности таможенных органов.

В производстве по делам об административных правонарушениях определенную сложность представляет как квалификация правонарушения и его фактического состава, так и составление

процессуальных документов. Зачастую эта работа включена в должностные обязанности лиц, не имеющих ни юридического образования, ни какой-либо иной юридической подготовки. Между тем, можно утверждать, что чем глубже знание закона лицом, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении, тем вернее будет выбрано и правильное применено решение в соответствии с требованиями, предъявляемыми законом. Исследование правоприменения в данной сфере выявило недостаточные знания законодательства об административных правонарушениях, прежде всего, в его процессуальной части соответствующими должностными лицами.

Поэтому очевидно, что для повышения эффективности и совершенствования организации борьбы с административными правонарушениями, отнесенными к компетенции таможенных органов, необходимо систематически осуществлять комплекс мероприятий, направленных на улучшение правовой подготовки должностных лиц таможенных органов.

Такого рода занятия периодически проводятся в функциональных подразделениях сотрудниками ОАР, но эти меры следует признать недостаточными. Помимо этого, большинство таможенных постов, должностные лица которых непосредственно обнаруживают признаки правонарушений, находятся на значительном удалении от таможен, которым они подчинены. В качестве одного из способов решения данной проблемы может быть предложено проведение для указанных должностных лиц регулярных (совместных с начальниками отделов административных расследований) семинаров на базе Российской таможенной академии. Тематика таких семинаров должна концентрироваться именно на практических вопросах возбуждения дел об административных правонарушениях. Это даст должностным лицам возможность приобрести необходимые практические навыки, избежать ошибок при квалификации административных правонарушений, а также унифицировать правоприменительную практику в сфере реализации положений КоАП России.

Что же касается подготовки студентов, обучающихся на очных отделениях факультетов Российской таможенной академии, то особое внимание следует уделить студентам факультета таможенного дела, которые по окончании Академии приходят работать в функциональные отделы, но, как складывается на практике, только на рабочем месте впервые знакомятся с порядком возбуждения дел об АП. Для того чтобы обеспечить таможенные органы высококвалифицированными сотрудниками, способными самостоятельно принимать решение о возбуждении дел об АП, логичным представляется ввести дисциплину «Практикум по административно-юрисдикционному процессу» не только

на специализации «таможенное расследование», но и на других специализациях факультета таможенного дела.

Также в настоящее время необходимо разработать методические рекомендации по реализации общей части КоАП России, так как практика показывает, что должностные лица таможенных органов решают далеко не все задачи, возникающие на стадии возбуждения дела об АП. Данное обстоятельство существенно снижает общую эффективность применения административных наказаний в деятельности таможенных органов.

Предлагаемые мероприятия должны в значительной степени усовершенствовать правовые и организационные основы деятельности таможенных органов в сфере борьбы с административными правонарушениями, а также способствовать обеспечению режима законности в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов.

Описанная проблематика в существенной степени затрагивает права и свободы граждан, привлекаемых к административной ответственности, поэтому несовершенство правоприменительной практики дискредитирует таможенные органы и, через механизмы обратной связи при реализации воспитательной и профилактической функций, снижает эффективность дальнейшей работы в сфере борьбы с административными правонарушениями. При этом нарушения законности на стадии возбуждения дела об административном правонарушении связаны не только с некомпетентностью или недобросовестностью отдельных должностных лиц, но и с их стремлением искусственно завысить показатели эффективности работы. Таможенные органы стремятся выполнить контрольные показатели, искусственно наращивая, в том числе, и такой показатель, как «количество возбужденных дел об АП». Это создает предпосылки к регрессу качества выявления и расследования правонарушений в количестве дел об АП, неуместной формализации подхода к правоохранительной работе и одновременно – к излишнему усилению карательного компонента политики таможенных органов в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, подмене неотвратимости наказания его суровостью. Среди прочего, следствием такого вектора развития может быть рост числа нарушений, а также их переход в изощренные и латентные формы.

Для устранения описанного негативного эффекта необходим пересмотр как самой системы контрольных показателей, так и идеологии ее применения на основе следующих принципов:

- изменение общей ориентации правоохранительной деятельности не на средство работы (выявление и расследование правонарушений), а на ее цель (уменьшение количества и опасности правонарушений);

– дифференциация правонарушений по видам, тяжести, системности, повторяемости, с целью оптимального распределения правоохранительных ресурсов;

– внедрение взвешенной системы оценки результатов работы таможенных органов (в том числе, с элементами экспертной оценки), а также системы поощрения и наказания должностных лиц.

В завершении необходимо также отметить, что эффективность деятельности таможенных органов в сфере борьбы с административными правонарушениями зависит от уровня взаимодействия с другими органами административной юрисдикции. На сегодняшний день говорить о должном уровне координации работы таможенных органов с другими субъектами борьбы с административными правонарушениями не представляется возможным, что ставит вопрос о необходимости реализации комплекса решений, направленных на усиление такого взаимодействия.

Библиографический список

1. Анализ результатов работы таможенных органов по линии административного производства // Аналитическая справка о деятельности

подразделений административных расследований и дознания в первом полугодии 2014 г., раздел II. – М.: УТРД ФТС России, 2014. – С. 4.

2. *Гречкина О.В.* Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2011. – 384 с.

3. *Женетль С.З.* Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 536 с.

3. *Зубач А.В., Сафоненков П.Н.* Административная юрисдикционная деятельность таможенных органов Российской Федерации. – М.: Российская таможенная академия, 2012. – 140 с.

4. *Калюжный Ю.Н.* Административное расследование в механизме производства по делам об административных правонарушениях: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 233 с.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I) Ст. 1 (с посл. изм. и доп.).

ПОСТАНОВКА ОСУЖДЕННЫХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ УЧЕТ КАК ОДИН ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Автор рассматривает такой важный элемент предупреждения совершения осужденными новых преступлений как постановка осужденных на профилактический учет. В работе проводится анализ норм уголовно-исполнительного законодательства, закрепляющих содержание и порядок организации профилактического учета осужденных к лишению свободы. Рассматриваемый аспект, по мнению автора, в настоящее время нуждается как в организационном, так и правовом обеспечении.

Применение методов индукции, дедукции, анализа и синтеза позволил автору сформулировать обоснованные выводы. Сравнительно-правовой метод был применен при выявлении особенностей и пробелов в правовом регулировании профилактического учета осужденных, а также при разработке предложений по внесению изменений и дополнений в УИК РФ и ведомственную нормативную правовую базу. Получение эмпирического материала осуществлялась с помощью конкретно-социологического метода опроса.

Проведенный анализ позволяет автору утверждать, что профилактический учет осужденных к лишению свободы как сравнительно новый правовой институт уголовно-исполнительного законодательства нуждается в совершенствовании, он должен найти свое отражение на более высоком уровне уголовно-исполнительного закона. Более того, по мнению автора, следует предусмотреть особые меры профилактики, применяемые исключительно к указанным категориям осужденных, позволяющие детализировать профилактический процесс специфических групп осужденных.

Ключевые слова: лишение свободы, осужденные, профилактика преступлений.

Наиболее яркой профилактической мерой охранительного порядка является постановка осужденного на профилактический учет, которая активно используется в настоящее время. Введя профилактический учет в систему мер пенитенциарной профилактики, законодатель тем самым предполагает возможность развития данной правовой процедуры для ее совершенствования. Вместе с тем, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) [10], указанная мера не раскрывается, не определено ее содержание и цели, остаются дискуссионными основания и конкретные правовые последствия его применения к осужденным.

Рассматриваемый правовой институт определяется в ведомственном законодательстве, в «Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС» № 72 [8]. В ее содержание входит проведение целенаправленной, планомерной и дифференцированной работы с учетом психологических особенностей личности, характера и степени общественной опасности лиц, совершенных ими правонарушений и других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия. За осужденными, состоящими на профилактическом учете, приказом начальника учреждения закрепляются сотрудники исправительного учреждения. Согласно указанному нормативно-правовому акту, основанием постановки осужденного на профилактический учет является наличие достоверных и проверенных сведений о его намерениях совершить правонарушение или негативном влиянии на других лиц, а также медицинские и психологические показания. Любой

сотрудник, владеющий определенными сведениями о таком осужденном, должен подать рапорт, на основании которого будет проведена проверка указанной информации оперативными подразделениями учреждения. В конечном итоге результатом рассмотрения комиссией учреждения может быть принято решение о постановке на профилактический учет, снятии с профилактического учета, отказе в постановке на профилактический учет, отказе в снятии с профилактического учета.

Ведомственное законодательство выделяет следующие виды профилактического учета осужденных:

- склонные к совершению побега;
- лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других осужденных;
- организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации;
- склонные к употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков;
- признанные судом нуждающимися в лечении от наркомании и алкоголизма;
- склонные к совершению суицида и членовредительству;
- организующие азартные игры или активно участвующие в них с целью извлечения материальной или иной выгоды;
- склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка;
- изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию;

- отбывающие наказание за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки;
- склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов;
- склонные к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность.

Более того «Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС», дифференцирует воздействие на разные категории осужденных. Так, например, постановка осужденного на профилактический учет как склонного к побегу предполагает возложение на него дополнительных обязанностей, среди которых присутствует обязанность регулярно отмечаться у дежурного помощника начальника колонии, обязанность соблюдать ограничения в передвижении по колонии пределами определенных участков. Помимо прочего к указанным категориям осужденных могут быть применены определенные меры безопасности, такие, как передвижение только в первой шеренге строя, привлечение к труду только в дневную смену. В спальнях расположения указанная категория размещается при входе в помещение. Аналогична позиция законодателя при привлечении указанных осужденных к труду.

Положительным моментом является то, что профилактический учет обладает преемственностью между учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний (далее ФСИН). Так, при поступлении в учреждение осужденных из воспитательных колоний либо из следственных изоляторов (тюрем), к личным делам которых приобщены учетные карточки лиц, поставленных на профилактический учет, такие осужденные автоматически ставятся на профилактический учет по основаниям, указанным в учетных карточках.

В.И. Гуськов, говоря о важности индивидуальной профилактики, утверждал: «...От того, как сумеют организовать и провести эту работу исправительно-трудовые учреждения, во многом зависит уровень рецидива в целом» [3, с. 6]. Мы не беремся рассуждать о рецидиве в целом, мы лишь отметим рецидив со стороны тех осужденных, которые поставлены были на профилактический учет в момент совершения преступления. Так, за 2012 год только лицами, состоящими на различных профилактических учетах, совершено 58 преступлений, а в 2013 году в учреждениях ФСИН совершено 75 преступлений (рост на 29,3%) [5], что в целом составляет примерно десятую часть всех рецидивных преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы [11]. А ведь именно за данной категорией лиц должен быть организован усиленный контроль со стороны администрации, возможно применение к ним индивидуальных средств воздействия.

Проведенный нами опрос сотрудников исправительных учреждений выявил, что далеко не все сотрудники способны эффективно оказывать на разные категории осужденных специализированное предупредительное воздействие. В некоторых учреждениях данная работа сводится к простому знанию осужденным фамилии должностного лица, закрепленного за осужденным, для проведения проверок деятельности сотрудников. Одной из причин сложившейся ситуации является большое количество осужденных, поставленных на различные виды профилактического учета. Начиная с 2009 года по настоящее время, значительно увеличилось количество лиц, поставленных на различные виды профилактического учета (с 59568 тыс. до 78424 тыс.). В то же время количество персонала, непосредственно работающего со спецконтингентом, уменьшилось, что не позволяет в полном объеме охватить всех осужденных, требующих такого внимания. Указанную позицию подтвердили большинство практических сотрудников, непосредственно осуществляющих индивидуальную профилактику.

По мнению С.А. Пономарева, за таким широким перечнем оснований постановки осужденных на профилактический учет теряется криминологическая сущность учета указанной меры. Для решения данной проблемы автор предлагает изменить основания постановки на профилактический учет «с наличия достоверных и проверенных сведений о намерениях совершить правонарушение» на «достоверные и проверенные сведения о приготовлении к совершению осужденным преступления». Вместе с тем, по мнению автора, необходимо сделать постановку на профилактический учет не обязанностью, а правом администрации [7, с. 136]. Такой подход действительно в определенной степени позволит разгрузить сотрудников исправительных учреждений, но мы сознательно дадим возможность некоторым осужденным совершенно законно перейти к следующему этапу преступного поведения, его приготовлению.

Несмотря на большую загруженность персонала исправительных учреждений, есть смысл прислушаться к идеям некоторых авторов, направленным на расширение существующего перечня видов профилактического учета.

Проведя анализ нормативного обеспечения и правоприменительной практики исправительных учреждений постановки осужденных на профилактический учет, С.Н. Андреев выделил определенные перспективные направления по совершенствованию данной деятельности, среди которых нормативно-правовое обеспечение [1, с. 33]. Так, по мнению автора, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в «Инструкцию по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно ис-

полнительной системы» № 72. В частности, разумным было бы расширить перечень оснований постановки осужденных на профилактический учет, регламентировать перечень сотрудников исправительных учреждений, которые должны быть закреплены за отдельными категориями осужденных, поставленных на профилактический учет; нормативно изложить особенности профилактического учета с лицами, находящимися в некоторых учреждениях (например, в следственных изоляторах или исправительных колониях особого режима для отбывания наказания осужденным, которым было назначено пожизненное лишение свободы). В поддержку указанной мысли следует указать, что необходимо продолжить законодательное закрепление реализации индивидуального предупреждения, в особенности это касается отдельных категорий осужденных, к которым требуется применение не только индивидуальных средств профилактики, но и применение специфических мер (к определенным группам осужденных), позволяющих действительно решать профилактические задачи.

Особое внимание в работе с осужденными, состоящими на профилактическом учете, необходимо уделять лицам, поставленным на учет по таким основаниям, как лидерство и активное участие в группировках отрицательной направленности, склонность к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка; изучение, пропаганда либо распространение экстремистской идеологии; отбывание наказания за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки, поскольку противоправные деяния, инициируемые или реализуемые данными осужденными, оказывают наибольшее негативное влияние на стабильность оперативной обстановки в местах лишения свободы, рейтинговые показатели деятельности данных учреждений, а также способствуют распространению в среде осужденных такого явления, как самосуд, выражающийся в самочинных расправах одних осужденных над другими.

Кроме того, наибольшее внимание в работе с профилактируемыми осужденными следует уделять лицам, отбывающим длительные сроки лишения свободы и находящимся в местах лишения свободы продолжительное время, поскольку длительная изоляция от общества является существенным фактором, оказывающим негативное психоэмоциональное и угнетающее воздействие на поведение осужденных, в силу которого они не всегда способны сдерживать свои отрицательные эмоции и намерения.

В специальной литературе существует довольно устойчивая точка зрения, согласно которой осужденные, совершающие насильственные преступления, отличаются повышенной агрессивностью [9, с. 89]. Воспитательно-профилактическая работа с этой категорией осужденных должна строиться

исключительно на основе индивидуально-воспитательного воздействия. По мнению Н.С. Артемьева и А.П. Некрасова, «весьма приоритетным направлением в индивидуальной предупредительной деятельности в исправительных колониях является работа с лицами, отличающимися повышенной конфликтностью, поскольку в своей основе убийство, как отмечается в литературе, очень часто имеет конфликтную криминогенную ситуацию» [2, с. 181]. Нельзя не согласиться с А.П. Детковым, отмечающим, что «рост числа насильственных преступлений объясняется недостаточной осведомленностью администрации <...> о глубинных процессах, происходящих в среде осужденных, неумением установить и принять своевременные меры по устранению причин и условий возникновения конфликтных ситуаций между ними, а также выявить возникший конфликт и оперативно пресечь его перерастание в правонарушение» [4, с. 294].

Проведя научный анализ, С.А. Пономарев делает вывод, что агрессия, стремление к насилию, предрасположенность к силовым способам разрешения конфликтных ситуаций лежат в основе поведенческих реакций осужденных, совершивших во время отбывания наказания убийства и причинение тяжкого вреда здоровью. Данное обстоятельство, по его мнению, должно являться основанием для установления таких лиц в общей массе осужденных и постановки их на профилактический учет для дальнейшей работы с ними [6, с. 88].

Мы считаем, что необходимо определить на уровне уголовно-исполнительного закона статью «Профилактический учет осужденных». Не совсем верной мы считаем идею, направленную на расширение перечня видов профилактического учета. Для начала следует навести порядок в тех видах профилактического учета, которые уже имеются, а именно определить на законодательном уровне специфику профилактических мер к каждому виду профилактического учета осужденных. В ином случае мы рискуем всех осужденных поставить на профилактический учет, не подкрепив их соответствующей и эффективной деятельностью персонала исправительных учреждений.

Таким образом, совершенствование работы по постановке осужденных на профилактический учет является актуальной задачей учреждений персонала исправительных учреждений, решение которой возможно только при комплексном подходе с всесторонним изучением сложившейся в данной деятельности проблематики.

Библиографический список

1. Андреев С.Н. Работа по постановке осужденных в исправительных учреждениях на профилактический учет нуждается в совершенствовании // Вестник международного Института управления. – 2015. – № 1–2 (131–132). – С. 33–35.

2. *Артемьев Н.С., Некрасов А.П.* Рецидивная преступность в местах лишения свободы: криминологическая характеристика и предупреждение. – Самара: Самарский юридический институт ФСМН России, 2007. – 174 с.

3. *Гуськов В.И.* Профилактика рецидивной преступности, осуществляемая исправительно-трудовыми учреждениями. – Рязань: Издательство РВПШ МВД РФ, 1979. – 38 с.

4. *Детков А.П.* Теоретические и методологические проблемы пенитенциарной конфликтологии, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: монография. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010. – 356 с.

5. Официальная переписка ФСИН России от 24.03.2014 №-08-11588. «О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за осужденными в 2013 году».

6. *Пономарев С.А.* Агрессивно-насильственная установка личности осужденного как основание постановки на профилактический учет // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 1. – С. 88–92.

7. *Пономарев С.А.* Профилактический учет в системе мер предупреждения пенитенциарной преступности (результаты теоретико-прикладного исследования) // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 2 (16). – С. 136–139.

8. Приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Российская газета. – 05.06.2013. – № 119.

9. *Слепов А.П.* Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях: монография. – Рязань: Издательство Академия права и управления ФСИН, 2010. – 126 с.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. – 16.01.1997. – № 9.

11. Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fsin.su> (дата обращения: 17.09.2015).

Галиуллина Светлана Дмитриевнадоктор исторических наук, профессор
Уфимский государственный университет экономики и сервиса
galiullina.s@ugues.ru**Нуриев Булат Дамирович**кандидат философских наук
Уфимский государственный университет экономики и сервиса
nurievbd@mail.ru

МЕДИНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ (622 Г.) КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

В статье дан постатейный анализ Мединскому соглашению, одному из наиболее важных нормативных документов мусульманского права. Авторами акцентируется внимание на светском характере исследуемого документа, подчеркивается его компромиссный и примирительный характер. В статье затрагиваются вопросы свободы вероисповедания, автономности и независимости исламской и иудейской юрисдикций, проблемы формирования органов власти в Медине начала VII в. Авторы развивают идею о соотношении Мединского соглашения с источниками мусульманского права, принимая во внимание, что предоставление данному документу статуса источника исламского права может в корне изменить представление об источниковой базе рассматриваемой правовой системы. Особое внимание уделяется сбалансированной структуре Мединского соглашения, его логической завершенности и точности содержания. Вместе с тем авторы указывают на затруднения в переводе, понимании и трактовке некоторых глав исследуемого документа. Авторами также анализируется заложенный в документ потенциал, направленный на установление межконфессионального диалога на Ближнем и Среднем Востоке, при этом особо подчеркивается важность более детального исследования Мединского соглашения отечественными правоведом в свете происходящих на евразийском пространстве политических и социально-культурных трансформаций.

Ключевые слова: Медина, Мекка, раннее средневековье, мусульманская община, иудейская община, умма, язычники, договорное право, межконфессиональные отношения, источник права, свобода вероисповедания.

Одним из наиболее значимых правовых документов в истории мусульманского права является достаточно хорошо известное российским историкам, но почти не исследованное отечественными правоведом, так называемое Мединское соглашение (далее – Соглашение), подписанное в 622 г. представителями мусульманской и иудейской общин. В зарубежной научной литературе данный документ иногда именуют Мединской хартией или Мединской конституцией [8, с. 43].

Как известно, Аравийский полуостров в силу чрезвычайно засушливого климата и скудности водных ресурсов на протяжении тысячелетий оставался в стороне от центров формирования древних цивилизаций. Испокон веков по пустыням Аравии кочевали племена бедуинов, первые сведения о которых относятся к периоду расцвета Шумерского царства. Арабоязычные кочевники делились на родоплеменные объединения, бороздившие пустыни полуострова, периодически пересекаясь друг с другом. Считается, что зачатки государственности в том понимании, которое превалирует сегодня в российском правоведении, у бедуинов-язычников отсутствовали. Данное обстоятельство отчасти объясняется тем, что уклад жизни кочевого народа не предусматривал формирование централизованной власти и соответствующего ему чиновничьего аппарата. Их кочевой образ жизни, в свою очередь, некоторые исследователи объясняют теми непростыми отношениями, которые сложились между арабами-кочевниками и населением прибрежных

оазисов, не позволявшим бедуинам осесть на плодородных землях прибрежной зоны полуострова.

Часть арабов, разбогатевшая на транзитной торговле, населяла многочисленные города-оазисы, расположенные на побережье Красного моря. Данные населенные пункты представляли собой достаточно мелкие протогосударства, состоявшие из центрального богатого торгового квартала и тяготеющей к нему периферии. Города-протогосударства управлялись избираемыми на определенный срок жрецами, из которых формировались органы власти. Исполнительная власть нередко принадлежала наследственным министрам-муккарибам, получавшим широкие полномочия во время войн [1, с. 262]. Заметим также, что значительную часть населения прибрежных городов составляли приверженцы иудаизма и христианства [1, с. 262].

До известного исхода мусульманской общины в Медину в 622 г., население этого небольшого по сравнению с южноаравийскими городами населенного пункта жило разрозненно. В Медине отсутствовало центральное управление, а многие горожане хранили традиции родоплеменного уклада жизни. Слаженный и бесконфликтный образ жизни мединцев объяснялся тем, что город выживал благодаря транзитной торговле, которая была источником дохода для многих горожан. Однако отсутствие единства в вероисповедании не позволяло жителям Медины сформировать орган власти и оформить единое правовое пространство, что делало город уязвимым перед набегами кочевых племен и походами армий соседних государств.

В начале VII в. в Медине, население которой составляло около 10 тысяч человек, проживали три крупные общины [12, с. 91]. Наиболее многочисленными из них были иудейская и языческая. Часть горожан была представлена арабами-христианами, однако их присутствие в городе практически не ощущалось в виду малочисленности. Третья крупная община – арабы-мусульмане, которые несколько ранее покинули Мекку. Каждая община жила обособленно. Как констатируют исследователи, общины занимали по несколько кварталов, образуя, таким образом, районы города, расстояние между которыми могло достигать десятки километров. Некоторые районы обособлялись высокими каменными стенами. В случае возникновения внешней угрозы каждая община вела оборонительные действия обособленно, без согласования военных действий с другими горожанами. Во главе каждой общины стоял уважаемый в своем кругу единоведец, который представлял интересы жителей района в ходе переговоров с противником.

Окружение Мухаммада, обосновавшись в городе в 622 г., объявило о намерении осуществить ряд реформ. Первая инициатива касалась подготовки идеологической основы для формирования мусульманской общины или *уммы*. С этой целью Мухаммад объявил две группы мусульман – *ансаров* и *мухаджиров* – частями единой и неделимой уммы. Уточним, что ансарами в данный отрезок времени именовались местные мусульмане, несколько ранее перебравшиеся в Медину, а мухаджирами – мусульмане, пришедшие из Мекки в 622 г. Значение данной инициативы было, безусловно, огромным. Отныне в мусульманской правовой традиции закрепилось понятие умма, на основе которого в дальнейшем стали теоретизироваться положения не только мусульманского международного права, но и гражданского и уголовного законодательства [8, с. 45]. Как справедливо подчеркивают зарубежные исследователи, умма явила собой новую модель общественно-политического и социально-экономического устройства мусульманского общества. В рамках данной модели такие явления как этничность, кастовость, социальное неравенство теряли свою былую актуальность.

Следующей значимой инициативой переселенцев из Мекки было определение административной границы Медины, для проведения которой из нескольких предлагаемых вариантов был выбран наиболее простой метод. В качестве центра была выбрана торговая площадь, и в радиусе, равном 12 милям, вся территория была объявлена принадлежащей Мединскому государству [12, с. 93]. Таким образом, площадь Медины стала составлять почти 1200 квадратных километров, что сопоставимо с размерами города-государства античного мира или крупного полиса.

После фиксации границы перед властями нового государства встала задача определить численность населения Медины. Необходимо заметить, что дата проведения первой переписи неоднозначно оценивается исследователями. Согласно мнению некоторых ученых, перепись населения Медины могла быть осуществлена незадолго до известной битвы при Ухуде 23 марта 625 г. Однако большинство зарубежных экспертов склонно полагать, что подсчет жителей состоялся накануне подписания Мединского соглашения в 622 г. Результаты переписи показали, что мусульманское население города насчитывало примерно 1500 человек. Как констатируют зарубежные исследователи, около 700 человек из них были мужчинами, из которых 500 человек владело личным оружием, и было готово участвовать в военных походах [12, с. 93]. Такую же цифру называют и некоторые российские исследователи [6, с. 18]. Примечательно, что мусульманское население Медины на тот момент составляло абсолютное меньшинство. Так, арабов-язычников насчитывалось примерно 4500, а иудеев около 4000 человек. Таким образом, общая численность горожан составляла приблизительно 10000 чел. Несмотря на тот факт, что в 622 г. мусульманская община составляла не более 1/5 от всего населения города, Медина данного периода рассматривается, как правило, в качестве первого арабо-мусульманского государства. Причиной тому является Мединское соглашение, подготовленное и подписанное благодаря инициативе лидеров мусульманской общины.

Рассматриваемый нами документ был подписан в резиденции одного из соратников Мухаммада. Мединское соглашение, оформленное в письменном виде, состояло из 47 глав. Весь текст соглашения условно делился на две части: первые 23 главы были посвящены правам и обязанностям мусульманской общины, последующие – иудейской общины Медины. Примечательно, что интересы общины арабов-язычников не были учтены в ходе подготовки договора, а их лидеры не участвовали в процессе его подготовки и подписания. Известно, что основной социальный конфликт на Аравийском полуострове, особенно на первом этапе формирования арабо-мусульманской государственности, наблюдался между мусульманами и язычниками, а не между представителями уже оформившихся в данный период основных мировых конфессий. С данным утверждением согласны многие российские авторитетные ученые. «Наиболее далеки друг от друга люди писания, с одной стороны, и язычники – с другой. Мусульмане и христиане ближе друг к другу, чем арабы-мусульмане и арабы-язычники. Самые жесткие слова направляет Мухаммад против язычников» [10, с. 7]. Приверженцы язычества и идолопоклонничества, согласно положениям некоторых правовых школ

мусульманского права, не рассматривались в качестве социальной группы, с которой межконфессиональный диалог мог бы быть хоть как-то регламентирован на правовом уровне.

Первые две главы Соглашения дают общие понятия об институте подданства нового государства. Подданным правителя Медины мог быть только член так называемой *политической общины*. В рассматриваемых нами главах был разграничен смысл понятий *религиозная община* и *политическая община*. Политическая община предусматривала верховенство законов Медины над религиозным или обычным правом. Принадлежность к политической общине означало подданство мединской государственности в том виде, в котором данное понятие могло трактоваться и пониматься в условиях раннего средневековья.

Главы 3–11 содержали информацию о тех арабоязычных мусульманских родоплеменных образованиях, которые договорились вместе и сообща обустроить Медину. В данной части документа перечислялись основные родоплеменные объединения арабов-мусульман и говорилось об общности их интересов и целей.

Глава 12 одна из наиболее сложных. Дело в том, что она состояла из двух частей, которые слабо связаны между собой. Более того, как подчеркивают специалисты, в научной литературе наблюдаются существенные расхождения в комментировании данной главы. В первой ее части говорилось о том, что члены мусульманской общины обязаны оказывать поддержку друг другу в случае возникновения материальных трудностей. Во второй части речь шла о том, что отныне ни один мусульманин Медины не может договариваться с кем-либо из представителей иных конфессий в ущерб другому члену мусульманской общины.

Согласно положениям главы 13 рассматриваемого нами документа, члены мусульманской общины договаривались действовать совместно в случае нарушения прав кого-либо из них, «даже если виновник будет для кого-то близким человеком» [12, с. 97].

Глава 14 считается самой краткой, так как она состоит всего из одного предложения. Видимо, по этой причине, многие исследователи в своих аналитических работах ее пропускают. В данной главе речь шла о том, что жизнь члена мусульманской общины обладает наибольшей ценностью, и ни один мусульманин не имеет права, вступив в союз с неверующим, лишить жизни члена мусульманской общины.

Глава 15 также считается одной из наиболее сложных, так как содержит два несвязанных между собой положения. Так, если в первой части главы говорится о верховенстве Всевышнего начала, величии и незыблемости его сакрального статуса, то во второй половине речь идет о равенстве всех

членов мусульманской общины и взаимной ответственности. «В отличие от других обществ в мусульманской общине каждый человек выступает порукой за другого», – говорилось в ней [12, с. 97].

В главе 16 впервые речь ведется об иудейской общине. «Иудеи нам союзники, они достойны нашей помощи и поддержки», – говорилось в документе [13, с. 600].

Следующие четыре главы были посвящены вопросам безопасности Медины и обеспечения спокойствия горожан. В них говорилось о том, что обеспечивать защиту города от набегов противника – это долг каждого мединца. Воинская обязанность едина для всех и не зависит от конфессиональной принадлежности горожанина. Также подчеркивается, что все жители Медины несут равные материальные затраты для обеспечения безопасности города.

Особый интерес, на наш взгляд, заслуживает глава 21, в которой речь шла о так называемых равнозначных преступлениях, которые нередко именуются в российской юридической науке *кысас* [2, с. 188]. Напомним, что согласно положениям мусульманского уголовного права, равнозначные преступления предусматривают идентичное наказание за их совершение. В данную группу уголовно наказуемых деяний в эпоху раннего средневековья входили убийство и нанесение телесных увечий [4, с. 164]. Примечательно, что в процессе теоретизации в работах известных мыслителей-правоведов Арабского халифата преступлений данного вида, а также наказаний, предусмотренных за их совершение, основные источники мусульманского права были задействованы крайне ограниченно. Возможно, стремление придать Соглашению светский характер и можно объяснить включение в его текст только равнозначных преступлений. Добавим также, что в дальнейшем правовые системы немусульманских общин и анклавов, включенных в границы Арабского халифата, будут обладать достаточно широкой автономией, особенно в сфере уголовного и семейного законодательства.

Глава 23 также считается одной из ключевых в тексте Соглашения. В ней говорилось о безусловной и неоспоримой легитимности решений, принятых Мухаммадом. Думается, что данные положения ждут более детального исследования российскими учеными. Дело в том, что понятие *халифат*, которое было теоретизировано и развито средневековыми мыслителями-правоведами, представлявшими суннитские правовые школы, предполагало выборность и подотчетность власти. Именно данное положение отличало халифат от таких форм государственного устройства, как, скажем, *имамат*, позднее поддерживаемый шиитскими правоведами, или сложившейся в период позднего средневековья при османах *султанат*, представлявшим собой восточной аналог европейского абсолютизма.

Часть Соглашения, состоявшая из глав 24–35, была посвящена преимущественно идентификации иудейской общины Медины и декларированию их прав. Ключевую позицию в данной части занимала глава 25, в которой провозглашается принцип свободы вероисповедания. Глава гласила: «Иудеи и мусульмане вместе образуют умму. И у тех и у других сохраняется собственная вера. Друзья тех и других сами определяют собственную веру, но только не те из них, кто совершит преступление или недостойный поступок» (*перевод авторов*). Многие российские и зарубежные исследователи акцентируют внимание на компромиссном характере данного положения, учитывающем интересы представителей мусульманской и иудейской религиозных общин [11, с. 154–156]. Достижение консенсуса на полиэтническом и многоконфессиональном Аравийском полуострове по столь важному для собственной эпохи вопросу, безусловно, также потребует переосмысления и переоценки российскими исследователями. Действительно, правы авторитетные отечественные ученые, утверждающие, что научный дискурс о правах человека «уместно называть французским термином *дежавю* – что означает уже было» [9, с. 31].

Глава 36 гласит о том, что для участия членов иудейской общины в военных действиях, в частности – в завоевательных походах, было необходимо соответствующее разрешение суверена.

Главы 37, 38 и 44 во многом повторяли положения главы 24, где говорилось о том, что в случае начала войны между Мединой и противником, военные расходы ложились на плечи всех мединцев независимо от их конфессиональной принадлежности. Стороны обещали оказывать взаимную поддержку в деле защиты города и гарантировали не вступать в переговоры с противником о заключении сепаратного мира. Однако в главе 45 содержалось очень важное дополнение, согласно которому, если война с врагом приобретает религиозный характер, стороны освобождаются от взаимных обязательств.

Главы 40 и 41 наделяли членов иудейской общины правом предоставлять беженцам из других государств разрешение на временное пребывание в Медине. Позднее на основании данного положения в рамках мусульманского международного права будет развито положение о так называемом *временном резидентстве*, представлявшем собой особый статус подданного-иностранца.

И, наконец, в последних двух главах обеими сторонами Соглашения было выражено желание жить в мире и спокойствии в границах единого государства.

Как видится авторам данного исследования, потенциал, заложенный сторонами Мединского соглашения, на сегодняшний день еще не исчерпан. Важность данного документа в случае его актуализации на повестке дня современной гуманитарной

науки можно оценить в двух измерениях. Первое из них – сугубо научное, имеющее непосредственное отношение к правоведению. Дело в том, что в современной юридической науке, предметом исследования которой является мусульманская правовая доктрина, место и роль Соглашения четко не обозначены, что, безусловно, становится причиной недооценки данного документа. Как известно, мыслителями-правоведами Арабского халифата было развито собственное учение об источниках права. Начиная со времен средневековья, исследователи исламской системы правосудия, как правило, делят источники на две группы – *основные* источники права и *вспомогательные* источники права. В первую группу входят широко известные Коран, Сунна, иджма и кияс. В данном случае особый интерес представляет Сунна, которая представляет собой «предание, состоящее из хадисов о поступках и высказываниях Мухаммада» [7, с. 122]. К группе вспомогательных источников мусульманского права обычно причисляют традиции и обычаи, доводы разума (акл), суждения сподвижников и другие [5, с. 125]. Из вышеперечисленных источников в контексте затрагиваемой авторами темы исследования необходимо обратить внимание, прежде всего, на *суждения сподвижников*, которыми считались высказывания и поступки соратников Мухаммада. Важность затрагиваемого нами вопроса заключается в том, что положение Мединского соглашения между источниками действовавшего законодательства и нормативным документом, регулировавшим межконфессиональные отношения в Арабском халифате, является неопределенным, необозначенным в современной литературе четко и внятно. Действительно, с одной стороны, рассматриваемый нами документ содержит в себе все черты нормативного договора, причем договора более светского, учитывая его межконфессиональный характер. С другой стороны – его можно рассматривать и в качестве собрания хадисов и суждений сподвижников. Как видится авторам данного исследования, обозначенный вопрос требует своего осмысления и оценки авторитетных российских и зарубежных ученых, исследующих мусульманскую систему правосудия.

Второй важный аспект рассматриваемой нами проблемы требует переосмысления и переоценки важнейших политических событий сегодняшнего дня. Действительно, Соглашение оказало огромное влияние не только на развитие мусульманской правовой доктрины, но и на дальнейшее формирование геополитического ландшафта на Ближнем Востоке, что достаточно отчетливо ощущается и в настоящее время. Не будет преувеличением сказать, что договор, заключенный между двумя религиозными общинами в Медине в 622 г., на многие столетия во многом определил вектор развития Ближнего Востока. Как известно, в на-

стоящее время Ближний и Средний Восток переполнен межэтническими и межконфессиональными конфликтами. Более того, различные ветви и течения, оформленные в рамках мусульманской религии еще в VII в., также накладывают соответствующий отпечаток на те сложные процессы, которые происходят в данном регионе. Высокий уровень социальной конфликтности подталкивает политиков и ученых к поиску методов построения диалога между враждующими сторонами. Мировое сообщество находится в поиске посредника, способного помочь враждующим сторонам выявить пути формирования диалога на компромиссных началах. Возможно, эффективным методом может стать апеллирование к истории региона, к тем периодам, когда различным политическим акторам удавалось найти общий язык и достигать консенсуса по самым актуальным вопросам. Ярким тому подтверждением и является рассматриваемое нами Мединское соглашение. Так, например, тема Соглашения периодически затрагивается в выступлениях турецких и курдских политиков, общественных деятелей, представляющих различных идеологических течений и направлений в современном Ираке. Безусловно, рассматриваемый нами вопрос должен занять достойное место в российском гуманитарном знании, в том числе и в правоведении. Игнорирование обозначенной проблемы российским ученым сообществом чревато не только непониманием сути общественно-политических и социально-экономических трансформаций, формирующих современный формат межкультурного диалога, но и неспособностью для нашей страны стать полноценным участником этого диалога. Авторы надеются, что исследование затронутой темы получит необходимый импульс, что, в свою очередь, повысит авторитет российской юридической науки, как на международном уровне, так и в мусульманском мире.

Библиографический список

1. *Васильев Л.С.* История Востока: в 2 т. – Т. I. – М.: Высш. шк., 1994. – 495 с.
2. *Гусенова П.А.* Особенности доказывания по мусульманскому праву // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 188–192.
3. *Иванова Д. Р., Нуриев Б.Д.* Институт брака в исламском праве раннего средневековья. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 144 с.
4. *Миннихметов Р.А., Нуриев А.Д.* Понятия «вина» и «преступление» в мусульманском праве раннего средневековья // Вестник Башкирского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 763–766.
5. *Миннихметов Р.А., Нуриев Б.Д.* Вспомогательные источники исламского права и их классификация // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 124–126.
6. *Миннихметов Р.А., Нуриев Б.Д.* История мусульманского права. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 104 с.
7. *Момотов В.В., Свечникова Л.Г.* Основы исламского законодательства: учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – 128 с.
8. *Нуриев Б.Д.* Мусульманское международное право: проблема идентификации // Евразийский юридический журнал – 2015. – № 7. – С. 43–47.
9. *Утяшев М.М.* Правовое государство, гражданское общество, права человека – триединный путь к цивилизации // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2. – С. 31–37.
10. *Фролова Е.А.* История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. – М.: ИФ РАН, 2006. – 199 с.
11. *Эрдоган О.* Формирование культуры межрелигиозного диалога в истории ислама (Мединское соглашение) // Власть. – 2010. – № 4. – С. 154–156.
12. *Koynucu M.* Medine şehir devleti // SAÜ Fen ve edebiyat dergisi. – 2009. – № 2. – С. 87–103.
13. *Şen M.* Anayasal belge olarak Medine sözleşmesi // Selçuk Üniversitesi Hukuk fakültesi dergisi. – 1998. – № 6. – С. 554–607.

ЭКЛЕКТИЗМ КОНЦЕПЦИИ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ К.А. ХВАЛЫНСКОГО

В статье впервые в отечественной юридической науке исследуется концепция правообразования, предложенная дореволюционным правоведом и судебным деятелем Клавдием Александровичем Хвалынским (1853–?). На основе анализа опубликованных архивных источников, научной и справочной литературы, автором выявляются ключевые вехи жизненного и творческого пути российского правоведа. Основным объектом научного внимания в статье выступает небольшая работа К.А. Хвалынского «К вопросу о процессе образования права», опубликованная им в 1903 году.

В статье дается общая характеристика идей К.А. Хвалынского по вопросам понимания права, механизмов его нормативного проявления, источников права. Автором статьи делается вывод об эклектичном характере правовых воззрений ученого, проявившемся в смешении в рамках единой теоретической конструкции правообразования элементов, свойственных психологической (живое чувство права, право как проявление всей психической деятельности общества), исторической (право есть создание личного и национального духа), социологической (право живет и развивается по своим собственным законам, глубоко соответствующим законам жизни и развития человека и общества, а законодатель попросту формализует обязательную силу тех правоотношений, которые уже «кристаллизовались» среди граждан фактически) и естественно-правовой (право, рассматриваемое как нечто укорененное в «тайниках» человеческой природы) школам.

Ключевые слова: правообразование, К.А. Хвалынский, источник права, правовое чувство, эклектизм, психологическая теория, историческая школа права, социологическая концепция.

История политической и правовой мысли России представляет для современных её исследователей поистине неиссякаемый, живительный источник ярких, иногда весьма самобытных идей, взглядов на многие элементы и проявления «бытия» права и государства. Их целостное и непредвзятое осмысление способно не только пролить свет на специфику политико-правовой ситуации в нашей стране в конкретный период её развития, на характер взаимоотношений государства и общества, различных политических и социальных сил, но в перспективе открывает широкие возможности в деле формирования оптимальной модели развития отечественной государственности и правовой системы.

В этих условиях научная общественность не без серьезных к тому оснований обратила свой профессиональный взор в сторону изучения интеллектуального наследия представителей дореволюционной правовой мысли. В результате только за последние годы, благодаря усилиям большого числа как отдельных исследователей, так и многочисленных научных групп, удалось в некоторой степени восполнить имеющийся историографический пробел. Обстоятельного анализа удостоились труды наиболее известных отечественных правоведов, многие идеи которых значительно опередили время их выдвижения и вполне могут быть учтены при решении насущных проблем современности.

Вместе с тем, полученные ценные результаты не должны становиться непреодолимой преградой для новых научных изысканий, скорее наоборот, они могут выступить тем прочным «фундаментом», который позволит исследователям заглянуть за «горизонт» уже изведанного, выявить новые точки теоретического осмысления различных государственно-правовых явлений и последующего практического использования научных итогов.

В данном отношении справедливыми следует признать слова профессора Д.И. Луковской, которая, используя выражение известного русского философа и культуролога М.М. Бахтина, заявляет: предмет истории политических и правовых учений – выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении [3, с. 19].

Пытаясь внести свой посильный вклад в дело восстановления исторической памяти, что безусловно составляет одну из основополагающих задач теоретико- и историко-правовой науки, мы решили обратиться к исследованию правовых идей малоизвестного российскому академическому сообществу дореволюционного правоведа и судебного деятеля Клавдия Александровича Хвалынского.

О жизни и творчестве К.А. Хвалынского в отечественной науке имеются обрывочные и зачастую очень скудные данные, положившись на которые доподлинно прояснить ключевые вехи его интеллектуального пути представляется весьма затруднительным. Известно, что он родился в 1853 году в семье священнослужителя. В 70-е гг. XIX века обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского императорского университета. Согласно сохранившимся архивным данным (протоколы заседаний Совета университета), будучи студентом второго курса (1875–1876 уч. год), Клавдий Хвалынский был рекомендован деканом к получению Университетской стипендии «по разряду юридических наук» в размере 180 рублей в год [6, с. 64]. А уже в следующем учебном году (1876–1877 гг.) будущему правоведа по рекомендации деканата факультета назначается Императорская стипендия [7, с. 68].

Успешно завершив обучение (по утверждению исследователя А.Н. Сабанцева, Клавдий Хвалынский имел два высших образования – прим. В.П.),

новоиспеченный юрист связывает свою профессиональную деятельность с работой в судебных органах. В 1894 году после создания в г. Петрозаводске Олонецкой губернии окружного суда взамен упраздненной Соединенной судебной палаты, имеющий необходимый опыт судебной работы Хвалынский назначается товарищем председателя суда И.И. Соллертинского, также выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Уже на первых двух организационных заседаниях от 29 мая 1894 года, когда только определялась структура будущего судебного органа, Хвалынский был назначен на должность сотрудника уголовного отделения [8, с. 140, 143].

Вскоре (в августе) были утверждены кандидатуры уездных членов суда и осуществлено их территориальное распределение, в результате чего К.А. Хвалынский был определен в Петрозаводский уезд и некоторое время работал там [8, с. 141].

На основании проведенного анализа семи Памятных книжек Олонецкой губернии, ежегодно издаваемых местным Губернским статистическим комитетом, нами было установлено, что деятельность К.А. Хвалынского не ограничивалась только осуществлением своих должностных обязанностей в качестве судебного функционера, но состояла также в активном участии в общественной жизни (в работе губернских правительственных и общественных организаций). Клавдий Александрович являлся действительным членом Губернского статистического комитета и Петрозаводского благотворительного общества, членом Петрозаводского общественного собрания.

В 1904 году статский советник К.А. Хвалынский назначается членом Харьковской судебной палаты, а освободившееся после него место товарища председателя Петрозаводского окружного суда занимает бывший уездный член Санкт-Петербургского окружного суда по Новолadoжскому уезду, статский советник Мультиановский [5, с. III].

Период, в течение которого К.А. Хвалынский пребывал в Харькове, а также занимаемые им в это время судебные должности можно отследить на основании записей в погодичных изданиях Харьковского календаря (аналог памятных книжек — *прим. В.П.*). Согласно адрес-календарю за 1905 год Хвалынский числился членом 1-го гражданского департамента в ранге статского советника. Соответствующие сведения за 1907 и 1912 года повествуют нам о замещении К.А. Хвалынским должности члена 2-го уголовного департамента Харьковской судебной палаты, он имел в то время чин действительного статского советника [9, с. 32; 10, с. 36]. В Харьковском календаре за 1914 год сведения о Хвалынском уже отсутствуют, что, скорее всего, свидетельствует об очередной смене места работы правоведа.

Следующая дата биографии К.А. Хвалынского, доступная нам из опубликованных источников,

относится уже к революционному 1917 году. Так, одной из повесток заседания Временного правительства от 17 марта за №22 было рассмотрение кадрового вопроса о назначении К.А. Хвалынского председателем департамента Казанской судебной палаты (вопрос решен положительно) [1, с. 126]. После Октябрьской революции следы ученого теряются, и его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Из научных работ К.А. Хвалынского имеется всего лишь одно теоретико-правовое сочинение, специально посвященное вопросам понимания процесса правообразования. Оно представляет собой статью, опубликованную в 1903 году в издаваемом Московским психологическим обществом при содействии Санкт-Петербургского философского общества журнале «Вопросы философии и психологии» [11]. Заметим, что юристы в этом уважаемом периодическом издании были представлены достаточно широко: статьи П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина, Е.В. Спекторского, В.М. Хвостова и др. именитых ученых публиковались там на регулярной основе. Немногим позднее упомянутая работа К.А. Хвалынского была издана отдельной печатной книгой, представлявшей собой фактически отпечаток журнальной статьи [12].

С самых первых строк своей небольшой (по монографическим меркам) работы, К.А. Хвалынский недвусмысленно дает понять, что он не склонен видеть в государстве правообразующего субъекта, как это делали сторонники юридического позитивизма, сосредотачивая в руках законодателя исключительные prerogatives по установлению нормативного правопорядка. Вместо этого, субъектом, созидаящим право, бескомпромиссно объявляется каждый отдельный индивид, что не только ограничивает государство в провозглашении права по своему усмотрению, но фактически полностью исключает саму возможность таковых действий (установленные законодателем по своей свободной воле законы, не согласующиеся с истинными источниками права, не являются правом в собственном смысле слова). По этому поводу К.А. Хвалынский пишет следующее: «Потребность в праве коренится в природе каждого человека; истинным творцом и создателем его является каждый отдельный человек» [11, с. 469].

После подобных высказываний автора невольно возникает мысль о том, что далее мы станем свидетелями очередного провозглашения концептуальных положений хорошо знакомой естественно-правовой теории, стремящейся к выведению права из рациональной природы человеческого разума и положившей в основание всей своей теоретической схемы дуалистическую модель противопоставления «право-неправо» (естественное право и позитивный закон).

Такое ощущение, однако, быстро уходит, как только мы понимаем, что для самого К.А. Хва-

лынского источник права сосредоточен отнюдь не в разуме человека, о чем в истории правовой мысли безгранично много писали, а укоренен в иных «тайниках его природы». Право, уподобляемое в этом вопросе религии, характеризуется Хвалынским как «живая и деятельная сила», связанная с волевой энергией человека, с самой сущностью человеческой личности, и выступающая преимущественным её выражением [11, с. 471]. Отвергалась ученым и «почтенная» идея классического юснатурализма, в соответствии с которой человек уже в силу своей собственной природы изначально наделен некими правами, вечными и неизменными по своему содержанию, общими у всех народов. Напротив, по убеждению Хвалынского, человеку по его природе присуща лишь постоянная потребность в правах, но вот конкретное содержание таковых не может быть сведено к постоянной величине, раз и навсегда данной, а изменяется и растет вместе с ростом и развитием самого человека и общества.

Интересным образом описывается К.А. Хвалынским механизм образования права до его официального оформления со стороны государственных законодательных органов. Так, «имея свой первоначальный источник в волевой энергии, а не в разуме, и лишь руководимое последним в своем дальнейшем развитии, право обнаруживается прежде всего нашим чувством, а не рассудком, подобно тому, как присутствие любви мы прежде всего чувствуем, а потом уже создаем». «Это живое чувство права и исторически, и психологически предшествует появлению сознания права и служит прежде всего и раньше разума источником их исторического развития» [11, с. 471].

Сложнейшая дилемма о приоритетности в праве объективного или субъективного начал разрешается Хвалынским в пользу превознесения роли последнего. Именно признание первичности объективного права и обусловленность им права субъективного составляет ту грубейшую ошибку, в которой уличает К.А. Хвалынский сторонников «механического взгляда» на природу права и на процесс его образования. Следуя в русле идей Р. Иеринга, российский ученый начало правообразовательного процесса увязывает с ситуацией господства частной воли и утверждением субъективных прав посредством энергии личности. «В исторической последовательности – отмечает К.А. Хвалынский, – прежде всего энергией самой личности, в силу присущей ей правовой потребности, создаются субъективные права или, по крайней мере, чувствуется в них потребность, а уже потом, путем медленного и постепенного обобщения их, вырабатываются и общие регулирующие их нормы» [11, с. 481].

Вследствие подобного выстраивания приоритетов законодатель, как можно заметить, вытесняется на периферию правообразовательного процесса,

выступая в роли именно «законодателя», но не «законосоздателя». Ведь само объективное право – законы, обычаи и пр. всего лишь констатируют, выясняют и заявляют о сложившихся и существующих в обществе в данное время правах, возникших до них и независимо от них [11, с. 482]. Соответствующие правовые нормы, легитимированные «фильтром человеческой потребности» и прошедшие процедуру их формальной легализации / подтверждения / фиксации, приобретают, по Хвалынскому, характер обязательных для исполнения правил поведения. При этом они действуют ровно до тех пор, пока народное правосознание или чувство права, всегда руководимые наличествующей потребностью в праве, не выработает новых прав, и пока последние не будут формально констатированы новыми законами или обычаями.

Фундаментом общеобязательности всего объективного права, источником созидания его «авторитета», с точки зрения Хвалынского, является гармоничное соответствие или, по крайней мере, непротиворечие этого права субъективному правосознанию (чувству) самих граждан, действия и отношения которых будут подлежать нормативному регулированию.

Именно в этой точке теории Хвалынского отчетливо проявился ещё один её вектор – психолого-социологический. Прежде всего, ученый отмечает известные недостатки юснатурализма и догматической юриспруденции, заявляя, что «юристы слишком замкнулись в свои кодексы и отвлеченные схоластические начала, превратив все право в логическую систему абстрактных правовых положений, слишком изолировались от своего народа и его правозозрений и совершенно утратили способность воспринимать то живое чувство права и справедливости, которым жил сам народ» [11, с. 489].

На самом деле, право, выступая продуктом одних и тех же определяющих факторов – природы человека и общественного организма, – живет и развивается в полном соответствии с жизнью и развитием последних. Оно есть создание всех без исключения людей – и сильных, и слабых, результат их совместной, направленной на эту цель работы. По убеждению Хвалынского, устанавливая ту или иную юридическую норму, законодатель попросту формализует обязательную силу тех правоотношений, которые уже «кристаллизовались» среди граждан фактически на основе народившейся у них новой потребности в этих правоотношениях [11, с. 486, 496].

В духе социологических требований К.А. Хвалынский призывает законодателей руководствоваться при «выведении» правовых норм не своим собственным усмотрением, а обратиться к нарождающимся в обществе правопотребностям, к вновь образующимся юридическим отношениям. С другой стороны, во избежание произвола законодатель

должен осуществлять обращение к «реалиям правовой жизни» не напрямую, а через промежуточное звено, которым выступает народное правосознание (психологический аспект). Как следствие, «законодатель усваивает, изучает не нарождающиеся вновь различные интересы и потребности людей и на основании их, для их разграничения или защиты, создает по своему усмотрению новые законы, а воспринимает и усваивает вновь нарождающееся правосознание людей, их требование новых прав, и на основании этого уже создает свои новые законы» [11, с. 483].

И все же идея о законодателе, как обычном формализующем органе, не была логически продолжена. На последних страницах своей работы К.А. Хвалынский делает небольшую оговорку, в соответствии с которой лица, вырабатывающие новые законы, воспринимаются не как пассивные наблюдатели народного правоубеждения, но как «единый фокус», концентрирующий в себе правовоззрения граждан и перерабатывающий их в глубине своего личного творческого духа. Для большей наглядности высказанных идей, Хвалынский приводит довольно красочное сравнение, уподобляя процесс деятельности истинного законодателя творческой работе поэта либо писателя-художника, всякое великое произведение которых одновременно и глубоко национально, и не менее индивидуально [11, с. 501–502].

Пытаясь преодолеть статичность «механических» определений права, Хвалынский вводит в содержание последнего отчетливый динамический элемент в виде волевой энергии субъектов, как индивидуальных (отдельный человек), так и коллективных (организованные союзы лиц: семья, община, класс, сословие, отдельная народность, государство и т.п. – все они рассматривались ученым как самостоятельный субъект, не тождественный составляющим его членам). Эта волевая энергия представляет собой стремление субъектов осуществить имеющееся право, привести его в действие. Целостный взгляд на право общества, согласно Хвалынскому, позволял говорить о нем, как об общей равнодействующей всех волевых энергий и правовоззрений, складывающихся из общих равнодействующих энергий и правовоззрений всех граждан и образованных ими социальных союзов. Порядок определения искомой равнодействующей со стороны законодателя, призванного к формально-юридическому её закреплению и возведению в ранг обязательных законоположений, носит ярко выраженный элитарный характер. В норму закона облакаются правоотношения, которые могут и не признаваться ещё сознанием всех граждан, но осознаны только «меньшинством лучших представителей общества» и «до сознания необходимости которых остальные граждане дорастают лишь впоследствии» [11, с. 485]. Если же «условия жизни

отдельных классов данного общества, степень их культурного развития резко между собою различаются, то и вырабатываемое каждым из таких классов право будет резко между собою различаться; в таком случае общей равнодействующей не образуется, и правовоззрения различных классов будут представлять простую сумму их» [11, с. 499].

Трансформационные «движения» в структуре народного правосознания согласно Хвалынскому зависимы от множества самых различных факторов, главным из которых следует признать уровень культурного (в широком смысле) развития людей. В свою очередь, каждому этапу культурной эволюции народа соответствует определенное сознание им потребности в новых правоотношениях, в новом правовом массиве их регулирующем. Когда старые юридические определения уже не устраивают граждан и рассматриваются ими как пережиток предшествующего строя общественных взаимоотношений, правоактивное и правопослушное поведение сменяется стремлением обойти ещё существующий, но отживший закон, либо выливается в устойчивые формы его игнорирования. В этой связи закономерно возникает вопрос о том, каким же образом разрешается возможное противоречие между официально установленным правом и народившимся правосознанием граждан? Чему должен быть отдан приоритет? Позиция Хвалынского оказывается здесь весьма показательной, поскольку она предполагает наделение суда обязанностью признания «вновь народившихся правопотребностей»: как тех, которые расширяют или сужают само поле нормативно-правовой регуляции, так и тех, которые изменяют его содержательно, не выходя при этом за пределы установившегося «правового покрытия». Иными словами, как и многие сторонники социологических теорий, теорий свободного права, Хвалынский обосновывает возможность суда в провозглашении решений *contra legem*.

На первый взгляд может показаться, что «свободное» усмотрение судьи в той вариации, в какой оно представлено в концепции Хвалынского, вовсе несвободно, так как всецело связано требованием отразить в итоговом документе «вновь народившиеся правопотребности». Но что есть последнее, как не очередная расплывчатая и чрезвычайно туманная категория. Действительно, каким путем возможно определить наличие нарождающихся правопотребностей, их состав и содержание, как выявить из всего обширнейшего массива человеческих потребностей те самые правопотребности и каким из них следует дать защиту и признание в случае их коллизии между собой? Все это в теории российского правоведа остается без какого-либо вразумительного ответа.

И хотя сам К.А. Хвалынский совершенно не удовлетворен тем идеалом юриста, который старательно вырисовывался в рамках различных со-

циологических правовоззрений (юрист как творец права), в его теоретической программе утверждается нечто аналогичное. Вопрос о вычлениении права из сферы народного правосознания отдается на «откуп» судьям, от которых, в конечном счете, будет зависеть дозакондательное признание либо непризнание наличия права (и того, каким оно должно быть) в конкретном случае. Однако и сам законодатель, не признаваемый по общему правилу субъектом правообразования, «творит свои новые законы из глубины своего личного творческого духа», правда, поставленного под условие его соответствия духу всего народа.

Вообще, популярные философско-правовые категории XIX века, такие как «народный дух», «народное правосознание», «преемственно-исторический момент в формировании права», становятся в теории К.А. Хвалынского неотъемлемыми атрибутами всего процесса правообразования. А потому логичным было бы представить себе, будто перед нами – представитель исторической школы права, выводящей последнее из известной материи «народного духа» и воспринимающей всякие установления и законы не в качестве свободного произведения человеческой воли, но как продукт времени, рождаемый из инстинктивных тенденций национального характера под влиянием действия скрытых сил [2, с. 124]. Но сам К.А. Хвалынский прямо опровергает эту мысль, всячески отмежевываясь от кажущейся ему неверной доктрины немецких мыслителей – зачинателей исторического направления правопонимания. Прежде всего, критике подвергается то обстоятельство, что историческая школа права страдала значительной однобокостью, поскольку стояла на признании права «развивающимся самобытно, независимо от деятельности каждого конкретного человека, тогда как на самом деле, – пишет К.А. Хвалынский, – центр тяжести такого развития именно и лежит в этом человеке, он есть истинный создатель права» [11, с. 492].

Не менее критично К.А. Хвалынский оценивал односторонний характер исторической школы, связанный с пониманием в её рамках самой сущности органического развития и законов, по которым якобы и происходит эволютивное преобразование права.

Отмеченные упреки находились меж собой в тесной диалектической взаимосвязи, ибо неверное понимание внутреннего органического развития права вело к ошибочному провозглашению его автономности от «живого» начала, коим является деятельность человека, его волевая энергия. Как признавал К.А. Хвалынский, если право развивается органически, то происходит это лишь потому, что создатель его – человек – сам живет и развивается в обществе органически.

Любопытно, но анализируя известное учение «борьбы за право» Р. Иеринга, считавшегося серьезным «развенчателем могущества» историче-

ской школы, и подготовившем благодатное поле для последующего появления на юридическом горизонте социологических теорий, К.А. Хвалынский занимает позицию, отличную от традиционной. По его мнению, подход Иеринга «вовсе не является совершенным опровержением теории исторической школы, а лишь её восполнением и дальнейшим развитием» [11, с. 495].

Рассмотрение Иерингом права как продукта человеческой деятельности, как порождения «борьбы» индивидов, стремящихся к установлению и отстаиванию своего права, вызывает полнейшее одобрение у Хвалынского. Более того, уничтожающая критика, с которой «поздний» Иеринг выступил против законов органического развития исторической школы, была неимоверно близка российскому правоведу, поскольку в качестве основополагающего упрека в адрес истористов выдвигала существенную недооценку творческих способностей человека и той роли, какую играет свобода выбора [4, с. 437]. Но К.А. Хвалынский в корне не согласен с выводами, которые выводились немецким юристом из общей посылки его теории и сводились к тому, что право есть фактически политика силы. Возражая, российский ученый пишет: «Право есть действительно великая сила, но оно не есть право силы» [11, с. 495].

Не будучи в этом вопросе глубоко наивным, он соглашается признать, что в первобытные времена основным стимулом, побуждающим человека к деятельности, и служащего главным критерием для оценки достоинства его личности, выступала единственно физическая сила, ввиду чего право здесь сливается с понятием силы. Но, как считает К.А. Хвалынский, последующий культурный рост, а вместе с тем и развитие человеческой личности, развитие её религиозных и нравственных воззрений, оказали несоизмеримое влияние, в силу которого человек в своих действиях начинает руководствоваться не только физической силой, но и указанными представлениями этического порядка [11, с. 496]. На этом фоне и право, будучи отражением процессов, происходящих в обществе, также эволюционирует от тождества с физической силой к превращению в силу скорее духовно-нравственную.

Таким образом, на основании проведенного исследования следует констатировать, что концепция правообразования К.А. Хвалынского преисполнена множества противоречий, которые обусловлены эклектизмом её теоретических и методологических оснований. Анализ воззрений К.А. Хвалынского позволяет выявить влияние на него идейных положений следующих научных школ правоведения: а) исторической (право есть создание личного и национального духа); б) естественно-правовой (право как нечто, укорененное в «тайниках» человеческой природы); в) социологической (право живет и развивается по своим собственным законам,

глубоко соответствующим законам жизни и развития человека и общества, а законодатель попросту формализует обязательную силу тех правоотношений, которые уже «кристаллизовались» среди граждан фактически); г) психологической (право как проявление всей психической деятельности общества, как «живое» осознанное чувство права). При этом явное преобладание имеют теоретические установки последней, поскольку обнаруживают свое присутствие в финальной точке процесса образования права, предшествующей этапу его законодательной формализации.

Библиографический список

1. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х тт. Т. 1. Март-апрель 1917 года / отв. ред. тома Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. – 448 с.
2. *Бэдан Ш.* Право лица и государство. Введение к изучению юридических наук / пер. К. Шуринова. – Воронеж: Типо-лит. «Воронежского издательского тов-ва», 1917. – 192 с.
3. *Луковская Д.И.* Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 160 с.
4. *Михайлов А.М.* Сравнительное исследование философско-методологических оснований есте-

ственно-правовой и исторической школ правоведения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 632 с.

5. Памятная книжка Олонецкой губернии. Изд-е Олонецкого губернского статистического комитета / сост. И. Благовещенский. – Петрозаводск: Олонецкая губернская тип-я, 1904. – 411 с.

6. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1874–1875 академического года. №12. – СПб.: Тип-я М. Стасюлевича, 1876. – 66 с.

7. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1875–1876 академического года. №14. – СПб.: Тип-я М. Стасюлевича, 1877. – 80 с.

8. *Сабанцев А.Н.* Судебные учреждения Олонецкой губернии: 1784–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Петрозаводск, 2003. – 183 с.

9. Харьковский календарь на 1905 год. Изд-е Харьковского губернского статистического комитета / под ред. М.И. Плещеева. – Харьков: Тип-я Г.Б. Молчадского, 1904. – 751 с.

10. Харьковский календарь на 1912 год. Изд-е Харьковского губернского статистического комитета. – Харьков: Тип-я Губ. правления, 1912. – 581 с.

11. *Хвалынский К.* К вопросу о процессе образования права // Вопросы философии и психологии. – 1903. – Кн. III (68). – С. 469–507.

12. *Хвалынский К.А.* К вопросу о процессе образования права. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903. – 39 с.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Anatoliy A. Mayorov

*Oryol State Institute of Culture and Arts
aamayorov@rambler.ru*

Ancient Vyatichi and their special place among East Slavic tribes in 9th—11th centuries

Among East Slavic tribes in the epoch of the state of Old Rus', the tribe of Vyatichi saved the most notable differences from its neighbours. Vyatichi created a tribal union and, in the 9th—11th centuries, effectively resisted the attempts of Kievan princes to subdue them. Vyatichi lived in the Upper Oka region and controlled the crossroads of important trade routes which connected Europe and the East. In the 7th—8th centuries, this system of communication gained a new content: it converted from regional system into a pan-European, and then, to transcontinental system. The favourable geographical position of the Vyatichi lands provided the material base for the creation of the Vyatichi tribal union, which was the part of the Khazar military system of control of trade transit streams. In the second half of the 10th century, the Kievan princes took several attempts to subdue the Vyatichi and to control trade routes passing through their lands. In 981—982, Vladimir Sviatoslavich made two military campaigns against the Vyatichi, who resisted him persistently. Vyatichi maintained the hostile attitude to the central authority of the Old Rus' during all the time of its existence. Vladimir Monomakh in his "Instruction" called a march through the Vyatichi lands a dangerous military activity. It can be argued that the period of the independent existence of the independent Vyatichi tribal union has continued until the end of the 11th century, i.e. until the beginning of fragmentation of the former Kievan state. This fact suggests that Vyatichi in the 10th—11th centuries were not a part of the state of the Old Rus'; they have saved at least a high degree of autonomy, comparable with 'sovereignty'.

Keywords: East Slavs, Vyatichi, Upper Oka region, political history.

Ol'ga S. Buslayeva

*Ivanovo State University
olgo1988@mail.ru*

Participation of public in development of women's secondary education in Russia in the late 19th—early 20th centuries (on the materials of Vladimir Province)

The article is devoted to the role of benefactors in the process of establishment and development of women's gymnasiums in Vladimir Province in the late 19th—early 20th centuries. The activity of private benefactors and donating institutions was of great significance for formation of secondary schools in the region. The enlightenment became a major field of charity for the common public. Its representatives acted through

different charity organisations such as assistance society. Money support of gymnasiums was not just a task of charity but also a board of trustees for wealthy people and high-ranking officials. Members of these special authorities acted in each female grammar school and were engaged not only into attraction of financial assistance but into making own money which were given to develop schools, establishing and distributing scholarships for students, for addressing the question of the release of the latest textbooks which significantly contributed to the rise of average female literacy in the Province.

Keywords: female gymnasiums, civil society, private initiative, gender issue, patronage, charity, assistance society, council of trustees.

Aleksandr A. Turygin

*Nekrasov Kostroma State University
aturigin@mail.ru*

Evolution of views of foreign policy at Pan-Germans in the Second Moroccan crisis

The article is about views of foreign policy of the Pan-German League and their leader Heinrich Class during the Second Moroccan crisis (1911), of the League's cooperation with the government of the German Empire and of formation of those divergences which affected internal structure of the organisation. There is also speech about specifics of the international relations, problems of colonial policy of the leading countries accompanying the solution of territorial dispute between Germany and France in Morocco. In the Second Moroccan crisis, views of foreign policy and judgments of Pan-German League underwent evolution towards bigger radical, nationalist rhetoric. After understanding divergences with the government in a question of acquisition by Germany of new colonies and methods of transformation of the empire into the leading colonial power, the management of the Pan-German League led by Heinrich Class begins consecutive criticism of foreign policy officials' plans of by Theobald von Bethmann-Hollweg. The external incentive stimulated further unity of Pan-German League members round the figure of their leader, having marked the beginning of the reform of the Pan-German League. The Moroccan (Agadir) crisis showed that the situation could easily become an uncontrollable reason of the major military conflict. Care of officials of the Ministry of Foreign Affairs of Germany led by Alfred von Kiderlen-Wächter promoted prevention of war, but led to formation within the country of resolutely adjusted opposition consisting mainly of Pan-German League members.

Keywords: Pan-German League, Moroccan (Agadir) crisis, chancellor, colonial policy, colonial interests, international relations, military conflict.

Ivan N. Suloyev

*Kostroma state historical-architectural
and artistic museum-reserve
iwdoroga@mail.ru*

**Socio-political identity of the active of the
peasantry in 1905 — the first half of 1906 (on
materials of Kostroma and Yaroslavl provinces)**

Under the influence of the agitation of political parties and Zemstvo Intel-ligentsia, out of the common mass of rural inhabitants, what is allocated is politically active part of the rural population. In Russian historiography, historians paid attention to the study of peasants' movement as a whole. At the regional level, the researchers examined the activity of deputies from the Kostroma Province of the State Duma of the first convocation. The article, based on materials of Central and local archives, as well as periodicals, examines the politically active part of the peasantry in 1905 — the first half of 1906. This stratum of the rural population participated in the founding and delegate's congresses of all-Russian Peasant Union and represented the interests of the residents of districts in the State Duma. This stratum of peasants understood the socio-economic interests of their class and sought to defend them legally. Mostly, they were peasants who had public experience and were close to the Zemstvo. Under the influence of the populist and left-liberal Zemstvo Intelligentsia, what was in this part of the rural population was the political struggle in 1905 — the first half of 1906 which led to going to left and close to the Kadet Party's positions.

Keywords: peasantry, Zemstvo intelligentsia, revolution, State Duma, deputies.

Dmitriy A. Volkov

*Nekrasov Kostroma State University
nmargolina@mail.ru*

**Relationship of students and local authorities of
Upper Volga area in the years of Civil war**

In the article, on the basis of broad sources, statistical material and research literature, what is examined is the problem of the relationship between the Communist Party and Soviet authorities the upper Volga region, on the one hand, and local students, on the other. It is shown that in this period, these relationships have evolved into being complicated and contradictory. On the positive side: in the region, what was formed was the network of higher educational establishments, while in Kostroma, Ivanovo-Voznesensk and Vladimir, before the revolution, there were no higher education institutions at all. But the initial euphoria has been replaced by disappointment. Many decrees, orders and decisions were made in haste, the local Communist Party and Soviet authorities had no mechanism for their implementation. Due to the lack of students' experience, workers and peasants would simply not finish their study, which was facilitated by the economic disruption and financial turmoil of the

Russian Civil War. The intervention of the Communist Party and Soviet authorities in the affairs of the higher school of the upper Volga region, which was of both ideological and organisational nature, also did not contribute to the stable development of higher education institutions of the region.

Keywords: Russian Civil War, Communist Party and Soviet authorities, higher education institutions of upper Volga region, students, Russian Communist Party (Bolsheviks).

Gennadiy N. Kocheshkov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
kocheshg@mail.ru*

**Russia's agrarian movement development:
issues of relations of private land-users with
peasantry (March—October 1917)**

Problems of mutual relations of the peasantry with private landowners in the period after February Revolution analysed in the article. Growth dynamics of the agrarian movement in the spring and summer of 1917 is shown on the basis of numerous documents and materials. March to April 1917 were a time of confidence of the Russian peasantry in the Interim Government, of hopes and aspirations, which were associated with the urgent resolution of the issue of land use. However, by the summer of 1917, the wave of support of Interim Government was asleep and national enthusiasm gave way to disappointment. The agrarian unrest, accompanied by the age-old Russian 'Pogroms' and occupation of estates has begun. Complaints to the authorities were the first major form of private landowners' attempts to fight the illegal actions of the peasants. The Interim Government made provincial commissioners committed to take appropriate measures to curb predatory actions of the peasants. The article notes that local authorities could not always fulfill orders from the centre. Statistics concerning agrarian movements shows that in spring of 1917, violent, aggressive methods of struggle of the peasants against the landlords prevailed. Not only the land of the landlords, but also the land, belonging to isolated farmstead inhabitants and to peasants, who had formerly undertaken withdrawal from communal land tenure, was the object of attention of the villagers. The pressure on smallholders was so severe that many of them had to return the land to those peasants who had never given up communal land tenure. In the summer of 1917, the growth of the peasant movement intensified, opposition hardened, as evidenced by the demands of landowners to protect their property by military means. In fact, the country was on the brink of civil war.

Keywords: private land-users, land committees, Interim Government, age-old Russian 'Pogroms', peasant movements, isolated farmstead inhabitants, Russian peasants undertaking withdrawal from communal land tenure, complaints.

Irina V. Skipina

*Tyumen State University
i.skipina@mail.ru*

Elena A. Chekrygina

*Tyumen State Architectural-Constructive University
chekryginae@mail.ru*

**1930s documents about special transmigrators
in the Northern Ob region from
the Tyumen Region State Archive Funds**

The resettlement of peasants in the early 1930s was conducted in the framework of complete collectivisation and liquidation of the rich peasants as a social class, was aimed at the development of industry, agriculture and handicrafts on the outskirts of the country. The large mass of dispossessed peasants was expelled to the north of the Ob region. The Ob fishing trust was the main group of enterprises involved in employing the contingent, in organisation of work and accommodation, concerning these special settlers. The article analyses a set of documents from the State Archives of Tyumen Region, containing the secret decrees, instructions, directives of both central and local authorities on the implementation of measures with respect to the interned special settlers, the data on the results of special settlements surveys, correspondence between the departments and enterprises of the State Political Directorate. These materials make possible to expand the source base of the history study of peasants' resettlement from the central region to the north of the Ob region.

Keywords: document, collectivisation, 'Kulak' – Russian rich peasant holding others in its fist, Ob fishing trust, resettlement, everyday life, special immigrants, special settlement, 1930.

Elena N. Abovyan

*Bryansk State Technical University
mjordon@yandex.ru*

**Activation of the guerrilla movement against the
Axis in the territory of Bryansk lands during the
period from May, 1942 to February, 1943**

What is in the article, is the third stage of fight of guerrillas against the Axis invaders in the territory of the Bryansk region which is limited to the period from May, 1942 to February, 1943 is described. This stage of guerrilla fight is characterised by centralisation of management of the guerrilla movement, the organisation of the serious help to guerrillas from the "continent", the organisation of "rail" war on the railroads, transformation of the guerrilla movement into the mass resistance of the population to the occupational mode. Such succession of events forced Hitler's authorities to strengthen sharply use of the armed collaboration for fight against guerrillas and to organise cleaning from the population of the territories of surrounding guerrilla forest massifs. This, in turn, caused the broad protest movement of the population and development of the mass guerrilla movement. There were entire guerrilla territories, fully free from the Axis soldiers. Number of

collaborationist forces appeared to be obviously insufficient. This forced Hitler's high command to organise a number of large combat operations on destruction of guerrillas with participation of regular Wehrmacht troops and to strengthen terror against the population sympathising and helping guerrillas. Fight went with variable success. A victory at the front of the Red army sharply strengthened resistance in the region, a defeat at the front conducted to decrease in resistance. When the destiny of the post-war world order was being decided near Stalingrad, collision of guerrillas with forces of collaborators and the Axis troops reached in December, 1942 — February, 1943 its apogee. With huge work and big casualties, guerrillas resisted.

Keywords: World War II East Front, guerrilla, guerrilla group, underground, diversions, resistance, occupation.

Dmitriy I. Nikitin

*Chelyabinsk State University
dm.nikitin90@gmail.com*

**Exhaustion of the mineral resources base
in Chelyabinsk Region in the 1960s as a factor
of restraint of the socio-economic development**

The article views the analysis of the condition of the raw material base in Chelyabinsk Region in the 1960s based on the materials taken from the federal and regional archives as well as from some scientific papers of historians and geologists. Two mostly important industrial branches of the region have been chosen for the research: ferrous metallurgy and coal industry. Also, there is given a description of the explored deposits at that time and the prospects of their development. Moreover, the article views the procedure of choosing new sources of resources to meet the growing demand in the industrial sphere of Chelyabinsk Region which caused the distribution of the state investments in favour of the republics of the USSR. As a consequence, metallurgy had to face more economic and infrastructural distribution costs; there was a shootout of mining units and decrease in the number of workers in the mining industry as well as increase in the social pressure. The problems mentioned earlier give evidence that a depression stage began in the 1960s which was typical for the development of old industrial regions. Within the administrative-command system of economy in the USSR, some negative consequences were suspended due to the state subsidies. However, the collapse of the USSR, switch to the market economy and cessation of subsidisation led to the factual elimination of the coal industry, a sharp decrease in economic efficiency of the ferrous metallurgy and the reduction of industrial and social potential of Chelyabinsk Region.

Keywords: ferrous metallurgy, coal industry, Chelyabinsk Region, raw material base, iron ore, investment policy, Ural.

Dmitriy I. Sazonov

*Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
sazonow63@mail.ru*

**Governmental activities towards the Church
considered to be persecutions, in Leonid
Brezhnev's time (in terms of Central Russia)**

Certain researchers believe that the so-called "Brezhnevian Stagnation", unlike the reforms of "Khrushchev's Thaw", was the period of firmness and, concerning the Church, even certain warming of the negative attitude of the Soviet power. We believe, though, that despite some wording change, which had been reflected in legislation and the 1977 Soviet Constitution, the essence of the state policy and the attitude of the Communist Party bodies remained the same. The Church remained the one which was ousted from all forms of social life; there was ban on teaching teenagers religion and letting them being present at religious service, as well as on charity; believers were discriminated against what concerned education and certain blue-collar job; the Church executive bodies were at times demoralised in order to destroy parishes; there was a totalitarian control in the Church organisations' activities and finances; the priesthood were forced to register so that the state could reveal the dissidents more easy; local parishes were administered in the field. Last instance concerning parish closure was among the vested rights of the special Soviet on religious affairs. Each renegade or any negative event in the Church medium was eagerly used as a cliché for outrage upon religion, anti-religious propaganda flourished. All the mentioned as a whole is considered by us to be the fact of infringement of constitutional rights and the rights of free conscience. The state, proclaiming to be separated from church in fact intervened in the life of the latter. However, the Church in Russia survived. After Brezhnev's death and retirement of the high-ranking officials who were active since the very Stalin-Khrushchev times, the Church life tended to be revived. Celebration of the Russian Baptising 1000 Anniversary had an impact and the religious rights and liberty were finally reestablished.

Keywords: negative attitude of Soviet power towards Church, believers, pact on using church property signed by minimum twenty persons, parish, registration, religion, plenipotentiary.

SCIENCE OF LITERATURE

Irina A. Shishkova

*Gorky Literature Institute, City of Moscow
ishishkova@yandex.ru*

**The role of children's reading
in the morale tale "Mrs. Leicester's School"
by Charles and Mary Lamb**

The article highlights the peculiarities of the famous moral tale "Mrs. Leicester's School" by Charles and Mary Lamb in terms of its similarities and differences from other corresponding works for children in English literature in the early 19th century. The appearance of this book was hailed by progressive pub-

lic, but despite Samuel Taylor Coleridge's prediction, it did not enjoy the same popularity as "Tales from Shakespeare" by the same authors. Charles and Mary Lamb endowed their characters with the sincerity and vulnerability peculiar to thinking and inquisitive 'little women' in whose life, reading played a key role. The authors convince their readership of its sincere respect and compassion for the child and its tribulations which was typical of Romantic school traditions. In the tale "Mrs. Leicester's School", a book is regarded as a source of useful and at the same time dangerous information of the world. "Mrs. Leicester's School" is addressed to both, children and adults, as it touches upon the crucial problems of interpersonal relations. Young readers would share the feelings of the characters while parents would learn more about the suffering of their neglected children. Each chapter tells about an exciting and often bitter event in the life of a little schoolgirl at girls' boarding school.

Keywords: Charles and Mary Lamb, "Mrs. Leicester's School", morale tale, upbringing, interpersonal relations, reading, didacticism, mentality, life experience.

Yaroslava Yu. Muratova

*Gorky Literature Institute, City of Moscow
y_muratova@mail.ru*

**"The Giaour" by Lord Byron:
the role of the poem in the "Oriental Tales"**

The article reveals a specific role of Lord Byron's "The Giaour" in the Oriental Tales. The poem proved to be a kind of experimental workshop in which the author developed a number of features totally new for his work and important for the Romantic movement, such as the form of a narrative poem, an extraordinary character of the principal hero, also an independence-slavery theme the poet was particularly keen upon. It partly explains the fragmentary structure of the poem with a loose plot, confused chronology and a mobile narrative focus. The principal character combines the traits of a Gothic Villain, Hero of Sensibility and a Noble Outlaw. The independence-slavery theme is expressed via the images of Greece that lost its antic greatness long ago being for several centuries under the Turkish yoke, as well as the image of an Oriental woman acting according to her sensibility rather than sense. The form of the narrative poem, the imagery and themes of "The Giaour" were explored and expanded by Lord Byron in the following poems: "The Bride of Abydos", "The Corsair", "Lara" and "Siege of Corinth" subsequently establishing the tradition of considering the Oriental Tales as a single cycle, though the poet did not reveal any desire to join them into a cycle. The new specific form of the narrative poem and the new type of the extraordinary hero have been defined in Russian literary criticism as Byronic.

Keywords: Lord Byron, "Giaour", Oriental Tales, narrative poem, fragmentariness, cycle, Eastern woman image, Byronic hero.

Vladimir V. Tikhomirov
Nekrasov Kostroma State University
 nov6409@kmtu.ru

Genre peculiarities of Alexander Ostrovsky's comedy "An Ardent Heart" in the reception of literary and theatre criticism and science of literature

The question of genre originality of the play is put in the paper, based on the analysis of the most typical grade of comedy in literary criticism and science of literature and on the basis of its most famous stage productions. Due to its experimental nature, the comedy "An Ardent Heart" has not yet received a proper understanding and adequate realisation on stage as, to combine the inherent in the play satirical and lyrical elements, appeared to be difficult. Genre originality of the comedy is largely determined by the presence of the Italian traditions, on the one hand, and Russian folk theatre and drama, on the other hand, in it. Contemporaries understood "An Ardent Heart" in the tradition of Russian comedy and got often perplexed by its plot inconsistencies with the characters of this tradition and caricature of reality, which is in the play, and in violation of Russian credibility and in some of the conventions of artistic techniques, signs of decline of talent of the playwright. In fact, the play is indicative of the search for new theatrical genre and principles in drama by the playwright. Modern scholars of Alexander Ostrovsky's creative work find signs of popular satirical comedy, with a combination of dramatic comic epic foundations in "An Ardent Heart". All this is really inherent in it. The comedy can be described as a poetic satirical play, which combines the traditions of Russian national and European theatre. As such, the comedy "An Ardent Heart" is still waiting for its scenic and scientific understanding.

Keywords: Alexander Ostrovsky; "An Ardent Heart"; comedy genre specifics; play's comprehension complication; combination of satiric, comic and lyric foundations in comedy.

Marina P. Khokhlova
Moscow Pedagogic State University
 marinochka_xoxlova1988@mail.ru

On the literary reminiscences' and allusions' role in the story "First Love" by Ivan Turgenev

This article explores the attempt of a functional consideration of literary reminiscences and allusions in the novella of Ivan Turgenev "First love". The author argues that the prose of the Russian classic has a variety of art reminiscences with the texts of both contemporaries of the writer and of his predecessors. Ivan Turgenev's concept of love is has its spiritual origins in the world of creativity of Alexander Pushkin. Ivan Turgenev, as his teacher, refers to the intellectual-nobleman, expressing the significant trends of the historical period. The author draws attention to the proximity of Ivan Turgenev's stories to philosophical elegies by Vasily Zhukovsky, Fyodor Tyutchev, Afanasy Fet, etc. Frequency in love-philosophical story by Ivan Tur-

genev of the motif of recollection and acceptance of autobiographysm bring together "First Love" with the works by Nikolai Gogol. Furthermore, on Ivan Turgenev's works what had a significant impact, were poetics and philosophy of Fyodor Tyutchev, who is the successor of Alexander Pushkin's traditions in literature: the author studies and proves this statement relating the story of Ivan Turgenev and Fyodor Tyutchev's poem, "The Predestination", the author comes to the conclusion that the motif of love of slavery, which has first been performed in "The Predestination", is also in the story "First Love". The considered by the author of the article the direct or indirect citations in the text of Ivan Turgenev's story are a kind of mirrors of the feelings of the main characters, which explain their movement and development, therefore their use in the text is, along with the landscape, the way of creation of the "secret" of psychologism. Literary reminiscences and allusions in the text by Ivan Turgenev is a kind of semiotic codes that explicit special – Ivan Turgenev's concept of love.

Keywords: Ivan Turgenev, "First Love", love-philosophical story, literary reminiscence and allusion, artistic reminiscence, motif, image, love architectural concept, "secret" psychology.

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
 lanfra87@mail.ru

"Step by Step" by Innokentiy Omulevskiy – a novel of "the new people" in the literary process of the second half of the 19th century

The author of the article considers one of characteristic democratic novels of the second half of the 19th century (the novel about "new people" "Step by Step" by Innokentiy Omulevskiy) and tries to show that it contains some lines and features of the epic novel as the topmost genre of the specified period. The author emphasises that behind the standard subject scheme peculiar to so-called "pattern" works, unique features, characteristic of the realistic novels recreating life in its variety and completeness are looked through. Unlike Western positivists, isolated from a thought about folkish destiny, anxious, most of all, with correct, ideological, fair device of life of a certain person, the Russian positivists, as a rule, parallel to ideological and public work, would get filled with feelings of Christian compassion for neighbours. In novels about "new people", authors focus considerable attention on emotional psychological states of heroes, on the conflicts and contradictions between belief and feelings. Strong-willed characters of democratic novels, as the reader sees, appear to be ordinary people with their weaknesses. It is remarkable that their ability to endow personal happiness is really epic.

Keywords: democratic novel, epic novel, "new people" novel, Innokentiy Omulevskiy, positivism, subject scheme.

Anna A. Fedotova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru*

Gospel allusions in Nikolai Leskov's historical and publicistic feature articles

The article is devoted to the topical problem of nonfictional text poetics analysis. Nikolai Leskov's historical feature articles "Herod's Affair" (1882) and "Russian Doers in the Eastern Zeya River Land" (1882) are considered in it as a work that is based on dialogue of discursive systems. The feature articles' semantic and stylistic space is formed as a result of conjugation of archival documents, works of art and sacred texts by the author. The main directions of work of Nikolai Leskov with the gospel and biblical allusions function in the writer's publicistic feature articles are identified in the article. Gospel is cited by Nikolai Leskov with the help of intermediary texts, the characteristics of which are also given in the article. "The Eastern Zeya River" feature articles were written at the time when the writer lost interest in the practice of the Orthodox Church, on the one hand, and would be closely acquainted with the Protestant culture and with Leo Tolstoy's teaching, on the other hand, that could but reflected in the originality of actualisation of religious texts in the creative work. Reverence for the Gospel is way of predominantly Lutheran characters of Nikolai Leskov, that becomes a decisive argument in the controversy with the ideology of Slavophiles, that would be conducted by the writer in the feature articles.

Keywords: 19th century Russian literature, Nikolai Leskov, publicistic work, intertextuality, Gospel, Fyodor Dostoyevsky, "Historical Herald", Slavophilia.

Aleksey N. Koptsov

*Moscow Pedagogic State University
alexykoptsov1991@mail.ru*

Poetics of northern text of the Russian literature in Alexander Serafimovich's 1889—1890 short stories

The article deals with the stories "On the Ice", "Snowy Desert" and "On Rafts" by Alexander Serafimovich (1863—1949) in the aspects of motivic structure and mythopoetics. "Northern" short stories compared with Vladimir Korolenko's essay "Makar's Dream". The author hypothesised that the 1889—1890 short stories were an artistic experiment in order to test the knowledge of scholars on the mutual similarity of nature and man: the young writer would compare natural and social disasters, proving the unnatural essence of the latter, their destructive essence. In general, realistic short stories, full of motivation to overcome, of adventure, of danger, detecting the elements of neo-romantic aesthetics, genetically bringing together these works with early essays by Vladimir Korolenko. In his first creations, yet devoid of any bias and teeming with luxurious scenery, Alexander Serafimovich demonstrated the richness and purity of the Word, which did not go unnoticed to anyone who praised the work of one of the leaders of Socialist realism.

Keywords: Alexander Serafimovich, short story, genre poetics, motif, Russian North, metatext, Russian literature northern text, anthropomorphism, zoomorphism, nature, civilisation, people, societas.

Mikhail Yu. Yegorov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
michael_egorov@mail.ru*

Russian third-wave émigré dramatic art less studied: Yuri Krotkov's comedy "Napoleon and the Shark"

Creative work by the third-wave émigré Russian writer Yuri Krotkov (1917—1982), namely his play "Napoleon and the Shark", published in Russian in 1972 in London literary miscellany "New Bell", is for the first time in science examined in the article. In the USSR, the playwright, screenwriter Yuri Krotkov became famous after publication of his play "John Is a Soldier of Peace". The writer was a KGB agent in the Soviet Union. The most famous operation in which he took an active part was the recruitment of the French Ambassador Maurice Dejean in 1958. This experience is reflected in the plot of the comedy. All characters in the play have real prototypes. The author of the article reveals their names. Yuri Krotkov portrayed himself as the off-stage character Julius Dolgorukov. If in the reality, Maurice Dejean agreed to cooperate with the KGB, in the "Napoleon and the Shark", Ambassador Rabelais uses the Soviet special services in the interests of France. Changing the ending of the story, eliminating Julius Dolgorukov from the action, giving him the noble characteristics, Yuri Krotkov tries to mythologise his own biography, to absolve himself from responsibility for what happened. The head of the operation, Oleg Gribanov, a general (in the play – Alexander Bystrov) is the author of several spy novels, the most popular of which is "The Mistake of the Fixed-Post Spy" which appeared before the publication of the play by Yuri Krotkov, in 1966. The "honey trap" situation is realised both in the play and in the novel. However, in "The Mistake of the Fixed-Post Spy", it is the Soviet spies, who fooled foreign intelligence, are the winners. Therefore "Napoleon and the Shark" can be described as a literary duel as well.

Keywords: Russian third-wave émigré, Russia abroad, Yuri Krotkov, dramatic art, Soviet special service, biography mythologisation, meta-literature feature.

Aleksandr A. Kryukov

*Nekrasov Kostroma State University
kryukovx@mail.ru*

The problem of the correlation between the author and the character in the prose by Yuriy Fel'tsen (on the material of the short story "Inequality")

In this article, the short story "Inequality" by Yuriy Fel'tsen is considered in terms of the problem of the correlation between the author and the character, the decision of which will help to find the key to understanding not only of the artistic world of the author of the title, but also the phenomenon of Russian so-

called young émigré literature in general. The paper challenged the point of view of Russian émigré critics of the 1930s, who equalised Yuriy Fel'tsen with his characters-narrators. This view of Yuriy Fel'tsen's narrative style was motivated by the mistaken belief that the writer only transferred to the paper his own experiences and impressions, attributing them to a fictional character. In addition, critics clearly exaggerated the impact of Marcel Proust's manner on Fel'tsen's works. It is proved that a major departure from the tradition of Proustian narrative in the short story of "Inequality" is expressed in the fact that in it, there is not one, but two narrators. The article emphasises that the characters-narrators are people of different sexes, thus unambiguous identification of author and character become quite problematic. The study concluded that the male and the female characters, playing the role of storytellers, represent their personal values and positions that are not equal to the author's position, but derive from it. In the article, the short story "Inequality" by Yuriy Fel'tsen is estimated as a result of testing creative narrative strategies implemented in a large-scale cycle of prose "Revision of the Old Material". It is considered to be a kind of artistic sketch predicting imagery and poetics of novels, especially "The Lie" and "Happiness" which the cycle includes.

Keywords: Yuriy Fel'tsen, author, character, narrator, narration.

Bulat A. Khanov

*Kazan (near-the-Volga) University of the Russian Federation
sixxam@mail.ru*

Functioning of the Soviet discourse in Mikhail Yelizarov's novel "Cartoons"

This paper is devoted to the analysis of the Soviet discourse in Mikhail Yelizarov's novel "Cartoons" (2010). We have chosen a complex method. We use cultural and historical, structural-semantic, conceptual, discursive kinds of analysis. The Soviet discourse is considered not through a socio-political foreshortening but through a culturological code which is realised in the novel within opposition of two genres as well as a school story and a morale novel. Each of the genres represents a certain type of reality. A school story symbolises a situation of a Post-Soviet ideological failure. A morale novel represents an idealised Soviet era and calls into being a key Socialist Realism dichotomy of spontaneity and consciousness. The gang of juvenile criminals which includes German Rymbayev, the main character, becomes the main embodiment of Post-Soviet reality. The Soviet values are transferred by the Militia juvenile delinquents' room No. 7 on 3, Proletarian St. The esoteric context (Alexander Pushkin's code, pedagogues' sacral knowledge) allows colliding the two literary genres and making them to interact between themselves. This interaction of the two diverse genres and the two types of reality explains multiple violence scenes in the book. Genre strategy of the novel of formation becomes pointed. The main character

gets reeducated and reaches incarnate consciousness. The cultural and symbolical remythologisation of the Soviet discourse and updating of system of the Soviet myths appear to be a result of collision of a school story and a morale novel.

Keywords: Mikhail Yelizarov, Soviet discourse, cultural imagined, Post-Soviet, school story, morale novel, remythologisation.

SCIENCE OF LANGUAGE

Elena N. Ermakova

*Mendeleev Pedagogic Institute (branch) of Tyumen State
University in the city of Tobolsk, Tyumen Region
ermakova25@yandex.ru*

Occasionality as a manifestation of innovative processes in the field of word- and phrase-formation in the modern Russian language

The article studies the processes of neologisation in lexicology and phraseology, which are increasingly active and important in the modern Russian language. Despite of the differences in terminology in qualifying speech and language units, in determining the place of transformed and variant innovations in the language, scientists are still unanimous in identifying the main features of innovations and in recognising the processes of neologisation as a certain language system. The processes of creating occasional units (as well as lexemes and phraseological units) have a strong pragmatic orientation, a "creator" of occasionalism, transforming the existing unit in the language, attempts to strengthen the evaluative expression of the statement, to highlight, to emphasise and to convey the essence of perception. Thus, the use of such innovations is primarily due to the formation of a language system that meets the growing needs in the new designations. After its "appearance", an occasionalism may stay a part of the individual language embodied in the language, or lose its identity and get the status of a usual word. Filling the gaps of the language system, innovations open new possibilities in the field of word- and phrase-formation in the modern Russian language.

Keywords: neologisation, transformation, phraseological unit, occasional phraseological unit, from-phraseological occasionalism.

Nina S. Gantsovskaya

*Nekrasov Kostroma State University
gantsovskaya_n@mail.ru*

Elena G. Veselova

*Nekrasov Kostroma State University
veselovaelena@mail.ru*

On the issue of peculiarities of author's regional dictionaries (renewed project of creating Jefim Čestnjakov's folk colloquial language dictionary)

The published lexicographical works represent the lexis of Kostroma patois unevenly and insufficiently in terms of quantity. The material for regional dictionaries may be the dialect lexis collected in a field way as well as retrieved from different published sources and manuscripts. The latter are becoming increasingly significant at present in connection with the possibility

of introducing large archetypic strata bringing out the essential traits of traditional dialect continuum. We refer Jefim Ćestnjakov's manuscripts abounding in dialecticisms to such sources. The dialect lexis of these manuscripts provided the basis for Jefim Ćestnjakov's folk colloquial language dictionary "The living word of the Unzha territory" created by Nina Gantsovs-kaya. Within this book, the dictionary "Where Jefim Ćestnjakov lived" serves as a commentary on it. Nina Gantsovs-kaya and Yelena Veselova are planning to create a thematically expanded and structurally modified version of Jefim Ćestnjakov's folk colloquial language dictionary on the basis of recently deciphered materials. In the new dictionary, there will be not only the increased number of dialecticisms of the Unzha territory, but also examples of their usage in the living patois in the form of commentary.

Keywords: Kostroma patois, dialecticisms of the Unzha territory, Jefim Ćestnjakov, Nina Gantsovs-kaya, Yelena Veselova, living patois, dictionary.

Galina D. Neganova
Nekrasov Kostroma State University
cultland@yandex.ru

Landscape lexis in the space of a cultural landscape: compound words with the first component пол-/полу- (half)

In Russian patois, there is a small group of compound words with the first component пол-/полу- (half) – names of the landscape. Among them, a wide geographic objects have lexemes with the root гора (mountain) in the second part of the word: полгора, полгорка, полугор, полугорок, полугорье, etc. The first element introduces in the semantics meanings with which the word пол was used in the Russian language in 11th–17th centuries: 'the similarity at smaller sizes', 'side', 'one of the sides adjacent to smth. (the river, the border, etc.)'. There was further narrowing of semantics, but words with first value, forced out of active usage, have been preserved in folk living speech. More details of folk geographic semantics of the term полугора in the Vetluga territory of Kostroma Region were used as the name of the sublime shores. With the inclusion of natural sites in economic-labour activity, the speech of local residents has updated with new words, including nouns with пол-/полу-. Among them, there are names of the land plots: полдуша or полдуши (half-allotment), полукосье (half of mowing-plot), полчети (one eighth), etc. The article discusses the words полкопейки (half-copeck) and полупирог (half a pie) recorded in Kostroma South-Western patois and denoting measures of land area occupied by the hop-gardens, and hop of a certain size. These terms existed in the patois of only a few settlements of Kostroma Region: Miskovo, Zharki, Kunikovo, Spas, Vyozi, Vedyorki, Ovintsi. The appearance of these words was due to economic activities of local people – cultivation of hop and tax record of the hops.

Keywords: Russian patois, landscape lexis, compound words with пол-/полу- (half) semantics, полу-

гора (literally 'half a mountain', meaning a small hill), полкопейки (half-copeck), полупирог (half a pie).

Mariya A. Smirnova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
ifsmeet@gmail.com

Verb-and-nominal phrases as a means of evaluation expression in the late 19th – the first half of the 20th centuries

The article describes the specifics of verb-and-nominal phrases as a means of evaluation expression in the late 19th – the first half of the 20th centuries. The letters of Anton Chekhov, Max Voloshin, Varlam Shalamov, Boris Pasternak are analysed. The main ways of expression of evaluation meanings of verb-and-nominal phrases are allocated. The productive modal meanings expressed by these constructions are marked. The use of verb-and-nominal phrases in the letters of the period under review reflects the convergence of books and written language and colloquial. Syncretic nature of the letters can be proved and can increase broad expressive possibilities of verb-and-nominal phrases. The structure of the constructions under review allows including stylistically different parts of speech into their composition and performance. Such types of assessments as touched and sublimated are analysed. Adjectives as part of verb-and-nominal phrases are also able to express the assessment relating to the practical activities of person, of its everyday experience. The pronoun distributing verb-and-nominal phrases can express the evaluation meanings in some contexts. Particular attention is paid to the negative pronouns. Ironic use of verb-and-nominal phrases is one of the ways of expressing subjective assessment statement. The main ways to create irony through verb-and-nominal phrases are marked in the article. The most frequent use of verb-and-nominal phrases in the speech act of irony is based on the incompatibility of styles connecting in one context. The characteristic features of the epistolary texts in the late 19th – the first half of the 20th centuries are noticed. There features reflects the main directions of Russian literary language evolution. Specifics of the epistolary phenomenon is in the combination of different genres and styles. The relevance of studying these constructions and the essence of the classic epistolary text are marked.

Keywords: verb-and-noun phrases, evaluation meanings, ironic use, epistolary text, letter.

Elena Yu. Ivkova
Nekrasov Kostroma State University
ivkova.elena@gmail.com

Peculiarities of composition of the multicomponent complex sentences in the speech of one of the characters of a literary text (a case study of the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy)

The article is focused on the peculiarities of composition of the multicomponent complex sentences (hereinafter MCS), widely represented in the speech of Andrei Bolkonsky, one of the main characters of the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy. Voluminous

(three to eleven components) and complex composition of MCS have some potential in both bookish and spoken aspect and are actively introduced by the writer for the organisation of external and internal speech of the character. Although MCS are diverse in their structure, most of them have the construction of non-contaminated type: sentences with parallel (collateral) subordination and consecutive subordination of components. The productivity of MCS of non-contaminated type can be explained by the fact of being the most adequate form for such stylistic figures as parallelism, amplification, etc., which largely contributes to the harmonic construction of MCS. The structural uniformity of the parallel subordinated components, repetition / omission of conjunction, the introduction of the antecedents in the main clause simplify the constructions, making them more accessible. The author reveals the expressive possibilities of these structures. The author introduces MCS of a contaminated type in the character's internal speech. They can reveal secret thoughts and moods of the character as well as his train of thought. MCS are also observed in the French speech of Andrei Bolkonsky. United in semantic blocks, they resemble two-component sentences. They do not seem to be voluminous, approximating the conditions of oral communication.

Keywords: multicomponent complex sentence, literary text, character's speech, composition, stylistic figures, structural parallelism, spoken language.

Ol'ga A. Krapivkina

*Irkutsk Research Technical University of the Russian Nation
koa1504@mail.ru*

Linguistic interference as a source of errors in scientific and technical translation

The article deals with translation errors caused by the linguistic interference. The purpose of the study is to determine the causes of linguistic interference in translations of abstracts to academic papers based on comparative analysis of source texts and target texts. The topicality of the paper is due to the increasing demands for quality in scientific and technical translation because of the integration of the Russian scientific community into the international science. Based on the definitions of linguistic interference suggested by Russian and foreign researchers, the article defines it as an importation of lexical, syntactic, cultural or structural items typical of a different semiotic system and unusual or non-existent in the target context into the target text. The article analyses two main types of interference – lexical and grammatical ones. The most widespread causes of linguistic interference are differences in the systems of source language and target language. To eliminate the negative effect of interference on translation quality, we have to study this phenomenon and to develop translation skills to avoid it.

Keywords: linguistic interference, grammatical interference, lexical interference, translation, translation quality, translation errors.

Ekaterina S. Sherstnyova

*State University of the Russian Northeast, City of Magadan
mountaincrystal@mail.ru*

Neutralisation of stylistically coloured words under modern trends within literary norm of the English language

An attempt based on a comparative-contrastive analysis of the original and its several translations, which are in synchronic and diachronic connection with the translated original to expose trends and divergences in the language of translation is made in the article. It is aimed at revelation of lexico-semantic and stylistic transformations of the original, performed by translator. Also, prevalence of these or those translator's strategies, specifying the transformations, is studied. Interconnection between translation strategy choice and translator's comprehension of functional dominating structure of the text is studied for this purpose. Consequently, the author concludes that cases of deviation from the original literary norm are caused by a number of factors. These factors are: desire to modernise vocabulary of the original, which have undergone the process of natural obsolescence; orientation towards the context of definite situation of communication; necessity to use translator's strategy of decompression of the original; stylistic intensification of some lexemes because of translator's implementation the strategy of genre-stylistic reconstruction of the original; endeavor to compensate text metaphor by means of intensification of expressive-figurative metaphorical orientation of the translated text through the usage of colloquial layer words. As a result of the translators' use of non-literary vocabulary as literary one, facilitating it by stylistic techniques, the trend leads to neutralisation of deliberately used stylistically coloured words and turns them into literary ones.

Keywords: translator's strategy, synchronic and diachronic character of translation, language changes, tendencies, comparative-contrastive analysis, modifications, neutralisation.

Svetlana A. Manik

*Ivanovo State University
svetlana_manik@yahoo.com*

Ideological aspect of evaluative semantics (a case study of use of words "annex" and "annexation" in English mediatexts)

The article deals with the issues of evaluation as an integral part of the word semantic structure. The evaluative semantics of socio-political word plays a very significant role in the process of formation and in some way "carving up" of the linguistic view of the world. It results in distinguishability of ideological evaluation or ideological evaluative element or ideological aspect of evaluative semantics, when evaluation of the denotation is carried out in the context of agreement or disagreement with the ideas and political principles of some society (group, social union). A large number of words acquire ideological evaluation some in some particular historical and cultural environment during

the ideological development of the reality, under direct or indirect influence of mass media. The objective of the given paper is to consider evaluative semantics of socio-political terminology, in particular realisation of ideological evaluation as exemplified in the words to annex and annexation in English media texts on Russia's acquisition of Crimea. The article refers to the most interesting contexts of usage of the words under study from the author's electronic corpus of political media texts. The results are summoned in the table of major cases of usage and collocations of the words "to annex" and "annexation", as well as their synonymic replacements. The paper considers the realisation principles of the ideological evaluative meaning.

Keywords: word semantic structure, evaluative semantics of socio-political terminology, ideological evaluation, mediatext, manipulation.

Anastasiya A. Smerchinskaya
*Military University of the Ministry of Defense
 of the Russian Federation
 ms.smerchinskaya@inbox.ru*

Conditionality of constructive semantics of expressing dialogical discourse by implicate communication theories

The article is devoted to studying the phenomenon of implicit theories of verbal communication in the framework of cognitive semantics of organisation of dialogic discourse. Implicit theory of verbal communication are of particular interest of researchers from the practical point of view, because their use allows a better understanding of their functional significance in the organisation of the interactive dialogue as a landmark structure, which is aimed at ensuring the success of verbal interaction. The phenomenon of verbal notation elements implicit theory of communication in a constructive semantics dialogic discourse is seen as the status of special method of coordination of the behaviour of participants in a landmark speech communication. The ratio of the elements of implicit theories of communication and their impact on the organisation of dialogic discourse is investigated in the article. Mechanisms of speech influence on the speaker's communicative behaviour on the recipient are disclosed. In addition, a review of scientific research of outstanding Russian and world scientists that reflect a modern view on the problem under study is given in the article. To demonstrate the use of implicate theory of communication, a number of statements of dialogic discourse of fiction is offered for consideration. Each sample is analysed within the framework of the test subject.

Keywords: dialogical discourse, constructive semantics, implicate speech communication theories, character coordination, voice interaction.

Anna V. Averina
*Moscow City Teacher Training University
 anna.averina@list.ru*

Compatibility of the modal particle "ja" with modal words and evaluative adverbs in German

The article deals with the possibility of the modal particle "ja" to be compatible with modal words and evaluative adverbs in German. It is shown that the modal particle "ja" takes the position mainly in the upper middle field of the German proposal. It can be combined with modal words with epistemic and evidential semantics, as well as with evaluative adverbs, and has many features. If the modal particle "ja" is after modal words with the epistemic semantics, so it is often combined with the particles "doch", "auch" and "eben". In the case of the use of the particle "ja" after the modal words with evidential semantics, negative components are included into such kind of sentences. Such kind of combinations helps to show the contrast between the situation and expectations of a third person. The modal particle "ja" goes mainly to those evaluative adverbs which have in semantics a positive connotation. In the case when the modal particle "ja" is used after evaluation adverbs - the law of the triad described by Vladimir Gak can be observed.

Keywords: modal particle, epistemic modality, evidentiality, evaluation phrases, combination, middle field, utterance.

Mariya E. Akulova
*Vernadsky Crimean University, City of Simferopol, Crimea
 mascha_akulova@mail.ru*

Linguistic features of the realisation of the tactics of "accentuating especially important information for the author" (using the speech of Kiezdeutsch representatives as an example)

In this article, the author reveals the features of realisation of the tactics of "accentuating especially important information for the author" by Kiezdeutsch representatives within the confines of the strategy of manipulative influence. Speech behaviour of members of different social groups including communication features of multiethnic youth was always of interest for linguistic community. Speakers are known to realise their communicative intentions in every communicative situation using different strategies and tactics. In this article, the author analyses the speech behaviour of multiethnic youth in Germany. While characterising the features of tactic of "accentuating especially important information for the author", the investigator provides readers with detailed description of the main markers of actualisation of this tactics and their functions in the communication process. The author pays attention to the fact that pointing out important information by the sender occurs at different

language levels – lexico-semantic and syntactic ones. The frequency of usage of markers of the accentuation tactic facilitates the text perception for the addressee due to important information explicitly pointed out by the addresser.

Keywords: communicative tactics, text sender, text recipient, marker, intensifier, rhetorical question, Kiezdeutsch.

Semyon V. Maslennikov
Nekrasov Kostroma State University
saimon1409@mail.ru

Functions of stage directions in the historical chronicle by Alexander Ostrovsky “False Dmitriy and Vasili Shuysky”

In the article, the structure, semantics and functions of stage directions in the historical chronicle by Alexander Ostrovsky “False Dmitriy and Vasili Shuysky” are considered. Stage directions in modern linguistics are insufficiently studied. Stage directions (scenic instructions) are a special type of the composite and stylistic units included into the text of drama work and along with monologues and cues of the characters, promoting creation of integrity of the play. The stage direction possesses the important functional and communicative signs allowing to define rather rigid norms in construction. In the historical chronicle by Alexander Ostrovsky “False Dmitriy and Vasili Shuysky”, what is used is a large number of stage directions. The author of the chronicle often creates stage directions for cues of those characters who play a major role in the subject line of work. The number of stage directions increases by the final of the drama work and especially in crowd scenes as stage directions transfer dynamics of events, show action development. Concentration of stage directions for cues of the specific character testifies that disclosure of the inner world of this character of the drama requires the author’s “voice”. Stage directions in Alexander Ostrovsky’s chronicle are subdivided into some types and serve to disclosure of images of characters, characterise drama action of the chronicle. By means of stage directions, the author’s position reveals, the text modality is created.

Keywords: historical chronicle, stage direction, author’s position, speech characteristics, language means, lexis and syntax.

JURAL SCIENCES

Ol’ga S. Ivanova
Sorokin Syktyvkar State University
ktgp@syktsu.ru

Irina S. Chalykh
Sorokin Syktyvkar State University
kgpd@syktsu.ru

Legal monitoring in modern Russia: approaches to the interpretation and implementation of the perspective directions

This paper presents the results of a comprehensive analysis of the doctrinal interpretations of the category of “legal monitoring” and related concepts, their struc-

ture and content, identifies application of the legal structure perspective for practice. The research of the institution of legal monitoring is a relatively new trend in Russian legal science, focused on solving the problems of efficiency of the legal system of the Russian Federation and the evaluation of the quality of normative legal acts. This complex of problems has led to the production of science-based approach to the selection of ways to improve the legislation, both at the stage of law-making and in the aspect of enforcement, in order to ensure internal consistency of the legal system, optimisation of legal regulation in the country. The primary result of the implementation of this approach has been the doctrinal foundation and topical implementation into practice of the institution of legal monitoring. But so far, this institution has not received systematic full structuring legislative registration, and the basic concept is a uniform interpretation, which has led to a diversity in the interpretation of its content, the introduction in the scientific and legal circulation of a number of concepts that reveal certain aspects of legal monitoring, do not allow reliable estimation of the effectiveness of its implementation across the country. Based on these findings, the authors have systematised the basic structural elements of the institution of legal monitoring, have provided practical suggestions for optimisation perspective.

Keywords: legal monitoring, interpretation, structure, law-making, law enforcement, optimisation technique.

Denis N. Lukoyanov
Nekrasov Kostroma State University
denis_lykoyanov@mail.ru

Stability as a legal property of the Constitution of the Russian Federation

The article is devoted to the study of a new for the Russian legal system legal property of the Constitution of the Russian Federation, namely stability. For many years, the head of the state clearly maintained the immutability and stability of the Constitution of the Russian Federation, so primarily, a fully reasonable question arises considering not even the very changes that were made, neither their meaningful components, rather what it was caused with, what is the scientific constituent for the need of changes in the main source of Russian law. The analysis of the changes made in the Constitution of the Russian Federation, since its adoption and up to the present time, of their insufficient scientific justification which is set out in the explanatory memorandums to bills is conducted. The analysis of the views of the constitutionalists on the studied concept is given. This study allows drawing a conclusion about the stability of the basic law. The issues covered in the article are of scientific and practical interest.

Keywords: Constitution, constitutional amendments, legal properties of Constitution, stability, explanatory memorandum.

Roman A. Kryuchkov

*Nizhny Novgorod institute of management of the Russian Academy
of nation's economy and civil service under
the President of the Russian Federation
communservis@list.ru*

**Legal risk-management:
the concept and essence of the phenomenon**

The author of the article pays attention to topicality of studying of subject of risk in the law, to need of theoretical justification of legal risk-management, to development of a conceptual framework and practical tools of dealing with risks. In the article, degree of readiness of a problem of risks reveals the main directions of research of risks, formations of legal riskology are listed, the author's definition of institution of risk is given, its essence is revealed. The risk has dual subject and object character, respectively, risk elements are subdivided into objective (factors and situation of risk) and subjective (the subject and strong-willed regulation). The main functions of risk are designated. The author considers it is inadmissible to reduce concept of risk neither to dangers, nor to uncertainty, nor to a mistake. Importance of risk as the self-valuable concept having substantial integrity is emphasised. The right of risk as the possibility of risk behaviour of the general or special subject provided with legal means is considered. The subjective right for risk is characterised by an inclusiveness in the public relations and considered as structure of the competences caused by a risk situation. The legal assessment of risk is defined in establishment of qualitative and quantitative parameters of risks, and, according to the author, can be preliminary, quick and carried out post factum.

Keywords: risk, legal risk management, risk factor, risk probabilistic concept.

Ol'ga N. Artyushina

*Nekrasov Kostroma State University
peoln@yandex.ru*

**Population activity as a factor which affects
the implementation of the legislation
on local government**

On the basis of study and analysis of the theoretical framework and practice of the population of the right to local self-government, the article considers one of the most significant factors affecting the implementation of the legislation on local government. There is a second decade since the adoption of the basic law, which governs the right of citizens to local self-government, and the practice of the implementation of its provisions, so what is particularly relevant are the results of the ongoing reform of local government and the analysis of problems at the local level in modern society. It is essential that the local government is a right self-realised by citizens to address issues of local importance. At the same time, the local government will be effective only when the state will create real conditions for the independent operation of municipalities. Otherwise, there will be only opportunity to admit the lack of local government itself. The absence of local self-government will lead to the fact that these

issues will have to deal with the state that is unlikely to be effective. International experience and modern Russian practice indicate that it is roots of the local government, which is directly supported by the initiative and activity of citizens in addressing specific local issues, where the potential to ensure the removal of the many crises in the life of Russian society, to give it additional incentives for development, lies.

Keywords: local government, factor, citizens' activity, population, legal culture.

Sergey Yu. Bytko

*Povolzhye jural institute (Saratov branch) of the Russian Law
Academy of Ministry of Justice of the Russian Federation
sergej-bytko@yandex.ru*

**Road safety:
the effectiveness of criminal law protection**

The article analyses the effectiveness of preventive effects of criminal punishment stipulated in the article 264 of the criminal code of the Russian Federation. In the course of the study, it is established that law-maker, during the validity of the Criminal code of Russian Federation as of 1996, has consistently limited the scope of criminal penalty in the field of road safety and has reduced the size of the criminal charge of deposits for violations of traffic rules by drivers. These changes have led to a qualitative weakening of criminal law protection of road safety, life and health of drivers, pedestrians and other road users. After the changes brought in item 264 of the criminal code of the Russian Federation in 2003, the number of convicts under this article has considerably decreased. However, by 2014, this number is almost restored to the level of 2003. While the harm caused by them, increased substantially. The deteriorating situation is evidenced by the growth of the total number of victims of road accidents, as well as by an increase in the number of deaths caused by alcohol-impaired driving. Establishing criminal responsibility for violation of traffic rules by a person previously subject to administrative penalties for alcohol-impaired driving, is unable to fully remedy the situation. The article shows that forecasted reduction in mortality in the absolute efficiency of the measure will not exceed 10%, which is not enough to improve the situation.

Keywords: criminal penalty, criminal penalty effectiveness, road safety.

Yaroslav N. Lukoyanov

*Nekrasov Kostroma State University
yaroslav.lukoyanov@mail.ru*

**Legal regulation of the principles
of organisation and activity of the Investigative
Committee of the Russian Federation**

The Federal law adopted in 2010 "On Investigative committee of the Russian Federation" regulates legal status of an independent federal government body – Investigative committee of the Russian Federation. One of the main characteristics of a legal status of this government body are the principles of the organisation and activity. However, the legislator used

the term “principles of activity”. In the article, the author carries out the analysis of the specified principles, among which are: principles of unity; centralisation; independence; informing federal public authorities, public authorities of subjects of the Russian Federation and local governments, as well as the population about results of investigative activity; nonpartisanship; publicity; inadmissibility of combination of service in Investigative committee of the Russian Federation with other types of paid activity, except for teaching, scientific and creative career; obligation of execution of requirements of staff of Investigative committee of the Russian Federation. It is noted that the carried-out analysis of the specified principles testify that it is expediently legislatively to fix the term “principles of the organisation and activity” as it is made in relation to other law enforcement agencies (for example, prosecutor’s office). The system of the principles fixed by the legislator is limited and doesn’t cover a number of the principles caused by requirements of the democratic constitutional state, among which there are the principles of legality, observance of the rights and freedoms of the person and the citizen, and others.

Keywords: principles, organisation, activity, organisation and activity principles, Investigative committee, publicity, independence, impartiality.

Denis S. Hizhnyak

*Saratov State Jural Academy
denis_khizhnyak@mail.ru*

The role of the crime situation in the identification of the nature of transnational investigative situation (with the example of strategic documents of the United Kingdom and the United States)

Investigation situations determine the specific features of the information process of crime investigation including transnational crimes, which constitute a special category of crimes. In its turn crime situation largely determines the content of investigation situation. Investigation situation is a kind of information model, used by investigators as a basis for choosing the direction of realisation of the investigation strategy. In connection with a certain methodological value of the two situations, the aim of the article is to consider the correlation of the concepts “criminal situation” and “forensic (investigation) situation” in relation to combatting transnational crime. The source of information about transnational crime situation in some countries are documents with the generic name “strategy”, which predetermines transnational forensic (investigative) situation and is a source of information modeling of specific manifestations of transnational crime. Existing national strategies aimed at combatting transnational crimes are closely connected with other political and legal acts (concepts, other strategies) and regulations. Though they do not provide for specific guidance for using the methods of transnational crime investigation, they still have significant methodological value for the cycle of criminal sciences including for forensics as such strategies determine the most

common areas of transnational crime investigation and combatting them.

Keywords: methodology of forensics, criminal situation, forensic (investigation) situation, strategy, transnational crimes.

Al’fiya Kh. Gafurova

*Russian University for the Humanities, City of Moscow
scorpi06@rambler.ru*

On the issue of giving luxury goods as gift as a variable constituent of society development stages. Peculiarities of civil servants’ acknowledging gifts

Civil servants’ acknowledging gifts is an important issue of our time. The increased attention to the issue of the public makes the legislator to face the need for legal regulation of relations in this sphere. The legal structure of rules that are revealed as a possibility of civil servants’ acknowledging gifts and limitations that slap certain bans concerning the latter, is seen the article.

At that, a ban on acknowledging gifts, which is set by the legislation on public service, has its exceptions in the form of ordinary gifts and gifts that are received in connection with protocol events. And at that, the question of an entirely new order of messages to the renter from certain categories of people about receiving a gift, about the possibility of delivery and assessment of a gift for subsequent sale (redemption), for crediting of funds to gain from its implementation, is disclosed separately. Examples of restrictions that are associated with acknowledging gifts outside Russia are also considered in the work. The juxtaposition of the concepts of “gift” and “luxury goods”, as well as the lack of legal definition of this concept allowed finding their common features, signs, as well as their similarities. Based on the analysis, it has been found that the control by the state regulator in the field of acknowledging gifts is nothing more than controlling luxuries. In connection with this, it has been proposed at the legislative level to provide for the declaration of public servants who received their luxury gifts.

Keywords: gift, ban on giving something as gift, luxury goods, glut, message on acknowledging gift, exceptionality, pointed acknowledging, civil servant, counteraction against corruption, deed of gift, state control, bribe, avowal.

Veronika V. Yolkina

*Vyatka State University for the Humanities, City of Kirov
veronika06061988@mail.ru*

Advisory (consultative) bodies at the territorial bodies of the Russian Federal service for veterinary and phytosanitary surveillance

The article investigates the institutional framework of the organisational and legal basis of the deliberative (advisory) bodies operating in the territorial bodies of the Russian Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance. The author of the article proposed classification of advisory structures, common features and differences. Coverage of the advisory (consultative) bodies in the light of the accepted

approaches to determine their functional significance has revealed both positive aspects in the work of advisory bodies, and draw attention to the problem of efficiency in their work, which reduce in some cases, the activities of advisory bodies to the formality in terms of registration the views of non-state actors and the principle of their actual representativeness. Finally, we put forward proposals to improve the regulatory framework, in particular, expected to appropriate the adoption of subordinate legal acts, which would create a unified regulatory framework of functioning deliberative (consultative) bodies and to eliminate inconsistencies and gaps in the regulation of the frequency of meetings and update their competence in order to prevent duplication of powers, as well as to make changes in order to establish effective instruments, leading to the achievement of the tasks before the consultative structures.

Keywords: Russian Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance Regional Office, Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance, advisory (consultative) bodies, Commission, Public Council, coordinating council, functional significance.

Nataliya I. Rets
Russian Customs Academy
nata717@yandex.ru

Improvement of legal norms and practices for initiation of the proceedings on affairs about administrative offences in the customs bodies

The article analyses the application of law and practical issues of institution of proceedings on administrative offences in the customs bodies. The long-term practice on application of the Code of administrative offences of Russia's customs authorities have revealed a number of existed problems, which yet do not allow its law enforcement realising the potential in full. It is necessary to specify the certain legal norms in cases referred to the competence of the customs authorities. The article discusses the issue of pre-screening, prior to the initiation of proceedings about an administrative offence, and the necessity of changing the rule that defines the period of initiation of proceedings on administrative offences. It is proposed to classify in the Code of administrative offences all types of offences into several categories and to include the offenses in the customs field to the category of high-risk offences. It is also proposed to give the officials who directly detect the signs of an administrative offence, the right to make an independent decision on the minor offence. The proposed measures are aimed at improving the legal and methodological training of customs bodies' officials. The issue of the imperfection of the law enforcement practice of customs bodies as a socio-legal phenomenon is considered. The issue of the benchmarks efficiency application, the shortcomings of the existing models, the proposed principles for the system's improvement is analysed in detail.

Keywords: initiation of proceedings, customs

authorities, administrative offence, law enforcement practice, insignificance, benchmarks.

Vladimir V. Bochkaryov
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
City of Kemerovo
bochkar22@rambler.ru

Setting the convicted on the register as one of the promising directions of prison

The author considers this an important element in preventing the commission of new offenses condemned as a statement on the register of convicted persons. The paper analyses the rules of criminal executive legislation fixing the content and organisation of preventive accounting convicts. What is viewed, is the aspect of the author's opinion which now needs both organisational and legal support. Application of methods of induction, deduction, analysis and synthesis has allowed the author formulating valid conclusions. The comparative legal method was used in identifying features and gaps in the legal regulation of preventive accounting of the convicted, as well as the development of proposals for changes and additions to the Criminal Enforcement Code and departmental normative legal base. Getting empirical material was carried out using a specific method of sociological survey (questionnaire and interview) of prison staff. The analysis allows the author arguing preventive register of persons sentenced to imprisonment as a relatively new legal institution of the penitentiary legislation which needs to be improved, namely, it should be reflected on a higher level, the level of the penitentiary law. Moreover, according to the author, one should provide specific measures of prevention applied exclusively to those categories of convicts, allowing detailing the preventive process to specific groups of prisoners.

Keywords: imprisonment of convicted, crime prevention.

Svetlana D. Galiullina
Ufa State University of Economy and Right, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
galiullina.s@ugues.ru

Bulat D. Nuriyev
Ufa State University of Economy and Right, City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
nuriyevbd@mail.ru

The Treaty of Medina (622 AD) as one of the most important normative documents of the Muslim right

The article provides article-by-article analysis of Medina agreement, one of the most important law documents of Islamic law. The authors focus on the secular nature of the document, emphasise compromise and conciliatory character of it. The article addresses the issues of religious freedom, autonomy and independence of the Islamic and Jewish jurisdictions, the problems of formation of authorities in Medina of the beginning of the 7th century. The authors developed the idea about the relation of the Treaty of Medina agreement with the sources of Islamic law, taking into account that the provision to this document the status of the source of Islamic law can radically change the

view on the source database of the Islamic law system. Special attention is paid to balanced structure of the Treaty of Medina, to its logical completeness and to accuracy of content. However, the authors point to the difficulties in translation, understanding and interpretation of certain chapters of the investigated document. The authors also analyse the potential contained in document, which leads to the establishment of an interfaith dialogue on the Middle East; emphasise the importance of more detailed research the Treaty of Medina by Russian Muslim jurists in the light of developments in Eurasia political and socio-cultural transformations.

Keywords: Medina, Mecca, early Middle Ages, Muslim community, Jewish community, Ummah, pagans, contract law, interfaith relations, source of law, freedom of religion.

Vladimir V. Puzhayev

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
notionn@mail.ru*

Eclecticism of the conception of law-making by Klavdiy Khvalynskiy

For the first time in Russian science of law, the author of the article examines the conception of law-making offered by Russian prerevolutionary jurist and judicial figure Klavdiy Khvalynskiy (1853 — after

1917). The author brings to light the key stages of the Russian jurist's life and work on basis of the analysis of some published archival sources and scientific and reference literature. The main object of scientific research is Klavdiy Khvalynskiy's paper "On the question of the process of law-making" published in 1903. The author of the article gives a general description of Klavdiy Khvalynskiy's ideas about the questions of law understanding, mechanisms of its normative manifestation, and sources of law. The author comes to a conclusion about the eclectic character of the scientist's legal views. This character becomes apparent in the mixing of different elements within the bounds of a single theoretical construction of law-making. These elements are peculiar to psychological (living sense of law), historical (law is the creation of personal and national spirit), sociological (law lives and develops according to its own rules corresponding to those of life and development of man and society), and natural and legal (law is considered as something deeply rooted in the inmost recesses of human nature) schools.

Keywords: law-making, Klavdiy Khvalynskiy, source of law, legal sense, eclecticism, psychological theory, historical school of law, sociological conception.

**СПИСОК МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА» В 2015 ГОДУ**

Автор	Название статьи	№
<i>Исторические науки и археология</i>		
Абидулин А.М.	Путешествие как форма имперской пропаганды (поход фрегата «Эртогрул» в Японию)	2
Абовян Е.Н.	Активизация партизанского движения на территории Брянского региона в период с мая 1942 г. по февраль 1943 г.	6
Акопян Э.Г.	Динамика развития армяно-французских отношений 1998–2008 гг.	4
Акопян Э.Г.	Роль Франции в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ и варианты решения Нагорно-карабахского конфликта	2
Андронов И.Е.	«Каталог свидетелей истины» Матиаса Флация как историческое сочинение	1
Архипов С.В.	Деятельность Комитета сибирской железной дороги по реализации государственной переселенческой политики в конце XIX – начале XX вв. (историко-правовой аспект)	2
Бабик А.О., Крысенко Д.С.	Американо-советское соперничество в Южной Атлантике в период Фолклендского конфликта 1982 года	4
Белов А.М.	Дореволюционная историография деятельности политических партий России среди рабочих в революции 1905–1907 гг.	5
Белов А.М., Белова Н.А.	Повседневная жизнь учителей Костромского Края в годы Великой Отечественной войны	4
Бородкин Л.И.	Компьютерное 3D-моделирование в исследованиях по исторической урбанистике: новые источниковедческие подходы	1
Буслаева О.С.	Участие общественности в развитии женского среднего образования в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Владимирской губернии)	6
Васёха М.В.	Проблемы актуализации практик плодоизгнания в условиях демографической модернизации в 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири)	3
Василик В.В.	Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках святого Романа Сладкопевца	5
Волков Д.А.	Взаимоотношения студенчества и местных органов власти Верхнего Поволжья в годы Гражданской войны	6
Воробьев С.М.	Репрессии военнослужащих в период развития СССР	2
Гехт А.Б.	Некоторые аспекты деятельности Шведского добровольческого корпуса в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов	1
Гулин А.О.	Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны	5
Данильченко И.В.	Общехозяйственное состояние музеев Костромской области в 1945–1991 годах	3
Данильченко И.В.	СобираТЕЛЬСКАЯ и научно-исследовательская работа костромских и ярославских музеев (1945–1980-е годы)	2
Добровольский Е.С.	Немецкая историография ранней истории Христианско-Демократического Союза в Восточной Германии (Германской Демократической Республике)	2
Егоров А.Н.	Образ либерала в революционно-демократических кругах России второй половины XIX – начала XX вв.	5
Зарубин С.А.	Взаимоотношения Испании и Аргентины в 1946–1955 гг.: образование и крах альянса Франко-Перона	5
Зверев К.А.	Этнополитическая ситуация в Эстонии накануне провозглашения независимости в конце 1980-х – начале 1990-х годов	1
Зиганшин Д.М.	Роль общественных организаций в развитии культуры и улучшении социально-экономического положения стеклоделов в 60-е–80-е годы XX века	4
Зиганшин Д.М.	Экономическое положение рабочих-стеклоделов в 60-е–80-е годы XX века	5

Автор	Название статьи	№
Ибнеева Г.В., Попов И.А.	Роль староверов в расширении России в современной англо-американской историографии	4
Кабатов С.А.	Первичный анализ второго и третьего этапов комплекса свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII веков	2
Кабатов С.А.	Первичный анализ первого этапа комплекса свадебных обрядовых действий в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII веков	1
Касаткина С.В.	Жизнь в усадьбе Корнилово в начале XX века	4
Кидяров А.Е.	Рыбинское восстание 1918 г.	5
Киселёв А.К.	О попытках реформирования полиции Республики Индия в XX – начале XXI вв. – историческая ретроспектива	2
Киселёв С.А.	Повседневная жизнь кавалерийского подразделения в 1881–1904 годах (на примере Стародубовского драгунского полка)	4
Кочешков Г.Н.	Развитие аграрного движения в России: проблемы взаимоотношений частных земельных собственников с крестьянством (март–октябрь 1917 г.)	6
Кочешков Г.Н.	Февральская революция и аграрный вопрос в России: неудавшийся либеральный проект	3
Красницкая Т.А.	Ученический состав церковных школ России в конце XIX – начале XX века	2
Крысенко Д.С.	Геостратегическое противоборство США и СССР в ходе Ирано-Иракской войны (1980–1988)	4
Крысенко Д.С.	«Польский вопрос» в американско-советских отношениях (1981–1988 гг.)	5
Курочкина С.А.	Чаши-пиалы нижеволжских столиц Улуса Джучи	3
Левин В.И.	Пенсионное обеспечение железнодорожников в 1865–1914 годах	2
Майоров А.А.	Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв.	6
Марасанова В.М.	Кадры председателей и членов окружных судов Ярославской губернии во второй половине XIX века	1
Миловидова Н.В.	Российская повседневность в условиях НЭПа: жизнь между «традицией» и «новацией»	5
Митрофанов В.В.	Отзыв С.Ф. Платонова на исторический очерк В.А. Самарянова об Ипатьевском монастыре	1
Новиков А.В.	История археологического изучения памятников Костромской низины с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего Железного века	1
Никитин Д.И.	Сокращение минерально-сырьевой базы Челябинской области в 1960-х гг. как фактор сдерживания социально-экономического развития	6
Орлова А.С.	Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной Войне)	4
Пахомова Е.А.	Трудности перехода: к вопросу о начале формирования буржуазного уклада на рубеже 1980-х–1990-х годов	1
Петрова И.А., Кибасова Г.П.	Глазами американцев: внешняя политика СССР накануне войны	3
Петровичева Е.М., Харитонов С.С.	Проблемы взаимоотношений интеллигенции, общества и государства в работах писателя-народника И.Н. Харламова	3
Пигорева О.В.	Историко-культурные традиции региона как фактор развития образовательного пространства с православным компонентом в провинциях Центра РСФСР–России: конец 1980-х–1990-е годы	2
Поливанов Я.М.	К вопросу о причинах Первой Мировой войны: политико-дипломатические аспекты	2
Полывянный Д.И., Ешилли Н.В.	Разбойничество в османских судебных документах XVI–XVIII веков: проблемы терминологии	3
Сазонов Д.И.	Брежневские гонения на Церковь. По материалам Центральной России	6
Сазонов Д.И.	Закрытие церквей как фактор гонений на церковь с 1958 по 1965 гг. (по материалам Центральной России)	2
Сазонов Д.М.	Соппротивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей)	4

Автор	Название статьи	№
Сельская В.А.	Выбор города Ярославля для строительства резиноасбестового комбината (1928–1932 годы)	4
Скипина И.В., Чекрыгина Е.А.	Документы 1930-х гг. О спецпереселенцах на Обском Севере в фондах государственного архива Тюменской области	6
Сулоев И.Н.	Социально-политический облик активного крестьянства в 1905 – первой половине 1906 гг. (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	6
Турыгин А.А.	Эволюция внешнеполитических взглядов пангерманцев во время второго марокканского кризиса	6
Ульянова С.Б.	Кампания против «империалистических войн» в 1924 году: задачи, проведение, результаты	1
Федёнок Ю.Н.	Трансформация организации жилого пространства у русских: от традиции к современности	4
Федюк В.П.	Александр Керенский: феномен политического лидерства	3
Фокина С.Н.	Причины введения и основные результаты антиалкогольной кампании советского государства второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области	4
Шигарева А.Н.	Фридрих II об уроках европейской истории	3
Шильникова И.В.	Предпринимательские стратегии в разрешении трудовых конфликтов на российских промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX века	1
<i>Литературоведение</i>		
Акатова А.А.	Семантика паратекстуальности (на материале романа Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта»)	3
Акбашева А.С., Мокшина С.Р.	Образ непокорного духа в стихотворении Марины Цветаевой «Жив, а не умер...»	4
Алексеева А.А.	К вопросу о поэтике цикла С.А. Клычкова «Заклятие смерти»	4
Алексеева А.А.	«Москва кабацкая» С.А. Есенина как художественное единство	2
Андреева В.Г.	«Шаг за шагом» И.В. Омулевского – роман о «новых людях» в литературном процессе второй половины XIX века	6
Андреева В.Г.	«Чужие грехи» А.К. Шеллера-Михайлова и русский классический роман	1
Белопухова О.В.	Шиллеровские «отражения» в романах И.С. Тургенева 1850-х–1860-х годов	5
Белькинд А.Ю.	Роль призывов к восприятию в ранних произведениях немецкой средневековой мистики	4
Белякова Е.Н.	Некоторые наблюдения о становлении авторского замысла в процессе формирования речевого пространства комедии А.Н. Островского «За чем пойдёшь, то и найдёшь» (на материале чернового автографа пьесы)	5
Белякова Е.Н.	Феномен красоты как значимый мотив романа Ф.М. Достоевского «Идиот» в контексте философско-эстетических идей Вл. Соловьёва	2
Белякова Е.Н.	Князь Мышкин как новый тип трагического героя в философской концепции Д.С. Мережковского (к вопросу о рецепции романа Ф.М. Достоевского «Идиот» в критике Серебряного века)	1
Билюкина А.А.	Художественные особенности якутской драматургии 50-х–70-х годов XX века	5
Виноградов А.А.	«Очерки Замоскворечья» А.Н. Островского: формирование замысла (статья первая)	2
Ву Тхыонг Линь	Пословица в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: проблема перевода на вьетнамский язык	5
Голубков А.В.	Флорилегия и рапсодия: к классической предыстории романтического фрагмента	3
Данг Тхи Тху Хыонг	Первая встреча вьетнамского читателя с творчеством Льва Толстого	2
Денисова И.В.	К проблеме исследования рязанского летописного текста	5
Дефье О.В.	Художник и история в русской литературно-эстетической традиции и оценках В. Розанова	1
Дубинская М.В.	«Голос» природы у Ф.М. Достоевского и Андре Жида: к поэтике принципа тройственной полифонии	3
Егоров М.Ю.	Неизвестная драматургия третьей волны эмиграции: комедия Ю.В. Кроткова «Наполеон и Акула»	6
Ёлшина Т.А.	Театральные рецензии Игоря Дедкова (полемиические заметки)	4

Автор	Название статьи	№
Ермилова Г.Г., Данг Тхи Тху Хыонг	«Евангельский текст» в романе Льва Толстого «Воскресение» в переводе на вьетнамский язык	3
Ермолаева Н.Л.	Русская критика 1860-х годов о пьесе А.Н. Островского «Грех да беда на кого не живёт»	1
Захаров К.М.	Загадки художественного времени «Ревизора»	1
Захарова Н.В.	Переводы Конан Дойля и становление жанра детектива в Китае в начале XX века	5
Золина Д.В.	Рецепция творчества как мистерии в поэзии В.Брюсова	4
Иванова В.А.	Первый нират в аютийской литературе – поэма «Камсуан Сии Праат»	3
Ильина Н.К.	Методики определения ритмических свойств прозы	3
Ильина Н.К.	Ритмика речи героев комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»	1
Кикнадзе Д.Г.	Новый взгляд на сборник жанра сэцува «Удзи сюи моногатари» как на важный источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185)	5
Козьмина Е.Ю.	Авантюрно-философская фантастика XX века и философская повесть	5
Коптелова Н.Г.	Трагедия «духовного раздвоения» Л.Н. Толстого И Ф.М. Достоевского в осмыслении Д.С. Мережковского (на материале книги «Л. Толстой и Достоевский»)	4
Копцов А.Н.	Поэтика северного текста русской литературы в рассказах А.С. Серафимовича 1889–1890 гг.	6
Копцов А.Н.	Диалектика взаимодействия природы и человека в рассказе А.С. Серафимовича «На льдине»	2
Крюков А.А.	Проблема соотношения автора и героя в прозе Юрия Фельзена (на примере рассказа «Неравенство»)	6
Крюков А.А.	Традиции и новаторство в повести Юрия Фельзена «Обман»: к постановке проблемы	1
Кучина Т.Г., Бокарев А.С.	«Кругом возможно сон»: онейропоэтика Алексея Цветкова	3
Кушнирчук Н.П.	Б. Пастернак под пером цензуры («Охранная грамота», 1929–1931)	4
Лебедев И.В.	Генезис современного российского фэнтези	2
Лукаш К.И.	«Отцы и дети» И.С. Тургенева и «Асмодей нашего времени» В.И. Асоченского	4
Морозов Н.Г.	Мотивы древнерусской литературы в очерке Б.К. Зайцева «Слово о Родине» (статья вторая)	3
Морозов Н.Г.	Мотивы древнерусской литературы в очерке Б.К. Зайцева «Слово о Родине» (статья первая)	1
Муратова Я.Ю.	«Гяур» Байрона: место поэмы в «восточном цикле»	6
Налётова Т.Б.	Литературная позиция как литературоведческий термин	4
Налётова Т.Б.	Героический пафос повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»	2
Ненарокова М.Р.	Язык цветов: образ сухих листьев в европейской и русской поэзии 1-й половины XIX века	3
Ненарокова М.Р.	Язык цветов: олива в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века	1
Павловская О.А.	Драматические приемы в поэме Н.М. Минского «Гефсиманская ночь» (1884)	1
Паславская Я.Р.	Мифологические и сказочные истоки романов Дж.К. Роулинг	2
Пешкова В.В.	Роман «Отар из Бретани» М. Хансена в контексте европейской литературной традиции первой половины XIX века	3
Романова А.Н.	О художественном единстве образа Татьяны Лариной	1
Рыжакова Т.И.	Эволюция жанра летописи в документальной прозе И.А. Бунина (на примере дневников 1930-х–1940-х годов)	2
Сизых О.В.	Тип героя в рассказах 2012–2015 годов (на материале публикаций журнала «Новый мир»)	4
Смирнов К.В.	Дихотомия добра и зла в романе «Обломов» И.А. Гончарова	2
Строганова Е.Н., Строганов М.В.	О проекте энциклопедии «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники»	5

Автор	Название статьи	№
Тихомиров В.В.	Жанровое своеобразие комедии А.Н. Островского «Горячее сердце» в рецепции литературной и театральной критики и литературоведения	6
Тихомиров В.В.	Литературная критика старших славянофилов: И.В. Киреевский	3
Трухина М.В.	Разрушение гармонии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя как результат перехода в «чужое» пространство	5
Федотова А.А.	Евангельские аллюзии в историко-публицистических очерках Н.С. Лескова	6
Хазова М.А.	В. Тарсис и В. Максимов о судьбе человека в тоталитарном государстве («Палата №7» – «Семь дней творения»)	3
Халтрин-Халтурина Е.В.	О «спенсерианстве» в творчестве Джона Китса: иллюстрация к теории стилей	2
Ханов Б.А.	Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики»	6
Хараева Л.Ф.	Опыт этногендерной экспертизы художественного текста (на материале повести Адама Шогенцукова «Назову твоим именем»)	4
Хохлова М.П.	О роли литературных реминисценций и аллюзий в повести И.С. Тургенева «Первая любовь»	6
Хусаинова А.Х.	Экзистенция свободы выбора и «лабораторно-онтологический эксперимент» событий войны в художественном творчестве: Ж.-П. Сартр и В. Быков	5
Чекалов К.А.	«Падучая звезда» Лидии Ростопчиной: генеалогия романного сюжета	1
Шаваринская С.Р.	О единстве образных систем романов «Подросток» Ф.М. Достоевского и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого в религиозно-нравственной сфере	2
Шишкова И.А.	Роль детского чтения в нравоучительной повести Чарльза и Мэри Лэм «Школа миссис Лестер»	6
Языкознание		
Аверина А.В.	Сочетаемость модальной частицы <i>ja</i> с модальными словами и оценочными наречиями в немецком языке	6
Аверина А.В.	Проявление грамматических свойств модальных частиц немецкого языка в сложном предложении	2
Азизова З.Т.	Культурно-национальная маркированность языковых единиц в романе Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»	3
Акулова М.Е.	Лингвистические особенности реализации тактики «акцентирования внимания на особо значимой для автора информации» (на примере речи представителей Kiezdeutsch)	6
Астафьева О.А., Колоскова Т.А.	Парцелляция сочинительной связи (на материале романа В.Д. Дудинцева «Белые одежды»)	3
Баженова Т.Е.	Культурные феномены традиционной русской деревни (из опыта картографирования диалектной лексики)	4
Баженова Т.Е., Долгова Е.Ю.	Ареальная характеристика лексико-семантических вариантов диалектных слов в самарских говорах	2
Блохин А.В.	Окказиональное словообразование существительных в новгородских грамотах XI–XV веков	1
Боброва М.В.	Современные пермские прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «животные»	1
Боднарук Е.В.	Футуральность в высказываниях со свернутой косвенной речью (на материале немецкого языка)	5
Варзапова В.Ю.	Заголовок современного медиатекста в аспекте межтекстовых отношений (на материале заголовков интернет-версий изданий The Telegraph и The Guardian)	5
Волкова Е.А.	Наименования железнодорожных профессий в немецко-русских и русско-немецких словарях конца XIX – начала XX вв	4
Воронцова И.А.	Прецедентные феномены в художественном тексте: проблема интерпретации и перевода (на материале романов Дж. Фаулза «Коллекционер» и «Любовница французского лейтенанта»)	3
Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.	К вопросу о специфике авторских областных словарей (обновлённый проект создания Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова)	6
Ганцовская Н.С., Дмитрук Л.А.	Семантизация лексики комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» в «Словаре русского языка XVIII века»	2

Автор	Название статьи	№
Гаранина Н.В.	Наименования подвижных игр в языковом мире английского школьника	5
Голомидова М.В.	Названия золотых приисков Урала как часть культурного капитала территории: лингвокультурологический аспект	2
Данг Тхи Хуе	Категория количества в идиоматике языка (на материале русской фразеологии)	2
Дмитриева А.А.	Дом и семья в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской: языковые средства репрезентации концептуального содержания литературно-мемуарного дискурса	3
Дмитриева А.А.	Общая характеристика жанрообразующих языковых средств в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской	2
Ермакова Е.Н.	Окказиональность как проявление инновационных процессов в сфере слово- и фразеологического образования современного русского языка	6
Ермакова Е.Н.	Проблема деривационного пространства в сфере фразеологии	4
Ермакова Л.В.	Манипулятивные технологии как способ реализации модусной категории персуазивности в дискурсе СМИ	3
Зверева Ю.В.	Структура микропонимов Пермского края	2
Золинова Е.В.	Сложноподчиненные предложения с условно-уступительным значением в современном английском языке (на материале публицистики)	5
Зубова Ж.А., Анзина М.А.	Библейская фразеология в художественных произведениях М.М. Пришвина	3
Иванов Д.И.	Перформативно-масочная имиджевая подсистема синтетической языковой личности к. кинчева: когнитивно-прагматический потенциал сценического костюма	4
Иванов Д.И.	Специфика перформативно-кинетической имиджевой подсистемы синтетической языковой личности в пространстве поэтического рок-текста	3
Иванов Д.И.	Артикуляционный компонент синтетической языковой личности	1
Ивкова Е.Ю.	Особенности композиционного развёртывания многокомпонентных сложноподчинённых предложений в речи персонажа художественного текста (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)	6
Избицкая М.В.	Глутонии-неологизмы как важные компоненты культуры повседневности (на материале электронного словаря новых слов Word Spy)	2
Казачук И.Г.	Особенности видовой корреляции процессуальных фразеологизмов с семантикой отношения	1
Калабекова Л.Т.	Модели формирования начинательного способа действия в разносистемных языках (опыт сопоставительного анализа)	5
Кондратенко М.М.	Обозначение времени в славянских говорах	1
Крапивкина О.А.	Языковая интерференция как источник ошибок в научно-техническом переводе	6
Крапивкина О.А.	«Другой» как детерминанта степени эксплицитности субъекта дискурса (на материале юридических текстов)	4
Кудрявцева Е.В.	Фразеологические компоненты-зоонимы как объект окказиональных трансформаций (на примере преобразований фразеологизмов с компонентом свинья)	5
Кудрявцева Е.В.	Фразеологизмы с компонентом-зоонимом <i>собака</i> : лингвокультурологический комментарий	2
Кузьменко Н.В.	Холо-меронимическая структура как модель концептуализации тела человека	5
Куранова Т.П.	Факторы, влияющие на доступность восприятия информации в рекламной коммуникации (на примере рекламы поисковой системы «Яндекс»)	4
Маник С.А.	Идеологические аспекты оценочной семантики (на материале употребления слов «annex» и «annexation» в английских медиатекстах)	6
Масленников С.В.	Функции ремарок в исторической хронике А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»	6
Михайлова Л.П.	Лексика с признаками внешнего языкового воздействия в костромской группе говоров	1
Неганова Г.Д.	Ландшафтная лексика в пространстве культурного ландшафта: сложные слова с начальным компонентом <i>пол-/полу-</i>	6
Неганова Г.Д.	Узорегиональное в названиях положительного рельефа в костромских говорах	4

Автор	Название статьи	№
Образцова О.А.	Традиционный именной костромской деревни (гендерный аспект глазами писателя-деревенщика)	4
Опарина О.И.	Естественное и гуманитарное знание: заимствование понятийного аппарата	3
Павлова А.Э.	Особенности функционирования фразеологических единиц в «бальзаминовской трилогии» А.Н. Островского	1
Первова А.В.	Темпоральная архитектура художественного текста как способ нарушения его структуры (на материале постмодернистских текстов немецкой литературы)	3
Разумов Р.В.	Посвящения географическим объектам в системах урбанонимов русских городов	3
Реброва Н.Е.	Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы	4
Рудакова Ж.И.	Распределение финитных и афинитных структур в композиционных частях сложного синтаксического целого (на материале текста немецкой газеты «Die Relation» 1609 года)	5
Русинова И.И.	Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами	1
Селюкова-Фёдорова Т.А.	Роль средств коммуникативного уровня русского языка в рассказах о невиданном и непонятном	5
Смерчинская А.А.	Обусловленность конструктивной семантики высказываний диалогического дискурса имплицитными теориями общения	6
Смирнова М.А.	Описательный глагольно-именной оборот как средство выражения оценки в эпистолярных текстах конца XIX – первой половины XX вв.	6
Суханова И.А.	О парциальной и миметической интермедальности	2
Твердохлеб О.Г.	Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: субъект (лица) – объект	3
Токарев Г.В.	Использование семиотических методов в лингвистике	1
Третьякова И.Ю.	Изоморфизм как фактор окказионального преобразования русских пословиц	1
Ухова Л.В., Аниськина Н.В.	Выявление имплицитной информации в спорных рекламных текстах	4
Фархутдинова Ф.Ф.	Сироты и сиротство в изображении В.И. Даля	1
Хуснутдинов А.А.	Фразеологическая единица в грамматическом строе языка	1
Цветкова Е.В.	Географическая терминология в костромской микропонимии (обозначение положительного рельефа)	4
Чепасова А.М.	Изъявительное наклонение и прошедшее время процессуальных единиц русского языка	4
Шаджанова Е.И.	Концепт <i>день</i> в структуре когнитивного уровня языковой личности Виктора Цоя	2
Шаповал В.В.	Ретроспективный анализ слов со знаком вопроса в офенских списках В.И. Даля: фонетические и нефонетические ошибки записи	3
Шаповалова Т.Е.	Категория синтаксического времени в структуре сложноподчинённого предложения с отношениями следствия	3
Шерстнёва Е.С.	Нейтрализация маркированной лексики в контексте современных тенденций в литературной норме английского языка	6
Шипова И.А.	О некоторых лингвистических особенностях немецкоязычного художественного текста XX века	2
Шляхтина Е.В.	Перевод наименований профессий с компонентом <i>specialist</i> с английского на русский язык	2
Якубова Н.М.	Перлокутивный эффект речевого акта экспликации сомнения (на материале английского языка)	4
Юридические науки		
Абасова З.Т.	Определение субъекта конституционного права народов на самоопределение	3
Арзамасов Ю.Г.	Результаты нормотворчества	4
Артюшина О.Н.	Активность населения как фактор, влияющий на исполнение законодательства о местном самоуправлении	6
Безносова Я.В.	Дхармашастра Яджнавалкьи как источник нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии	1

Автор	Название статьи	№
Бессарабов В.Г.	Деятельность прокуратуры России по реализации конституционного права граждан на обращение в органы государственной власти и органов местного самоуправления	2
Бибииков А.И.	Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования	2
Бочкарёв В.В.	Постановка осужденных на профилактический учет как один из перспективных направлений деятельности мест лишения свободы	6
Бухарев А.В.	Обеспечение открытости и прозрачности деятельности судебной системы на современном этапе судебной реформы	3
Бытко С.Ю.	Безопасность дорожного движения: эффективность уголовно-правовой охраны	6
Гафурова А.Х.	К вопросу о дарении предметов роскоши, как изменчивой составляющей этапов развития общества. Особенности получения подарков государственными служащими	6
Григоров А.А.	Механизм самозащиты	3
Григоров А.А.	Система самозащиты	5
Груздев В.В.	Правовое состояние личности как субстанциональное и функциональное правовое явление	2
Демидюк В.А.	Правовая природа виндикационных и негаторных исков в деятельности федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования	5
Демидюк В.А.	Правовая природа воли и волеизъявления в сделках с участием федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования	3
Демидюк В.А.	Правовая природа представительства с участием федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования	2
Евсикова Е.В.	Создание системы административных и налоговых судов как одно из перспективных направлений государственно-правового реформирования в Российской Федерации	3
Ёлкина В.В.	Консультативные (совещательные) органы при территориальных органах Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору	6
Зензинов Г.А.	Об оценке регулирующего воздействия в Костромской области	2
Иванова О.С., Чалых И.С.	Правовой мониторинг в современной России: подходы к интерпретации и перспективные направления реализации	6
Кафиатулина А.В.	Характеристика осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	5
Ковалёва С.В.	Философско-юридические основания экономики и предпринимательства	5
Колупаева О.Н.	Актуальные проблемы аттестации управленческих кадров на предприятии	4
Колупаева О.Н.	Юридическая ответственность за нарушения заказчиком документации законодательства Российской Федерации о государственной экологической экспертизе	5
Кондратьева А.Н.	Начало правовой науки в средневековой Западной Европе: новый взгляд	4
Коробейников Б.В.	Прокурорский надзор – важное средство защиты прав человека и гражданина	1
Коряковцева О.А., Плуженская Л.В.	Возникновение прав интеллектуальной собственности в образовательном процессе: к постановке проблемы	5
Крючков Р.А.	Правовое управление рисками: понятие и сущность явления	6
Кудряшова А.В.	Рассмотрение судом уголовных дел с досудебным соглашением о сотрудничестве	5
Кузнецова М.А.	Историко-правовой анализ становления иерархической системы норм права в российском государстве	4
Лещенко О.В.	Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правового сознания	3
Лукоянов Д.Н.	Стабильность как юридическое свойство Конституции Российской Федерации	6
Лукоянов Я.Н.	Правовое регулирование принципов организации и деятельности Следственного комитета Российской Федерации	6

Автор	Название статьи	№
Милинчук Д.С.	Коллизии между национальным и международным законодательством в муниципальном праве	4
Нигметзянов Т.И.	Избирательные системы современности: сравнительный анализ	3
Нуриев А.Д.	Употребление спиртного напитка в мусульманском праве Раннего Средневековья: предмет и состав преступления	2
Нуриев Б.Д.	Закят в классическом мусульманском праве	3
Нуриев Б.Д., Галиуллина С.Д.	Мединское соглашение (622 г.)	6
Полищук Н.И.	Тенденции современной уголовно-правовой политики государства	1
Пужаев В.В.	Эклектизм концепции правообразования К.А. Хвалынского	6
Рец Д.С.	Применение криминалистических методов в административном производстве	3
Рец Н.В.	Совершенствование правовых норм и практики возбуждения дел об административных правонарушениях в таможенных органах	6
Романовская В.Б., Алборова А.Г.	Закон, обычай, религия и правосознание: их отражение в народных пословицах XIX века	1
Романовская Л.Р.	Системный метод изучения политической и правовой сфер общественной жизни	4
Рощин Б.Е.	Правовые основы российского правосудия в период с октября 1917–1918 гг	1
Рощин Б.Е.	Специфика советского трудового законодательства в годы Великой Отечественной Войны (70-летию Великой Победы)	4
Рощин Б.Е.	Трудовые армии в годы военного коммунизма: историко-юридический аспект (к 95-летию Первой Революционной Армии Труда)	5
Сиверская Л.А., Конардов С.Б.	Проверка сообщения о преступлении и принятие процессуального решения по ее результатам: новеллы законодательного регулирования	2
Сиверская Л.А., Смирнова Н.А.	К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела	1
Солнцев А.М.	Квасисудебные международные органы как средство разрешения международных экологических споров	3
Сосенков Ф.С.	Вопросы государственного единства в политико-правовых воззрениях Л.А. Тихомирова и политические реформы 1905–1906 годов в России	2
Суверов Е.В.	Правонарушения, совершенные милиционерами в Алтайском крае в 50-е годы XX века	4
Сулейманова С.Р.	Межгосударственные институционально-правовые формы деятельности молодежи стран СНГ	4
Сулейманова С.Р.	Проблема законодательного регулирования взаимодействия молодежных общественных объединений России с органами государственной власти в процессе формирования гражданского общества	5
Сэруа В.С.	Из истории российской науки гражданского права: новые формы – новое содержание	1
Тимофеев Е.А.	Роль экономического анализа права в условиях российской правовой системы	4
Третьяков К.В.	Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США	3
Туленив А.И.	О возможности признания таможенных экспертиз судебными	1
Хижняк Д.С.	Роль криминальной ситуации в выявлении характера транснациональной следственной ситуации (на материале стратегических документов Великобритании и США)	6
Черкасов К.В., Несвит Е.А.	«Открытое правительство» в России: политико-правовые аспекты	4
Черкасов К.В., Фаузер В.Э.	Административно-правовое регулирование оказания государственных услуг в России: некоторые проблемы на примере Республики Коми	2
Юматов В.А., Маркина М.В., Ковалёва А.С.	Программа криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ»	3

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2015 – Т. 21 – № 6

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 18.11.2015.
Дата выхода в свет .01.2016.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 28,0.
Уч.-изд. 29,1 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 81.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна